

ЯЗЫК
СЕМИОТИКА
КУЛЬТУРА

Е.С. ЯКОВЛЕВА

**Фрагменты русской языковой
картины мира**

(модели пространства, времени и восприятия)

γ ν ω σ ι ς
МОСКВА
«ГНОЗИС»
1994

СОДЕРЖАНИЕ

ББК 81 Я 46		ВВЕДЕНИЕ	8
Составитель серии – А. Д. Кошелев		ГЛАВА 1. Картина пространства, задаваемая наречиями с семантикой 'далеко'/'близко'	
Е.С.Яковлева		§1. Предварительные замечания	16
Я 46	Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Издательство «Гнозис», 1994. – 344 с. ISBN 5-7333-0424-8	§1.1. Пространство геометрическое vs. семиотическое	16
		§1.2. О языковом материале	21
		§2. Фактор непосредственного восприятия, «наблюдения» при описании пространственных отношений	23
		§3. Неоднородность пространства: противопоставленность дистанционных оценок по линии «абсолютность»/«относительность»	25
		§4. О «широте» пространства носителей русского языка	29
		§5. Неравноценность пространства: три дистанционных пояса «окрестности говорящего»	32
		§6. Синтаксис абсолютных и относительных пространственных оценок	35
		§7. Можно ли описывать «пустое» пространство?	37
		§8. Особенности употребления показателей относительных пространственных оценок	41
		§9. Пространство физическое vs. умозрительное	43
		§9.1. Бытийное квазипространство	44
		§9.2. Пространство инобытия	48
		§10. «Пространство» → «Время»: описание времени в терминах пространства	54
		§11. Итоги	61
		§12. Вместо послесловия: к чему приводит снятие фактора эгоцентричности	66
		§13. Добавление к теме «Описание времени в терминах пространства»	72
		ГЛАВА 2. Фрагменты языковой картины времени	
		РАЗДЕЛ 1. Введение в проблему	82
		§1. О различных подходах к описанию времени	82
		§2. «Время» vs. «вечность»	87
		§3. Время — «пространство в бытии»	94
		§4. Время циклическое vs. линейное	97
Я 570101 - 019 42(02) - 94	без объявл.	ББК 81	
ISBN 5-7333-0424-8	© Е.С.Яковлева, 1994. © А.Д.Кошелев. Серия «Язык. Семантика. Культура». © В.П.Коршунов. Оформление серии.		

РАЗДЕЛ 2. Описание происходящего в <i>минутах, мигах, мгновениях и моментах</i>	102
§1. Предварительные замечания	102
§2. <i>Минута vs. момент</i>	107
§2.1. Конкретность <i>минуты</i> и «условность» <i>момента</i>	107
§2.2. Фактор продолжительности, конкретной локализованности временного промежутка	108
§2.3. Время душевных переживаний (<i>минута</i>)/время стечения обстоятельств (<i>момент</i>)	110
§2.4. <i>Минута, секунда, момент</i> в применении к считаемоу времени	114
§3. <i>Минута, секунда vs. мгновение, миг</i>	118
§3.1. Семантика «минутного» и «мгновенного»	118
§3.2. <i>Мгновение</i> и <i>миг</i> как показатели повышенной эмоциональной напряженности	120
§3.3. «... между временем и Вечностью...»	125
§3.4. <i>Мгновение</i> как элементарная частица онтологического времени	130
§3.5. <i>Мгновения, миги/секунды, минуты</i> как показатели смещения по ряду интенсивности	134
§3.6. Счет на <i>секунды, минуты/мгновения, миги</i>	136
§4. Итоги	138
РАЗДЕЛ 3. <i>Время vs. Пора</i> (время: циклическое/линейное; активное/пассивное)	142
§1. <i>Время</i> и <i>пора</i> в оппозиции циклического и линейного времени	144
§1.1. <i>Пора</i> как показатель цикличности	144
§1.2. <i>Время</i> как немаркированный член оппозиции	149
§1.3. Иллюстрация введенных характеристик	150
§1.4. <i>Время</i> и <i>пора</i> при синхронизации или отсчете времени	153
§1.5. <i>Время, пора и времена</i> в позиции обстоятельства	156

§1.6. <i>Пора</i> в сравнении со специальными показателями цикличности	160
§2. <i>Время</i> и <i>пора</i> как сигнал приступить к действию	161
§2.1. Между повествованием и речевым действием	162
§2.2. «Своевременность» с позиций <i>времени</i> и <i>поры</i>	164
§2.3. <i>Пора</i> и <i>время</i> в оппозиции «субъективное»/«объективное»	167
§3. <i>Пора</i> как показатель активного времени	171
§4. Цикличность в плане прошлого/настоящего/будущего	174
§4.1. Настоящее (<i>нынче, ныне, сейчас, теперь</i>)	175
§4.2. Прошлое (<i>прошлый, прежний, минувший, былой</i>)	184
§4.3. Будущее (<i>впредь, в дальнейшем, далее</i>)	189
§5. Итоги	190
ГЛАВА 3. Отражение в семантике слова типа знаний говорящего	
РАЗДЕЛ 1. О словах-показателях типа знаний говорящего о предмете речи	196
РАЗДЕЛ 2. Показатели фактического соответствия («степени достоверности»)	212
§1. Характеристика высказываний, не содержащих показателей степени достоверности	212
§2. Значения показателей степени достоверности	218
§2.1. «Качественный» аспект: понятие типов информации	218
§2.2. «Количественный» аспект: конкретизация понятия «степень достоверности»	232
§3. Различные аспекты согласования по признаку «достоверность»	243
§3.1. Согласование по признаку «достаточность/недостаточность» информации	244
§3.2. Согласование по признаку «наличие/отсутствие однозначной трактовки ситуации»	245
§3.3. Согласование по типу информации	247

§4. Итоги	250
РАЗДЕЛ 3. Оценка на основе фактического соответствия	252
§1. <i>Конечно</i> как показатель стереотипности	253
§2. <i>Естественно</i> как показатель причинной обусловленности	257
РАЗДЕЛ 4. Семантика экспрессивных модификаторов утверждения	261
§1. Модификации по линии сходства	261
§1.1. <i>Буквально vs. действительно</i>	261
§1.2. Сходство по внешним/внутренним данным (<i>этаким vs. сущим</i>)	267
§2. Модификации по линии обобщения (от единичного факта — к общеизвестному образцу)	272
§3. Экспрессия как «проявление авторской индивидуальности» (<i>буквально</i>)/«следование общепринятому клише» (<i>поистине</i>) в описании ситуации	278
РАЗДЕЛ 5. «Модальная отмеченность» слова как фактор, регулирующий его употребление	282
§1. О понятии «модальная отмеченность»	282
§2. Слово <i>очень</i> и его синонимы	287
§2.1. <i>Весьма</i>	292
§2.2. <i>На редкость, удивительно, необычайно</i>	297
§3. <i>Часто vs. зачастую; иногда vs. подчас</i>	299
§4. Итоги	304
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	307
ПРИЛОЖЕНИЕ. Время как показатель знаний говорящего о предмете речи	309
ЛИТЕРАТУРА	317
СЛОВНИК	327
КРАТКИЙ ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	330
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	340

ВВЕДЕНИЕ

Проблема изучения языковой картины мира — зафиксированной в языке и специфической для данного языкового коллектива схемы восприятия действительности — имеет давнюю историю (см. обзоры по этому вопросу в [Апресян 1986а], [Постовалова 1988], [Цивьян 1990]). В настоящее время можно говорить о целых направлениях в рамках этой общей темы. Назовем лишь некоторые из них: а) типологические исследования: славянская языковая картина мира; балто-славянские исследования (Вяч.Вс.Иванов, В.Н.Топоров); лингвистические основы балканской модели мира (Т.В.Цивьян, Г.Гачев); изучение славянской языковой картины мира в аспекте реконструкции духовной культуры славян (Н.И.Толстой, С.М.Толстая, С.Е.Никитина); б) исследование отдельных сторон языка: отражение языковой картины мира в русском словообразовании (Е.А.Земская), в лексической семантике и прагматике (Ю.Д.Апресян, Т.В.Булыгина, В.Г.Гак, А.Б.Пеньковский, А.Д.Шмелев); своеобразие языка в зеркале метафоры и др. тропов (Н.Д.Арутюнова, В.Н.Телия); «аксиология в механизмах жизни и языка» — название одной из статей Н.Д.Арутюновой и целого направления исследований функциональной семантики оценки и средств ее выражения (Е.М.Вольф, Г.Е.Крейдлин и др.).

Перечисленные направления объединяет интерес к выявлению национально-своеобразных черт описываемых языков; понятно, что такое описание в качестве исходной точки предполагает опору на языковые универсалии.

Во всем многообразии работ, посвященных языковой картине мира, доминирующим можно считать противопоставление двух систем понятий — научных (используемых в физике, геометрии, логике, психологии и пр.), в совокупности образующих научную картину мира, и, так сказать, «наивных» (наивная физика, геометрия, логика), используемых человеком независимо от его знаний тех или других научных дисциплин и владения научной картиной мира, ср.: «Образ мира, запечатленный в языке, во многих существенных деталях отличается от научной картины мира» [Апресян 1986а, 5]. В отечественной лингвистике

одним из первых эту точку зрения в явной форме выразил Л.В.Щерба. Вспомним хотя бы его известное рассуждение о принципиальном различии понятия «прямая линия» в геометрии (= кратчайшее расстояние между двумя точками) и в языке (= линия, которая не уклоняется ни вправо, ни влево, ни вверх, ни вниз) (пример взят из работы Ю.Д.Апресяна [1974, 56], где вопрос о «наивных» интерпретациях реалий, имеющих научные определения, ставится в плане его практической значимости для лексикографии).

Наряду с этой существует и другая, достаточно устойчивая, тенденция — трактовать значения языковых единиц (выражающих такие категории, как «время», «пространство», «знание», «восприятие»), опираясь на систему соответствующих научных понятий (см., например, [Слюсарева 1976]). И это объяснимо, ведь многие научные понятия давно вошли в наш речевой обиход («трехмерное пространство», «временная ось», «последовательность точек (событий) на временной оси» и др.). Можно даже сказать, что в модели мира современного человека граница между наивной и научной картинами стала менее отчетливой (ср. опыт «сопряжения» научной и наивной систем понятий и представлений о мире, по образцу некоей «естественной» — единой и нерасчленимой — ментальности в [Гачев 1992] и там же — поиск национально своеобразного в научной картине мира).

Наша работа лежит в русле семантических исследований, нацеленных на системное изучение наивной картины мира носителей русского языка. «Реконструкция „наивной модели“ мира на основе полного описания лексических и грамматических значений начинает рассматриваться как сверхзадача семантики и лексикографии, имеющая ценность сама по себе, — пишет Ю.Д.Апресян. — <...> Раньше лингвисты рассматривали языковые значения как более или менее непосредственное отражение фактов действительности <...> понятие наивной модели мира дает семантике новую интересную возможность. Языковые значения можно связывать с фактами действительности не прямо, а через отсылки к определенным деталям наивной модели мира, как она представлена в данном языке. В результате появляется основа для выявления универсальных и нацио-

нально своеобразных черт в семантике естественных языков, вскрываются некоторые фундаментальные принципы формирования языковых значений, обнаруживается глубокая общность фактов, которые раньше представлялись разрозненными» [Апресян 1986а, 6].

В настоящее время изучение «того своеобразного [языкового] раскрыя» «концептуального материала, который получил название „наивной“ картины мира» [Апресян 1993, 7], является неотъемлемой частью лексикографической практики (ср. описание эмоциональной лексики в рамках «наивной психологии», или «наивной анатомии»¹, параметрической лексики в рамках «наивной геометрии» и под. в Синонимическом словаре русского языка, который разрабатывается исследовательской группой Института русского языка РАН под руководством Ю.Д.Апресяна; ср. также пионерскую работу А.Н.Журина [1971], посвященную описанию русских пространственных прилагательных в аспекте «наивных» — и подчас национально-специфичных — представлений о пространстве, обладающих языковой релевантностью; на близкую, но выходящую за рамки русского языкового материала тему, см. статью Т.М.Николаевой [1983]).

Поскольку далее речь пойдет о языковом отражении понятий, общих для научных теорий и обыденного сознания, вполне естественно, что вопрос о значимости той или другой картины мира решается в аспекте языковой релевантности, а именно: что влияет на наше языковое поведение, что определяет выбор языковых единиц (слов, конструкций и пр.) — естественно-научные знания или «наивные», обиходные представления о времени, пространстве,

¹ Ср.: «В описании наивной картины мира одно из центральных мест занимают представления о локализации ощущений в человеческом теле: для каждого из физических и психических проявлений человека имеется определенный орган, являющийся местом их нормального „пробывания“ (и — метафорически — их заместителем) <...>. Указанная особенность (т.е. обязательная связь ощущений человека с каким-либо органом его тела) по-видимому, является универсальной; различие же между конкретными языками заключается в том, как именно распределяются ощущения на наивной „анатомической карте“ человека» [Плунгян 1991, 155].

когнитивных процессах?

Языковая концептуализация пространства и времени выявлялась на материале употребления дистанционных показателей с семантикой 'далеко'/'близко' (*вдали, вдалеке, далеко, неподалеку, невдалеке, недалеко, рядом, близко, поблизости, вблизи*) и слов-названий временных промежутков (*время, пора, времена, ныне, нынче, минута, миг, мгновение, момент* и под.). Вся эта лексика с полным основанием может быть отнесена к разряду культурно-значимой: наблюдение за ее употреблением позволило сделать вывод о языковой отмеченности многих «донаучных» понятий — архетипических, мифологических представлений человека о пространстве и времени². Несмотря на то, что в отдель-

² До недавнего времени приоритет в изучении культурно-значимой лексики под углом зрения «картины мира» принадлежал этимологическим (и шире — сравнительно-историческим) дисциплинам. Именно из этих областей черпаются языковые данные для реконструкции мифопоэтической модели мира. См. энциклопедический словарь «Мифы народов мира» [1991—1992]; см. также выявление мифологем архаического сознания на основе сравнительно-исторической реконструкции в [Маковский 1989; 1992]. Из недавних работ, посвященных реконструкции модели мира, отметим исследования древнегерманской лексики концептуализированных, т.е. имеющих понятийно-культурное значение, областей [Проскурин 1990] (концептуализация пространства), [Топорова, в печати] (концептуализация пространственно-временной и ментальной сфер).

Апелляция к каким-либо данным истории и культуры носителей языка при описании современного словоупотребления становится необходимой и даже неизбежной, если исследователь изучает слова, соотносящиеся с «мировоззренческими концептами» (выражение Н.Д.Арутюновой). См. работы А.Вежбицкой (например, [Вежбицка 1992]) с широкими и разнообразными отсылками к культурно-историческим, этнографическим и под. источникам; см. также [Степанов 1972], где постулируются некоторые общие принципы описания слов, обозначающих ключевые понятия культуры; и наконец, см. сборники [Культурные концепты 1991] и [Понятие судьбы... в печати], свидетельствующие, как кажется, не только об условном, «территориальном», сближении в рамках одного издания доселе различных лингвистических направлений.

Проделанный нами анализ пространственно-временной лексики русского языка показал, что данные сравнительно-исторической реконструкции архаической модели мира в каких-то случаях являются оптимальным объяснением современного словоупотребления.

ных случаях в качестве мотивирующих употребление соответствующего слова приводились определения, уже имеющиеся в «культурной парадигме» носителей языка, сами лингвистические построения были сугубо апостериорны: мы всегда шли вслед за языковым материалом, даже если реально конкретный лингвистический анализ предварялся какими-то культурологическими или семиотическими экскурсами. Одним из следствий этой «апостериорности» можно считать и выбранную нами форму представления результатов: семантика пространственно-временной и модальной лексики описывается в терминах «моделей» и «фрагментов» (а не традиционных для семантического исследования толкований или — более свободных в формулировках — «описаний»).

Языковой моделью пространства (времени...) мы будем называть интерпретацию пространства (времени...), содержащуюся в семантике слов-«носителей модели». В применении к нашему материалу — словам, группирующимся вокруг одного понятия: «расстояние», «кратковременность» и под. — языковая модель представляет собой двучленную семантическую структуру, первый компонент которой является оценкой ('близость'/'дальность' у пространственных наречий; отрезок времени, характеризуемый протекаемыми на нем событиями, у таких слов, как *время, пора, времена*), а второй компонент является интерпретацией этой оценки. Так, 'дальность' может интерпретироваться по-разному — как абсолютная и относительная; период времени может оцениваться как неповторимый, единственный, уникальный, либо как типизированный, имеющих аналоги, возобновляющийся; у таких квазисинонимов, как *мгновение* и *момент* основание интерпретации общее — «краткость временного интервала», сами же интерпретации различны: слово *момент* приписывает кратковременности характеристику «рациональное», «аналитическое», «внеположенное» (позиция стороннего наблюдателя), а *мгновение* интерпретирует временной интервал в терминах «уникального», «важного», «личного», «незабываемого»³. Употребляя слово-«носитель» конкретной модели про-

³ Языковая модель в нашем понимании относится не к языковым средствам — языковой форме/функции, а к результату: про-

странства (времени...), говорящий⁴ осуществляет выбор из совокупности моделей — интерпретаций этого понятия, предоставляемых языком.

Фрагментом языковой картины мира мы будем называть совокупность моделей, дающих разные интерпретации одного и того же понятия.

Мы прибегли к этому, традиционно скорее семиотическому, языку описания потому, что выбранные для анализа слова не являются простыми отображителями своей «денотативной сферы», не выражают только то, что называют, но именно моделируют описываемую говорящим действительность, задают свои отношения в рамках того «жизненного контекста», в который они включены. Так, с помощью показателей времени одни и те же реалии могут включаться в различные отношения, интерпретироваться по-разному, т.е. соотноситься с разными сферами бытия: «вечное», «преходящее», «обыденное», «надбытовое» и пр. Аналогично, и пространственные показатели могут задавать локализацию как в пространстве физическом, так и в умозрительном; в зависимости от этого не только сама «близость»/«дальность» прочитывается по-разному, но и локализуемые объекты понимаются различно.

Несколько слов о самой процедуре выявления языковых моделей. Главным методом работы был лингвистический эксперимент, направленный на обнаружение факторов, регулирующих употребление изучаемого слова⁵. Говоря более

странству/времени, концептуализованным, проинтерпретированным с помощью этих языковых средств. Т.е. мы говорим не о моделях слов с семантикой 'далеко'/'близко', *минута*, *миг* и под., а о моделях пространства, в времени, которые задаются употреблением этих слов.

⁴ В дальнейшем мы будем использовать понятие «говорящий» в предельно широком значении, не делая специальных оговорок для речевого и нарративного режима употребления языка. Говорящий далее может обозначать и субъекта речи, и субъекта сознания, и наблюдателя (ср. использование этих дефиниций в работах Е.В.Падучевой [Падучева 1990; 1991]). Для нас говорящий — это тот, кто осуществляет языковой выбор, использует анализируемое слово, т.е. является носителем языкового сознания.

⁵ Выбранный для анализа языковой материал как нельзя лучше иллюстрирует справедливость тезиса Э.Бенвениста о том, что «...„значение“ лингвистической формы ... определяется всей совокупностью ее употреблений, ее дистрибуцией и вытекающими из них типами связей» [Бенвенист 1974а, 332].

конкретно, для синонимичных слов подбирались контексты, в которых одно из них употребимо, а другое (другие) — нет. Затем на основе сопоставительного анализа найденных контекстов выявлялись компоненты значений изучаемых слов, объясняющие их употребимость в данных высказываниях.

Ориентация на изучение языковых моделей заставляет нас остановиться на одном из важных этапов данного метода, а именно: на этапе выявления факторов, налагающих запрет на употребление слова в высказывании. Вслед за А.Д.Кошелевым [1990] мы различаем два крайних случая: а) высказывание задает диагностический контекст, т.е. содержит языковую единицу, значение которой не согласуется со значением слова, и б) высказывание задает диагностическую ситуацию — явно описывает некоторое свойство или интерпретацию референтной ситуации, с которыми данное слово не соотносимо. Реально в работе использовались оба варианта «диагностики» при доминировании второго, позволяющего непосредственно проверять употребимость слова в рамках той или иной модели (интерпретации) действительности.

ГЛАВА 1

КАРТИНА ПРОСТРАНСТВА, ЗАДАВАЕМАЯ
НАРЕЧИЯМИ С СЕМАНТИКОЙ
'ДАЛЕКО'/'БЛИЗКО'

«Пространство — та однородная, ни в одной из возможных точек ничем не выделяющаяся, по всем направлениям равноценная, но чувственно не воспринимаемая разъясность?...»

М. Хайдеггер

§1. Предварительные замечания

§1.1. Пространство геометрическое vs.
семиотическое

Предварим лингвистический анализ слов с пространственной семантикой обсуждением некоторых общих вопросов, связанных, во-первых, с пониманием самого пространства — одной из фундаментальных категорий мировосприятия человека («пространство» в философии, в картине мира...), а во-вторых, затронем вопрос об использовании «языка пространства» во вторичных моделирующих системах как средства описания («пространство» в искусстве). Необходимость такого обсуждения определяется спецификой лингвистического подхода к проблеме — двойственностью самого объекта анализа (языка): его способностью к отражению представлений человека о мире (картины мира) и его функцией быть средством описания мира.

В работе «Пространство и текст» В.Н.Топоров пишет о двух пониманиях пространства: по Ньютону и по Лейбницу. В первом случае пространство — «нечто первичное, самодостаточное, независимое от материи и не определяемое материальными объектами, в нем находящимися...». Во втором случае пространство — «нечто относительное, зависящее от находящихся в нем объектов, определяемое порядком сосуществования вещей...» [Топоров 1983, 228].

Вопрос, взятый нами в качестве эпиграфа к данной главе, отражает принципиальную неоднозначность, отсутствие какого-либо окончательного решения «проблемы пространства». Поставленный М.Хайдеггером в такой форме, этот вопрос по существу является и ответом — вариантом решения, справедливость которого философ прослеживает на примере художественного пространства скульптуры: оно неоднородно, неравноценно, вторично по отношению к заполняющим его вещам (см. [Хайдеггер 1991a]). К аналогичным выводам приходит и о. П.Флоренский, в «Обратной перспективе», ср.: «... И, наконец, самое пространство — не одно только равномерное бесструктурное место, не простая графа, а самосвоеобразная реальность, насквозь организованная, нигде не безразличная, имеющая внутреннюю упорядоченность и строение» [Флоренский 1990, 60].

Если пойти дальше и глубже по линии исчисления функциональных возможностей пространства в изобразительном искусстве, то картина станет еще сложнее¹, но это уже выходит за рамки обсуждаемой темы.

На принципиальную разнородность художественного пространства литературы и пространства геометрического (ньютоновского) указывает Ю.М.Лотман в работе о художественном пространстве в прозе Н.В.Гоголя, ср.: «Пространство не образуется простым рядом расположением цифр и тел... понятие пространства не есть только геометрическое»

¹ Так, о. П.Флоренский рассматривал живопись и графику как «проекции двойственного понимания трехмерного пространства» [Флоренский 1993, 104]: «Живопись распространяет вещественность на пространство и потому пространство склонно превращать в среду. Напротив, графика пространственность подводит под вещи и тем истолковывает самые вещи как некоторые возможности движений в них, но движений в разных случаях различных. Иначе говоря, она истолковывает вещи как пространство особых кривизн, или как силовые поля. Живопись, таким образом, имеет дело собственно с веществом, т.е. с содержанием вещи, и по образцу этого содержания строит все наружное пространство. А графика занята окружающим вещи пространством и по образцу его истолковывает внутренность вещей» (там же, с. 109). И несколько выше по тексту: «... живопись обращается преимущественно с вещами, а графика — с пространством. Живопись сродни веществу, графика же — движению» (с. 105).

[Лотман 1988, 274]. Как следствие, к художественному пространству не приложим признак непрерывности, отмечает Ю.М.Лотман. Поскольку «художественное пространство представляет собой модель мира данного автора, выраженную на языке его пространственных представлений» (там же, с. 252—253), сама «пространственная терминология» наполняется особым содержанием. Так, признак «далекости» коррелирует с *внешним, иным* (в пределе — *чужим и чуждым*), признак «близости» соотносится с *внутренним, своим* (см. там же, с. 268—269). Выявляя систему вторичных смыслов «пространственного языка» гоголевской прозы, Ю.М.Лотман замечает, что в этой системе вид из дали в пространственном отношении синонимичен виду с верху (и наоборот). Одно из возможных объяснений такой «синонимии»: «... пространственная схема имеет тенденцию к превращению в абстрактный язык, способный выражать разные содержательные понятия» (там же, с. 278).

Проделанный Ю.М.Лотманом анализ убедительно показывает, что пространство художественной литературы не является простой «разъятостью» (М.Хайдеггер); оно структурировано, как и любая другая моделирующая система.

О том, что в искусстве «пространство и время связаны с изображаемым», говорит и Эрнст Неизвестный: «Существуют разные временные категории в пространстве и времени литературы. Пространство Льва Толстого развивается по евклидовым законам, это реальное пространство и реальное время: реальные персонажи передвигаются в реальном пространстве. Там едут лошади, там стоят деревья, там летают галки, и одновременно люди меняются в этом реальном пространстве согласно с физическими и психическими законами <...> Этого нет у Данте, Достоевского, Кафки и Беккета. Их пространство не евклидово: то есть либо обратное, либо — рассеянное...» [Неизвестный 1992, 153].

Таким образом, ньютоновское пространство является некоторой объективацией идеи пространства, принципиальным отвлечением от фактора восприятия пространства человеком; у Лейбница же пространство «одушевляется» человеческим присутствием, оно трактуется, прочитывается человеком. Ньютоновское пространство принадлежит физике и геометрии; лейбницевское же относится, скорее, к

области человеческих представлений о мире, так сказать, «наивной философии» мира². «Постулаты» этой философии лежат в основании картины мира.

На примере архаической модели мира В.Н.Топоров прослеживает динамику идеи пространства, которая сводится к «с о б и р а н и ю», «оживанию» пространства, «освоению его»: «Некогда в начале творения пространство было простерто, раз-бросано повсюду (уровень Творца в чистом виде). Но через мир вещей и через человека (последующий

² В лингвистических исследованиях пространство представляется, скорее, синкретично: оно совмещает в себе черты физико-геометрического пространства (ньютоновского) и черты пространства, условно говоря, «семиотического» (лейбницевского). Ср. используемые Д.Личем при описании пространства базовые единицы: «место», «протяженность», «близость», «вертикальность»/«горизонтальность», «север»/«юг», «запад»/«восток», «ориентация», «движение», «виды передвижения», «поза» (положение человека в пространстве) [Лич 1971]. Ср. добавления к этому списку А.Вежицкой: «направление», «границы пространства», «сила притяжения» [Вежицка 1972]. Ср. также [Всеволодова, Владимирский 1982], где, в частности, есть раздел о субъективном и объективном определении расстояний между предметом и местом.

Солидаризуясь с мыслью о том, что «... действительность есть лишь особая организация пространства» [Флоренский 1993, 71], заметим, что нам представляется вполне естественным варьирование содержания и объема понятий «пространство», «пространственность» в зависимости от целей и предмета исследования. Так, расширительное толкование пространства и как пространства множества, и как пространства ситуации, и как пространства функциональных систем типа «завод», «институт» оказывается продуктивным при описании экзистенциальности. Применение к этой области языковой семантики понятия пространства (или пространств) позволяет, в частности, дать убедительное обоснование различиям между такими функциональными категориями, как «нахождение» и «существование» [Селиверстова 1990].

В рамках грамматических категорий локации [Степанов 1981] идея наличия/отсутствия пространственной определенности субъекта высказывания позволяет описывать безличность в терминах пространственной неопределенности [Степанов 1989б; 1990].

Однако пространственность в последних двух случаях выступает скорее как некий грамматический конститuent; соотношение такого «грамматализованного» пространства с пространством семиотическим, по-видимому, сродни противопоставлению времени грамматического (tense) психологическому или философскому времени (time) (см. об этом в Разделе 1 следующей главы).

уровень творца вещей) пространство собирается как иерархизованная структура соподчиненных ему смыслов. Для этой эпохи вместо непрерывности и сплошной протяженности гомогенного пространства реконструируется представление о разнородном и, так сказать, „корпускулярном“ пространстве с разной ценностью (значимостью) его частей» [Топоров 1983, 242].

Существенно то, что язык описывает уже это «обжитое» человеком пространство. В.Н.Топоров приводит многочисленные примеры «очеловечивания» «вселенского пространства через его связь с членами тела»: *подножье горы, горный хребет, устье реки, горловина* (там же, с. 244). В мифопоэтическом сознании, пишет В.Н.Топоров, первичен антропоморфный код, поэтому языковое пространство «собирается» как антропоморфная система (там же).

Идею антропоцентричности языка в настоящее время можно считать общепризнанной: «... для многих языковых значений представление о человеке выступает в качестве естественной точки отсчета» [Апресян 1986а, 31]. Одним из следствий антропоцентричности является субъективность многих языковых категорий (см. об этом у Э.Бенвениста, Ю.С.Степанова). В применении к нашей теме антропоцентричность обычно понимается как «присвоение субъектом пространства» [Цивьян 1991, 141]. Отсюда — вывод об относительности пространственных характеристик (там же). Примером такой относительности, как правило, служат рассматриваемые нами дистанционные показатели. Заметим, кстати, что сама возможность описания объектов в терминах «далеко»/«близко» характеризует именно языковое пространство; в пространстве же геометрическом такие (субъективные!) характеристики исключены, там местоположение определяется в точных метрических терминах.

Релевантность для языкового сознания понятия «обживания» пространства (и, как следствие, его «собираения») прослеживается и на примере употребления наречий с семантикой 'далеко'/'близко'. Рассмотренный нами пространственный фрагмент позволяет сделать вывод о том, что картина пространства в русском языковом сознании не сводима ни к какому физико-геометрическому прообразу: пространство не

является простым вместилищем объектов, а скорее наоборот — конституируется ими и в этом смысле оно вторично по отношению к объектам. Поскольку часто пространство ощущается, воспринимается именно через «эманацию» вещей, его заполняющих³, для описания пространственных отношений релевантны такие признаки, как «положение наблюдателя»; «характер и условия восприятия» и под.⁴.

Мы рассмотрим лишь фрагмент пространственной картины, но и его достаточно, чтобы увидеть специфику языкового отражения пространства.

§1.2. О языковом материале

В Словаре синонимов под ред. А.П.Евгеньевой [1976] наречию *близко* сопоставляются такие слова, как *вблизи, поблизости, недалеко, рядом*. Наречие же *далеко* задает синонимический ряд: *вдали, вдалеке, (в отдалении)*. Эти слова и будут служить предметом дальнейшего рассмотрения.

Часто считается, что в пределах этих синонимических рядов наречия взаимозаменяемы (см., например, [Всеволодова, Владимирский 1982]). Языковая практика, однако же, показывает, что каждое из слов по-своему описывает характер удаленности объекта и вследствие этого в большинстве случаев близкие по смыслу слова не взаимозаменяемы. Так, некоторые наречия не употребляются, в условных, гипотетических конструкциях. Можно сказать: *Если будете неподалеку/поблизости/рядом, заходите* и нельзя: **Если будете вблизи/недалеке, заходите*. Обращает внимание и чувствительность наречий к актуализационному аспекту высказывания: *вдали, (не)вдалеке* естественнее использовать не с предикатами «нахождения», «обитания» (неактуальными), а с предикатами «проявления» объектов. Ср. пары примеров: *Вдали виднеется за*

³ По Платону, пространство — «материя чувственно являемого мира» (цит. по [Соловьев 1914, 270]).

⁴ Язык описания «пространства непосредственного восприятия» (первичного дейксиса) разработан Ю.Д.Апресяном (см., например, [Апресян 1986а]) и здесь мы используем его терминологию.

вод при сомнительности ?*Вдали* расположен завод; *Невдалеке* зеленеют березы и ?*Невдалеке* растут березы.

Одну из наших целей мы видим в выявлении системных отношений между данными словарными синонимами, которые позволили бы объяснить особенности их употребления.

Материалом для анализа послужили высказывания, в которых наречия отвечают на вопрос «где?». Иными словами, из анализа исключались высказывания типа *Иду я далеко*, поскольку в них наречия на -о не сопоставимы с другими дистанционными показателями, в принципе не способными отвечать на вопрос «куда?».

Кроме того, мы будем рассматривать только эгоцентрическое употребление наречий. Поясним, что имеется в виду.

Валентность объекта у данных наречий может заполняться по-разному: эксплицитно — предлогом, управляющим косвенным падежом имени объекта (*далеко от дома*), и имплицитно, так сказать, по умолчанию, когда предлог с косвенным падежом имени в тексте отсутствует. Как отмечается в [Крылов 1984], возможны два варианта истолкования «нулевого синтаксического знака»: анафорическое — наречие соотносится с ранее упомянутым объектом (*Иван сел в первом ряду, и Маша расположилась неподалеку*) — и дейктическое, эгоцентрическое — наречие подразумевает, что пространственным ориентиром, относительно которого ведется описание, является говорящий (*Маша неподалеку*).

Таким образом, эгоцентрическое употребление подразумевает, что 2-я валентность наречия — явно или неявно — заполняется говорящим: *Иван далеко* (= *далеко от меня*). Анализ ограничивается эгоцентрическим употреблением с незаполненной 2-ой валентностью, поскольку именно в этом случае наречия образуют целостную систему противопоставлений, составляющих в совокупности законченный фрагмент пространственной картины мира носителей русского языка.

§2. Фактор непосредственного восприятия, «наблюдения» при описании пространственных отношений

Важным фактором, регулирующим употребление рассматриваемых слов, является наличие/отсутствие в их семантике точки зрения наблюдателя (на этот факт обратил внимание Ю.Д.Апресян (см., например, [Апресян 1986а]). Семантика наблюдения передается наречиями *вдалеке*, *невдалеке*, *вблизи*, *вдали* в том случае, когда, как пишет Ю.Д.Апресян, у них «не реализована 2-я валентность» [Апресян 1986а, 19]. Наречия с семантикой 'наблюдения' противопоставлены не отмеченным этим признаком словам *далеко*, *недалеко*, *неподалеку*, *рядом*, *поблизости*, *близко*.

'Наблюдение' подразумевает наличие взгляда со стороны на предмет описания. Можно сказать, что у эгоцентрических наречий «взгляд» этот исходит от говорящего. Ю.Д.Апресян отметил естественное следствие такой семантики, а именно — невозможность употребления указанных наречий в ситуации самоописания типа: **Вдали* появился я *верхом на лошади*; **Вдалеке* стояли мы с *Володей*.

Итак, наречия с семантикой наблюдения всегда описывают предмет речи относительно субъекта восприятия (говорящего). Например: *Вдалеке* замирает твой голос (А.Фет). Не отмеченные этим признаком слова способны описывать и местоположение говорящего относительно какого-либо объекта, например: *Скоро* придем, мы уже *близко*.

Если же рассмотреть пространственные показатели в аспекте эпистемической модальности — задавшись целью установить, на основе какой информации было сформировано высказывание, — то выяснится следующее. В отличие от слов *вдали*, *невдалеке* и под., всегда указывающих, что высказывание сформировано на основе непосредственного восприятия, остальные наречия — *неподалеку*, *поблизости* и под., — не несут соответствующих указаний, они употребимы как в том, так и в другом случае. Например: *Невдалеке* сидит Иван — восприятие есть; *Иван* сидит *неподалеку* — восприятия может и не быть (*где-то неподалеку*). Ср.: *Рядом* сидит Маша и смотрит на меня и *Совсем рядом*, за углом, находится большой универсам.

Наличие непосредственного восприятия в семантике наречий предопределяет их связь с реальным модальным планом высказывания — они в принципе исключены в контексте ирреальных наклонений, гипотезы и т.п. Ср. некорректность фраз: **Будьте недалеко/вблизи/вдали*; **Вот если бы он оказался вблизи!* Между тем в подобных контекстах вполне употребимы наречия, не отмеченные знаком 'непосредственное восприятие', ср.: *Будьте недалеко/неподалеку/рядом/поблизости*; *Вот если бы он оказался рядом/неподалеку!* Признак 'наличие/отсутствие непосредственного восприятия' влияет и на выбор предикатов для описания местоположения объекта при употреблении того или другого дистанционного показателя. Если у слов *неподалеку*, *поблизости* объект может быть *расположен*, он может *находиться*, *пролегать*, *обитать*, *жить* и под., то у наречий *недалеке*, *вдали* и др. объект *виднеется*, *поблескивает*, *высится*. Ср.: *Успенский собор находится неподалеку* (при невозможности **находится недалеко*) и *Вдали, над пылью переулочной, // Над скукой загородных дач // Чуть золотится крендель булочной...* (А.Блок); *Печальные ели // Темнеют вдали без движенья* (Вл. Соловьев) и **Вдали растут ели/посажены ели*. Ср. также согласованность предиката и наречия по параметру 'актуальность'/ 'неактуальность' в следующем примере: *Далеко в лесу огромном, // Возле синих рек, // Жил с детьми в избушке темной // Бедный дровосек* (А.Ахматова).

Выборочное отношение к предикатам определяется в приведенных примерах тем, что в одном случае (*находиться*) они представляют локализацию абстрактно, в самых общих чертах, безотносительно к моменту речи, что не допускает употребления наречий типа *недалеке*, задающих конкретность восприятия. В другом случае (*золотиться*) предикаты, напротив, описывают конкретные перцептивные проявления объектов, прямо спроецированные на момент речи, что хорошо согласуется с семантикой пространственных показателей *вдали*, *недалеке* и под. По Т.В.Булыгиной [Булыгина 1982], предикаты такого рода противопоставлены по признаку «актуальность», «временная локализованность»: вторые (*выситься*, *чернеть*) являются актуальными, а первые (*жить*, *находиться*) — нет.

«Перцептивность» таких наречий, как *недалеке*, *вдали*, *вдалеке*, определяет их притяжение к изобразительному функциональному типу речи, по Г.А.Золотовой (см. [Золотова 1982]). Поскольку повседневная речевая практика в основном оперирует информативным функциональным регистром, данные наречия в ней относительно редки. Ср. естественность использования *недалеке* в повествовании (письме, рассказе): *Как хорошо кругом! Недалеке шумит ручей...* и неуместность этого наречия в чисто информативном тексте: *Осторожно! ?Недалеке стоит милиционер* (в этой ситуации лучше сказать: *неподалеку*).

Таким образом, помимо употребления в высказываниях с реальной модальностью, для наречий с семантикой 'наблюдения' характерно использование в актуальных высказываниях с интенцией «изобразительность», а не «информативность».

§3. Неоднородность пространства: противопоставленность дистанционных оценок по линии 'абсолютность'/'относительность'

Анализ показал, что наречия *близко*, *недалеко*, *далеко*, *рядом* являются относительными оценками удаленности объекта от говорящего, а остальные наречия (*недалеке*, *неподалеку*, *вдали*, *поблизости*, *вблизи*) выражают абсолютные оценки⁵.

Поясним суть введенного противопоставления на таком примере. Во фразе *Смотри, вон вдали показался Иван* слово

⁵ Данное противопоставление никак не соотносится с понятиями абсолютной и относительной ориентации объектов, используемыми Ю.Д.Апресяном (см., например, [Апресян 1974; 1986а] при описании семантики слов с дейктической стратегией. По Ю.Д.Апресяну, относительная ориентация предметов подразумевает описание ситуации с учетом точки зрения наблюдателя (не обязательно совпадающего с говорящим); абсолютная ориентация задает дислокацию объектов безотносительно к наблюдателю. Мы же будем использовать признак абсолютности/относительности применительно к оценкам расстояния от говорящего до предмета описания, т.е. во вполне привычном «нетерминологическом» смысле.

вдали указывает, что Иван находится на максимальном расстоянии от говорящего, при котором он все же доступен визуальному восприятию (можно сказать, что Иван, условно, где-то у линии горизонта). В подобной ситуации высказывание *Иван поблизости* было бы неуместно. Однако же фраза *Смотри, Иван близко* не противоречила бы предметной ситуации в том случае, если бы она характеризовала расстояние до Ивана не само по себе, а в сравнении с гораздо большим расстоянием (скажем, Иван приближался бы к финишу марафонской дистанции).

Аналогично, высказывание *Магазин поблизости* всеми потенциальными адресатами будет понято более или менее одинаково (на расстоянии нескольких минут ходьбы). Фраза же *Магазин близко* не задает расстояние до объекта столь однозначно. Для девушки, любящей ходить по магазинам, расстояние в несколько кварталов — *близко*, а для старика — нет (для него *близко* — это в соседнем доме).

Абсолютные оценки действуют только в пределах некоей условной «окрестности говорящего»⁶. Так, показатели непосредственного восприятия *невдалеке*, *вблизи* и др. «работают» во вполне определенных пространственных зонах. Они достаточно однозначно задают дистанционные характеристики объекта относительно говорящего. И их положение в иерархии дистанционных показателей непосредственного восприятия фиксировано: то, что находится у

⁶ Подчеркнем, границы «окрестности говорящего» никак не определяются факторами социальной близости/чуждости, государственных рубежей и под., т.е. тем, что может быть существенно для оппозиции *здесь/там*. Объект может квалифицироваться как находящийся *поблизости* и в том случае, когда он находится по другую сторону какой-либо границы. Например: *По Безымянному переулку ездили гвардейские солдаты... за мукой в свои провиантские магазины, которые находились... поблизости, но уже за городом* (А.Ахматова).

В свою очередь, для оппозиции *здесь/там* может быть не релевантен фактор конкретных расстояний, протяженности «физического пространства» говорящего, ср.: *Мы здесь, в России..., а они там, в Австралии...* Или (из «Второй книги» Н.Я.Мандельштам): *Не знаю, всюду ли, но здесь, в моей стране, поэзия целительна и животворна, а люди не утратили дара проникаться ее внутренней силой. Здесь убивают за стихи — знак неслыханного к нам уважения, потому что здесь еще способны жить стихами.*

линии горизонта, не может быть *невдалеке*, *вблизи*; то, что *невдалеке*, исключает характеристики *вдали* и *вблизи* и т.д. Сфера действия рассматриваемых слов, естественно, ограничивается возможностями непосредственного восприятия говорящего. «Пограничным» показателем «окрестности говорящего» является слово *вдали*, оно «работает» на пределе визуального восприятия, т.е. может описывать объекты, условно говоря, у линии горизонта: *Померк багряный свет заката, // Громада туч росла вдали...* (Л.Мартынов); *Город наполовину терялся вдали, скрытый покатосями местности* (Б.Пастернак).

Вдалеке также способно описывать «пограничное» восприятие, ср.: *Окна квартиры Честновой выходили поверх окрестных московских крыш, и вдалеке — на ослабевшем, умирающем конце пространства видны были какие-то дремучие леса и загадочные вышки* (А.Платонов). При этом *вдалеке*, как кажется, обладает большей свободой при описании дальней дистанции по сравнению с наречием *вдали*: последнее практически не используется относительно замкнутого пространства. В подобных случаях естественнее использовать наречие *вдалеке*, ср.: *Вдалеке, на другом конце арены, появился Иван*. Иными словами, *вдали* употребляется в том случае, когда пространство задано естественным ограничителем — линией горизонта.

Но среди показателей абсолютных оценок есть и свободные от условия непосредственного восприятия — наречия *поблизости*, *неподалеку*. Как правило, эти слова подчеркивают функциональную доступность предмета описания: до него можно быстро добраться. Не связанные семантикой непосредственного восприятия они обладают относительной свободой передвижения по «окрестности», т.е. реально могут задавать разные дистанции. Например: *Поблизости сидит Иван ≠ Поблизости живет Иван*. Но и эти показатели абсолютны в том смысле, что не способны к описанию объектов за пределами «окрестности говорящего». Так, находясь в Смоленске, мы не скажем *Москва неподалеку/поблизости*; сказать же *Москва недалеко/близко* в этой ситуации можно. Именно здесь сказывается «релятивизм наивной геометрии пространства», «зависимость нормы расстояния от параметров текущей ситуации» (выражения Ю.Д.Апре-

сяна): «важны не столько фактические физические пространства..., сколько способ их восприятия говорящим» [Апресян 1986а, 16].

Абсолютные оценки основаны на некоторых общенормативных представлениях о близости/дальности и в этом смысле они более объективны. Относительные же оценки субъективны — они передают мнение конкретного говорящего о характере расстояния, их выбор связан с индивидуальной мерой дальности и поэтому не может быть оспорен с объективных позиций, т.е. всегда корректен. Так, находясь на одном диване с «объектом описания», можно подумать: *Иван сидит далеко*, однако, нельзя в этом случае использовать наречие *неподалеку*. Мера дальности у относительных оценок часто зависит от сравнения описываемого расстояния с предыдущим⁷. Например: *В прошлом году Иван был далеко — на Кубе, а нынче он близко — в Польше*. Высказывание *Иван поблизости/неподалеку — в Польше* некорректно: называя целую страну, мы задаем такой пространственный масштаб, который не могут описывать абсолютные оценки. Ср.: *Рядом/недалеко Австралия* и *?Поблизости Австралия*.

Кроме того, «окрестность говорящего» (= область действия абсолютных оценок) подразумевает и известность, освоенность говорящим описываемого участка пространства. Относительно какого-либо «условного», умозрительного пространства абсолютные оценки не используются. Так, переезжая в новый (незнакомый) район, можно выразить опасение: *А вдруг там рядом завод?*; пожелание: *Хорошо, чтобы там рядом был лес*. Определить же это, еще не освоенное, не обследованное пространство в терминах показателей *поблизости* или *неподалеку* едва ли возможно, ср.: *?А вдруг там неподалеку завод?*; *?Хорошо, чтобы там поблизости был лес* (по-видимому, именно в силу названных причин мы говорим: *Луна близко/недалеко/рядом* и не говорим: *?Луна поблизости/неподалеку*).

⁷ Ср. у А.Вежбицкой: «*Близко* — вторично по отношению к *ближе*, наречие *далеко* вторично по отношению к *дальше*. Высказывание *От А до В близко (далеко)* должно быть представлено как *От А до В ближе (дальше), чем можно было ожидать*» [Вежбицка 1972, 98].

«Освоенность» пространства в семантике слов *неподалеку*, *поблизости* подразумевает не только функциональную доступность объекта, но и некую «исхоженность» самого пространства, некий образ пространства, связанный с поверхностью земли (ср. «освоение», «обживание» пространства в архаической модели мира, по В.Н.Топорову). Так, находясь в метро (не на поверхности земли), мы не говорим о функционально близких, доступных станциях **Пушкинская неподалеку/поблизости* (ср. естественность такой фразы в положении и на земной поверхности); здесь нужно использовать относительные показатели *недалеко*, *рядом*, *близко*: *Пушкинская недалеко, всего две остановки*.

Итак, любые относительные оценки применимы как к объекту, который расположен за пределами «окрестности говорящего», так и объекту, который находится внутри «окрестности», причем в любом ее месте.

Дихотомия пространственных оценок вносит коррективы в общепринятые представления о том, что «... членение пространства... должно быть сугубо относительным» [Цивьян 1990, 141]. Возможно, не столь безоговорочен и тезис об «исключительной субъективности» (вследствие их антропоцентричности) пространственных оценок [Апресян 1986а].

§4. О «широте» пространства носителей русского языка

Принадлежность к «окрестности говорящего» связывает абсолютные показатели и таким условием: они применимы только при описании объектов, расположенных на горизонтальной плоскости (поверхности). Если описываемый объект находится над или под говорящим (т.е. по вертикали от наблюдателя), о нем нельзя сказать, что он *вдалеке/вдали*. Показатели же относительных оценок не требуют обязательной горизонтальной ориентации объектов, поскольку они территориально не привязаны к «окрестности говорящего».

Приведем примеры, в которых с необходимостью используются относительные показатели, поскольку объект описания расположен за пределами горизонтальной плоскости: [пастух спускается с гор] *Стадо уже было далеко внизу*

(Ф.Искандер); *Как только он вышел на косогор, в лицо ему ударил шум воды. Далеко внизу всеми рукавами мутно блестя дельта Кодора* (он же). Весьма показательны в означенном смысле и многочисленные примеры из «Мастера и Маргариты», ср.: [полет Маргариты] *Далеко внизу забежали люди по тротуару...* или: [кавалькада под предводительством Воланда покидает город] *Ночь начала закрывать черным платком леса и луга, ночь зажигала печальные огонечки где-то далеко внизу, теперь уже не интересные и не нужные ни Маргарите, ни Мастеру, чужие огонечки*. Вдвойне необходим относительный показатель и в следующем примере (его использование диктуется не только вертикальной ориентацией объекта, но и замкнутостью пространства описания): *В это время далеко наверху стукнула дверь. «Это он вошел», — с замиранием сердца подумал Поплавский*.

Таким образом, «окрестность говорящего» — это та область пространства, его окружающего, которая расположена по горизонтали от него, приблизительно на одном с ним уровне, и при этом, как правило, совпадает с поверхностью земли (традиционной сферой «естественного» освоения пространства).

Важно учитывать, что в применении к «окрестности» признак 'горизонтальность' выступает в совокупности с эгоцентрической ориентацией объектов, и поэтому понятие «окрестности говорящего» не соотносится прямо с такой характеристикой, как геоцентрическая ориентация. Поясним этот тезис на конкретном языковом материале.

Каноническими геоцентрическими ориентирами являются наречия *высоко/низко*. При этом *низко* — это не обязательно близко к говорящему, но это всегда относительно близко к поверхности земли (или тому, что условно принимается за эту поверхность: *Лампа висит низко*). Поэтому возможны примеры: *Смотри туда, как низко летают птицы*. При этом характеристики *высоко/низко* применимы к тем объектам, у которых нормой «обитания» является положение над землей (ведь мы говорим не только *высоко над...*, но и *низко над...*)⁸. К объектам же, для которых

⁸ Заметим, что для духовной ипостаси человека нормальным является положение над, а не на (земле) и если физический предмет не может упасть низко, то в духовном (этическом) смысле такое «падение»

норма — положение на земле, характеристика *низко* не приложима, поэтому фразы типа **Он сегодня низко прыгнул* некорректны (надо: *невысоко*).

При описании «надземных» объектов возможность употребления наречия *низко* может зависеть и от выбранной наблюдателем позиции. Так, находясь на «земной плоскости», «равнине», можно сказать: *Облака плывут низко/низко летают птицы*. В горах же, когда облака и птицы так же близко к наблюдателю, соответствующие высказывания некорректны. Это еще одно из проявлений геоцентричности характеристики 'низко'.

Рассмотренные факты, как нам кажется, позволяют предположить, что «категория дистанции» в русском языке тесно связана с горизонтальной ориентацией пространства, т.е. в этой области языковой семантики находит отражение, так сказать, «плоскостное», «равнинное» мышление говорящих (язык отразил наиболее типичный ландшафт). Ведь картина, в принципе, может быть и другой — например, для языков горных народов. Так, в [Крылов 1984] отмечается, что в будухском языке «стратификация по вертикальной оси... накладывается на дистанционные значения» (с. 140): слово может одновременно характеризовать местоположение объекта по линии близости/дальности и по вертикальной ориентации, например, *а́се* значит 'тот далекий, ниже меня' (там же).

Вообще, равнинное и горное языковое сознание существенно различаются по своим функциональным ориентирам: для горного сознания пространство естественно осваивается и по вертикали (по замечанию Т.В.Цивьян, в ряде балканских языков характеристика 'далеко' может выражаться словами с семантикой 'высоко', т.е. «высоко» в этой системе отношений символизирует труднодоступность пространства); для равнинного же сознания вертикаль, характеристики 'высоко'/'низко', задают совсем другие ассоциации.

не исключено, ср.: *Он все ниже падает в моих глазах* или: *И после того, как философия была превращена Гегелем в идол, философия была свергнута, она пала так низко, как не падала еще никогда в истории человеческого самосознания* (Н.Бердяев).

Замечание. В связи с предметом нашего обсуждения упомянем еще одну вариацию на тему гоголевской птицы-тройки: «Гоголевская мифологема „Русь-тройка“ есть путь в бесконечный простор как пролагаемый качением. „Другие“ („народы и государства“) стоят: столбами; реализуя вертикали. Русь же катится: ее царство — даль и ширь, горизонталь...» [Гачев 1992, 35]. И чуть далее по тексту: «... вертикаль в русском космосе выражена слабо» (с. 36).

§5. Неравноценность пространства: три дистанционных пояса «окрестности говорящего»

В соответствии со степенью удаленности предмета описания от говорящего в «окрестности говорящего» выделяются три дистанционных пояса: ближайший (*вблизи, поблизости*), дальний (*вдалеке, вдали*), промежуточный (*невдалеке, неподалеку*). «Территориальная» принадлежность функциональных показателей *поблизости, неподалеку* к определенным поясам условна.

Дистанционная противопоставленность слов с семантикой непосредственного восприятия отчетливо ощущается, например, в контексте предиката *виднеться*. Хорошо сказать: *Вдалеке/невдалеке виднеется церковь* и плохо: **Вблизи виднеется церковь*; плохо потому, что предикат предполагает взгляд на предмет описания с расстояния большего, чем задает показатель ближайшего пояса. Ср. еще: *Он увидел невдалеке деревушку, состоящую из четырех или пяти дворов* (А.Пушкин). Здесь также едва ли уместно использование *вблизи* — показателя ближайшего дистанционного пояса.

Как уже говорилось, слова с семантикой функциональной, а не перцептивной, близости *неподалеку, поблизости* не привязаны жестко к какому-либо одному месту «окрестности». Конкретный характер их дистанционного прочтения определяется и тем, что именно они описывают: *поблизости жужжит пчела* — расстояние одно; *поблизости шумит река* — расстояние другое.

Вообще, если задаться целью измерения расстояний, описываемых абсолютными показателями, можно увидеть,

что отсутствие у говорящего непосредственного восприятия способствует «приближению» к нему предметов описания. Высказывание *У нас лес неподалеку* может описывать расстояние до леса большее, чем такая, скажем, фраза: *Неподалеку мы увидели лес*. Эффект «приближения» в данном случае объясняется тем, что в первом случае речь идет о функциональной близости, а во втором — просто констатируется визуальное восприятие.

При обсуждении этого материала Ю.Д.Апресян заметил, что возможность употребления *неподалеку* «на коротких дистанциях» может определяться и тем, заполнено или не заполнено пространство между говорящим и объектом описания какими-либо однородными предметами. Если заполнено, то объект может описываться с более короткой дистанции, ср.: *Иван сидит неподалеку* (через несколько человек от меня).

В отличие от остальных дистанционных поясов, ближайший не обязательно предполагает горизонтальную ориентацию объектов. По мере сокращения расстояния между объектом и говорящим признак горизонтальности утрачивается, и в непосредственной близости от говорящего допустимо употребление слов *поблизости, вблизи* относительно сферической окрестности (*Поблизости жужжит пчела*).

Замечание. В настоящей работе мы не ставим перед собой цели скрупулезного «портретного» описания каждого из слов со всеми особенностями и нюансами его языкового поведения; нас интересует, прежде всего, вопрос о системных отношениях наречий в рамках рассматриваемой группы. Но одну из особенностей мы не можем не отметить, поскольку она затрагивает сами права принадлежности слова к показателям абсолютных оценок. Речь пойдет о наречии *вблизи*, которое лишь частично принадлежит к группе показателей «окрестности говорящего».

Дело в том, что это слово способно включаться в разные по синтаксическому типу высказывания:

1) *Вблизи было уже тихо, сражение перешло в середину Чевенгура* (А.Платонов) и 2) *Вблизи он казался усталым*. Лишь в первом случае наречие подпадает

под предъявляемые к показателям абсолютных оценок критерии (требования). Во втором же типе употребления *вблизи* по некоторым признакам отличается от рассматриваемой нами группы слов. *Вблизи2* передает взгляд на предмет с короткого расстояния, указывая одновременно, что до этого на него смотрели с более дальней дистанции.

Ср. высказывания с наречием и без него : (а) *Дом выглядел необитаемым* (это может быть и первое впечатление) и (б) *Вблизи дом выглядел необитаемым* (*вблизи* «подсказывает», что впечатление не первое).

Важно и то, что *вблизи2* отвечает уже не на вопрос «Где?» (как рассматриваемые нами локализаторы), а на вопрос «С какого расстояния?»; как следствие, оппозиционным партнером *вблизи2* является не наречие *вдали* (*вдалеке*), а слово *издали*⁹. Другим, соответственно, будет и «прогноз на употребление» этого наречия. В отличие от абсолютных оценок, описывающих конкретную, известную «окрестность говорящего», *вблизи2* способно к нереферентному употреблению, например, *Вблизи все кажется иным* (подробнее о возможностях нереферентного употребления дистанционных показателей см. §9). От наречий с семантикой «наблюдения» *вблизи2* отличает возможность использования в ирреальной модальной перспективе, например: *Хорошо бы когда-нибудь вблизи увидеть летающую тарелку.*

⁹ Ср. взаимную обусловленность показателей разных дистанционных поясов «окрестности» (*вблизи1* и *вдалеке*) в следующем примере: *Ключья тумана... вблизи... вдалеке... // Быстро текут очертанья... (М. Волошин).*

§6. Синтаксис абсолютных и относительных пространственных оценок

Показатели относительных оценок тяготеют в высказывании к позиции ремы, часто они выступают в роли предикатов, что исключено для тех абсолютных оценок, которые отмечены признаком 'непосредственное восприятие'. Если мы сравним, например, слова *недалеко* и *невдалеке*, то мы увидим, что последнее — слово с семантикой 'наблюдение' — как правило, занимает в высказывании позицию «кулис»: *Невдалеке сидит Иван*. Наречие же *недалеко*, напротив, находится в высказывании в фокусе внимания, ср.: *Иван сидит недалеко*. В тематической позиции «кулис» *недалеко* не используется. Одинаково сомнительны будут фразы *?Недалеко сидит Иван* и *?Иван сидит невдалеке*.

Неподалеку, *поблизости*, не отмеченные семантикой непосредственного восприятия, описывающие функциональную близость, свободны от указанного условия — они употребимы как в пре-, так и в постпозиции. При этом в препозиции они, как правило, передают непосредственно воспринятую информацию и поэтому нетипичны во фразах типа *?Неподалеку/поблизости живет Иван*, ср., между тем, их естественность в высказываниях, сформированных на основе непосредственно воспринятой информации: *Неподалеку проехала машина; Поблизости шумит ручей*. В постпозиции они, напротив, почти не способны к описанию непосредственного восприятия, ср.: *?Иван величественно прошагал неподалеку*. Лучше: *Неподалеку величественно прошагал Иван* и *Иван живет неподалеку*. Интересно, что в ирреальных конструкциях, где заведомо исключено непосредственное восприятие, данные наречия используются только в постпозиции.

Абсолютные показатели с семантикой 'наблюдения' тематичны, поскольку они являются простыми «фиксаторами» того места окрестности, в котором разворачивается описываемое действие. Например: *Вдали по равнине справа налево катился чистенький желто-синий поезд, сильно уменьшенный расстоянием (Б. Пастернак); Когда он наконец увидал пылящую вдали длинную процессию, она была*

уже у подножия холма (М.Булгаков); *Всё поют и поют вдалеке* (А.Блок); *Вдалеке, вращая над головой палкой, пылил по мостовой давешний интеллигент, преследуя какую-то хромую обезьяну...* (А. и Б.Стругацкие). Выбирая тот или иной «фиксатор», ориентир, говорящий, в сущности, не занимается оценкой расстояния между собой и предметом описания. Ср.: *Вдали* *показался Иван; Невдалеке шумит река*. Выбор абсолютных показателей поэтому более или менее объективен, он не зависит от личности конкретного говорящего.

Картина иная для относительных оценок: их выбор субъективен, связан с индивидуальными представлениями о мере дальности, поэтому именно здесь актуализируется вопрос об оценке расстояния. Расстояние не просто констатируется (как у абсолютных показателей), но и оценивается. А для оценки характерна позиция ремы, предиката сообщения.

В этом смысле интересно «синтаксическое поведение» слова *рядом*. Это наречие способно описывать непосредственную близость — *Внезапно рядом как из-под земли выросла мать* (Б.Пастернак) — и близость относительную, т.е. соответствовать смыслу 'очень близко', например: [В устах жителей Смоленска или Ярославля] *Москва рядом*. Приведем весьма характерный пример использования наречия *рядом* в качестве относительной характеристики расстояния: *В штабе, где привыкли передвигать целые армии и меряли расстояние стоверстовыми переходами, уверяли, будто бы деревня где-то рядом, верстах в двадцати или двадцати пяти. На самом деле до нее оказалось больше восьмидесяти* (Б.Пастернак).

Первое *рядом* может быть как в реме, так и в теме высказывания, второе же *рядом* — оценочное, субъективное — тяготеет к реме (постпозиции). *Рядом2* не вполне тождественно и относительной оценке *близко*, поскольку последняя может использоваться в нейтральном контексте, а *рядом2* как бы заведомо обладает модальной рамкой. Поэтому можно сказать *Вряд ли это близко*; спросить: *Это близко?* и невозможно использовать в этой ситуации *рядом2*, обладающее апостериорной авторской оценкой. (О словах со свойством модальной отмеченности, см. Глава 3, Раздел 5).

Относительные пространственные показатели *далеко*, *близко*, *недалеко* оценочны и в прагматическом, утилитарном смысле. Так, в высказывании *На концерте Иван сидел близко/далеко* наречия могут задавать и ориентацию относительно сцены, именно она (а не говорящий) в этом случае служит приоритетным функциональным ориентиром пространства. Ср.: *На концерте Иван сидел неподалеку* — высказывание однозначно прочитывается: 'неподалеку от говорящего'. *Сидеть же близко* — это значит, скажем, хорошо видеть, слышать... Поэтому в такой явно оценочной ситуации нейтральное, чисто эгоцентрическое *неподалеку* не используется. Это тот случай, когда вопрос *Где ты сидел?* может подразумевать «Как?». По этой же причине в ситуации непосредственного восприятия возможны (не избыточны) фразы *Ты сидишь близко/далеко* и невозможны: *?Ты сидишь поблизости*. Первые информативны именно благодаря оценке (например: «Ты сидишь близко к сцене, и будь этим доволен; Ты сидишь далеко от экрана, и тебе не грозит облучение; Ты сидишь далеко от нас, и поэтому тебе не все слышно. Сядь ближе!» и под.). Оценочно индифферентные наречия типа *поблизости* не несут соответствующей информации, поэтому высказывание, их содержащее, с точки зрения прагматической целесообразности некорректно.

§7. Можно ли описывать «пустое» пространство?

Рассматриваемые нами слова различаются по возможности выбора предмета описания. Приведем в пояснение пример: *Хотя вблизи никого не было, но он... считал своим долгом играть роль до конца* (А.Аверченко). Здесь предметом описания является, собственно, его отсутствие (*вблизи никого не было*). В подобных ситуациях, при констатации отсутствия предмета описания, возможно употребление только наречий *рядом*, *поблизости*, *вблизи*. Остальные же слова — *неподалеку*, *невдалеке* и пр. — исключены. Можно сказать: *Рядом нет ни одного магазина; Поблизости/вблизи все тихо* и нельзя: **Неподалеку/вдалеке нет ни*

одного магазина *Вдалеке все тихо/никого нет...¹⁰. Ср.: Ни во флаге и нигде *поблизости* воды не было (В.Быков) при невозможности:... *неподалеку воды не было.

Характер локализации ограничен ближайшим дистанционным поясом и в том случае, если о наличии каких-либо объектов в пространстве ничего не известно, например: *Было неизвестно, кто тут обитает поблизости* (В.Быков). Ср. неуместность *неподалеку* в данном контексте.

Таким образом, «пустое» пространство — это пространство, в котором ничего не происходит: «абсолютная пустота», по И.Бродскому (*Теперь представим себе абсолютную пустоту. // Место без времени*); в частном случае «пустым» является пространство, не заполненное вещами, видимыми или мыслимыми.

Как нам кажется, объяснить указанную особенность наречий — одни способны описывать место, в котором ничего нет, а другие не способны — можно с философско-онтологической точки зрения. В столь различном поведении наречий можно видеть языковое отражение архаического понимания пространства, согласно которому пространство «не предшествует вещам, его заполняющим, а наоборот, конституируется ими» [Топоров 1983, 234]. Ср.: «В архаической модели мира пространство оживлено, одухотворено и качественно разнородно. Оно не является идеальным, абстрактным, пустым, не предшествует вещам, его заполняющим, а наоборот, конституируется ими. Оно всегда заполнено и всегда вечно; вне вещей оно не существует» [Топоров 1988, 340]. Опираясь на тезис М.Хайдеггера о том, что «вещи сами суть места, а не только принадлежат определенному месту» (цит. по [Топоров 1983, 234]), В.Н.Топоров делает утверждение «... не существует такого пространства, которое было бы независимо от вещей... свойство быть вещью есть функция пространства» [Топоров 1983, 234]¹¹.

¹⁰ Относительные показатели не участвуют в этом противопоставлении, поскольку в принципе не употребимы в тематической позиции — одинаково плохо сказать: **Близко сидит Иван* и **Близко никого нет*.

¹¹ Ср. известное рассуждение А.Вежбицкой о том, что быть в каком-либо месте значит быть как бы частью этого места: *John is now in London = John is now as-if a part of London* [Вежбицка 1972, 94].

В применении к нашему материалу приведенные мысли преломляются следующим образом.

Наречия *рядом, вблизи, поблизости* употребляются в тех случаях, когда пространство определяется через говорящего — это тот объект, та «вещь», которая конституирует описываемое пространство — «пространство говорящего». Остальные же наречия — *неподалеку, невдалеке, вдали, вдалеке* — являются характеристиками пространства, внешне по отношению к говорящему, — пространства объектов, «вещного пространства». Без объектов внешнее пространство как бы не существует (не поддается описанию). Поэтому наречия *невдалеке* и под. можно считать показателями объектов. Становится ясно, почему первые — *поблизости, рядом* и др. — могут использоваться при констатации отсутствия в соответствующем месте (= месте говорящего!) объекта, а вторые — нет. Ведь они характеризуют сам объект, в их семантику «встроено» указание на объект, они имплицитно указывают на его наличие.

Итак, мы находим еще один пример диктата вещей при восприятии и описании пространства: «... вещи не только конституируют пространство через задание его границ, отделяющих пространство от не-пространства, но и организуют его структурно, придавая ему значимость и значение (семантическое оживление пространства)» [Топоров 1983, 242].

По признаку 'способность указания на отсутствие' с показателями «места говорящего» сходны такие координатные слова, как *сзади, впереди, слева, справа, сверху, внизу*. Интересно, что и они могут описывать только «близлежащее отсутствие». Ср.: *Впереди никого нет; Далеко впереди виднеются огни большого города* при невозможности **Далеко впереди никого нет/ничего не видно*. Еще примеры: *Я оглянулся и увидел далеко позади обыкновенную полуторку* (Ф.Искандер). Можно сказать: *Позади никого не было*, поскольку в этом случае описываемый пространственный участок задается самим говорящим (наблюдателем), и нельзя: **Далеко позади никого не было*, так как *далеко* задает внешнее по отношению к наблюдателю пространство.

Таким образом, для употребления наречий с дистанционной семантикой релевантно наличие в описываемом ими

пространстве какого-либо объекта. У слов *рядом* и *под*, этим «объектом» является сам говорящий, слова же *невдалеке* и *под*, описывают внешнее пространство конституируемое объектами, отличными от говорящего. Доказательством «конституирующей силы» объекта для восприятия и описания пространства может служить следующий эксперимент: как только мы в «пространственную зону» слов *вдалеке*, *вдали* и *под*, вводим объект, запрет на употребление в контексте «отсутствия вещей» снимается¹². Ср.: **Вдалеке никого нет* и *Вдалеке, у подножия горы, никого нет*.

¹² Нужно сказать, что при определенной синтаксической поддержке, опосредованно, можно указать на отсутствие объектов во внешнем пространстве, но подобные примеры, как кажется, выглядят достаточно экзотически, ср.: *На бульваре никого почти не было, даже и вдали* (А.Солженицын) или *Ни вблизи, ни вдали никого не видно* (ср.: **Вдали никого не видно*).

§8. Особенности употребления показателей относительных пространственных оценок

Поговорим о наречиях *далеко*, *недалеко*, *близко* (наречиях на -о).

Во-первых, они легко поддаются градуированию, например: *Очень/сравнительно/слишком/так/относительно близко* (при невозможности: **очень поблизости/неподалеку*; **так поблизости/вдалеке/вдали*). Примеры: *На наше счастье, они [бомбы] упали сравнительно далеко* (К.Симонов); ... *звезды двигались, как товарищи — не слишком далеко, чтобы не забыть друг друга, не слишком близко, чтобы не слиться в одно и не потерять своей разницы и взаимного напрасного увлечения* (А.Платонов) (в последнем случае относительные дистанционные показатели балансируют между «где?» и «как?»).

Во-вторых, наречия на -о свободно и естественно употребляются в «динамических» описаниях, т.е. в тех случаях, когда в фокусе внимания находится указание на изменение расстояния между говорящим и объектом описания (*Х уже/еще далеко*). Ведь именно вследствие своей динамичности эти наречия способны выражать относительные оценки расстояния: *близко* — по сравнению с предыдущим, *далеко* — по отношению к норме и т.д. По признаку 'динамичность' данные наречия отличаются от показателей абсолютных оценок. Поскольку этот вопрос носит принципиальный характер, задержим на нем свое внимание.

Уже отмечалась (§6) синтаксическая периферийность показателей «окрестности говорящего» — их назначение служить кулисами действия. Как следствие, абсолютные показатели не используются в том случае, когда описываемый ими объект является (хотя бы и потенциальной) целью движения, пунктом назначения (или же находится на пути движения). Ср. закономерность выбора в следующих примерах именно «динамичного» наречия на -о, так как речь идет о цели путешествия: *Жадрино должно быть недалеко* (А.Пушкин); *Недалеко уже ехать* (С.Кржижановский). Заметим, что если бы *Жадрино* оставалось в стороне от дороги, показатель типа *неподалеку* стал бы вполне уместен.

Ср. в этой связи два примера: *Они приближались и были уже близко* (Б.Пастернак) — здесь плохо сказать *поблизос-*

ми и, напротив, именно *поблизости* естественно употребить в таком случае: [о фотографии] *Сам он сидел на парапете, ограждающем берег, или прохаживался поблизости, издали окидывая орлиным взглядом... встречаемых женщин* (Ф.Искандер). *Поблизости* задает участок «окрестности», а наречие на -о — вектор движения. Еще пример: *У одного из подвездов богатого дома маячила фигура — человек в красной нейлоновой куртке шагал назад и вперед, как часовой. Мы прошли близко, я увидел молодое лицо* (А.Кабаков). Наречие на -о в данном случае — единственно возможный способ пространственного указания: слова с семантикой непосредственного восприятия *вблизи* и *невдалеке* исключены, поскольку описывается положение говорящего относительно объекта, а не наоборот (т.е. отсутствует условие *внешнего* наблюдения); свободные же от семантики непосредственного восприятия наречия *неподалеку*, *поблизости* не годятся потому, что траектория движения субъекта пространственной оценки слишком «узкая» и конкретна, она не захватывает участка «окрестности». Ср. *Я был (плохо: *шел) неподалеку и решил навестить тебя; Я стоял поблизости и все слышал.*

И наконец, только относительные пространственные оценки способны описывать взаимную близость/дальность предметов в отвлечении от пространственного положения говорящего (наблюдателя), например: *В Европе все рядом* (при невозможности: **все неподалеку/поблизости*). Ср. еще: *Важен мотив снегопада — все близко, далее вообще не увидеть...* (С.Аверинцев). В подобных примерах сквозь «пространственность» наречий просвечивает «оценочность» (расстояние между объектами описания не столько констатируется, сколько именно оценивается). Эта же особенность относительных показателей проявляется и в эгоцентричном употреблении: выбор конкретного локализатора косвенно выражает оценку ситуации, ср.: — *Ты не беспокойся, мама, ... Свердловск ведь недалеко* [от Ленинграда]. *Недалеко* подразумевает «не так уж плохо»: объект в пределах досягаемости. Ср. еще: *Уединясь от всех далёко, // они за шахматной доской, // На стол облокотясь, порой // Сидят...* (А.Пушкин). Здесь *далёко* — это и «где», и «как», и «чтобы».

§9. Пространство физическое vs. умозрительное

До сих пор при выявлении 'специфических черт языкового отражения пространства мы оперировали примерами, в которых языковой интерпретации подвергались расстояния до конкретных физических объектов. Если мы расширим сферу рассматриваемого материала (привлечем к анализу высказывания о нереферентных объектах, либо об объектах с неизвестным местоположением и пр.), то мы увидим, что и в этих случаях абсолютные и относительные дистанционные оценки обладают разным потенциалом употребления.

«Окрестность говорящего» (абсолютная модель) — это конкретное физическое пространство (трехмерное, гомогенное, протяженное). Поэтому абсолютные показатели всегда конкретно референтны, сфера их описания ограничена объектами с конкретной локализацией.

Относительные показатели не связаны этим условием: свобода от границ «окрестности» (= конкретного физического пространства) позволяет им описывать объекты, местоположение которых неизвестно, неопределенно или даже вовсе неопределимо. Например: [об арестованном] *Как вы думаете, Коля еще здесь, в городе, или уже далеко?* (Л.Чуковская). Локализация описываемого в данном случае объекта (арестованного) не может быть определена в конкретно-пространственных терминах типа *неподалеку*. (ср. преимущественное использование именно относительных показателей в вопросах).

Неопределенность пространственной локализации может быть и принципиальной для описания объекта: не существенно, где он именно, важно «близко» это или «далеко» (т.е. оценка расстояния является в таких случаях смысловым акцентом пространственного указателя), ср.: *Я знаю — она далеко, // И чувствую близость ее* (И.Анненский); *Но окно тюрьмы высоко, // Дверь тяжелая с замком, // Черноокая далеко, // В пышном тереме своем* (М.Лермонтов). 'Дальность' здесь не является собственно пространственной, это некий символ разъединенности: *далеко* значит «не рядом», «не вместе». В подобных случаях выбор того или иного локализатора является косвенным указателем на

отсутствие (*далеко*) или наличие (*близко*) объекта (ведь, если «бытие означает присутствие» [Хайдеггер 1991б], то указание на отсутствие может означать небытие объекта).

Наполняясь особым содержанием, дистанционные показатели формируют некое новое — бытийное — квазипространство, с иной системой взаимоотношений пространственных показателей, иными характеристиками самого «пространства».

§9.1. Бытийное квазипространство

В приведенных выше примерах дистанционные показатели задают умозрительное, абстрактное (не непрерывное, не гомогенное) пространство с различной значимостью частей, пространство полюсов «далеко»/«близко», составляющих бинарную оппозицию. Между полюсами нет промежуточной зоны: *недалеко* в этой системе отношений, если вообще возможно, тождественно смыслу «близко»¹³.

Становится понятным, почему именно относительные оценки способны к нереферентному употреблению: ведь пространство, понимаемое обобщенно, — это, в сущности, то же самое умозрительное пространство бинарных оппозиций, ср.: *Москва далеко, а начальник близко* (при невозможности: **поблизости, *неподалеку*); *Что лучше: один друг*

¹³ Да и в применении к конкретному физическому пространству показатель относительной оценки *недалеко*, в отличие абсолютных оценок *неподалеку, невдалеке*, служит скорее средством выражения неопределенности для «близко», чем показателем срединной части шкалы расстояний, ср.: *Иван где-то здесь, недалеко*. Следствием такой неопределенности является меньшее, по сравнению с *близко*, притяжение к рематическому полюсу высказывания. Приведем пример инициального, открывающего фразу, использования *недалеко* (для *близко* такое употребление едва ли возможно): *Она [Ахматова] жила тогда в Ленинграде на улице Красной Конницы, прежде Кавалергардской <...> Недалеко, на Таврической, «башня» Вячеслава Иванова, его квартира, где она бывала в молодости. Недалеко Таврический сад, во вьюжных аллеях прячущий призраков Тринадцатого года. Недалеко Шпалерная, ныне улица Воинова, с тюрьмой, знаменитой многими знаменитыми арестантами... (А.Найман).*

рядом или десять далеко? или, модификация на близкую тему: *Чем десять хороших аптек далеко, лучше близко/рядом одна плохая*; ср. еще: *Хорошо, когда рядом друг; Рядом пропадает очарование близости; Когда ты далеко, все кажется иным; Когда ты рядом, хочется жить* и проч.

Описываемая в этих случаях дистанционными показателями область не обладает одной из фундаментальных характеристик пространства физического (трехмерного). Характеристика эта — протяженность. Квазипространство дистанционной оценки не разворачивается, не простирается, как физическое пространство. И *далеко, близко, рядом* в данной системе отношений — это уже готовые оценки, стереотипизировавшиеся как опосредованный способ описания наличия/отсутствия объекта.

Тезис о том, что полюса *далеко/близко* являются уже готовыми оценками, подтверждается невозможностью какой-либо их добавочной модификации, уточнения, как это бывает в случае «естественных» собственно пространственных указаний, например: *Москва еще очень далеко/уже совсем близко*, ср. неестественность выражения обобщений фразой типа: *Москва очень далеко, а начальник совсем близко*, где наличие наречий *совсем* и *очень* не дает уйти от связи с конкретной ситуацией: известным собеседникам «начальником» и под. В предложении *Хорошо, когда совсем рядом друг* добавочный модификатор *совсем* также проецирует высказывание на какую-то конкретную ситуацию, известную говорящему.

Тезис же о заместительной роли пространственных показателей особенно ярко подтверждается употреблением слова *далеко*. Ср. такой диалог: [О выкинутом в мусорницу черновике] — *Где он?* — *Далеко*. В данном случае объект может находиться на расстоянии вытянутой руки, но он сброшен со счетов, деквалифицирован функционально и поэтому перемещается в область семантического небытия, его нет, сообщает умозрительное *далеко*. Важно, что такой «заместитель» не допускает каких-либо собственно дистанционных, метрических уточнений. Ответ типа *очень/совсем далеко* сориентировал бы адресата неправильно, а точнее сказать — иначе, относительно всей ситуации в целом: смысл функциональной дисквалификации лока-

лизуемого объекта (черновика) при таком ответе был бы утерян. Ср. с вышеприведенным такой диалог: — *Где же книга? — Она очень/слишком далеко.* Наличие добавочного модификатора подразумевает существование (функциональное бытие) книги: «Книга слишком далеко, чтобы я мог тебе сейчас ее принести» и под.

Приписывание объектам свойства «бытие»/«небытие» с помощью указания на их близость/дальность относительно говорящего, в отдельные моменты напоминает включение объектов в «личную сферу говорящего» (*близко, рядом*), либо, напротив, выведение их из «личной сферы» (*далеко*). Введенное в лингвистический обиход Ю.Д.Апресяном (см., например, [Апресян 1986а]), понятие личной сферы говорящего базируется на широкой (не чисто пространственной) трактовке значения 'близко'. Согласно Ю.Д.Апресяну, «в эту сферу входит сам говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально — некоторые люди, плоды труда человека, его неотъемлемые атрибуты и постоянно окружающие его предметы...» [Апресян 1986а, 28]. «Личная сфера говорящего» оказывается весьма продуктивной при интерпретации самых разнообразных языковых явлений (звательная форма, слова-названия эмоций, некоторые особенности употребления глаголов совершенного вида). Как кажется, использование *далеко* в качестве показателя функционального небытия предмета сопоставимо с исключением объекта из личной сферы говорящего: в предельном случае подобное исключение описывает именно несуществование. Приведем соответствующие примеры: [из «Кошмаров» И.Анненского] *Послушайте!... Я только вас пугал: // Тот далеко, он умер... Я солгал.* Или у Ф.Сологуба: [*Никто не убивал, // Он тихо умер сам, — // Он бледен был и мал, // Но рвался к небесам.] А небо далеко, // И даже — неба нет.*

Замечание. Умозрительное квазипространство как область действия нереферентных (обобщенных) *далеко/близко* отличается от своего конкретно-референтного аналога — пространства, о котором шла речь в последних примерах. Обобщенные *далеко/близко* — это равноценные полюса симметричного бы-

тийного квазипространства: *близко (рядом)* символизирует «наличие» объекта, его функциональное бытие; *далеко* — «отсутствие» объекта, равноценное его функциональному небытию. В обоих случаях оценки стереотипизированы и, как следствие, исключают возможность каких-либо уточнений.

Можно сказать и так: обобщенные *далеко/близко* описывают некое ирреальное, гипотетическое пространство¹⁴ — пространство, не обладающее протяженностью, но обладающее однородностью, равноценностью полюсов.

Конкретно-референтный фактор вносит асимметрию в бытийное квазипространство: полюса *далеко/близко* здесь неравнозначны в плане реальности (= наличия конкретно-пространственных ассоциаций)/ирреальности (= отсутствия ощутимой связи с пространственной семантикой). Другими словами, полюс *близко* реален в том смысле, что он находится в конкретно-пространственной зоне, а полюс *далеко* ирреален, так как теряет связь с самой идеей пространственной локализации. Из сказанного следует, что к умозрительному бытийному квазипространству в конкретно-референтном высказывании относится только *далеко*; *близко* же прочитывается в терминах физического пространства, оно не несет заместительной функции и поэтому допускает любые дистанционные уточнения (*очень/совсем/не очень близко*). Ср.: *Зачем самим решать, ведь Иван совсем близко: его и спросим и Сами мы решить ничего не можем, а Иван далеко* [в кабинете у начальника/занят важным разговором и под.].

Умозрительное *далеко* (а также *близко* и *рядом*) формируют не только бытийное квазипространство — пространство наличия (*близко*)/отсутствия (*далеко*) каких-либо физических объектов; они (и только они) способны к «про-

¹⁴ Мысль о принадлежности «гипотезы» и «обобщения» к одной понятийной сфере не нова. Т.В.Булыгина и А.Д.Шмелев, описывая в [Булыгина, Шмелев 1989] различные средства номинализации, замечают, что «генерализованное понимание номинативной пропозиции влечет ее гипотетический статус» (с. 53).

странственной» реализации абстрактных представлений, духовных, психофизических и под. сущностей, т.е. объектов не физических. Назовем область этой реализации пространством инобытия.

§9.2. Пространство инобытия

Рассмотрим примеры:... *И что ж? Глаза его читали, но мысли были далеко* (А.Пушкин) или [Из разговора книгопродавца с поэтом] — *О чем вздохнули так глубоко, // Нельзя ль узнать? // — Я был далеко: // Я время то вспоминал, // Когда, надеждами богатый, // Поэт беспечный, я писал // Из вдохновенья, не из платы.*

Далеко здесь — это в другой системе координат, некоем «ментальном пространстве». В последнем примере *далеко* сообщает о реальном, духовном отсутствии объекта на фоне его видимого (физического) «наличия». Важно, однако, что в отличие от рассмотренных выше примеров (*Москва далеко...*, *Черновик далеко* [в мусорнице]), пространственный показатель не выполняет в этих случаях заместительной функции: он, скорее, сигнализирует о «перемещении» объекта описания (его духовной ипостаси) в какую-то иную область, сопредельную видимой физической пространственности.

Далеко в этой системе не говорит о небытии объекта, а *близко* не является символом «наличия» (свободной функциональной доступности). В пространстве инобытия *далеко* и *близко* — это соприсутствие, сосуществование, ср.: *А хмурое небо низко — // Покрыло и самый храм. // Я знаю: Ты здесь. Ты близко. // Тебя здесь нет, Ты — там* (А.Блок); [из стихотворного цикла памяти отца] *Я чувю: ты ходишь так близко, // Смотришь на спящих...* (В.Набоков); *В час полночный, близ потока, // Ты взгляни на небеса: // Совершаются далеко // В горнем мире чудеса* (А.Хомяков).

Абсолютные показатели, в силу своей привязанности к «окрестности говорящего» (= конкретному физическому пространству), сугубо «реалистичны» — способны к описанию местоположения объекта только в конкретных

пространственных параметрах. Поэтому в следующем примере они исключены: *Утоптанная эта земля ни в чем не была похожа на нашу жизнь и на ожидание экзаменов в нашей жизни. Где-то далеко* (плохо: **вдали/*вдалеке*) *по ней ездил беда на большой лошади, но шум копыт слабел, пропал, и тишина, горькая тишина, поражающая иногда детей в несчастьи, истребила вдруг границу между моим телом и никуда не двигавшейся землей* (И.Бабель). Метафора последовательно реализуется, выдерживая конкретно-физическую «терминологию», однако замена наречия на -о каким-нибудь *неподалеку* (и, тем более, словами с семантикой непосредственного восприятия типа *вдали, вдалеке*) была бы некорректна: употребление абсолютных показателей привело бы к конкретно-пространственному осмыслению высказывания с соответствующей «посюсторонней» локализацией объекта.

Замечание. Б.А.Успенский предложил считать *далёко* маркированным оппозиционным партнером нейтрального *далеко* при описании квазипространственной или инобытийной 'дальности'. Т.е. для современного носителя языка пространственное *далёко* — это всегда либо «небытие», либо «инобытие». Как нам кажется, в пользу этого предположения свидетельствует неспособность пространственного *далёко* к каким-либо добавочным модификациям или градуированию: ведь они задавали бы параметр «протяженность», приложимый только к пространству физическому — нельзя сказать **еще далёко; *совсем далёко*; некорректны сочетания **очень/так/сравнительно далёко*. Скорее, временной перенос оставляет возможность подобных сочетаний (... *начало было так далёко...*), в применении же к пространству они кажутся некорректными.

Если бытийное квазипространство является областью вторичного использования пространственных показателей (язык пространственных отношений выступает как средство описания несобственно пространственных смыслов), то в пространстве инобытия дистанционные показатели ис-

пользуются по своему прямому назначению (не «заместительно»). Объекты инобытия сосуществуют с реальными физическими объектами в непересекающихся, взаимнонепроницаемых пространственных зонах. Об этой взаимонепроницаемости и свидетельствует наш языковой выбор — невозможность применения к инобытию абсолютных оценок, сферой описания которых является физическое пространство.

Чтобы показать разницу между абсолютными и относительными оценками, приведем примеры, где *рядом* описывает «инобытийную» близость — сосуществование двух миров, посю- и потустороннего: *Я чувствую твое присутствие рядом; Я чувствую, что ты рядом*. Поскольку речь идет о близости душ, смысл приведенных фраз не тождествен таким, например, высказываниям: *Я чувствую, что ты поблизости/неподалеку*. В последнем случае объект описания находится в одном пространственном измерении с говорящим.

Владимир Соловьев, говоря о метрическом, «реально определенном и ограничивающем нас пространстве», делал акцент на «общих принудительных пределах действительного пространства»: «...реальное пространство фактически есть постоянный показатель действительного разъединения и вместе с тем необходимое условие для действительного соединения данных в нашем мире существ. Та сторона существ, которую они подлежат такому внешнему разъединению и соединению, называется физическим телом, и самое простое выражение для факта реального пространства дается аксиомою непроницаемости: два тела не могут совместно занимать одну и ту же часть пространства» [Соловьев 1914, 269]. «Субъективная свобода» от «оков пространства», согласно Вл. Соловьеву, возможна в пространстве сна, грез — им чужды такие понятия, как разъединенность, непроницаемость, протяженность. В сущности, пространство «воображения» — это то же, сосуществующее с конкретным физическим, инобытийное пространство, о языковой реальности которого свидетельствует употребление — запрет на использование показателей «окрестности говорящего», ср. у А. Ахматовой: [Наше будущее]...стучало в окно, пряталось за фонарями, пересекало сны и пугало

страшным бодлеровским Парижем, который притаился где-то рядом. Вряд ли бодлеровский Париж мог бы притаиться *поблизости* или *неподалеку*.

В подтверждение того, что «инобытие» мыслится говорящими как находящееся «рядом», но не «поблизости» или «неподалеку», сравним такую пару высказываний: *Я вижу рядом героев Эллады* и *Я вижу поблизости героев Эллады*. В первом случае *рядом* может пониматься как граница между реальным и воображаемым миром, а во втором — *поблизости* со всей однозначностью указывает, что герои Эллады находятся в одном физическом измерении с говорящим.

Для наречия *рядом* возможность употребления в контекстах, подобных приведенным выше, определяется, по-видимому, наличием у него латентного семантического компонента 'сосуществование', который в этих случаях и проявляется. Действенность данного компонента хорошо видна при употреблении *рядом* с заполненной валентностью объекта. Подробнее мы рассмотрим этот вопрос в §11, а здесь приведем лишь пример такого употребления с коротким комментарием: *И всегда рядом с неряшливою щедростью самородка следует что-нибудь завистливо рядовое и посредственное* (Б.Пастернак). В подобных случаях наречие функционально приближается к логической связке (= 'наряду') и, естественно, покидает границы физического пространства — сопоставление в терминах «наряду» предполагает абстракцию от конкретных физических свойств объектов¹⁵.

Замечание. По способности к описанию «инобытийности» различаются и такие дейктические показатели, как *вот/вон, тут/здесь, тут/там*. Сравним примеры: *Вот он стоит у окна* (*вот* может задавать референцию и к воображаемому пространству — грез, воспоминаний) и *Вон он стоит у окна* (*вон* однозначно свидетельствует, что речь идет о реальном, кон-

¹⁵ Заметим, что и пространственное *рядом* может совмещаться с идеей логического противопоставления, ср. в «Декабристе» О.Мандельштама: «Тому свидетельство языческий сенат, — // Сию дела не умирают!» // Он раскурил чубук и запахнул халат, // А *рядом* в шахматы играют.

кретном физическом пространстве); *Я чувствую, что он здесь* (здесь может описывать и инобытийную близость, ср. блоковский пример *Я знаю: Ты здесь. Ты близко...* или стихи В.В.Набокова памяти отца: *Смерть — это утренний луч, пробужденье весеннее. // Верю, ты, погруженный в могилу, пробужденный, свободный, // Ходишь, сияя незримо, здесь, между нами — до срока спящими или его же обращение к «Неродившемуся читателю» [Ты, светлый житель будущих веков, // Откроешь антологию стихов...] Я здесь с тобой. Укрыться ты не волен. // К тебе на грудь я прынул через мрак. // Вот холодок ты чувствуешь: сквозняк // Из прошлого... Прощай же. Я доволен) и *Я чувствую, что он тут* (тут подразумевает конкретно-пространственную локализацию, ср. невозможность использования *тут* при описании инобытийной близости: *Я чувствую его здесь* или *Здесь особенно остро ощущается его присутствие*, ср. также невозможность замены *здесь* на *тут* в приведенных выше примерах из В.Набокова). В отличие от *тут* и *вон*, у *там* возможны инобытийные референтные соотношения: о сидящем рядом собеседнике можно сказать *О чем он там* (ср. **тут*) *думает?*; *Что он там* (**тут*) *замышляет?* Там в этих случаях задает референцию к ментальному, а не реальному физическому пространству. Указание на «дальность» этого пространства подчеркивает взаимную непроницаемость инобытийного и физического пространств, «суверенность» чужого внутреннего мира. Слово же *тут* во фразе *О чем вы тут думаете?* будет однозначно задавать референцию к месту. (Ср. также большую естественность, предпочтительность *здесь* в вопросах: *Здесь ли Иван?*; гипотетических высказываниях: *Не здесь ли все начиналось?*; под отрицанием: *Нет! Нет! Только не здесь!*).*

Нетрудно догадаться, что у слов *вон* и *тут* ограниченность физическим пространством определяется их перцептивностью в исконном, пространственном, значении: *тут* — это всегда некий обозримый локус — ср.: *Он сейчас здесь* (**тут*) *в России*, — а *вон* — это ви-

зуальное восприятие: шум мотора, например, не может служить основанием для высказывания *Вон он едет*.

Итак, свобода от связи с конкретным физическим пространством позволяет относительным показателям: переключатся в область оценок и формировать умозрительное квазипространство «бытийности» с полюсами наличия (*близко*)/отсутствия (*далеко*); реализовать в пространстве (понимаемом широко — как некая область существования) объекты нефизические: ментальные, психические и проч.

В заключение этого параграфа остановимся еще на одном различии функционально-синтаксических возможностей абсолютных и относительных пространственных показателей. Рассмотрим пример: *Зарево белое, желтое, красное, // Крики и звон вдалеке* (А.Блок). *Вдалеке* задает перцептивные границы окружающего говорящего пространства, откуда слышны крики и звон. Замена этого пограничного показателя «окрестности говорящего» на *далеко* — ...*Крики и звон далеко* — меняет не только коммуникативную структуру высказывания (в фокусе внимания оказывается локализатор), но и существенно меняет общий смысл: крики и звон становятся несущественными, отходят на задний план, близкий к функциональному небытию. Такое понимание диктуется тем, что *далеко* «прочитывается» в данном контексте не собственно пространственно: событийность в семантике криков и звона помимо пространственной локализации (*вдалеке*) допускает и временную. Именно о ней сообщает *далеко*: крики и звон — это события, отошедшие в прошлое.

Ср. аналогичный эффект употребления относительных оценок: [из «Молитвы» М.Лермонтова] ... *С души как бремя скатится, // Сомненье далеко — // И верится, и плачется, // И так легко, легко...* *Далеко* сообщает, что сомнения снова в квазипространстве функционального небытия — оно прошло (т.е. стало «прошлым»). Или: [В. Набоков из Гете. Посвящение к «Фаусту»] *Вы снова близко, реющие тени. // Мой смутный взор уже вас видел раз. // Хоть ль теперь безумия видений? // Запечатлеть попробую ли вас?* Нахлынувшие, «приблизившиеся», тени-воспомина-

ния (образы) актуализируют постоянно «тлеющее», сосуществующее рядом с Поэтом инобытие.

Возможность двойного осмысления, симультантная актуализация пространственных и временных ассоциаций, становится возможной благодаря событийной природе описываемых в приведенных примерах явлений — *сомнений, грез и воспоминаний*. Ср. между тем сугубую однозначность высказываний с объектами предметными: *Когда ты далеко, хочется плакать, а когда ты рядом хочется жить*.

Данные примеры подводят нас к новой теме: переводу пространственного языка в область описания временных отношений.

§10. «Пространство» —> «Время»

Отсутствие связи с «окрестностью говорящего» (конкретным физическим пространством) и динамичность позволяют наречиям на -о описывать и временные расстояния. Классическим примером такого использования пространственных показателей могут служить следующие строки из Апокалипсиса: *И сказал мне [Ангел]: не запечатывай слов пророчества книги сей; ибо время близко*.

Т.В.Цивьян указывает на «исконность идеи пространства в ряде важных понятий, относящихся к движению, а чередование [выделено нами. — Е.Я.] переходящих в другие сферы, или другие коды» [Цивьян 1990, 74]. И в нашем случае «в другие коды» переключаются именно слова, обладающие семантикой движения, ср.: *Начало было так далёко, // Так робок первый интерес* (Б.Пастернак); *Еще далёко асфodelей // Прозрачно-серая весна* (О.Мандельштам).

Рядом в силу малой своей динамичности едва ли способно описывать временную близость (приближение событий): фразы типа **Праздники рядом; *Экзамены рядом* сомнительны.

Что же касается конкретно-пространственных показателей «окрестности говорящего», то они ни при каких условиях не могут быть осмыслены в другой системе координат, ср.: *Праздники близко/далеко* при невозможности: **Праздники поблизости/неподалеку*.

Таким образом, свобода от связи с физическим пространством может подразумевать описание а) бытийного квазипространства; б) пространства инобытия и в) переключенное в систему временных координат. Если рассматривать пространство и время не как самостоятельные, независимые, самоценные и объективные сущности, а, следуя Канту, видеть в них некие формы, в которые облекается человеческое созерцание (время — это «внутреннее созерцание», форма, в которой человеческий разум постигает явления, а пространство — это «внешнее априорное созерцание» [Кант 1965]), то о перекодировке пространственного языка, переносе значений в другие сферы, отличные от «пространства», можно говорить, как нам кажется, лишь в последнем случае («пространство» → «время»). В первых же двух сама идея пространственности сохраняется — она лишь претерпевает модификации: освобождаясь от «тяжести» физической конкретики (б); поляризуясь и оцениваясь (а). Соответствующие модификации могут лишать пространство протяженности, непрерывности, равноценности частей, но они не делают его не-пространством.

Переключение же во временной план, эксплуатируя одно из фундаментальных свойств пространства — протяженность («метрику») — порывает с самой идеей пространственности (= восприятия и описания мира в категориях пространства). Попробуем доказать этот тезис на примере употребления прилагательных, однокоренных наречиям *далеко/близко*.

Прилагательные *близкий/далекый* (и их краткие формы) употребляются по преимуществу в переносном значении. Начнем с тех случаев, когда они описывают время. Примеры: *В этой бездонной лазури, // В сумерках близкой весны // Плакали зимние бури, // Реяли звездные сны* (А.Блок); *И пророка близкое ненастье, // Низко, низко стелется дымок* (А.Ахматова); *Молчит сомнительно Восток, // Повсюду чуткое молчанье... // Что это? Сон или ожидание, // И близок день или далек?* (Ф.Тютчев); *Вам жить, а мне не очень, // Тот близок поворот. // О, как он строг и точен, // Незримого расчет* (А.Ахматова).

Во всех примерах, кроме последнего, прилагательные относились к событийным именам (*день, весна* и под.). Пово-

рот в прямом его значении не принадлежит ни к какому событийному ряду. Но такой, чисто «пространственный», поворот и не может описываться как *близкий* или *далекий*: о нем мы скажем: *Поворот далеко/близко*.

Известно свойство языковой взаимообратимости времени и пространства. На материале церковно-славянского языка на эту особенность указывает, в частности, Ф.И. Буслаев (со ссылками на известную традицию в данном вопросе): «Переход понятия времени к понятию места... виден в слове *свѣтъ*, которое в книге Ездры стоит вм. *вѣкъ*: *создал еси свѣтъ — creati seculum, сотворен бысть свѣтъ — creatam seculum*, 6, 55 и 59... Переход значения места к значению времени сохраняется в некоторых выражениях, как, напр., *и с тѣхъ мѣстъ клубукъ бѣлый въ Новгородѣ* (Новг. лет., с. 140) — *покамест, час места*. Так как время и место равно подлежат измерению, потому одна и та же мера иногда принимается в языке для означения и пространства — *верста*, и времени: *князь Андрѣй отъ млады версты Христа возлюбивъ* (Ипат. лет., III); *еще унъсыи верстою, но совершенъ умомъ* (Пск. лет., с. 4)» [Буслаев 1992, 276].

Ср. также приведенные в [Цивьян 1990] примеры «обозначения срока через расстояние и расстояния через срок: *город находится в трех часах ходьбы, шел долго — прошел лес, поле*» (с. 11).

К подобной «взаимообратимости» приводит, в частности, употребление прилагательных *(не)близкий*; *(не)далекий*; *(не)близок*; *(не)далек* относительно различных обозначений «пути», например, слова *дорога*: во фразах *Дорога далека*; *Дорога неблизкая* данные прилагательные всегда будут описывать не внешнюю, доступную непосредственному восприятию, сторону соответствующего объекта (в данном случае — местоположение *дороги*, как во фразе с наречием *Дорога далеко*), а внутреннюю, «умопостижимую» — содержательное свойство объекта (в нашем случае этим свойством является время, необходимое на преодоление соответствующего «пути»¹⁶).

¹⁶ Именно здесь происходит то, что можно считать действительным переходом в другую систему координат: восприятие мира в пространственных категориях (внешнее, априорное созерцание) заменяется

Такое прочтение мотивировано и синтаксически: у прилагательного, в отличие от наречия, нет 2-ой валентности (*Дорога далеко от чего/кого*, но не *далекая от чего/кого*), поэтому 'дальность' в случае употребления прилагательного не может пониматься как расстояние; она является имманентным свойством объекта. Кроме того, высказывания *Дорога далека* и *Дорога далеко* реализуют разные предикаты «быть»: в первом случае 'есть' = «является»; во втором 'есть' = «находится».

В пояснение сказанного рассмотрим пример, в котором речь идет о *недалекой* (= 'недолгой') дороге: *И трепеща у милого порога, // Забытых грез к тебе стремится рой. // Недалека воздушная дорога, // Один лишь миг — и я перед тобой* (В. Соловьев). Данный пример, как нам кажется, хорошо иллюстрирует разницу между «обратимостью» (пространства во время) и модификацией идеи пространственности (выходом за пределы физического пространства). В приведенных строках ничего не сказано о местоположении объекта (*воздушной дороги*) в пространстве горного мира. Мы узнаём лишь, что дорога эта не занимает много времени. Ср. обратное переключение в план пространственного осмысления при замене прилагательного наречием: *Недалеко воздушная дорога* («воздушная дорога находится недалеко отсюда») и невозможность перехода из этого — сопредельного — инобытийного пространства, описываемого относительным дистанционным показателем, в мир физических измерений (т.е. использование абсолютного показателя, который бы свидетельствовал об освоенности соответствующего участка): **Неподалеку/поблизости воздушная дорога*.

Фактор «внутреннего созерцания» может диктовать перекодировку пространственного показателя во временной (т.е. использование не наречия, а прилагательного) и в том случае, когда реально описывается перемещение в пространстве, но характеризуемый объект (конкретно-физический!) мыслится как цель, что в свою очередь заставляет переосмыслить чисто физическое перемещение как движение в некоем «телеологическом пространстве» (ведь

восприятием в категориях времени (внутренним созерцанием, по Канту, ведущим к постижению сути явлений).

пересечение пространства физического не является необходимым условием достижения цели). Например: *Маргарита чувствовала близость воды и догадывалась, что цель близка* (М.Булгаков); ср. некорректность фразы **Река близка* (нужно: *близко*); *Цель Иуды была близка. Он знал, что направо в темноте сейчас начнет слышать тихий шепот падающей воды* (М.Булгаков).

Наличие целевого параметра актуализирует в высказывании временную координату, т.е. телеологическое пространство, описываемое кратким прилагательным, это уже некое синкретическое единство — «пространство-время». В подтверждение приведем пример, в котором описывается движение пилигрима к Святым Местам. Выбор краткого прилагательного при названии цели паломника (*Иерусалим все еще далек, а не все еще далеко*) актуализирует в этом движении идею времени, способствуя тем самым осмыслению движения как всеобщего (= пространственной метафоры жизни человека): путь пилигрима — это путь человечества, и тогда конкретное движение в описываемом символическом (телеологическом) пространстве — это всеобщее движение во времени: [...] *И, чередуясь мерно, дали // Встанут все новые пред ним, // Неистощимы, как печали, — // И все далек Иерусалим <...> В путях томительной печали // Стремится вечно род людской // В недостижимые дали // К какой-то цели роковой* (Ф.Сологуб).

Еще пример, в котором полное прилагательное при имени цели — в точном соответствии со своей грамматикой описания постоянных свойств — создает ощущение нескончаемости пути: *Мы скучной дорогой идем // Вдоль скудного поля. // Томительно грезится нам // Далекая воля* (Ф.Сологуб).

Прилагательные с «дистанционной» семантикой могут описывать и такие имманентные свойства объектов, как сходство содержательных черт, взглядов; духовную близость/чуждость — все то, что никак не чувствительно к фактору пространственной локализации, например: *Женя поразила, как могла она раньше думать, что любит девочку, смех которой раздается так рядом и так далек, так не нужен ей* (Б.Пастернак).

Наличие «внутреннего созерцания» (= ассоциативной связи с временной координатой) в семантике прилагательных неизмеримо усложняет описываемые ими смыслы по сравнению с «внешней» (и потому однозначной) пространственностью. Ср.: *Люблю я эту комнату, // где даже дальний берег // так близок — не забыть...* (Б.Окуджава). «Близость» берега здесь — это и неподвластность времени, и ощущение духовного родства с прошлым.

Замечание. Краткие и полные формы «дистанционных» прилагательных различны по своим синтаксическим возможностям; сочетаемость их с существительными, обозначающими носителя соответствующего признака, отнюдь не произвольна, а получившиеся в результате словосочетания могут обладать тонкими смысловыми различиями. Но этот вопрос выходит за рамки рассматриваемой нами темы. Сейчас же нам хотелось бы обратить внимание на выражения типа *далекие страны/звезды; далекий друг*. Казалось бы, факт их существования опровергает тезис о сугубо переносном употреблении соответствующих прилагательных, ведь здесь как будто задается пространственное осмысление ситуации: *далекий друг, далекие страны/звезды* — такие, которые находятся далеко от говорящего. Нельзя, однако, не заметить и факт идиоматизации данных выражений: можно сказать *далекие страны* и нельзя *близкие*; выражение *близкий друг*, в отличие от *далекого друга*, исключает какое-либо пространственное осмысление; не говорим мы также и *далекий враг* (и даже *далекий коллега/единомышленник/соратник/приятель* звучат менее привычно по сравнению с *далеким другом*). Вследствие идиоматизации смысловое содержание рассматриваемых выражений не является суммой отдельных частей; оно не прозрачно и в каком-то смысле не предсказуемо. Так, *далекие страны* — это и страны не познанные; *далекий друг* — это, возможно, и не вполне близкий говорящему адресат (ср. наиболее типичное — эпистолярное — употребление этого выражения). В любом случае утверждение, что в

подобных выражениях прилагательные описывают «чистую» пространственность, было бы неверным.

Чтобы отчетливее почувствовать специфику дистанционных прилагательных по сравнению с однокоренными им наречиями, приведем пример свободного от какой-либо идиоматичности употребления слова *далекий*: *Я хотел бы уйти на покой // В монастырь, но в далеком лесу <...> Где бы каждому был я слуга // И творенью Господнему друг, // И чтоб сосны шумели вокруг, // А на соснах лежали снега (И. Анненский). Далекий* отправляет нас к некоему умозрительному локусу — пространству мечты (ср. саму модальную основу соответствующего употребления): *о далеком лесе* можно вспоминать, грезить, его можно представлять, воображать; но к этому *лесу* нельзя «приблизиться», чтобы «войти» в него и «освоить». В пользу того, что прилагательное *далекий* в данном примере символизирует не достижимость (т.е. описывает нечто, принципиально отличное от простой «пространственности»), свидетельствует невозможность употребления по отношению к *далекому лесу* И. Анненского какого-либо добавочного модификатора: сочетания *такой/совсем/относительно/сравнительно/очень далекий лес* отправляют адресата к реальному «локусу».

Невозможность градуирования прилагательного *далекий* при описании им недоступности, недостижимости говорит о том, что в приведенных строках оно наделено статусом устойчивого эпитета: если добавочная модификация определения исходит от конкретного говорящего, преломляя тем самым содержание высказывания в какую-то известную ему сферу (*очень/совсем/такой далекий лес* — это лес конкретный, локализованный в известном говорящему физическом пространстве), то устойчивый эпитет обладает всеобщностью (у него принципиально отсутствует какой-либо конкретный автор); поэтому в соответствующей качественной позиции возможность градуирования, модификаций определения заведомо исключена.

§11. Итоги

Прежде всего, перечислим те признаки, по которым наречия с семантикой 'далеко'/'близко' противопоставлены:

1) отмеченность/неотмеченность семантикой 'наблюдения': *вблизи, (не)вдалеке, вдали* — отмечены; *поблизости, рядом, неподалеку, (не)далеко, (не)близко* — не отмечены;

2) абсолютность/относительность пространственной оценки: *вблизи, поблизости, (не)вдалеке, вдали, неподалеку* — абсолютные оценки, *(не)далеко, (не)близко, рядом* — относительные;

3) обязательность/необязательность горизонтальной ориентации объектов относительно говорящего: *вдали, (не)вдалеке, неподалеку* — обязательна; *(не)далеко, (не)близко, рядом* — не обязательна;

4) место в коммуникативной структуре высказывания: *(не)вдалеке, вдали, вблизи* — тематичны; *(не)далеко, (не)близко* — рематичны; *поблизости, неподалеку, рядом* — могут быть как в теме, так и в реме высказывания;

5) градуируемость/неградуируемость: *(не)далеко, близко* — градуируются; *рядом, поблизости, неподалеку; невдалеке, вдали, вблизи* — не градуируются;

6) свобода от связи с физическим пространством: *далеко, близко, рядом* — свободны; остальные наречия способны описывать только физические объекты в физическом пространстве.

Проведенный анализ позволил выявить 4 вида (модели) пространства, которые задаются наречиями с семантикой 'далеко'/'близко' в эгоцентрическом употреблении, т.е. при описании положения объекта относительно говорящего.

I. Относительная, динамическая модель. Ее «носители»: *далеко, близко, рядом, недалеко*. Примеры: *Европа рядом; Луна совсем близко*. Характеристики модели: 1) говорящий и описываемый объект — физические сущности; 2) оба находятся в одном, физическом, пространстве; 3) оценивается расстояние до объекта; оценка относительная, функциональная (= субъективная, градуируемая).

II. Абсолютная, статическая модель — «окрестность говорящего». Ее «носители»: *вдали, вдалеке, невдалеке, непо-*

далеку, поблизости, вблизи. Примеры: *Школа неподалеку; Вдали раздался крик.* Характеристики модели: 1) говорящий и описываемый объект — физические сущности; 2) оба находятся в одном, физическом, пространстве; 3) оценивается расстояние до объекта; оценка абсолютная, неградуируемая; имеет три значения (навязывается говорящему извне): *вблизи, поблизости* — ближайший дистанционный пояс; *недалеке, неподалеку* — средний пояс; *вдали, вдалеке* — дальний пояс «окрестности».

III. Бытийное квазипространство. «Носители» модели: *далеко, близко, рядом.* Примеры: *Когда ты рядом, хочется жить. — Где Иван? - Далеко [в кабинете у начальника].* Характеристики модели: 1) говорящий и объект описания — физические сущности; 2) объект находится в пространстве говорящего (*близко, рядом*)/за его пределами (*далеко*); принадлежность объекта пространству говорящего означает доступность к взаимодействию, т.е. по существу с помощью *далеко/близко* указывается область локализации — вне/внутри бытийного пространства.

IV. Пространство инобытия. «Носители» модели: *далеко, близко, рядом.* Примеры: *Чувствую, что ты опять далеко; Кто-то близко ходит, // Кто-то нежно стережет, // Чутких глаз с меня не сводит, // Но не подойдет* (Ф.Сологуб). Характеристики модели: 1) объект описания — ментальная сущность; говорящий совмещает ментальную и физическую сущности; 2) ментальный объект существует и находится либо в области чувственного контакта с говорящим (*близко, рядом*), либо за ее пределами (*далеко*); 3) оценка бинарная; оценивается достижимость чувственного контакта (взаимодействия).

Замечание. Различие в рамках двух последних моделей (нефизического, умозрительного, пространства) проходит не только по линии характеристик объекта описания: в бытийном пространстве, как правило, локализуются физические объекты, а в инобытийном — нефизические. Не менее важно и то, что инобытие — это всегда сосуществование, а квазибытийность (в случае 'дальности') подразумевает несуществование объекта. Прочтение высказывания

по той или другой модели определяется не только «объективными» характеристиками локализуемых предметов (если физические сущности, то квазибытийность, а если нефизические, то обязательно инобытие). Не менее важен и «субъективный» фактор — интенция говорящего: как несуществующий, функционально дисквалифицированный может описываться и физический предмет, и объект, принадлежащий инобытию. В последнем случае *далеко* выводит этот инобытийный объект из области важных, функционально существенных предметов. Рассмотрим пример: [Демон Тамаре об убитом женихе] *Твоя слеза на труп безгласный // Живою росой не упадет: // Она лишь взор туманит ясный, // Ланиты девственные жжет! // Он далеко, он не узнает, // Не оценит тоски твоей; // Небесный свет теперь ласкает // Бесплотный свет его очей; // Он слышит райские напевы... // Что жизни мелочные сны, // И стон, и слезы бедной девы // Для гостя райской стороны? Далеко* в приведенном отрывке относится одновременно и к бытийному квазипространству (Демон настаивает на функциональном небытии жениха Тамары), и к пространству инобытия, данному Демону в непосредственном созерцании.

Перечисленные пространства являются разными интерпретациями расположения объекта описания относительно говорящего и в этом смысле они сопоставимы друг с другом. Поэтому кажется естественным называть сами эти пространства языковыми моделями, присущими русскому языковому сознанию, а их совокупность — пространственным фрагментом русской языковой картины мира.

Известно, что «наивные физики пространства и времени, явленные в дейктических словах различных языков, обнаруживают некоторые универсальные черты и ряд особенностей, специфических для каждого естественного языка» [Апресян 1986а, 7]. В нашем случае универсальными, бесспорно, являются относительные показатели *далеко, близко, рядом, недалеко* и формируемые на их основании модели; к разряду же специфических (характеризующих именно рус-

ское языковое сознание), по-видимому, должны быть причислены абсолютные показатели—носители модели «окрестность говорящего».

Проделанный нами анализ употребления пространственных наречий позволяет говорить, что характерной особенностью языкового отражения пространства (по сравнению, скажем, с пространством геометрическим) является семантизация расстояния. Именно этот критерий лежит в основе выделения языковых моделей пространства.

Существование в языке абсолютных и относительных оценок расстояния свидетельствует о релевантности (и даже фундаментальности) для описания пространства такого параметра, как человеческое измерение. Абсолютность показателей «окрестности говорящего» (первая модель) определяется не только семантикой 'наблюдение' у некоторых из них, априори задающей дистанционную закрепленность соответствующего показателя и «разворачивающей» пространство (как область наиболее стандартных описаний) по горизонтали от говорящего. И не обладающие семантикой непосредственного восприятия наречия *неподалеку*, *поблизости* указывают на обжитое пространство. «Окрестность говорящего» — это область пространства, соизмеримая с человеком, это результат освоения и «собрания» пространства. Именно в рамках этой модели абсолютное расстояние значимо, поскольку оно оценивается с точки зрения непосредственных возможностей человека. Функциональная близость в применении к «окрестности» подразумевает возможность человека достичь соответствующей точки в пространстве, не прибегая к услугам сверхмощных (= не стандартных) транспортных средств. «Стандартность» же подразумевает достижение цели путем передвижения по поверхности земли («исхоженность» пространства). «Окрестность говорящего» можно было бы назвать архаической моделью пространства, поскольку она отражает восприятие пространства древним человеком, а именно — это та часть пространства, которую он способен непосредственно воспринять, в той или иной мере самостоятельно освоить и узнать.

Для относительной пространственной модели характерна незначимость абсолютного расстояния. Семантическую

оценку расстояния в рамках этой модели можно охарактеризовать так: относительная трудность достижения данной точки пространства обусловлена удаленностью этой точки. Объект может быть *далеко*, находясь и в пределах одной комнаты, и за пределами страны/материка, аналогично, *близко* может описывать и реально весьма внушительные дистанции (*Луна близко*).

Функциональность относительных показателей (иррелевантность фактора протяженности пространства, конкретных расстояний) снимает вопрос об «образе» пространства: для этой модели не существенно условие горизонтальной ориентации объектов по отношению к говорящему, «исхоженность» пространства (исконная связь с поверхностью земли, обуславливающая подспудные ассоциации преодоления пути с непосредственным пересечением местности).

Свобода относительных показателей от фактора пространственной протяженности позволяет некоторым из них участвовать в формировании умозрительного бытийного пространства функциональной оценки. Это квазипространство манифестируется полярными *далеко/близко (рядом)*, где *далеко* означает отсутствие объекта, равносильное функциональному небытию, а *близко, рядом* означают наличие объекта. Иными словами, с помощью этих полярных оценок все мыслимое пространство разбивается на две части по признаку наличие/отсутствие; реальность (*близко*)/ирреальность (*далеко*). Бытийное квазипространство конституируется полюсами готовых оценок «далеко»/«близко», между которыми нет промежуточной зоны; данные оценки исключают какую-либо дальнейшую спецификацию — они не градуируются. В высказывании *X очень далеко* именно наречие *очень* исключает квазипространственное, «бытийное» осмысление. Понятно, что для этой модели также не важно абсолютное расстояние до объекта; важно лишь то, к какой части пространства он принадлежит — полюсу отсутствия и ирреальности (*далеко*) или же полюсу функциональной доступности и реальности (*близко*).

Таким образом, наличие в русском языке, наряду с полифункциональными — относительными — дистанционными оценками, абсолютных, позволяет выявить динамику «пространственных представлений» носителей языка.

Языковое отражение этой «наивной философии» носит явные следы архетипических представлений о пространстве, что, как кажется, позволяет говорить об «архетипической основе» языкового отражения пространства.

§12. Вместо послесловия: к чему приводит снятие фактора эгоцентричности

Как отмечалось в §1, рассматриваемый нами фрагмент пространства формируется на основе эгоцентрического употребления наречий — дистанционной точкой отсчета описываемого пространства является говорящий. Снятие фактора эгоцентричности — а происходит это при заполнении 2-ой валентности наречия объектом, отличным от говорящего (вследствие чего, как отмечает Ю.Д.Апресян, реализуется «недейктическая стратегия понимания высказывания» [Апресян 1986а, 11]) — кардинально меняет картину системных отношений в пределах рассматриваемой группы. Прежде всего, становится несущественным само понятие «окрестности говорящего» (с ее человеческим масштабом, «образом» пространства и пр.): наречие получает возможность соотноситься с самыми различными ориентирами. Вследствие этого:

1) появляется возможность употребления абсолютных показателей в нереперентных высказываниях, например: *Обычно магазины строятся неподалеку от центра города* (ср.: *Магазины строятся неподалеку*, где речь идет о конкретных, известных говорящему, магазинах);

2) поскольку в этом круге употреблений у слов типа *вдалеке* реализуется «недейктическая стратегия», появляется возможность использования этих наречий при самоописании, например: *Я был невдалеке от дома, когда услышал выстрелы*;

3) теряет отчетливость и противопоставленность наречий по линии «статичность»/«динамичность». Ср. корректность употребления *неподалеку от* в динамической ситуации, по отношению к цели движения: — *Что вы молчите? — нетерпеливо окликнул он Кириллова уже неподалеку от дома* (Ф.Достоевский);

4) то обстоятельство, что говорящий перестает быть наблюдателем, снимает и необходимость наличия у него непосредственного восприятия в случае употребления таких слов, как *невдалеке*. Как следствие, для этих слов становится не обязательным соотношение с реальным модальным планом высказывания, ср.: *Хорошо бы (вот бы) оказаться сейчас где-нибудь невдалеке от экватора!*;

5) отсутствие эгоцентрической ориентации снимает необходимость согласования пространственных показателей по признаку «ближнее»/«дальнее», ср. примеры, где пространственные показатели взаимно согласованы, с такими, в которых это согласование вовсе не обязательно: *Там вдали, по дремучим урочищам, // Этой ночью весенней белой // Соловьи славословьем грохочущим // Оглашают лесные пределы* (Б.Пастернак) и *Там, вблизи от больших городов, вам будет лучше; Здесь, вдали от больших городов, живет спокойнее*;

6) возможность соотноситься дистанционного показателя с самыми различными ориентирами фактически делает нерелевантным пространственный масштаб «окрестности говорящего»: становятся возможны сочетания *невдалеке от Земли/от России*. С исчезновением «окрестности» редуцируется и условие горизонтальной ориентации объектов относительно говорящего у абсолютных показателей. Да и в самой оппозиции абсолютность/относительность происходит переориентация, например, осуществляется частичный обмен функциями между некоторыми показателями абсолютных и относительных оценок. Задержим внимание на этом вопросе.

Для описания близости/дальности с названиями объектов, не обладающих конкретно-пространственными характеристиками (и в этом смысле абстрактными), легче употребляются такие показатели крайних точек «окрестности говорящего», как *вблизи/вдали*, и практически неупотребимы выразители относительных оценок *далеко/близко*. Ср.: *Вдали/вблизи от цивилизации при невозможности: *далеко/близко от цивилизации; вдали от природы/от населенных мест/от суетной молвы...* Ср. у Ф.Тютчева [Русской женщине] *Вдали от солнца и природы, // Вдали от света и искусства, // Вдали от жизни и любви // Мелькнут твои младые чувства, // Мечты развеются твои.*

Именно заполнение 2-ой валентности объектом, отличным от конкретно-физического, ведет к потере «образных» пространственных ассоциаций у таких слов, как *вдали*. Само понятие пространства в данном случае преобразуется, семантизируется, прочитывается не метрически — как некая протяженность, а функционально — как разъединенность (ср. бытийное квазипространство!). При этом непреодолимость барьера не связана с фактором пространственной локализации, она определяется, скорее, содержательным разрывом. Т.е., как и в случае бытийного квазипространства, указание на пространственную удаленность символизирует нечто другое — содержательную несовместимость, несоединимость, так сказать, по «идейным» соображениям: пребывать *вдали* *взыскательных невест* (А.Пушкин) можно, реально находясь в одном с ними «локусе»; аналогично, высказывание [Они] *жили вдали от церковных дел* (С.Голицын) не подразумевает дальности расстояния между теми местами, где вершились *церковные дела*, и «их» местопребыванием.

Да и в том случае, когда 2-я валентность наречия *вдали* заполнена каноническим объектом-«локализатором», смысл получившегося сочетания выходит за рамки чисто дистанционного прочтения. Так, во фразе из письма Анны Ахматовой *Третью весну встречаю вдали от Ленинграда* слово *вдали* сообщает и о том, что *Ленинград* представляет для говорящего нечто большее, чем просто географический объект (= пространство); с ним связаны содержательные ассоциации: *вдали от Ленинграда/Москвы/Смоленска* — это может быть и «вдали от друзей/родных/любимой работы/суеты/дурного влияния» и пр.

В том же случае, когда в фокусе внимания только дальность расстояния, предложно-наречное сочетание *вдали от* не употребляется, его сменяет чисто пространственное *далеко от*, ср.: *К сожалению, мы сейчас далеко (*вдали) от Ленинграда и не можем проверить вашу гипотезу и Вдали (*далеко) от Ленинграда я продолжаю думать о нем*. В первом случае *Ленинград* понимается как конкретный объект в физическом пространстве, а во втором — как объект ментальный.

Как и в эгоцентрическом употреблении, *вдали от* тяготеет к тематическому полюсу высказывания, а *далеко от* —

к рематическому. Однако на фоне столь сильного действия семантического фактора (выбора наречия по признаку абстрактность/конкретность объекта, заполняющего его 2-ю валентность) темо-рематические предпочтения воспринимаются как нечто вторичное — синтаксическое оформление в соответствии с общей смысловой перспективой высказывания. Семантическая мотивация употребления предложно-наречных сочетаний *вдали от* и *далеко от* отчетливо видна в примерах, устроенных по одному и тому же синтаксическому образцу. Так, высказывания *Я живу вдали от Большого театра* и *Я живу далеко от Большого театра* не тождественны по смыслу: *вдали* высвечивает момент содержательной разъединенности, разобщенности между субъектом и *Большим театром* (его делами, интересами и под.), как следствие, глагол *жить* прочитывается в плане «существования», а не «местоположения»; *далеко* же несет чисто пространственные характеристики, и *жить* в контексте этого наречия обозначает именно местоположение.

Становится понятным наш языковой выбор в примерах типа: *X проходит/расположен далеко* (нельзя **вдали*) *от Y* (глаголы исключают непространственное осмысление); *Их особняк находится далеко (*вдали) от основной транспортной магистрали* (объекты понимаются чисто физически и поэтому исключают содержательную взаимосвязь — «духовную» близость/дальность).

Как было сказано, смысловым коррелятом *вдали от* является наречие *вблизи*, оно также подчеркивает принадлежность субъекта к ментальной, духовной (= содержательной) сфере «места», заполняющего 2-ю валентность, ср.: *Но в какой бы дальний угол их не забрасывала служба, родовитые дворяне все как-то ухитрялись доживать старые годы в собственном доме в Старой Конюшенной, вблизи той самой церкви, где их когда-то крестили, и где отпевали их родителей* (П.Кропоткин); *Что может быть лучше для писателя..., чем открытие новых областей поэзии вблизи себя и тем самым обогащение человеческого восприятия, сознания, памяти?* (К.Паустовский).

По линии описания «абстрактной близости» с наречием *вблизи* «соперничает» слово *рядом*. При этом каждое из наречий описывает свою ситуацию. Ср.: *Лучше жить вблизи*

от цивилизации (здесь плохо сказать *рядом с...*) и *Рядом с цивилизацией может соседствовать отсталость* (здесь, напротив, плохо *вблизи от...*).

Рядом высвечивает сопоставительный момент описания (ср. *наряду!*) и соединяемые с помощью этой наречно-предложной логической связки объекты могут быть вовсе лишены пространственной семантики, например: *Рядом с этими специфическими римскими чертами действуют и греко-эллинистические автобиографические традиции* (М.Бахтин); ...*в России разгорается пожар, рядом с которым пугачевщина, жакерии, девяносто третий год будут выглядеть пустяжными волнениями* (О.Волков).

Часто именно *рядом* заставляет увидеть в высказывании сопоставительный смысл: *Игра в кости поставлена здесь рядом с живописью и скульптурой, и она освящается чтением древних авторов* (М.Бахтин) — поставлена *рядом* в данном случае значит 'уравнена в правах'; ср. еще: [театр в Тифлисе 50-гг. XIX в.] *костюмы европейских дам рядом с туземным, прелестным, живописным нарядом* (Н.Эйдельман). В том же случае, если у понятия, названного творительным падежом, нет объекта противопоставления, наречие *рядом* не используется. Ср.: **рядом с родиной* (нужно: *вблизи от родины*); **рядом с домашним очагом* (нужно: *вблизи от домашнего очага*).

То, что *рядом* по сравнению с близкими по смыслу, но сугубо пространственными словами *около*, *поблизости*, обладает большими возможностями, отчетливо видно в следующем примере: [о Пушкине] *Он при жизни стал народным, хотя рядом с ним* (плохо: **поблизости от него*; **около него*) *жили и действовали писатели,...* речения, язык которых не меньше, а больше пушкинских вошли в обиход... (П.Струве). *Жили рядом* здесь — это 'существовали' т.е. имеется в виду скорее план времени, а не пространства. Ср. еще: [о воде спасения] *Но можно находиться рядом с этим источником* (плохо: **поблизости*) *и не пить из него, можно ходить рядом с ним — и вода жизни все равно будет горькой, если мы будем жить по-прежнему: в себялюбии, в суетности, в осуждении друг друга* (о. А.Мень) или (он же): *В молитве, в познании Слова Божия, в любви к красоте мира, красоте жизни человеческой, в умножении всего доброго*

в злом мире, всего светлого в темном мире — мы живем рядом с Господом.

В отличие от *рядом*, *вблизи* подразумевает неравноправность соединяемых объектов или, лучше сказать, «неполноценность» их соединения.

Рассмотрим в пояснение пример: *Ханхен подыскивала для жениха скромные должности в Ганновере или Бланеде. Но Эккерман уклонялся от всех ее предложений: его главный ресурс — «Разговоры с Гете», которые его обогатят непременно, а завершить их можно только в Веймаре, вблизи от любимого друга* (Н.Вильмонт). Выражение *рядом с любимым другом* подразумевало бы иную степень близости: *Жить рядом с любимым человеком ≠ жить вблизи (от) любимого человека*. В первом случае «срабатывает» признак социативности, совместности: *жить рядом* — это *жить вместе*, в контакте, на равных правах, например: *Была она тогда счастлива рядом с любящим заботливым мужем*. Во втором случае — *жить вблизи* — это все-таки не вместе¹⁷. Причем наречие *вблизи* задает направление интереса от субъекта к объекту: субъект стремится к близости с объектом, а не наоборот, т.е. в этом смысле отношения между ними неравноправны. Подтверждает этот тезис невозможность употребления *вблизи* в контексте последнего примера (?*жить вблизи любящего, заботливого мужа*): наречие задает «направление интереса», обратное представленному в тексте, ср.: *жить вблизи своего кумира*, но не *своих поклонников и почитателей...*

У конкретно-пространственного *рядом* есть такой квази-синоним, как *возле* (данное слово без второй валентности практически не употребляется). Для корректного использования *возле* нужен ряд дополнительных условий. Во-первых, *возле* описывает объект только в статическом положении, например: *Я бродил по окрестностям монастыря, простаивая возле покрытых славянской вязью крестов...* (О.Волков). Ср.: *Возле меня сидит Иван*, но не **Возле меня*

¹⁷ Ср. попытку расположить пространственное *вблизи* на шкале расстояний в [Шумилина 1961]: «... словосочетания с предлогом *вблизи* обозначают место, расположенное близко, но все же в некотором отдалении от предмета, названного существительным» (с. 29).

идет Иван. Для рядом это условие не обязательно, ср.: *По берегу плелся больной человек. // С ним рядом ползла вереница телег* (А.Блок). Кроме того, объект, названный родительным падежом, у *возле* должен быть обозрим. Нельзя сказать: **Я живу возле Москвы*, но можно: *Я живу возле Большого театра*. И, наконец, субъект *возле* должен быть иерархически ниже его объекта: менее заметен, менее важен, может быть, зависим от объекта. *Маши сидит возле Ивана* ≠ *Иван сидит возле Маши*. Важность этого условия хорошо иллюстрирует следующее сравнение с возможностями слова *рядом*: *Тульская губернская тюрьма высилась на выезде рядом с кладбищем* (О.Волков). Нельзя сказать *X высится возле Y-a*, поскольку *X* в данном случае более заметен.

Как видим, не связанные «фактором эгоцентричности», пространственные показатели приобретают новые смысловые нюансы, вследствие чего вырисовываются и новые системные противопоставления между ними.

§13. Добавление к теме «Описание времени в терминах пространства»

Способность пространственных показателей передавать временные смыслы, конечно, не исчерпывается рассматриваемыми в настоящей работе словами. Известно, что большинство временных обозначений исконно пространственные (см. например, [Мурьянов 1978] о полифункциональности пространственных предлогов; см. также [Всеволодова 1975], [Скобликова 1971]). Метафора «пространство → время» находит множество языковых реализаций, и в нашу задачу не входит последовательное рассмотрение всех возможностей языка в этом плане. В данном параграфе мы хотели бы обратить внимание лишь на одну языковую альтернативу — описание времени (будущего и прошлого) с помощью исконно пространственных наречий *далеко/близко* и *впереди/позади*. Объяснение причин смысловой нетождественности фраз типа *Впереди правительственные встречи* ≠ *Правительственные встречи далеко/близко* позволяет, как бы в предвари-

ние следующей главы, затронуть вопрос о взаимоотношениях Человека со временем; об осмыслении человеком себя в жизненном потоке (языковом отражении этого «осмысления»).

Начнем с того, что из двух этих пар лишь первая — *впереди/позади* — в смысловом отношении симметрична: *впереди* всегда относится к будущему, а *позади* — к прошлому. Вторая же пара не симметрична: если *близко* естественнее сказать о будущем, то *далеко* свободно употребляется как относительно будущего (*Праздники еще далеко*), так и относительно прошлого (*Праздники уже далеко*)¹⁸.

Кроме того, если *далеко* и *близко* однозначно релативны и поэтому тяготеют к постпозиции (ср. их пространственное употребление), то коммуникативное поведение наречий *впереди* и *позади* не столь однозначно: *впереди* может быть и в теме, и в реме высказывания (*Впереди важные правительственные встречи/Эти важные встречи впереди*), а для *позади* более естественна позиция ремы (*Эти важные встречи позади*).

Мы рассмотрим не все возможные случаи временного использования наречий *далеко/близко*, *впереди/позади*, а лишь те из них, где данные наречные пары сопоставимы. Прежде всего, это высказывания, в которых события прошлого или будущего описываются относительно момен-

¹⁸ Для однокоренных данным наречиям прилагательных картина еще сложнее, ср. результаты проделанного Т.В.Булыгиной и А.Д.Шмелевым анализа: «... мы говорим о *недалеком* прошлом, но о *ближайшем* будущем (ср.: **это было в ближайшем прошлом*). Данное различие сохраняется и в сочетаниях с „нейтральными“ названиями временных отрезков, которые сами по себе могут обозначать и прошлое, и настоящее, и будущее; так, например, *в ближайшее время* понимается как относящееся к будущему (а не к прошлому). И наоборот, референтом таких сочетаний, как *далекое время*, *далекие дни*, обычно бывает время, предшествующее моменту речи. Ср.: *Мне далекое время мерещится...* (Пастернак) — строчка понимается и вне контекста как относящаяся к прошлому, хотя „мерещиться“, вообще говоря, может и будущее. Определение *близкий*, *ближайший* интерпретируется как относящееся к будущему и в сочетании с названиями циклически повторяющихся отрезков времени: *в ближайший четверг*, *ближайшей весной* и т.п. интерпретируется как „в следующий четверг“, „следующей весной“...» [Человеческий фактор... 1992, 239].

та речи говорящего, например: *Правительственные встречи далеко* (в плане прошлого или будущего относительно меня в настоящем); *Правительственные встречи позади* (в прошлом относительно меня в настоящем). Ср. другой тип «летописного» (нарративного, недейктического) употребления, который не будет нами рассматриваться: *Впереди у них были одни неприятности; Впереди нас поджидало новое испытание* (в этом, «статическом» типе описания времени как участка пространства динамичные «дистанционные» далеко и близко исключены).

Впереди и позади, в отличие от *далеко/близко*, содержат смысловой компонент «лицевой», фасадной ориентации. Вследствие этого их употребление отражает представления носителей языка о направлении движения времени. Несколькими словами о самой этой идее — «движение времени».

Ю.С.Степанов в [Степанов 1989а] пишет: «В нашем современном обществе время представляется нам идущим откуда-то „спереди“, по линии нашего взгляда навстречу ему, из бесконечности к нашим глазам... будущее ассоциируется у нас с тем, что „впереди“, прошедшее — с тем, что „позади“ нас» (с. 21).

Именно на таком представлении о движении времени основана знаменитая метафора о тени великих событий: *Coming events cast their shadows before them*¹⁹.

Однако это представление не единственно возможное. Анализируя значения индоевропейских пространственно-временных приставок типа *pro-* (и шире — лексических обозначений, например, *procul* ‘вдали, вдаль, прочь’),

¹⁹ Авторство этой метафоры остается неясным. Процитированное нами высказывание приводится у Л.С.Выготского [Выготский 1968, 381] со ссылкой на Моммзена в применении к творчеству Шекспира, в котором метафора грядущих событий, отбрасывающих перед собою «тени»-предзнаменования, находит гениальное художественное воплощение. Однако еще у Ап. Павла можно встретить: «Итак, никто да не осуждает вас за пищу, или питье, или за какой-нибудь праздник, или новомесячие: это есть тень будущего, а тело во Христе» (Послание к Колоссянам, 2.16—19). Таким образом, метафору о «тени будущего» можно считать некоей мифологемой воплощения Времени как Божьего Промысла, порождающей определенную модель описания и имеющей соответствующий «риторический эффект».

Ю.С.Степанов замечает: «... латинское и греческое слова, означающие в пространственном значении ‘впереди, перед глазами’, во временном значении могут иметь смысл диаметрально противоположный тому, который кажется естественным при нашем современном европейском понимании: они могут значить не только ‘обращенный в будущее’, но и ‘обращенный в прошлое’» [Степанов 1989б, 95]. Эти языковые данные позволяют говорить о другом понимании времени: «Греки архаической поры представляли себе, по-видимому, время текущим „сзади“, из-за нашей спины, через нас и как бы над нашей головой, „вперед“ — от наших глаз в бесконечность <...> Такое же представление о расположении прошедшего и будущего было свойственно, во-видимому, и древнееврейской культуре» [Степанов 1989а, 21—22].

Ю.С.Степанов предлагает следующее объяснение этой особенности архаического языкового сознания: «Особенный смысл связан с пониманием будущего как ‘неизвестного, надвигающегося из-за нашей спины сюда’ и естественно противоположным пониманием прошлого как известного, как раз находящегося перед глазами <...>. Косвенным аргументом служат противоположные значения этимологически тождественных слов — лат. *progenies* ‘потомки’, гр. *πρόγονοι* ‘предки’» [Степанов 1989б, 95]. По мнению Ю.С.Степанова, такое представление «хорошо (во всяком случае, лучше, чем наше) соответствует убеждению, что „неизвестным“ является как раз будущее, а „известным“ прошлое. Следовательно, именно будущее должно располагаться за нашей спиной, там, где у нас нет глаз и куда не проникает наш взор. Напротив, прошлое целиком перед нашими глазами, и оно постепенно удаляется от нас в направлении нашего взгляда, малопомалу переставая быть видимым и теряясь вдали» [Степанов 1989а, 21].

Противоречие между естественной душевной устремленностью человека к известному — прожитому — прошлому (т.е. как бы взглядом назад, за спину) и конвенциональной ориентацией вперед, лицом ко времени, событиям будущего хорошо передают следующие строки А.Вознесенского: *Мы летим вперед, // А глядим назад. // Какой*

*раньше рай! // Какой раньше ад! // Мой родной народ, // Оглянись вперед*²⁰.

«Предстояние прошлого» может быть не только знаком его известности, но и символом его истинности, образцовости. На этот момент обращает внимание Ю.М.Лотман, комментируя смысл не совсем понятной современному носителю языка фразы из «Слова о полку Игореве» *Звонячи в прадѣдную славу. Древнерусский «тип сознания, — пишет Ю.М.Лотман, — обращает мысль не к концу — результату, а к началу — истоку»* [Лотман 1977а, 99]. Последующие события мыслятся как эманация каких-то первичных, исходных состояний. «Слава предков... дремлет до времени обновления» (там же). Анализ Ю.М.Лотмана основывается на положении Д.С.Лихачева о том, что в древнерусском культурном сознании прошлое было где-то впереди, в начале событий... «„Задние“ события были событиями настоящего и будущего» [Лихачев 1979, 254]. Как отмечает Д.С.Лихачев, «такое представление о „переднем“ и „заднем“ было возможно потому, что время не было ориентировано на воспринимающего его субъекта. Его мыслили как объективно и независимо существующее» (с. 255).

²⁰ Вообще, это «оглядывание вперед» может символизировать не только конфликт между прошлым и будущим в душе человека. Еще более остро данную языковую возможность обыгрывает М.Цветаева при описании предка (речь идет о Маяковском), на века (в данном случае можно сказать и «навсегда») опередившего своих потомков: вспоминая о нем, мы должны смотреть не назад — в прошлое, — а вперед — в будущее (т.е. «оглядываться вперед»), ср.: «... говоря о... Маяковском... нам непрестанно придется помнить на век вперед... И оборачиваться на Маяковского нам, а может быть, и нашим внукам, придется не назад, а вперед» [Цветаева 1989а, 356]. Приведенный пример эксплуатирует в метафоре «оглядывания» именно идею расположения временных планов относительно субъекта восприятия: прошлое как пройденное находится у него за спиной. Однако Цветаевой принадлежит первенство и в другом прочтении этой метафоры (к нему близки строчки А. Вознесенского), при котором взгляд за спину символизирует обращенность к прошлому-прожитому-знакомому-близкому. Ср.: *Такая власть над сбивчивым // Числом у лиры любящей, // Что на тебя, небывший мой, // Оглядываюсь в будущее* (речь идет о том, чего еще не было, но что уже интуитивно познано, близко).

Итак, в современном русском языке наречия *впереди/позади* описывают встречное движение времени. Соответствующая функция поддерживается наличием в семантике этих слов «лицевой», «фасадной» координаты. Что символизирует это направление времени «навстречу человеку»? Ответить на данный вопрос нам поможет сравнение слов *впереди/позади* с другой наречной парой *далеко/близко*.

Б.А.Успенский в работе «История и семиотика (восприятие времени как семиотическая проблема)» пишет, что человек активен по отношению к пространству и пассивен по отношению к времени: «... время движется относительно человека, осознающего себя в неподвижном пространстве...» [Успенский 1989, 31] (ср.: «Человек перемещается в пространстве, время течет...» [Цивьян 1990, 75]).

Попробуем применить критерий активности/пассивности к случаям описания временных расстояний с помощью рассматриваемых нами альтернативных пар. Рассмотрим примеры, в которых предпочтение отдается наречиям *впереди/позади*: *Худшее для вас позади* (О.Волков) — плохо: **худшее далеко*; аналогично: *Но теперь... дело сделано, самая острая боль осталась позади* (В.Быков). Ср. еще: *Дни сочтены, утрат не перечесать, // Живая жизнь давно уж позади, // Передового нет, и я, как есть, // На роковой стою очереди* (Ф.Тютчев); *Самое лихо еще впереди* (О.Волков); *Но что бы ни ожидало впереди, я при вызове на этап испытывал известное удовлетворение* (он же); *Надо мной небосвод уж низок, // Черный сон тяготеет в груди, // Мой конец предначертанный близок, // И война, и пожар впереди* (А.Блок).

Нетрудно заметить, что во всех случаях речь идет о событиях, которые субъект пережил сам, преодолел (*позади*), либо таких, которые ему предстоит пережить (*впереди*). Принципиально важно для корректного употребления наречий *впереди/позади* то, что субъект мыслит себя участником событий: во фразе *X впереди/позади* именно наречие свидетельствует о причастности говорящего к X-у, ср.: *Позади/впереди студенческая конференция* (говорящий как-то в ней участвовал/будет участвовать). Фраза же *Студенческая конференция далеко/близко* не подразумевает однозначной причастности субъекта к описываемому событию, ср.: *Пастернаковские чтения еще далеко; Кинофестиваль*

совсем уж близко (говорящий не обязательно является участником ожидаемых событий).

Наречия *далеко/близко* вообще не столь тесно (как *впереди/позади*) связаны с самой идеей событийности, они могут описывать целые временные планы как бы в отвлечении от конкретного событийного заполнения, например: *Пусть это время далеко, // Антверпен...* (А.Блок) (ср. меньшую естественность, в силу отсутствия спецификации событиями, фраз *Время позади; Впереди время; Все прошлое и ложное // Ушло так далеко...* (Ф.Тютчев) (ср. тавтологичность и поэтому бессмысленность сочетания [?]*прошлое позади*).

Далеко/близко могут описывать поток времени — нечто, не зависящее от человека, движущееся навстречу и несущее с собой неотвратимые перемены (*Уж близко полночь/отъезд/рассставание*), либо минующий и отходящий в область воспоминаний (*Начало было так далеко...*).

Надвигающийся, «близящийся» X может быть последним во временном ряду (*Уж близко смерть*), он не предполагает активного преодоления (*Близко твое совершеннолетие*). X же предстоящий — тот, что *впереди* — должно преодолеть, «пройти». Поэтому мы говорим: *Впереди болезни и старость* и не говорим: **Впереди смерть*: последнее событие принимается, а не преодолевается. Ср. еще: *Уж близко избавление; Я надеюсь, что избавление недалеко/близко при невозможности *Впереди избавление; Возмездие близко (*Впереди возмездие)*. За X-ом, который *впереди*, открывается какая-то новая перспектива «пути», поэтому «конец» (чего-л.) может быть *близко*, но не *впереди*.

«Активность» наречий *впереди/позади*, наличие у них семантики «преодоления», определяется их динамичностью в исконном, пространственном, значении. Ведь пространственные *впереди/позади* связаны с движением субъекта, пересечением им пространства. Ср.: *Чудится, еду в России я... // Тысячи верст впереди* (М.Волошин); *Фонари кончились, жилистая часть города осталась позади* (А. и Б.Стругацкие).

Динамичность наречия *позади* отчетливо видна при сравнении с квазисинонимичным ему наречием *сзади*, лишенным соответствующей семантики. *Сзади* статично в том смысле, что не способно к описанию «пройденного»

(*?жилая часть города осталась сзади*). Ср. наиболее типичное употребление *сзади* в случаях, когда: а) воспринимающий субъект неподвижен (*Я сижу в первом ряду; сзади Иван со своей женой*); б) субъект движется одновременно с объектом (*Сзади плетется Иван*).

При этом, как и наречие *вблизи*, *сзади* имеет два варианта: один отвечает на вопрос «где?» (ср. приведенные выше примеры), а другой — на вопрос «откуда?», ср.: *Сзади раздалась крики*. Последний в качестве своего оппозиционного коррелята имеет уже не наречие *впереди*, а слово *спереди*. Из этих двух вариантов *сзади* мы, естественно, рассматриваем только первый.

Важно, что субъект не покидает «пространство *сзади*», не отделяется от него — «сзади» непосредственно примыкает к субъекту и даже может быть его неотъемлемой частью (*Сзади у него хвост*). Приведем пример, в котором выбор пространственного показателя однозначно свидетельствует о том, что говорящий неподвижен относительно объектов, им описываемых: *Это Смоленское кладбище... Сзади — Храм Воскресения Христова. Передо мной часовня Блаженной Ксении* (В.Непомнящий).

Именно статичность наречия *сзади* определяет невозможность его переносного употребления, ср. некорректность фраз типа **Испытания сзади; *Страхи и опасения сзади*.

Итак, в применении ко времени динамичность и дейк-тичность наречий *впереди/позади* прочитывается как активное преодоление «жизненного пространства»: *оставить что-либо позади* значит «пережить» это; *видеть* нечто *впереди* значит «готовиться пережить».

Меньшая дейк-тичность наречий *близко/далеко* (отсутствие «фасадной» ориентации), их способность задавать дистанционные оценки безотносительно к субъекту (*В Европе все близко*) сказывается и при переносном их употреблении. Именно эти наречия могут описывать не зависящее от человека движение времени (*Далеко те времена, когда за рубль можно было пообедать*), либо поток событий, не затрагивающий субъекта непосредственно (*Ядерные испытания еще далеко; Уже близко выборы президента ЮАР/Олимпийские игры*).

Таким образом, в применении к будущему *впереди* сообщает не столько о том, что оно перед нашими глазами, сколько о том, что мы сами идем к нему навстречу (и именно поэтому обращены к нему лицом); прошлое же — как пройденное — остается *позади*. Ведь приведенные выше строчки из А.Вознесенского (*Мы летим вперед...*) и являются метафорой нашего движения во времени (а не наоборот); отсюда и «поза» — лицом по направлению движения.

Подводя итог, можно сказать, что рассмотренные нами пары наречий представляют собой альтернативные способы описания отношений человека со временем: в одном случае — активное преодоление времени, движение во времени как некоем «жизненном пространстве» (тесная ассоциация с пространством придает времени статичность: это «поле», которое мы «переходим»²¹); в другом случае статичен сам субъект: он пассивно принимает то, что несет (или уносит) с собою время, т.е. именно здесь можно говорить о движении самого времени.

Вообще говоря, метафора движения человека в неподвижном времени может иметь и куда менее оптимистический смысл, чем приведенные выше рассуждения об активности человека и пр., ср. столь любимые Л.Н.Толстым слова из Талмуда: «Время проходит!» привыкли вы говорить по неверному пониманию. Время стоит — проходите вы» (цит. по [Мысли... 1990, 366]).

Рассматривая некоторые возможности описания времени в терминах пространства, мы затронули лишь один из аспектов этой темы: аналогия с пространством (движение человека во времени-«пространстве бытия») задает семантику активности, преодоления событий жизни.

В заключение этого параграфа мы не можем не упомянуть о недавнем опыте анализа русской пространственно-временной лексики именно в интересующем нас ключе. Имеется в виду раздел коллективной монографии [Человеческий фактор 1992], написанный Т.В.Булыгиной и

²¹ Ср. абсолютно пространственную модель времени человеческой жизни у М.Цветаевой: *Уж сколько их упало в эту бездну, // Разверстную вдаль! // Настанет день, когда и я исчезну // С поверхности земли.*

А.Д.Шмелевым и посвященный темпоральному дейксису. Приведем один из фрагментов этого раздела: «... обратившись... к русскому языку, мы можем обнаружить два противоположных способа установления аналогии между временем и пространством. При одном из них прошлое, более раннее, находится сзади, а будущее, более позднее, — впереди (ср. наречие *впередь* 'в будущем', а также такие выражения, как *самое страшное уже позади* или *впереди нас ждут приключения*). Но прозрачная этимология слов *перед* и *прежде* как будто свидетельствует о противоположной ориентации. Используемое в разговорном языке наречие *вперед* (во временном значении) оказывается энантиосемичным: с одной стороны, оно означает, по данным словарей, „на будущее время, в будущем; вперед“ (*вперед не серди меня; это мне вперед наука*), а с другой — „прежде, раньше, сперва; заранее“ (*вперед спроси, потом сделай; вперед подумай, потом отвечай*). По В.И.Далю, например, *вперед* может означать как „прежде“, так и „после“ <...> Такое двойственное употребление можно объяснить, если принять во внимание возможность двойного подхода к бытийной упорядоченности. При „архаичном“ подходе мир представляется стабильным, неподвижным, а время — движущимся (идушим, текущим) мимо него в направлении от будущего (позднего) к прошлому (раннему). Это представление отражено в таких выражениях, как *время идет, течет; пришло время; предыдущий день; следующее воскресенье; прошедший год*. При более современном подходе время постоянно и неподвижно, а „мир“ движется „мимо“ него в направлении от прошлого к будущему. Представление о „движущемся времени“ связано с тем, что то, что было раньше, воспринимается как идущее впереди, предшествующее настоящему (*предшествующий год*), тогда как то, что должно произойти позже, — как то, что следует за настоящим (*следующий год*); представление о „движущемся мире“ лежит в основе таких выражений, как *предстоящий год; по достижении назначенного срока; недалеко то время, когда...* и т.п.» (с. 237—238).

Как видим, выбор иных сопоставительных оснований позволяет заметить новые, весьма интересные, различия в ряду временных показателей.

ГЛАВА 2

ФРАГМЕНТЫ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ ВРЕМЕНИ

„...я же низвергся во время, строй которого мне неведом...“

Бл. Августин

„Мое пламеннейшее желание, друг мой, — видеть Вас посвященным в тайну времени“

П. Чаадаев — А. Пушкину, 1829 г.

РАЗДЕЛ 1

Введение в проблему

§1. О различных подходах к описанию времени

В данной главе будут описаны два фрагмента языковой картины времени. В Разделе 2 на основе употребления показателей коротких интервалов времени (*минута, миг, мгновение, момент*) выявляется тот фрагмент наивной картины мира, который связан с самим восприятием, оценкой времени; здесь релевантны такие смысловые оппозиции, как рациональное/эмоциональное; повседневное/надбытовое; временное (преходящее)/вечное (непреходящее). В Разделе 3 на основе различных типов употребления квазисинонимов *время* и *пора* устанавливается лингвистическая релевантность дихотомии циклическое/линейное время. По «языковым следам» (= особенностям употребления близких по смыслу показателей времени) выявляются «разновидности» цикличности: космологическое циклическое время (*пора*); цикличность как бесконечное возвращение (*нынешнее, прошлый, вперед*).

Прежде чем перейти к лингвистическому описанию, уточним, что же собственно будет предметом нашего рассмотрения — о каком времени пойдет речь. Необходимость этого уточнения определяется тем, что в контексте лингвистического исследования термин «время» вызывает

вполне определенные ассоциации. И не случайно поэтому авторы Лингвистической Энциклопедии [Дюкро, Тодоров 1983] начинают раздел «Время и модальность в языке» с указаний, какое «время» не будет предметом их рассмотрения: «... мы не будем иметь дело ни с физической реальностью (время в естественных науках), ни с психологическим феноменом времени переживаемого, „проживаемого“ — времени жизни (*lived time*). Также к обсуждаемому вопросу (семантическое содержание понятия „время“) не имеет отношения и грамматическое время, используемое для классификации различных форм глагола.

Предмет нашего обсуждения занимает промежуточное положение между физикой и психологией, с одной стороны, и грамматикой, с другой» (с. 305).

В другом месте, при обсуждении понятия времени дискурса (соотносящего описываемое с моментом речи) авторы Лингвистической Энциклопедии замечают: «Средства описания времени в морфологии языка не столь просто и прямо соотносятся с тем, что мы называем „временем плана существования“ (тем более, с различными философскими концепциями времени); одно из доказательств этому — наличие в английском и других языках двух различных слов для описания понятий лингвистического времени и времени переживаемого (*lived time*): в английском это *tense* и *time*, в немецком *Tempus* и *Zeit* <...>. Эта языковая дихотомия является следствием того, что временные значения, помимо глагольных средств, могут выражаться многими другими способами (наречиями, временными дополнениями, названиями дат и пр.)» (с. 318).

То, что за глагольными формами признается приоритет в описании языкового времени, заставляет лингвистов «равняться на глагол» (или, лучше сказать, отталкиваться от глагола) и в тех случаях, когда предметом их исследования является не глагольное время, ср. начало работы посвященной прилагательным с временными значениями: «Время как семантическая категория, присущая не только глаголу, но также и имени...» [Кронгауз 1990, 45]. Или: «Тема времени возникает в лингвистических работах по семантике, как правило, лишь постольку, поскольку речь

заходит о значении некоторых грамматических категорий глагола» [Кронгауз 1989, 4].

Есть мнение, что неглагольные выражения являются вторичными по отношению к глагольным — конституирующим семантическую категорию времени. В отношении грамматического времени (*tense*) такой взгляд не вызывает сомнений. Что же касается времени дискурса, то спектр средств временной индексации здесь весьма широк, и, оставая за глаголом базовую роль в формировании предикативного ядра предложения (категории грамматического времени), можно, как кажется, говорить и о самостоятельной, конституирующей временную семантику, силе разного рода наречий, прилагательных, предложно-падежных форм существительных. (Ср. материал, представленный в монографии М.В.Всеволодовой [1975], или опыт системного описания предложно-падежных форм с опорой на глагольный временной центр предложения в [Скобликова 1971].)

Нужно сказать, что и в тех случаях, когда исследователь ставит перед собой задачу описать время с позиций семантики, а не грамматики, *time* неминуемо сопровождается какими-то аспектами из сферы *tense*, ср. перечень тем из главы «*Time*» у А.Вежбицкой в «Семантических примитивах»; «Даты (когда)»; «До/после»; «Длительность (как долго)»; «Временная протяженность»; «Раньше/позже» [Вежбицка 1972].

Понятийный же аппарат описания времени дискурса просто базируется на аппарате описания глагольного времени (ср. работы Е.В.Падучевой, М.А.Кронгауза). И это понятно, ведь время дискурса «вырастает» из глагольного времени. Естественным поэтому кажется стремление исследователей времени дискурса к поиску сходства (а не различий) между глагольными и неглагольными средствами выражения времени, ср.: «Грамматические глагольные и грамматические именные показатели времени устроены с точки зрения семантики по существу одинаково: они ориентируют событие, действие или обладание свойством во времени относительно некоей *t* точки, так называемой точки отсчета...» [Кронгауз 1989, 5].

Предметом нашего рассмотрения будет время, которое к *tense* не имеет ни прямого, ни косвенного отношения, то

время, которое в Лингвистической Энциклопедии Дюкро и Тодорова классифицируется как психологический феномен и носит название *lived time* — время жизни, плана существования, переживаемое и проживаемое время.

Взгляд на грамматическое время как на приоритетный предмет лингвистического описания вполне понятен.

И сама собой напрашивается мысль, что именно лингвограмматическое время управляет (в большей части, идеомоторными, подсознательными) механизмами употребления, организуя нашу речь в соответствии с неким «*consecutio temporum*». Между тем, «время жизни» принадлежит как будто бы всецело сфере языковой рефлексии, эксплицитных выражений и описаний, т.е. в этом смысле представляет малый интерес для семантики. Анализ языкового материала, однако, показывает, что в нашем языковом подсознании сосуществуют различные модели, так сказать, «ипостаси» времени (физическое, грамматическое, «философское»...), и интуитивные представления о «времени жизни», его языковых воплощениях, влияют на наше языковое поведение ничуть не меньше, чем фактор времени грамматического.

«Время жизни» (переживаемое время) можно отнести к сфере самосознания человека, это одна из основных «форм постижения» окружающего мира¹. Именно в этом понимании о «времени» можно говорить как о «другом названии для жизни» (Валериан Муравьев). Если язык описания грамматического времени абстрактен, то понятия, в которых описывается «время жизни», апеллируют к человеку, являют собой некую «наивную философию» времени, ср. различия в смысловом содержании оппозитивных признаков, описывающих психологическое и лингвограмматическое время: «обыденное»/«надбытовое», «экстраординарное»; «преходящее»/«непреходящее», с одной стороны, и

¹ Т.е. «время переживаемое» — это как раз и есть кантовское время внутреннего созерцания, та форма, в которой человеческий разум постигает явления [Кант 1965]. Связь времени с интеллектуальной или, лучше сказать, духовной координатой, возможно, имеет и этимологическое обоснование. Так, в [Маковский 1993, 130] усматриваются этимологические параллели между лексико-семантическими комплексами «время» и «разум» (Высший Разум).

‘длительность’, ‘временная протяженность’/‘моментальность’, ‘точечность’ — с другой. Бросается в глаза «атемпоральность» приведенных характеристик «времени жизни», и она естественна — ведь осознание этого времени происходит по событиям, его заполняющим, а не по каким-либо физическим параметрам.

Если лингво-грамматическое время не вызывает к себе никакого отношения (не допускает в свой адрес определений, не поддается квалификации), то «время жизни», напротив, не мыслится вне эпитетов, проецирующих его в сферу человеческой деятельности, восприятия, оценки. Ср. сам набор определений времени в Словаре эпитетов и непереносное «человеческое присутствие» в соответствующих характеристиках: 1. «Длительность бытия; промежуток, отрезок в последовательной смене часов, дней, месяцев и т.д.; момент для совершения чего-либо; пора. *Благоприятное, благословенное, быстрое, выгодное, досужее, ... критическое ...* 2. Период жизни человека. *Безвозвратное, беззаботное, глупое...* 3. Эпоха. период в жизни человечества, какого-либо народа, государства, общества... *Былое, давнее, ... бедственное, грозное, роковое* и т.д.» [Словарь эпитетов 1979, 74].

Таким образом, именно «время жизни» осознается нами как некая самостоятельная категория человеческого существования и, соответственно, именно оно подлежит описанию, поддается оценке или, другими словами, входит в сферу нашего менталитета.

По замечанию А.Я.Гуревича, наряду с такими понятиями, как «пространство», «измерение», «причина», «судьба», «число» ... , «время» принадлежит к «определяющим категориям человеческого сознания»: «Эти универсальные понятия, — пишет А.Я.Гуревич, — в каждой культуре связаны между собой, образуя своего рода „модель мира“ — ту „сетку координат“, при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании <и дальше> Человек не рождается с чувством времени, его временные и пространственные понятия всегда определены той культурой, к которой он принадлежит» [Гуревич 1972, 84].

Сказанное, однако, не означает, что в настоящей главе на смену лингвистической семантике (анализу словоупот-

ребления) придут культурно-философские штудии. Нет, по-прежнему в центре нашего внимания останется языковое поведение слов, исследование системных отношений между ними. Но поскольку слова эти являются различными названиями времени (единиц, интервалов, отрезков времени, и под.), описание их семантики, выявление релевантных для употребления факторов (что, как правило, подразумевает установление системных отношений в рамках близких по смыслу слов) неминуемо привело нас к неким культурно-философским истокам.

Анализ показал, что выстраивание системных отношений в рамках отдельных лексико-семантических групп, обозначающих время, задается определенной «культурной парадигмой», и выявление этих отношений с необходимостью предполагает использование ряда понятий, составляющих ее основание.

Предварим конкретный лингвистический анализ обсуждением содержания этих понятий.

§2. «Время» vs. «Вечность»

Их противопоставление может подразумевать разные основания и, соответственно, по-разному осмысляться.

Согласно богословской традиции, восходящей к трудам бл. Августина, «время» противопоставляется «вечности» как форма земного существования области Божественного Абсолюта. Приведем резюмирующие выдержки из философского очерка о концепции «времени»/«вечности» бл. Августина, ставшей одним из столпов христианского мировоззрения: «Время составляет меру движения и изменения, присущих всем конкретным, „сотворенным“ вещам. Оно не существовало до вещей, до творения мира, а появилось в результате Божественного творчества, одновременно с ним. Сотворив преходящие вещи, Бог создал и меру их измерения <...> Будучи источником времени, Бог не переживает никакого „предмет“ и никакого „потом“, ибо в мире Его мыслей-идей все есть раз и навсегда. В этом мире все существует поэтому как застывшее постоянное „теперь“ (nunc stans). Статичная вечность не-

отделима от Божественного существа» [Соколов 1979, 59—60]².

Итак, «время» является мерой земного бытия, и только для «времени» релевантна идея количества. Вневременность «вечности» и состоит в том, что к ней не приложима идея измерения, а значит и изменения: «...Время течет в повседневной жизни, но это время кажимости видимого мира, истинное же время — вечность высшей реальности, не подверженной изменению» [Гуревич 1972, 30]³. Дихотомия «временного» (человеческого) и «вечного» (Божественного) с неизбежностью предполагает и оценочную оппозитивность: «ложность», «испорченность» времени (время, по словам Н.А.Бердяева, «есть знак падшести мира» [Бердяев 1991, 306]) и высоту, ценностный абсолют вечности. Бл. Августин писал: «... исследовать временное лишь настолько, насколько это нужно, чтобы через понимание сотворенного увидеть и понять вечность» [Августин 1979, 220]. Вечность, по словам о. С.Булгакова, «качественное, а не количественное понятие» (цит. по Н.О.Лосскому [1991, 252]).

Качественное основание, на котором покоится богословское противопоставление времени и вечности, состоит не только в том, что к вечности не приложимы временные измерения. Гораздо важнее то, что вечность — это царство Бога, а значит истины и духа. Мир же духовный

² Вообще говоря, такая трактовка не вполне соответствует каноническому догматическому богословию (ср. лаконичный очерк В.Н.Лосского «Творение: время и вечность» [Лосский В. 1991]), но в данном случае некоторое огрубление картины не затемняет сути.

³ В противопоставлении «количественного» времени «внеколичественной» вечности можно усмотреть аналогию с противопоставлением пространства физического нефизическому, идеальному, умоглядному (бытийному квазипространству; пространству инобытия). На последнее также не распространяются законы «количества»: протяженности, измерения. В обоих случаях в основе противопоставления лежит идея «калькуляции» (термин М.Хайдеггера) материи: времени/пространства. Количество «метит» мир физический (ведь физическая наука и основана на понятии измерения [Уитроу 1964]), ср. у Паскаля: «Наша душа, брошенная в оболочку тела, находит там число, время, три измерения» [Паскаль 1974, 153].

«находится вне круговой смены скользящего времени» [Августин 1979, 198]. И именно духовный путь открывает возможность соприкоснуться с вечностью еще на земном пути. По словам Н.А.Бердяева, «ложно онтологическое противопоставление этого мира и „иного“ мира, земной и „загробной“ жизни. „Иной“ мир есть наше вхождение в иной модус, в иное качество существования. „Иной“ мир есть просветление и преображение нашего существования, победа над падшестью времени» [Бердяев 1991, 306]. В свете этого противопоставления история, по Н.А.Бердяеву, «есть не что иное, как глубочайшее взаимодействие между вечностью и временем, непрерывное вторжение вечности во время». Или, чуть дальше по тексту: «... история есть непрерывная борьба вечного с временным» [Бердяев 1990, 53].

Ср. об этом же с «внешней» позиции историка культуры: «В христианском миросозерцании понятие времени было отделено от понятия вечности, которое в других древних мировоззренческих системах поглощало и подчиняло себе земное время <...> Земное время соотносено с вечностью, и в определенные, решающие моменты истории как бы „прорывается“ в вечность. Христианин стремится перейти из времени земной юдоли в обитель вечного блаженства Божьих избранников» [Гуревич 1972, 99]. Или: «Пребывание во времени и в вечности — два разных способа бытия, в разных мирах, которые сосуществуют как мир видимый и невидимый... Граница между этими мирами проницаема» [Мурьянов 1978]. Об опыте такого «проникновения» пишут отцы Церкви: «Редко и очень трудно дается видение и созерцание Твоей вечности, Господи, творящей в неизменности своей изменяющееся и поэтому имеющей первенство» [Августин 1979, 208].

Традиция естественно-научная, базирующаяся на материалистической посылке существования мира без Бога, соответственно, иначе осмысляет и дихотомию «время»/«вечность»: вечность здесь понимается как «бесконечность времени существования материального мира, обусловленная несотворимостью и неуничтожимостью материи и ее атрибутов, материальным единством мира» [ФЭС 1989, 87].

Как видим, в этом случае противопоставление времени и вечности имеет количественное основание: вечность — это бесконечное умножение времени, или, как бы сказал М.Хайдеггер, «бесконечно растянутая пустота голого количества» [Хайдеггер 1986, 106]⁴.

Эти два взгляда на противопоставление времени и вечности находят отражение и в толковых словарях. Согласно С.И.Ожегову, *вечность* — это «очень долгое время, бесконечность» [Ожегов 1970, 73]. В.И.Даль же дает другое определение: «*вековечность, вечность* — состояние или свойство вечного, будущая загробная жизнь, духовная жизнь наша» [Даль 1989, 1, 330].

Употребление отражает оба эти толкования, ср.: (бесконечность времени) *Уже вечность мы с тобой знакомы; Целую вечность тебя жду* или (чтобы не сложилось впечатления, что «количественная» вечность предполагает материалистический взгляд на мир, приведем известный пример из «Мыслей» Б.Паскаля): *Когда я размышляю о мимолетности моего существования, погруженного в вечность, которая была до меня и пребудет после, и о ничтожности пространства, не только занимаемого, но и видимого мной, пространства, растворенного в безмерной бесконечности пространств, мне неведомых и не ведающих обо мне, — я трепещу от страха ...* и (вечность как качественно иной модус бытия) *Я почувствовал прикосновение вечности; Два выхода открываются в вечность: индивидуальный выход через мгновение и исторический выход через конец истории и мира* (Н.Бердяев) или: *...Достигнутая в мгновении вечность остается навеки ..., но мы сами выпадаем из мгновения вечности и вновь вступаем во время* (Н.Бердяев).

⁴ Причем «количественная» вечность не отмечена в сознании носителей языка априорной позитивной оценкой, и, как следствие, сфера ее описаний не имеет ограничений. Скорее даже вечность-бесконечность тяготеет к отрицательному оценочному полюсу. Об этом свидетельствует и наше словоупотребление (не даром МАС выделяет для сущ. *вечность* 2-е значение, разг., «томительно долгое время» [МАС, 1, 159]), не говоря уже об авторитетном и широко известном определении Гегеля, который называл отсутствие конца времени душной бесконечностью.

Приведенные выше определения *вечности* нельзя считать различными интерпретациями одного и того же; за ними стоят и в лингвистическом смысле разные объекты: *вечность*¹ («качественная») и *вечность*² («количественная») не тождественны не только по синтагматическому параметру (языковому поведению), но и обладают разной парадигматикой (словообразовательными связями и проч.). Чтобы показать это, обратимся к оппозиции соответствующих прилагательных: *временный X/вечный X*. Первый член противопоставления подчеркивает «преходящую» природу, недолговечность X-а, второй же — прочитывается либо как «бесконечный», «не перестающий существовать», либо как «постоянно повторяющийся» (определения для прилагательного *вечный* из [Ожегов 1972, 73]). Важно, что данные противопоставления основываются на количественном признаке, и прилагательное *вечный* соотносится с «количественной» вечностью.

Казалось бы контрпримерами к этому тезису являются такие выражения, как *жизнь вечная — Жить с Господом — это значит уже здесь иметь в своем сердце жизнь вечную* (о. А.Мень), — и *вечные истины*. Однако бросается в глаза идиоматичность первого из них (обращаем внимание на достаточно устойчивый словопорядок), второе же, как известно, не раз подвергалось сомнению и «дисквалификации» (имеется в виду относительно недавняя «философская» традиция). Приведем пример из «Материализма и эмпириокритицизма», который вошел в качестве иллюстративного материала в словарную статью прилагательного *вечный*: «Чтобы двинуть материализм вперед, надо бросить прошлую игру со словом: *вечные истины*, надо уметь диалектически поставить и решить вопрос о соотношении абсолютной и относительной истины»). В сочетаниях типа *жизнь вечная*, как нам кажется, прилагательное соотносится с «качественной» вечностью и поэтому имеет другой смысл. Мы еще вернемся к этому тезису и постараемся его обосновать, а сейчас укажем лишь на одну особенность.

Условием «качественного» прочтения прилагательного *вечный* является, во-первых, абсолютная «статичность» определяемого им существительного (семантика существительного должна полностью исключать идею длительности).

ти); а во-вторых, условием *sine qua non*, «пропуском» в вечность¹ является принадлежность существительного к понятийной сфере этой вечности, ср. у В.Н.Лосского: «...Премудрость...вечная...»

Вопрос: в каком направлении идет соотносительная связь между прилагательным и существительным, т.е. что от чего образовано — прилагательное от существительного или наоборот? С вечностью² ясно — она вторична, образована от прилагательного *вечный* и поэтому, между прочим, в качестве оппозитива количественная *вечность* имеет не *время* (как *вечность* Божественная, «качественная»), а *временность*. Ср. соответствующее понимание вечности в ФЭС: «вечность — бесконечность времени существования материального мира» (здесь *вечность* синтаксически тождественна существительному *бесконечность*, которое также вторично по отношению к прилагательному — *бесконечный*) или: «Признание вечности материального мира — исходный принцип всякой последовательной философии» [ФЭС, 87].

Основание этой «вечности материального», ее первооснова — *primum mobile* — исчерпывающим образом определены Б.Паскалем в «Мыслях»: «Природа беспрестанно возобновляет одно и то же — годы, дни, часы; пространства, равно как и числа, непрерывно следуют одно за другим. И таким образом получается своего рода бесконечность и вечность. Не то чтобы все это в отдельности было бесконечно и вечно, но величины, сами по себе конечные, бесконечно умножаются. Так что, на мой взгляд, бесконечно только умножающее их число» [Паскаль 1974, 138].

В отличие от количественной *вечности*-бесконечности, «качественная» *вечность* в словообразовательном отношении первична: прилагательное *вечный* образовано в этом случае от существительного *вечность*¹ и прочитывается, скорее, по модели относительных, а не качественных прилагательных (*вечный*¹ относится к *вечности*, по-видимому, так, как ко *времени* относится прилагательное *временной*, а не *временный*). Круг понятий, допускающих определение *вечный*¹, весьма ограничен, «пропуском» в него, как мы уже сказали, является принадлежность к вечности¹. Приведем примеры из Н.А.Бердяева, иллюстрирующие языковое своеобразие прилагательного *вечный*¹: *Как во времени возмож-*

но вхождение вечного [потенциал субстантивации есть только у прилагательного *вечный*¹], — *возможен и разрыв замкнутости времени и выход времени в вечность, когда какое-то вечное начало в нем действует* [*вечное начало* — начало, принадлежащее вечности]; *Время не есть замкнутый круг, в который ничто не может проникнуть из вечной действительности* (*вечная действительность* — действительность вечности).

Как мы уже отмечали, в повседневном употреблении мы не часто эксплуатируем прилагательное *вечный*¹, а в получившихся сочетаниях порядок слов, как правило, фиксирован, поскольку он помогает различить, о каком «вечном» идет речь (*жизнь вечная*, например, не есть *вечная жизнь*). Аналогичные функции порядка слов — и в близкой понятийной сфере — отмечаются у В.Далая: *человек Божий* это пророк, избранец, а *Божий человек* — это святой, праведной жизни [Даль 1989, IV, 588]. Ср. также различные прочтения слова *блаженный* в зависимости от порядка слов: в препозиции *блаженный* прилагается «к святым, почитаемым в других христианских исповеданиях (прежде всего у католиков), в тех случаях, когда почитание их установилось до разделения церквей и тем самым признается православной церковью» [Живов 1994, 22—23]; в постпозиции *блаженный* прилагается к юродивым.

Если мы обратимся к конструкции существительных *вечность*¹ и *вечность*² с род. падежом, то и здесь увидим кардинальное различие между ними. «Количественная» *вечность* имеет тенденцию управлять отглагольными именами (*вечность существования*) или, по крайней мере, именами, в семантике которых есть длительность (*вечность мира*); при этом «вечность» является свойством объекта, названного родительным падежом. «Качественная» *вечность* в конструкции с род. падежом допускает только одно имя — *Бог*, и сам родительный прочитывается как посессивный (*вечность* не свойственная *Богу*, а принадлежащая Ему)⁵.

⁵ Ср. у В.Н.Лосского: «...время является одной из форм тварного бытия, тогда как вечность принадлежит собственно Богу» [Лосский В. 1991, 232] и там же мысли Оригена: «Бог все сотворил в Своем Слове,

Понятно, что количественная оппозиция времени и вечности нашла свое языковое воплощение. Однако рассматриваемый нами в Разделе 2 материал позволил обнаружить в сознании носителей русского языка и «следы» качественной оппозиции, и соответственно — влияния на употребление уже «качественных» аспектов вечности.

К описанию этой над- или вневременной, духовной сферы не применимы понятия количества, меры, протяженности, счета: атомарные единицы вечности способны вместить любое по продолжительности событие. Если «время» является мерой повседневности, то «вечность» исключает обыденность и ординарность. Подобно единицам времени, «атомы вечности» также имеют свои названия, и наш «словарь» отражает это сосуществование времени и вечности в нашем сознании.

§3. «Время — ... пространство в бытии ...» (В.Даль)

Говоря о сопричастности вечности или о принадлежности к времени, мы сами эти понятия (качественную оппозицию) осмысливаем пространственно: время и вечность понимаются как некие «сферы», «области» бытия, а не просто характеристики длительности (как в случае количественного противопоставления), ср. приведенные выше пространственные метафоры времени и вечности из Н.А.Бердяева: *«Два выхода есть в вечность ... мы вновь вступаем во время ...»*

В предыдущей главе мы уже затрагивали тему пространственно-временных ассоциаций — описания времени в терминах пространства. Наиболее типичен именно такой смысловой перенос, поскольку пространственное восприятие мира онтологически предшествует его временному постижению.

Однако в архаическом сознании время и пространство существуют еще в виде некоего единства. Как отмечает В.Н.Топоров, «в архаической модели мира пространство

не противопоставлено времени»: время может «сгущаться» и становиться формой пространства, пространство способно «заражаться» «внутренне-интенсивными свойствами времени» [Топоров 1983, 231—232].

По словам А.Я.Гуревича, «временные отношения начинают доминировать в сознании [человека] не ранее XIII в. В предшествующий же период самое время воспринималось в значительной мере пространственно. Именно пространство, а не время было организующей силой художественного произведения» [Гуревич 1972, 125]. В качестве иллюстрации последнего тезиса А.Я.Гуревич ссылается на выявленную О.Э.Мандельштамом особенность «Божественной комедии»: Данте понимал историю как единый синхронистический акт.

О.М.Фрейденберг связывала свойственную архаическому сознанию «пространственность» восприятия времени с отсутствием у субъекта сознания «чувства длительности»: «Прошедшее и будущее мало чем отличаются в древней наррации одно от другого; оба они вторгаются в настоящее, подобно физическим телам, — неподвижные, законченные, „плотные“ ...» [Фрейденберг 1978, 218].

Другим важным фактором пространственно-временного синкретизма является то, что М.М.Бахтин называл «органической прикрепленностью, приращенностью жизни и ее событий к месту» [Бахтин 1979, 374]. Эта особенность мышления находит воплощение в сакральном поведении, в разного рода ритуальных обрядах. Как показал М.М.Бахтин, этот феномен человеческого сознания и восприятия породил один из фундаментальных принципов описания в художественном произведении — «хронотоп» («Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [Бахтин 1975, 235])⁶.

Хотя «пространственность», бесспорно, преобладает при восприятии «чувственно являемого мира», в принципе, не

⁶ Ср. проделанный В.С.Баевским анализ художественных особенностей романа «Евгений Онегин», убедительно показавший, что «образ художественного пространства» неотделим от спроецированных на это пространство событий [Баевский 1990, 98].

исключено и обратное — доминанта и даже гипертрофия «времени» в сфере восприятия. Так, М.М.Бахтин пишет об «удивительном умении» Гете видеть в сугубо пространственных проявлениях временное: Гете «разносил рядом лежащее в пространстве по разным временным ступеням, эпохам становления» [Бахтин 1979, 208].

Для нашей темы важно, что в пространственных категориях может быть воспринято и осмыслено лишь время, заполненное событиями (на это обращает внимание Б.А.Успенский [1989]); именно они «уплотняют» время, делают его областью бытия, вместилищем жизни. «Время создается переменной вещью», — писал бл. Августин [1979, 197]. Ведь и по В.И.Далю, «*время* — это длительность бытия ... продолжение случаев, событий» [Даль 1989, 1, 260].

Думается, фактор событийного наполнения является одним из фундаментальных признаков, по которому «время жизни» (lived time) противопоставлено другим типам времени: физическому, грамматическому и пр. Время, свободное от событий, его заполняющих, является абстракцией, отвлечением от субъективного фактора человеческой интерпретации, оценки; именно события определяют выбор того или другого эпитета для «времени жизни»⁷.

Здесь уместна аналогия с противопоставлением лейбницевского пространства («читаемого» человеком) ньютоновскому, исключаящему какую-либо субъективность (интерпретационную деятельность человека), существующему в отвлечении от человека. И как «естественное», «наивное» восприятие прочитывает пространство по объектам, его заполняющим, так и время осознается (и «переживается») через событийные проявления. Иными словами, как нет «пустого» семиотического пространства, так нет и «пустого» (семиотического же) «времени жизни».

Восприятие времени под знаком события позволяет осмыслить повторение одних и тех же событий как возврат во времени или повторение временного цикла. Крайним выражением такого понимания времени являются слова В.Муравьева: «Один из укоренившихся предрассуд-

ков — это убеждение в необратимости времени. На самом деле, время не только обратимо в принципе, но мы постоянно сами его обращаем, совершая те или другие целесообразные превращения окружающего и воскрешая по нашей воле бывшее состояние» [Муравьев 1991, 113]. И уже естественным следствием такого взгляда на природу времени является определение будущего как «недовоскрешенного прошлого» (там же).

Поскольку дихотомия «циклического» и «линейного» находит языковое воплощение, скажем несколько слов о культурной традиции, связанной с интерпретацией времени в терминах этих понятий.

§4. Время циклическое vs. линейное

С древнейших времен в сознании человека сосуществуют два представления о времени — время как последовательность однотипных событий, «жизненных кругов» (циклическое) и время как однонаправленное поступательное движение (линейное). Представление о времени как о вращении по кругу, восходящее к сезонным, календарным циклам, отличает архаические цивилизации (см. об этом [Аверинцев 1977], [Топоров 1971], [Мурьянов 1978], [Лотман 1987], [Успенский 1989], [Мелетинский 1991]).

Развитие же представлений о линейном движении времени в первую очередь связано с формированием исторического сознания, необходимыми атрибутами которого являются идеи начала и конца, а значит — эволюции, развития.

Можно сказать, что именно с возникновением исторического сознания человек становится «обитателем времени», ср.: «Но бытие, на мой взгляд, — бытие историческое, человек не поселенец какой-либо географической точки. Годы и столетия — вот что служит ему местностью, страной, пространством. Он обитатель времени» [Пастернак 1990, 292].

Анализируя отношение к истории у разных народов, Н.А.Бердяев приходит к выводу, что «индусское» сознание есть самое антиисторическое из всех сознаний мира» [Бердяев 1990, 25]: оно всецело циклично, в нем отсутствуют

⁷ Г.-Х.Вригт говорит о «духовных часах» при наличии субъективной оценки времени [Вригт 1986, 524].

идеи «начала» и «конца». Ср. опыт реконструкции соответствующего мироощущения в монографии А.Я.Гуревича [1972]: «Колесо космического порядка извечно движется, это постоянно возобновляющийся круговорот рождения и смерти» (с. 30). Эллинской культуре, отмечает Н.А.Бердяев, также было чуждо сознание истории. «Греки воспринимали мир эстетически, как заверченный и гармоничный космос» [Бердяев 1990, 22]. Греческие мыслители и философы «не могли воспринять исторического процесса, исторического свершения, — он не имел исхода, не имел начала, в нем все повторяется, все находится в вечном круговороте, в вечном возвращении. Эта цикличность процесса характерна для греческого мирозерцания, оно представляло себе движение истории как круговорот» [Бердяев 1990, 23].

Представление же об однократности, неповторимости, единичности ключевых событий в судьбах мира «внесло в историческую действительность христианское сознание» и связаны они с мессианской идеей и эсхатологией Библии — пишет Н.А.Бердяев: «Движение без перспективы конца, без эсхатологии не есть история, оно не имеет внутреннего плана, внутреннего смысла, внутреннего свершения. В конце концов, движение, которое не идет к разрешающему концу и не имеет его, так или иначе срывается на движение круговое» [Бердяев 1990, 26].

«Порвав с циклизмом языческого мирозерцания, христианство восприняло из Ветхого завета переживания времени как эсхатологического процесса, напряженного ожидания великого события, разрешающего историю, — пришествия Мессии» [Гуревич 1972, 99].

Таким образом, христианское сознание соединило в естественном синтезе характеристики цикличности и линейности времени (с линейностью в данном случае связываются идеи необратимости, но и конечности времени)⁸ («... и

⁸ Нужно сказать, что идея конечности времени и замкнутости пространства находит отражение и в естественно-научных представлениях. См., например, [Рейхенбах 1985; 1962]; [Бёрке 1985].

Впрочем, в картине мира научной «конечность» имеет, так сказать, принципиально иные основания. Вот как об этом в свете идей философской антропологии говорит М.Бубер: «... Эйнштейнова концепция

самое время есть что-то внедренное в глубину вечности» (Бердяев)⁹.

«Сочетание линейного восприятия времени с циклическим в разных формах можно наблюдать на протяжении всей истории», — пишет А.Я.Гуревич [Гуревич 1972, 29]. Модель мира современного человека в этом отношении исключением не является. Однако доминанта того или другого представления о времени является своего рода «мировоззренческим маркером». Так, Б.А.Успенский связывает циклическое время с космологическим сознанием, а линейное — с историческим: «Космологическое сознание предполагает, что в процессе времени постоянно повторяется один и тот же онтологически заданный текст... Между тем, историческое сознание, в принципе, предполагает линейное и необратимое ... время» [Успенский 1989, 32—33].

Другой важный фактор, способствовавший формированию представлений о линейном движении времени — это процесс «отчуждения» времени от событий, его наполняющих, т.е.

конечного мирового пространства никоим образом не годится для обратного перекраивания Вселенной в человеческий дом, ибо это существенно иная конечность, нежели та, что рождает ощущение вселенского дома. Более того, возможно, что такое понятие Вселенной, открывающееся сегодня лишь свободному от пут чувственного восприятия математическому гению, станет когда-нибудь доступно и обыденному сознанию. Но оно не сможет породить ... нового образа Вселенной ... Эйнштейнова ... концепция Вселенной ... ставит крест на самых заветных стремлениях души; она противоречит всем ее надеждам и представлениям; этот новый космос еще можно помыслить, но нельзя вообразить. Человек, который его помыслил, на самом деле уже не жилец в нем. А поколение, пожелавшее переработать современную космологию в свое естественное мышление, будет, вероятно, состоять из людей, которые впервые за многовековую историю непрестанного обновления образа мироздания, отрекутся от самой идеи этого образа. И скорее всего их ощущение Вселенной и, так сказать, образ ее, будут определяться жизнью в принципиально неизобразимом мире: *imago mundi nova — imago nulla*» (новый образ мира — это отсутствие всякого образа) [Бубер 1993, 88—89].

⁹ Необратимость и конечность времени для каждого индивидуума связывается и с идеей конца его земного пути, т.е. Конец Света понимается не только как всеобщий исход, но и как индивидуальная судьба: «Есть личная эсхатология, личный апокалипсис и есть историческая эсхатология, исторический апокалипсис» [Бердяев 1991, 305].

выделение в отдельную область того времени, которое связано с механическим отсчетом (часами): «„Отчуждение“ времени от его конкретного содержания создало возможность осознать его в качестве чистой категориальной формы, длительности, не „отягченной“ материей» [Гуревич 1972, 138].

В материалистической философской традиции линейное и циклическое время противопоставляются как «естественно-научное» и «наивное», архаическое. См. об этом в [Трубников 1987]. Ср. определение времени, данное в ФЭС: «Время одномерно, асимметрично и необратимо, все изменения в мире происходят от прошлого к будущему. Однонаправленность времени обусловлена асимметрией причинно-следственных отношений, общей необратимостью процесса развития материальных систем» [ФЭС, 101]. Как видим, это время является условием, а не областью существования, оно объективировано, абстрагировано от человека и поэтому не зависит от событийного заполнения и не определяется им.

В рамках же «наивной» (например, фольклорной) картины мира, где время не мыслится в отрыве от событий, цикличность и линейность, скорее, дополняют друг друга как время от сотворения мира до конца света (линейное) и время сезонное, календарное (циклическое, «идущее по кругу») (см. [Цивьян 1990, 121—122], [Мелетинский 1991, 661]), ср.: «Мифологическое время принято противопоставлять историческому как циклическое линейному ... Это не значит, однако, что понятие линейного времени вообще чуждо мифологическому сознанию. Мифология времени включает идею начала мира (космогония, антропогенез, этиология), память о смене поколений (культ предков), сознание линейности (пути) человеческой жизни от рождения до смерти. Цикличность же мифологического времени — не просто следование природным солнечным, лунным, вегетативным циклам (времена года, фазы луны, суточное время), но и преобразование линейного (исторического и жизненного) времени в циклическое, вовлечение его в круговорот „вечного возвращения“» [Толстая 1991, 62].

Итак, в «культурной парадигме» носителей языка с понятием циклического времени связываются идеи природных циклов, бесконечных возвратов и повторов одних и

тех же событий, общности человеческих судеб на всех кругах бытия; с понятием же линейного времени ассоциируются такие характеристики, как «неповторимость», «уникальность», «единичность» событий, необратимость самого жизненного процесса. Естественно поэтому, что «циклическое сознание» настроено на типизацию (отождествление того, что есть, с тем, что уже не однажды было), а «линейное» — на индивидуализацию¹⁰.

Дихотомия циклического и линейного времени находит отражение в языке. Этому способствует наличие в речевом обиходе носителей языка близких по смыслу слов, квазисинонимов, способных «рассредоточиться» по соответствующим моделям времени.

В Разделе 3 в аспекте цикличности/линейности будут проанализированы такие оппозитивы, как *время/пора; прежний, прошлый/минувший; ныне/сейчас* и нек. др.

¹⁰ Соответствующая ориентация сознания может быть культурной доминантой, отличительной чертой той или иной цивилизации.

Как показал Ю.М.Лотман, письменные и дописьменные цивилизации базируются на двух, принципиально различных, типах памяти. Один тип памяти ориентируется «на сохранение эксцессов и происшествий» (здесь письменность необходима). Для дописьменных же цивилизаций характерно стремление «сохранить сведения о порядке, а не о нарушениях, о законах, а не об эксцессах... Здесь на первый план выступает не летопись или газетный отчет, а календарь, обычай, этот порядок фиксирующий, и ритуал, позволяющий все это сохранить в коллективной памяти» [Лотман 1987, 5].

РАЗДЕЛ 2

Описание происходящего в *минутах, мигах, мгновениях и моментах*

§1. Предварительные замечания

Данный раздел посвящен рассмотрению слов с семантикой 'короткий промежуток времени' (*минута, миг, мгновение, момент*). Выбор для анализа именно этих слов не случаен: показатели кратковременности в большой степени отражают специфику восприятия времени носителями русского языка. С каждым из перечисленных слов ассоциируется своя семантика времени. При этом каждое представляет собой атомарную (далее неделимую) единицу соответствующей временной системы. Даже *минута*, как будет видно из дальнейшего изложения, является целостной, неделимой единицей особого времени (*секунда* лишь отчасти передает специфику этого времени и поэтому к анализу привлекается эпизодически). В целом же семантика рассматриваемых слов образует законченный фрагмент наивной картины восприятия времени в русском языке.

Согласно словарям (БАС; МАС; Даль; Ожегов), *минута* и *секунда* во 2-ом значении, а также слова *момент, миг, мгновение* описывают короткий промежуток времени (по В.И.Далю, *миг* и *мгновение* — это время однократного мигания, *секунда* [Даль 1989, II, 325]).

Ясно, что в 1-ом значении перечисленные слова максимально расходятся, обслуживают разные участки временной системы: *минуты, секунды* — это единицы физическое («механического») времени; они соотносятся с *мгновениями* и *мигами* как объективные показатели (точного, «квантифицированного») времени с показателями субъективными, не имеющими объективных характеристик длительности.

Вообще, эта языковая оппозиция точных (объективных) и неточных (субъективных) единиц времени универсальна (ср. англ. и франц. *instant*, итал. *istante* — эквиваленты русских *мигов* и *мгновений*). Хотя определители краткости,

быстроты в языках могут различаться: в русском таким «определителем» является акт однократного мигания, и слова, называющие это действие (исконно отглагольные существительные) заняли место соответствующих единиц в системе обозначений времени. В других языках данным словам могут соответствовать уже не нейтральные, стилистически отмеченные фразеологизмы. Важно то, что сама операция определения кратчайшего временного интервала одна и та же: «*Мгновение ока* — некая универсальная человеческая категория времени ... Она известна и немцам, чей *Augenblick* — „миг“ означает именно 'мигание глаза', и французам, чье *en un clin d'oeil* — „очень быстро“ значит не что иное, как 'в одно наклонение глаза', и англичанам, чье *in the twinkling of an eye* буквально совпадает с нашим *во мгновение ока*.

Такая универсальность не случайна. Недавно ученые с помощью детального исследования доказали, что именно „миг“ глазного века является самым быстрым движением, на какое способен человек. Для такого движения необходима всего лишь одна десятая доля секунды» [Мокиенко 1990, 57].

Предметом нашего рассмотрения будет тот круг употреблений, в котором слова *миг, мгновение, момент*, а также *минута* и *секунда* описывают 'короткий интервал времени'.

Казалось бы, это — субъективное — значение является позицией нейтрализации для данных слов. Действительно, большинство из них могут употребляться в тождественных ситуациях. Ср.: *И мысли в голове волнуются в отваге, // И рифмы легкие навстречу им бегут, // И пальцы просятся к перу, перо к бумаге, // Минута — и стихи свободно потекут* (А.Пушкин) и *Переходят радужные краски, // Раздражая око светом ложным; // Миг еще... и нет волшебной сказки // И душа опять полна возможным* (А.Фет).

На первый взгляд, лишь слово *момент* существенно выделяется из рассматриваемой группы. У него словари усматривают два значения: «1. Миг, мгновение, короткое время, в которое что-то происходит». Это значение иллюстрируется примерами: *Сделать в один момент; Благоприятный момент; Данный момент*. 2. Обстоятельство, отдельная сторона какого-нибудь явления. *Отрицательный момент*» [Ожегов

1970, 351]. Как видим, второе значение не является собственно временным. Однако и в первом, временном, значении 'короткого промежутка времени' *момент* существенно отличается от своих словарных «соседей» по возможностям употребления: можно сказать *(на) краткий миг* и нельзя: **(на) краткий момент*; можно: *за миг* и нельзя: **за момент*; можно *Еще бы мгновение — и мы пропали бы* и нельзя **Еще бы момент — и ...*

В ряду же оставшихся слов — *миг, мгновение, минута, секунда* — разница в употреблении обнаруживается при рассмотрении текстов разной функционально-стилистической принадлежности. Так, для газетного интервью странно употребление слов *миг* или *мгновение* вместо *минуты*, в таком, скажем, контексте: *Чтобы пояснить это утверждение, вернемся на минуту к самым истокам* (Ю.Афанасьев).

В повседневной речи кратковременность некоторых действий описывается, как правило, с помощью слов *минута* и *секунда*. Например: *зашел/вышел на минуту; подожди секунду* и под. Между тем поэтический контекст может при соответствующем описании пересиливать и «семантический здравый смысл», т.е. оправдывать заведомо некорректное употребление, ср.: *С любимыми не расставайтесь! // Всей кровью прорастайте в них. // И каждый раз навек прощайтесь, // Когда уходите на миг* (А.Кочетков).

В поэтическом языке (и шире — языке художественного, образного описания) можно наблюдать некий «пересчет времени» — *минуты* и *секунды* (конвенциональные показатели кратковременности) перекодируются в *миги* и *мгновения* (присущие индивидуальному стилю авторской речи). Ср.: *Не нужно портить ему последние минуты и Отравлены его последние мгновенья // Коварным шепотом насмешливых невежд... (М.Лермонтов); Я думаю, что сочтены не только его часы, но и минуты и Что изменнику блаженства звуки? // Миги жизни сочтены... (А.Блок); С каждой минутой ему становилось все хуже и Неумолимые слова...// Окаменела Иудея, // И с каждым мигом тяжелея, // Его поникла голова (О.Мандельштам).*

Как кажется, распределение рассматриваемых слов по разным функциональным стилям является следствием их

семантических различий: каждый из показателей кратковременности по-своему передает восприятие и переживание времени субъектом речи¹¹.

Сказанное подтверждается и нашими предпочтениями при описании кратковременности — каждое слово подразумевает свой круг кратковременных явлений: может быть *минута* (но не *момент*) *тоски*; *поворотный момент*, но не **поворотная минута*; можно сказать *за несколько свободных секунд* и нельзя **за несколько свободных мгновений* и т.д. Иными словами, в реальном употреблении показатели кратковременности заметно идиоматизировались, обросли дополнительными смысловыми коннотациями (в меньшей степени этот процесс затронул слово *секунда*).

Интересно, что наиболее свободными от фактора идиоматизации оказались как раз те случаи, когда указанные слова описывают собственно количество времени: *за/через несколько минут/секунд/мгновений*; и напротив, случаи, когда семантика количества нивелирована полностью (слова отмечают некую точку отсчета событий): *в этот момент/в это мгновение/в эту минуту/секунду...* Однако и здесь выбор того или иного показателя не безразличен. Можно сказать: *В тот миг, когда он все понял, лицо его озарилось улыбкой* и гораздо хуже: *В тот миг, когда он все поймет, будет поздно что-либо исправлять*. В послед-

¹¹ «Переживание времени» подразумевает не простую констатацию длительности каких-либо временных единиц (*минут, секунд, мгновений*), но оценку — эмоциональную, рациональную и пр. — событий, заполняющих соответствующие временные промежутки. Иными словами, мы исходим из предположения, что временные интервалы мыслятся носителями языка не в виде безликого отрезка числовой оси той или иной длительности, а как нечто семантизированное: время проходит под знаком тех или иных событий, и движение времени — это череда событий. Соответственно, и точки отсчета («фиксаторы времени») с этого момента, в это мгновение ... определяются через значимые для говорящего события.

Здесь уместно вспомнить о бергсоновском противопоставлении времени, с которым имеют дело точные науки, и «которое сводится к числу», времени психологическому (= реальной длительности), «видимый количественный характер которой есть в действительности качество и которую нельзя сократить ни на одну минуту, не изменяя природы фактов, заполняющих эту длительность» [Бергсон 1910, 142].

нем случае — при описании гипотетической ситуации — лучше использовать слово *момент*.

Проведенный анализ позволил предположить, что специфика употребления каждого из показателей кратковременности и возможность «вычитать» из соответствующих контекстов какие-то дополнительные смыслы связаны с тем, что в интуиции носителей языка — как бы сказал Р.О.Якобсон, «в тайниках языкового строя» [Якобсон 1978] — содержится представление о разных системах (моделях) времени. Соответственно, каждый раз выбор конкретного слова определяется тем, с какой системой (моделью времени) говорящий соотносит предмет описания.

Миги и *мгновения* передают особое, эмоционально насыщенное мироощущение говорящего. Сверхкраткость в семантике этих слов как бы сгущает и уплотняет само время, повышая ценность каждой его «частицы». Как следствие, в сферу описания этих слов попадают значимые для говорящего, раритетные события. *Минуты* и *секунды* связаны с бытовым временем. *Минуты* также тяготеют к описанию эмоциональной сферы, внутреннего мира субъекта, но это, так сказать, повседневные эмоции и настроения. *Момент* является показателем рационального, аналитического восприятия времени. В отличие от *минуты*, *момент* концентрирует внимание, не на эмоциях человека, его внутреннем мире, а на внешних атрибутах — тех обстоятельствах, в которых субъект находится.

Нашу задачу мы видим в том, чтобы через выявление механизма употребления показателей кратковременности описать модели восприятия времени, содержащиеся в интуиции носителей русского языка и определяющие их языковую стратегию. Эта задача осуществлялась поэтапно — через последовательное сопоставление слов *минута/момент* (§2) и *минута, секунда/мгновение, миг* (§3). В заключительной части раздела (§4) приводится итоговая картина восприятия и описание времени в терминах трех различных систем.

§2. *Минута vs. Момент*

§2.1. Конкретность *минуты* и «условность» *момента*

Если *минута*, помимо субъективного значения кратковременности имеет и другое, вполне объективное значение 1/60 часа, то *момент* допускает только субъективную интерпретацию: короткого/очень короткого промежутка времени (см. МАС; БАС; [Ожегов 1970]). Это обстоятельство влияет на выбор рассматриваемых слов и при описании субъективной кратковременности.

Поскольку *минута* в 1-ом из значений является единицей часа, в сознании носителей языка «минута наступления события» в любом случае может связываться с конкретным суточным временем, т.е. *минута* так или иначе апеллирует к каким-то человеческим «срокам». *Момент* же, не принадлежа к общепринятым единицам измерения времени, является неким условным обозначением времени. В частности, поэтому *момент* свободен от ассоциаций с какими-либо «сроками». Так, в следующих высказываниях мы отдадим предпочтение *моменту* именно потому, что время наступления события никак не фиксировано: *К моменту (*к минуте) его возвращения все должно быть готово; Иванушка совершенно изменился за то время, что прошло с момента гибели Берлиоза* (М.Булгаков).

«Условность» *момента* позволяет ему описывать время, абстрагированное от конкретных физических единиц измерения, например, аспектологическое, историческое, ср.: *Начало действия = 'момент времени, в который началось (действие...)'* (М.Гловинская); *Прошлое дано нам как последовательно организованный текст, а будущее угадывается лишь в отдельных моментах* (Б.Успенский). Приведем примеры, в которых *момент* обладает безусловным приоритетом при описании ситуации: [о Л.Толстом] *...Но два великие момента в исторически развивающейся жизни, зарождения и разложения, не тронуты им...* (В.Розанов); *Каждое стихотворение раскрывает новую сторону или новый момент роста* [поэта] (Н.Мандельштам).

Описание такой динамики времени подвластно слову *момент*, как это ни парадоксально, вследствие «вневременности» его семантики — отсутствия ассоциаций с единицами конкретного (физического) времени. В сознании человека ассоциация с «часами» неминуемо проецирует описываемое на какую-то конкретную плоскость, ср. разный смысловой потенциал сочетаний *момент признания* и *минута признания*: первое может описывать условную, умозрительную ситуацию (*Момент признания всегда очень труден*; *В момент признания все должны быть на месте*), а второе всегда относится к конкретной, реальной, единичной ситуации (*Эта минута признания долго мне будет помниться*). Большая конкретность *минуты* и некоторая относительность, «условность» *момента* ставят выбор того или другого слова в зависимость от масштаба описываемых событий.

§2.2. Фактор продолжительности, конкретной локализованности временного промежутка

Сравним два примера: *В минуты духовного подъема человек способен на многое* и *Национализм и мессианизм сопрягаются и смешиваются. Национализм в своем положительном утверждении, в моменты исключительного духовного подъема, переливается в мессианизм* (Н.Бердяев). Очевидно, что во втором случае время не поддается описанию в терминах «минут». Это объясняется тем, что здесь нет проекции на какую-либо временную ось того, что описывается. Такой «временной осью» для *минуты* является жизнь отдельного человека. В самом деле, если в жизни человека возможны и *трудные минуты*, и *трудные моменты*, то в жизни социума — только *трудные моменты*; *трудных (или прекрасных) минут* не переживает ни общество, ни государство, это — удел человека. Ср.: *Святости все еще поклоняется русский человек в лучшие минуты своей жизни, но ему недостает честности, человеческой честности* (Н.Бердяев) и *В самый решительный момент русского национально-исторического самоопределения Византийские традиции прервались* (о. Г.Флоровский).

Минуты не могут выйти за пределы «частного существования» в силу априорной заданности своей величины. *Момент* же, не имея конкретной величины, обладает соотносительным масштабом, поэтому он приложим к самому широкому кругу явлений.

При отсутствии указаний на конкретную временную локализацию события выбор показателя «условного» кванта времени закономерен, так как всякий раз осмысление конкретной величины описываемого временного промежутка осуществляется в соответствии с масштабом событий, о которых идет речь¹², ср.: *Резкие изменения в системе научных и технических представлений общества происходят в истории человеческой культуры часто. Однако наступают моменты, когда эти перемены получают столь всеохватывающий характер, что следствием их становится перемена всей общественной жизни людей* (Ю.Лотман).

Расплывчатость *момента* и конкретность *минуты* обуславливают и разницу в смысловом потенциале фраз *в данный момент/в данную минуту*, ср.: *В данный момент Иван сидит в тюрьме/находится во Франции/болен/гастролирует по стране* (здесь некорректно использование слова *минута*, поскольку промежуток времени достаточно длителен и описываемое положение дел не поддается быстрому изменению) и *В данную минуту Иван спит/сидит в библиотеке/готовит обед*.

Можно сказать, что *минута* в подобных контекстах конкретно-референтна — она вовлекает в сферу описания и самого говорящего с его «временем произнесения высказывания»; *момент* же позволяет абстрагироваться от конкретного говорящего, его пространственно-временных координат, описывая некое «условное настоящее». В подтверждение приведем пример из доклада А.Ф.Лосева, опубликованного позже в качестве статьи [Лосев 1982]: [Сейчас пока еще трудно выполнить эту задачу] *Но в настоящую минуту этого и не нужно делать...* Использование *минуты* в

¹² М.И.Всеволодова относит *момент* к словам, «конкретное значение которых выявляется в контексте» [Всеволодова 1975, 29]. По этому признаку *момент* противопоставляется ею словам *миг* и *мгновение* (описывающим заведомо короткие промежутки времени) и *эре*, *эпохе* (обозначающим продолжительные временные интервалы) (там же).

данном случае свидетельствует об исходном устном характере текста. В статье же нивелировка конкретных пространственно-временных координат автора требует употребления слова *момент* при соответствующем описании.

Аналогично, и указания *с этого момента/с этой минуты* применяются к разным ситуациям, ср.: *Иван вышел, и с этой минуты я его больше не видел* и [о короле Франции] *Истекло пятилетие с момента его воцарения* (Л.Гроссман).

Таким образом, *момент* может обладать сколь угодно большой временной протяженностью (Ф.М.Достоевский сказал о «Братьях Карамазовых»: Это «почти даже не роман, а лишь один момент из первой юности моего героя» (цит. по [Розанов 1989, 46])). Употребление этого слова оправдано в том случае, когда описываемая ситуация мыслится говорящим как эпизод (т.е. в сознании говорящего временной промежуток *момента* существует на глобальном временном фоне). Например: *Мы переживаем своеобразный критический момент. Но затяжным он не будет. Все решится в течение месяца* (Ю.Афанасьев); *Добавляю эту главу [«Совещательная структура»] никак не к сегодняшнему моменту, — но, мне кажется, весьма важную для нашего отдаленного будущего* (А.Солженицын).

Связь *минуты* с человеком, его «временной осью», и независимость от этого фактора *момента* позволяют с помощью данных слов выразить целый спектр дополнительных значений.

§2.3. Время душевных переживаний (*минута*) / время стечения обстоятельств (*момент*)

Анализ материала позволяет заметить, что часто *момент* делает акцент на событиях, которые имеют место в описываемый отрезок времени, а *минута* относится, скорее, к настроениям субъекта, его душевным состояниям, переживаемым в указанное время. Ср. с этой точки зрения два примера из «Второй книги» Н.Я.Мандельштам: *Видно, и он ... не выдержал и в минуту тоски проболтался любимой женщине, что не верит газетам и Восстание было первым*

лучом в карьере Вышинского — он готовил восстание, а в нужный момент предал.

Приведем примеры, где использование *минуты* однозначного предсказывается характером описания (внутренний мир человека, его эмоции): *И все же были такие минуты, // Когда, головой упав на мешок, // Думал, что именно так почему-то // Жить особенно хорошо* (Д.Самойлов); *Радость моя, дорогая моя, в эти минуты душевной усталости, слабости и отчаянья только твоя любовь может поддерживать, ободрять меня* (В.Соловьев — Е.Романовой); *О, сколько было жизни тут, // Невозвратно пережитой! // О, сколько горестных минут, // Любви и радости убитой!...* (Ф.Тютчев).

Употребляясь же в сходных контекстных условиях, *минута* и *момент* будут описывать отнюдь не одно и то же, ср.: *В такие минуты (≠ моменты) я зову его на помощь. Минуты* подразумевают здесь скорее какие-то эмоциональные состояния (тоска, одиночество и под.); *моменты* же указывают на ситуативные трудности и конфликты, например, «я» не могу решить задачу, «мне» не с кем оставить ребенка, у «меня» нет денег и т.д.¹³.

Приведем пример, где предпочтение отдается уже слову *момент*, поскольку в центре внимания не внутренний (эмоциональный) аспект, а внешний (событийный) — сложные обстоятельства: [После постановления о «Звезде» и «Ленинграде»] ... *я встретила Пастернака. Мы юркнули в подворотню, чтобы прохожие не опознали нас. Ему не полагалось в такой момент разговаривать со мной* (Н.Мандельштам).

Так как *момент* указывает на стечение обстоятельств, в его терминах не описываются «аморфные», неопределенные, неясные для самого говорящего ситуации. Можно сказать: *в момент решительных действий* и плохо: *в момент бездействия*; можно: *мы переживаем критический/поворотный/сложный момент* и плохо: *мы переживаем какой-то неопределенный/смутный/непонятный момент.*

¹³ Если эмоциональные состояния имеют место на неопределенном отрезке времени, то приоритет в их описании принадлежит *моменту*, ср.: *В какой-то момент мне было очень одиноко, но потом я привык.*

Соотнесенность момента с внешним миром событий и ситуаций, а минуты — с внутренним миром эмоций и настроений определяет и потенциальный набор эпитетов у каждого из слов: *поворотный, любопытный, важный... момент* и *скорбная, светлая, чудная... минута* [Словарь эпитетов, 243—244].

Вследствие этой соотнесенности у каждого из слов и свои предикаты. *Минута* может *накатывать, налетать, захватывать, приходить, проходить*, т.е. действовать как нечто самостоятельное, не зависящее от воли субъекта. *Момент* — как знак стечения обстоятельств — не *проходит* и не *приходит*, поскольку он описывает не планируемые (контролируемые, «режиссируемые») события, а естественный (спонтанный) ход вещей. Для момента наиболее подходящим является нейтральный глагол *наступать*, например: *Но вот наступает момент: необходимо появиться в печати* (А.Твардовский). Несмотря на свою «спонтанность», момент не может *случаться*, как это бывает с минутами эмоций и переживаний, ср.: *Случались минуты (темные минуты), когда выйти на балкон боялся* (Р.Киреев). Глагол *случаться* подчеркивает неуправляемость минут, их власть над субъектом эмоций; для момента — единицы аналитического времени — естественно находиться под контролем. В отличие от минуты, момент не *уходит* (сам!) — его *упускают*.

Интересно, что семантику минуты унаследовал и квантификатор *минутами*, описывающий непродолжительные, спорадически возникающие внутренние состояния субъекта, не зависящие от его воли. Проиллюстрируем релевантность перечисленных нами условий.

Можно сказать: *Минутами меня тянуло туда* и нельзя: **Минутами я собирался туда зайти*, так как речь идет о контролируемом положении дел. Нельзя сказать: **Минутами я падал/присаживался отдохнуть/поскальзывался*, поскольку это не внутренние состояния. Фразы типа *Минутами выглядывало солнце* сомнительны, поскольку речь идет не о субъекте. В последнем случае лучше использовать квантификатор *временами* или формы типа *на минуту, ненадолго*.

В противовес перечисленным отступлениям от нормы приведем примеры канонического употребления квантификато-

ра минутами: Он молчал...был мрачен и ходил один. Минутами остро ненавидел себя (Б.Зайцев); *...Минутами ему ужасно хотелось захохотать, громко, бешено...* (Ф.Достоевский); *Минутами он ликует, предчувствуя близость перерождения, но чаще им овладевает отчаяние при мысли, как он еще далек от той внутренней цельности и свободы* (М.Гершензон).

Обращенность момента вовне и «интровертность» минуты предопределяют их различное смысловое содержание в контексте предиката *помнить*, ср.: *Сицилия — место моего сближения с Асей; помнятся лишь моменты его: душная декабрьская ночь; Ася протянута из окошка в теплые порывы ветра; за лапами расхлестанной зелени — вспыхи молнии...* (А.Белый) ... И далее перечисляется еще ряд внешних впечатлений-картин. *Минута* же в сфере действия предиката *помнить* будет сообщать не о запомнившихся событиях, а о пережитых эмоциях, ср.: *Скандалов я не переносила, но забыть этой минуты не могу и сейчас* (Н.Мандельштам). Это — об ощущениях оскорбленной, задетой женщины.

Становится понятным, почему момент можно *забыть*, о нем (или даже его!) можно *напомнить* (воспроизвести заново!), а *минута* (переживания) существует, куда помнится. Странно сказать: *Я забыл эту минуту, напомни мне о ней*.

В каких-то случаях верность минуте может свидетельствовать о верности субъекта самому себе, а верность моменту — говорит, скорее, о зависимости субъекта от внешних обстоятельств. Ср. два примера (первый не нуждается в комментариях): *Примеры — к тому, чтобы стало ясно, до чего я был тенденциозен: «Все для момента»*. А *«момент» — нанести больнее удар «врагу», подрывавшему символизм* (А.Белый). Замечателен в указанном смысле второй пример — из В.Розанова о Ф.М.Достоевском, где описывается настроенность «душевных часов» писателя, которая определяется не внешними условиями, а его собственным «эмоциональным попаданием» в ситуацию: *Религиозный вопрос затем [после «Преступления и наказания»] уже не исчезает в произведениях Достоевского: в каждом романе он касается его, но так, что мы живо чувствуем, как он только откладывает его до минуты, когда в силах будет сделать это без внешних помех, неторопливо и свободно. Наконец, минута эта настала, и появились «Братья Карамазовы»*.

Акцентирующий внимание на стечении обстоятельств, момент может быть удобным, удачным, неподходящим, благоприятным. Например: Телеграмма потрясла Максимилиана Андреевича. Это был момент, который упустить было бы грешно. Деловые люди знают, что такие моменты не повторяются (М.Булгаков). По-видимому, именно способность к описанию событийных рядов обуславливает появление у момента 2-го — не временного — значения «обстоятельства», «аспекта» (его отмечают все толковые словари): Острое ощущение победы над страхом — очень существенный момент средневекового смеха (М.Бахтин); Я записывал на бумажку основные моменты его рассказа, которые и передаю здесь (С.Голицын); Осложняющим моментом в украинском вопросе явилось развитие украинского движения за пределами России — в Галиции (В.Вернадский).

До сих пор при сравнении слов минута и момент мы апеллировали к качественному аспекту времени (= времени, проходящему под знаком событий). Именно в этом случае смысловые эффекты, сопровождающие выбор того или иного слова, позволяют выявить конститuenty разных моделей времени.

Поскольку различие смысловых потенциалов рассматриваемых слов в данном случае является следствием их идиоматизации, из анализа выпал такой показатель кратковременности, как секунда: она не сопоставима с минутой по тем параметрам, которые проанализированы. Секунда становится полноправным членом в ряду показателей кратковременности в том случае, когда речь заходит о количестве в аспекте времени.

§2.4. Минута, секунда, момент в применении к считаеьмому времени

В отличие от всех слов рассматриваемой группы, момент не способен быть единицей счета, измерения времени. Мы можем переживать время событий в секундах, минутах (а также мигах и мгновениях), но мы в принципе не воспринимаем время событий «в моментах». Покажем это на примерах: Дональд на секунду повернул голову и посмотрел

Андрею в лицо (А. и Б.Стругацкие); Я смеялась над ней... Она иногда на минуту обижалась, а потом смеялась вместе со мной (Н.Мандельштам) (ср. некорректность выражения *на момент); Через секунду на улицу выскочил Николай Аполлонович... (А.Белый) (при невозможности *через момент); Если бы бригадир встретился с Колчерукиим минутой позже ... он бы не стал с ним так долго разговаривать (Ф.Искандер) (плохо: *моментом позже); Ни на минуту я не придавала ни малейшего значения тому, что происходило со мной (Н.Мандельштам) (нельзя: *ни на момент); Куда ни поеду, а к ней заверну. // Чтоб вместе побыть хоть минутку (Л.Трефолов) (плохо: *хоть момент).

Указанные особенности характеризуют слово момент именно в русском языке. Возможности, скажем, английского *moment* несколько шире, ср.: *It was all over in a few moments. Please wait a moment* (примеры из [Хорнби 1982]). Употребление слова момент как единицы счета времени в русском языке возможно, пожалуй, лишь в устойчивом сочетании *сделать что-либо в (один) момент (to do smth. in a moment)*.

Из сказанного, в частности, следует, что широта использования слова момент может служить речевой характеристикой говорящего. Так, в «Записках Д'Аршиака» Л.Гроссмана момент обладает большими возможностями по сравнению с русской нормой, т.е. используется на французский манер, что отличает идиостиль рассказчика, ср.: *момент приближался, через момент и под*.

Минуты и секунды легко передают динамику времени: *Секунды ползли, как часы; бегут минуты...* Моменты же описывают промежутки времени безотносительно к характеру протекания; акцент в данном случае делается на событийном содержании этих, как бы статичных, фрагментов. Ср. выражения: *схватен/запечатлен момент*. Статичность момента и «условность» его масштаба определяют выбор именно этого слова в таком, например, контексте: ... *духовные силы истории ... закрыты для того, кто статический момент, статическое восприятие настоящего превращает в статическое восприятие прошлого и будущего* (Н.Бердяев).

То, что течение времени не воспринимается нами в моментах, может иметь двойное объяснение. С одной сторо-

ны, длительность момента носителями русского языка определяется весьма произвольно, она субъективна и всецело зависит от масштаба предмета описания. Думается, можно сделать и более сильное утверждение: в русском языке момент обладает слабой семантикой «количества».

С другой стороны, в отличие от остальных рассматриваемых нами слов, момент не является собственно временным показателем¹⁴ (по-видимому, поэтому сочетание *момент времени* вполне корректно, а такие сочетания, как *?минута/секунда времени* по меньшей мере стилистически небезупречны): в сознании носителей русского языка момент неразрывно связан с событийным содержанием описываемого временного промежутка, он как бы «фиксирует» то или иное положение дел.

Поскольку момент способен описывать и реально весьма продолжительные временные интервалы (так, Н.А.Бердяев назвал время крушения античного мира и падения Рима «одним из катастрофических моментов всемирной истории»), то один и тот же отрезок времени может трактоваться и как момент, и как период. Если мы определяем его как момент, то акцент делается на кратковременности (по сравнению с глобальным временным фоном) и, что не менее важно, на некоей целостности, однородности, неизменности ситуации. Момент проходит под знаком какого-то одного сплетения обстоятельств, он высвечивает какую-то одну характерную черту описываемого временного отрезка. Период же может быть вмес­ти­ли­щем самых разнообразных событий, ситуаций, обстоятельств.

Поэтому можно сказать: *В этот период ситуация несколько раз менялась* и нельзя: **В этот момент ситуация несколько раз менялась*; можно: *Этот период отличается большим разнообразием событий* и плохо: **Этот момент...* По аналогичным причинам выражение *переходный период* корректно, а выражение **переходный момент* — нет. В отличие от момента, период может мыслиться как нечто «протекающее», обладающее внутренней динамикой, ср.: *в течение этого периода* при невозможности **в течение это-*

*го момента; весь этот период/*весь этот момент; в продолжение этого периода/*в продолжение этого момента...*

Итак, момент характеризуется:

- 1) неразрывной связью с событиями внешнего мира;
- 2) эпизодичностью (реализация семантики 'кратковременность');
- 3) соотносительным с описываемыми событиями временным масштабом (т.е. момент приложим к самому широкому кругу явлений: жизнь человека/общества/природы; описание артефактов и пр.);
- 4) «фиксированностью», неизменностью описываемых обстоятельств (отсутствием внутренней динамики);
- 5) относительной свободой от идеи количественного времени: неспособностью быть единицей счета/измерения времени.

В сопоставлении с моментом минута характеризуется следующими особенностями:

- 1) принадлежность к единицам количественного (физического) времени определяет возможность счета, измерения, описания динамики времени в минутах;
- 2) связь с идеей «часов» проецирует описываемые минутаю «сроки» на конкретную временную (событийную) ось;
- 3) как правило, минута локализована на «оси» жизни отдельного человека; она «интровертна» — тяготеет к описанию внутренней жизни человека, его эмоций и настроений.

Перечисленные особенности слов минута и момент не охватывают их «союзного» употребления (оно выделяется, например, в [Хорнби 1982]) типа: *В тот момент/в ту минуту, когда я его увидел, раздался выстрел*. В подобных случаях временные показатели фиксируют некую точку на оси событий, и смысловые эффекты, связанные с выбором того или иного из них, минимальны. Можно сказать, что в этих случаях на первый план выдвигается семантика «дискурсивного» времени, тогда как «время жизни» отходит в тень.

¹⁴ Лат. momentum (движущая сила, толчок) восходит к movere (двигаться); ср. момент количества движения в физике.

§3. Минута, секунда vs. мгновение, миг¹⁵

§3.1. Семантика «минутного» и «мгновенного»

Для прилагательного *мгновенный* словаря иногда выделяют такое значение, как 'быстро проходящий' (см., например, БАС. Т. 4). В качестве иллюстрации дается пример из А.С.Пушкина: *Все мгновенно, все пройдет, // Что пройдет, то будет мило*. Т.е. *мгновенное* здесь значит 'проходящее'. Как кажется, в этом значении данное слово теперь используется редко. Хотя отголоски такого понимания *мгновенного* слышны, в частности, и у О.Мандельштама, и у А.Блока. Например: *Немногие для вечности живут, // Но если ты мгновенным озабочен — // Твой жребий страшен и твой дом непрочен!* (О.Мандельштам).

Значение быстро проходящего (в частном случае, проходящего) передает прилагательное *минутный*. Так, один из переводов этого слова в Русско-английском словаре [1971] — *transient*. А за *мгновенным* закрепилось значение 'быстро протекающего', 'быстро осуществляющегося'. Ср. невозможность, в силу такого распределения функций, взаимной мены прилагательных *минутный* и *мгновенный* в следующих примерах: *Киев гражданской войны с его минутным карнавалом, трупами, которые вывозятся телегами, и трехдневным ограблением города...* (Н.Мандельштам) и *Аполлон Александрович Аблеухов бросил мгновенный растерянный взгляд на квартального надзирателя, на карету, на кучера* (А.Белый).

Из того, что «минутное» быстро проходит, а «мгновенное» быстро осуществляется, следует, в частности, то, что «мгновенное» может быть результативным, а «минутное», как правило, — нет, ср.: *мгновенный успех* и *минутный ус-*

¹⁵ В рамках данной работы не рассматривался вопрос о семантических факторах, определяющих различие в употреблении слов *миг* и *мгновение* (ср. *миг кровавый*; *миг победы* при невозможности: **кровавое мгновение*/**мгновение победы*). Лишь отчасти эти различия связаны с дефектностью словоизменительной парадигмы у слова *миг* — определенной напряженностью при образовании некоторых падежных форм множественного числа.

пех. Можно сказать, что быстро проходящее не обязательно подразумевает быстроту осуществления и наоборот — быстрота осуществления не означает того, что осуществившееся быстро пройдет, т.е. аннулируется его результат.

Здесь нужно оговориться. Во-первых, не всякое «минутное» преходяще (т.е. нерезультативно), ср.: *минутная встреча/минутный разговор/минутное дело*. В данных примерах речь идет о том, что события, которые определяются прилагательными, занимали мало времени, т.е. на первый план выступает собственно временная семантика *минуты*. С некоторой долей осторожности можно предположить, что нерезультативное (преходящее) «минутное» связано с эмоциональной сферой — *минутная радость/грусть/усталость* и даже *минутный успех*, а нейтральное в смысле результата «минутное» описывает акциональную сферу кратковременных действий.

Во-вторых, не всякое преходящее можно определить как *минутное*: для описания в терминах *минут* не безразличен фактор масштаба событий. Приведем два примера. И если в первом из них (Н.Мандельштам) соответствующая оценка возможна (хотя и носит печать авторского самоупотребления), то во втором (Е.Баратынский) она сомнительна с точки зрения современной нормы: *Она тихонько рассказала мне подробности своего минутного романа с Мандельштамом* (Н.Мандельштам); *Вы улетели, сны золотые, // Минутной юности моей* (Е.Баратынский).

Словари толкуют прилагательные *мгновенный* и *моментальный* одно через другое (см., например, БАС; МАС). Реально же эти слова не всегда взаимозаменяемы. Так, *мгновенный взгляд из-под платка* (А.Блок), *мгновенный пламень звездного осколка* (Н.Заболоцкий) не могут быть *моментальными*. Спонтанные, стихийные действия, осуществляющиеся в один прием (так сказать, «элементарные») будут скорее *мгновенными*, а подконтрольные, неэлементарные действия — *моментальными*, ср.: *Река мгновенно (хуже: моментально) вышла из берегов; Да, любовь поразила нас мгновенно* (М.Булгаков) и *Девочка моментально сделала все уроки; Он моментально отыскал меня в институте. Мгновенно, а не моментально мы выберем при сравнении, метафоризации, например: Краснея, он сунул в окно облигации.*

Дальше все произошло как бы мгновенно (плохо: моментально). Какая-то старушенция дала ему 60 рублей. И паспорта не спросили (А.Битов).

§3.2. Мгновение и миг как показатели повышенной эмоциональной напряженности

В §1 уже говорилось, что для поэтической речи характерно описание времени в мгновениях и мигах, а не секундах и минутах. Примеры: *Бегут мгновенья дорогие. // Не возвращается Мария* (А.Пушкин); *Погасло небо осеннее // И розовый небосклон. // А я считаю мгновения // И думаю: где же сон?* (А.Блок); *Там холодной Скифии свирепые сыны, // За Истрой утаясь, добычи ожидают // И селам каждый миг набегом угрожают* (А.Пушкин).

Сверхкраткость мгновений и мигов придает им особую ценность: *Нет на земле ничтожного мгновения* (Е.Баратынский).

Уплотнение времени и счет его на «миги» и «мгновения» может определяться важностью предмета описания. Например: *Гамлет медлит. И этот миг // Удивителен и велик. // Миг молчания, страсти и опыта, // Водопада застывшего миг. // Миг всего, что отринуто, проклято, // И всего, что познали постиг* (Д.Самойлов).

Вообще, переход на язык мгновений всегда свидетельствует о повышении «эмоционального градуса» повествования. Приведем в подтверждение два примера из «Мастера и Маргариты». В первом из них мгновение употребляется с ироническим подтекстом, повествуя о «сверхзначимом» для персонажей романа событии — «судьбоносном» звонке из ГПУ: *Супруга его [Семплеярова], забывшая на эти мгновения все омерзительные преступления против верности, в которых Аркадий Аполлонович был уличен, с испуганным лицом высовывалась из коридора.*

Во втором случае мгновение помогает передать истинный драматизм происходящего: [Левий Матвей мучительно ищет способ спасения Иешуа от страданий на кресте] *Одного мгновения достаточно, чтобы ударить Иешуа ножом в спину, крикнув ему: «Иешуа! Я спасаю тебя и ухожу вмес-*

те с тобою! Я, Матвей, твой верный и единственный ученик!» Мгновение здесь символизирует особое время — повышенной напряженности и значимости: в одно мгновение вмещается последний и самый важный в жизни поступок.

Поскольку миги и мгновения не обладают какой-либо объективной мерой длительности, с их помощью легко описывается субъективное эмоциональное время, где мигу или мгновению может соответствовать целый фрагмент жизни (ср. миг Гамлета у Д.Самойлова).

Мгновение и миг — это минимальные частицы времени, насыщенного эмоциональными переживаниями; на этих частицах времени переживаний сосредоточено все внимание субъекта, поэтому одно мгновение может растягиваться и вмещать в себя несколько действий (как в приведенном выше примере). Используя введенную бл. Августином дихотомию мыслимого и переживаемого времени, можно сказать, что мгновения описывают время переживаемое, время как внутреннее психологическое состояние человека — «растяжение ... самой души» [Августин 1979, 192].

Последний пример из М.Булгакова (сцена на Лысой Горе) показателен и в том отношении, что писатель здесь как бы «обнажает прием», подчеркивает выбор именно такого временного показателя. В подтверждение продолжим цитату: ... *А если бы Бог благословил еще одним свободным мгновением, можно было бы заколоться и самому, избежав смерти на столбе.* Нарушение стандартной сочетаемости (может быть *свободная минута*, но не **свободное мгновение*) акцентирует внимание на временном показателе, поднимая событие на должный уровень значимости.

Ср. аналогичные функции слова миг в примере из А.Солженицына («В круге первом»): *Взбудораженные этапом, все эски лабораторию не работали. Этап всегда — миг напоминания, миг — «все там будем». Этап заставляет каждого, даже не тронутого им, эска подумать о бренности своей судьбы, о закланности своего бытия топору ГУЛАГа.* Обращает на себя внимание исключительная предпочтительность именно мига из всех рассматриваемых нами показателей кратковременности в приведенном отрывке.

Данный пример подсказывает и одно из возможных направлений поиска семантических различий между словами

миг и мгновение при описании сверхзначимых для говорящего событий (в контексте этого примера мгновение не употребляемо). Мы говорим миг (а не мгновение!) осознания/озарения и даже миг утраты/победы. Если мгновение естественно использовать относительно чувственно переживаемого (и в этом смысле длящегося) времени то миг предпочтителен при описании времени «ниспосылаемого» или даже, лучше сказать, «ниспосылающего»: осознание, исполнение желаний, а также расплату, возмездие, кару (ср. у Б.Пастернака: *Мгновенье длился этот миг, // Но он и вечность бы затмил*). Мгновение принадлежит субъекту переживания (и в этом смысле оно «лично»), а миг может принадлежать и истории (миг кровавый), т.е. выступать как нечто внешнее по отношению к субъекту.

В языке писателей отчетливо просматриваются те или иные предпочтения при употреблении временных показателей. 23-летний А.Блок в самопародийном стихотворении прямо указывает на свои пристрастия: *Проклятье снам! Проклятье мигам // Моих пророческих стихов!* Вообще, у символистов миг обретает новые возможности по сравнению с общелитературной нормой. В подтверждение приведем пример, уже не содержащий никакой авторефлексии: *По слову извечно Сущего, // Бессмертен поток времен, // Чую лишь ветер грядущего, // Нового мига звон <...> Летят нездешними птицами // В кольцо бытия, вперед, // Миги с закрытыми лицами, // Как удержу их лет?* (З.Гиппиус).

Если для создателя поэтического текста манера употребления слова миг выступала в качестве «пароля», удостоверяющего принадлежность к одной корпорации, к одному поэтическому цеху, то для читателя-«аналитика» (исследователя, литературоведа) соответствующий выбор мог служить ключом к пониманию творческого credo поэта. Так, приведенный выше пример из Б.Пастернака, обыгрывающий смысловые различия между словами миг и мгновение, для исследователя свидетельствует о новом поэтическом зрении, ср.: «Излюбленный импрессионистами „миг“ наполняется у Пастернака столь значительным содержанием, что повествует уже не о мимолетном и единичном, а о постоянном и всеобщем <...> Если художник-импрессионист намеренно ограничивает себя вопросом — какой в

данный момент воспринимается вещь? — то Пастернак идет дальше и хочет знать, что она такое. Он вглядывается в нее, проникает вглубь, в сердцевину и зачастую строит образ как определение ее свойств и сущности, давая не только первое впечатление от предмета, но и понятие, идею» [Синявский 1965, 55].

Язык современной прозы в рассматриваемом отношении исключением не является. Так, Ф.Искандер отдает предпочтение слову мгновение часто даже вопреки стандартной норме. Проиллюстрируем этот тезис: *Порой поцелуи затягивались, и Заур, как и она, мгновениями терял представление о месте и времени (есть конвенциональный показатель минуты); Они подтащили к самой кромке приборя лодку, дождались мгновения, когда к берегу шла самая маленькая волна и потащили лодку в самую пену приборя (согласно «стандарту», нужно: дожидаться минуты/момента); Выбрав удобное мгновение, когда молодая женщина приблизилась к стенду, он, издали показав на него рукой, пригласил ее фотографироваться (современная норма — удобный момент, хотя, скажем, в языке А.С.Пушкина, за отсутствием слова момент, тогда еще не «обрусевшего», естественно употребление в подобных случаях именно мгновения, ср.: Счастливым пользуюсь мгновеньем, // К обмятой голове смущеньем, // Как ястреб, богатырь летит); ср. еще: ... Чик заметил, что тетя Тамара поглядывает наверх, стараясь поймать мгновение, когда тетушка покинет „капитанский мостик“, чтобы незаметно черпануть ведром из бочки; Вдруг товарищ Сталин встал с поднятым фужером. Грянула тишина, и через миг воздух очистился от мусора звуков (счет времени возможен на минуты, секунды, даже мгновения, но он не ведется на «миги»).*

Мгновения (а также миги) в повестях Ф.Искандера помогают войти в круг тех переживаний, ощущений, которыми дышат герои; мгновения повышают ценность каждой частицы описываемой жизни, действуя по «завету» В.Розанова: «Благодари каждый миг бытия и каждый миг бытия увековечивай». Можно подытожить, используя язык семантических описаний: мгновения у Ф.Искандера создают эффект непосредственного восприятия, сопереживания описываемым событиям. Приведем весьма репрезентативные

случаи такого эмоционального соучастия: *Два паданца один за другим — тук! тук! — упали с яблони, и, через долгое мгновение, словно решало, падать ему или нет, последовало третье яблоко, явно более крупное — шлеп! — и снова все затихло* («долгое мгновение» как нельзя лучше передает напряженность ожидания субъекта и остроту его восприятия); *Чика всегда поражало то мгновение, та неувелимая неожиданность, когда тетушка из постороннего наблюдателя и миротворца превращалась в соучастника скандала* (хотя событие повторяется неоднократно, оно не стало для субъекта — Чика — привычной минутой, либо внешним, не затрагивающим сферу переживаний, моментом).

Наблюдая за тем, как осуществляется выбор временных показателей в повестях Ф.Искандера, мы не могли не заметить, что писатель «не любит» слова *момент*, стараясь его не использовать. Поэтому особый интерес представляет как раз тот случай, когда *момент* оказывается незаменим, ср.: *Сначала смущение это было понятно, как естественное смущение человека, который сидел в засаде, ожидая удобного момента* (неуместно: **мгновения*), *чтобы выстрелить в другого человека, с которым теперь ему предстояло сидеть и пить*. Если *удобное мгновение* в приведенном выше примере описывало как бы становящуюся на глазах жизнь, то *удобный момент* как нельзя лучше подходит к «аналитическому» контексту последнего примера.

Дополним этот «очерк» об авторских предпочтениях рассмотрением двух примеров из «Идиота» Ф.М.Достоевского.

Описывается сцена на вокзале в Павловске. (1) *Князь даже и не замечал того, что другие разговаривают и любезничают с Аглаей, даже чуть не забывал минутами, что сам сидит подле нее*; (2) *...Мгновениями ему мечтались и горы и именно одна знакомая точка в горах, которую он всегда любил припоминать... О как бы он хотел очутиться теперь там!* В обоих случаях описывается внутреннее состояние героя. Но если в первом (*минутами*) остается некоторая свобода для реконструкции этого состояния с внешней точки зрения, сохраняется ощущение соприсутствия повествователя, то во втором — такая возможность исключена: повествование ведется как бы изнутри, с точки зрения героя, о чем и сви-

детельствует выбор в качестве квантификатора *мгновений*, а не предписываемых общеязыковой нормой *минут*.

То, что *мгновения* способствуют «погружению» во внутренний мир героев, подтверждается фактом невозможности их использования в тех случаях, когда явно выражена внешняя точка зрения, ср.: *По-моему, он минутами* (**мгновениями*) *сам забывает, где находится*.

Помимо эффекта «погружения», *мгновения* акцентируют важность для субъекта описываемого предмета. Поэтому странны фразы типа: *Мгновениями мне хотелось вздремнуть/выпить/закурить* — они искусственны и несут иронический профанирующий смысл.

§3.3. «... между временем и Вечностью...» (К.Бальмонт)

Как уже говорилось, одни из показателей кратковременности потенциально обладают объективными характеристиками длительности (*минута, секунда*), а другие — нет (*момент, миг, мгновение*). Отсутствие конкретных временных рамок, так сказать, семантика «вневременности», существенно повышает эффективность и разнообразие возможных описаний с помощью данных слов. Так, для *момента* «вневременность» открывает дорогу к относительной свободе от идеи времени вообще; *мгновениям* же и *мигам* «вневременность» позволяет оторваться от повседневности. Если *минуты* так или иначе «повязаны» своими объективными характеристиками с суточным кругом, земными «сроками», то *мгновения* и *миги* свободны от каких-либо «бытовых» ассоциаций.

Можно сказать, что в интуиции носителей языка содержится представление о двух системах отсчета времени: *минуты* и *секунды* являются мерой повседневного времени (мерой обыденного), а *мгновения* и *миги*, практически лишённые какой-либо меры, ассоциируются с надбытовым временем, они описывают нечто, стоящее над повседневностью, способное соотноситься с вечностью.

Ассоциация с вечностью может идти по качественным характеристикам (вечность = «истинность», «духовность»,

«высота») — ср. у В.Соловьева: ... *И медленно плетутся за мигом вечности тяжелые года* — и по параметру «количество» (вечность = бесконечность времени), ср. пер. С.Маршака из В.Блейка: *В одном мгновенье видеть вечность...*

Рассмотрим первый круг ассоциаций: описание надбытового времени.

Мгновения и миги неповторимы: нет *подобных/любых мгновений. Подобными, любыми* (= повторяющимися!) являются единицы времени бытового, ср.: *В любую минуту он может войти; Каждую секунду может произойти взрыв; В подобные минуты я стараюсь уединиться.*

Минуты и секунды могут мыслиться как время, нам принадлежащее: *Я и секунды не могу вам уделить; Есть еще несколько секунд/минут.* Можно поэтому *дорожить каждой минутой/секундой, не иметь ни секунды* и т.д.

Мгновения же и *миги*, скорее, посещают нас: они не принадлежат нам, не зависят от нашей воли, не могут быть запланированы, осуществляться по часам, в соответствии с какими-либо «сроками». По слову поэта: «Мгновенье мне принадлежит, // Как я принадлежу мгновенью». Ср. закономерность использования в следующих примерах именно показателя «срочного» времени — *минуты* — и невозможность появления в соответствующих контекстах *мгновения* или *мига*: *Подождала минута прощанья; К минуте мценья приближаясь, // Онегин, втайне усмехаясь, // Подходит к Ольге...* (А.Пушкин); [Пасхальная ночь в церкви] *Приближалась величественная и прекрасная минута* (Б.Зайцев).

Если *минуту* мы ожидаем, то *миг* предвкушается как нечто, ниспосылаемое, происходящее по сценарию свыше: ... *Но близок миг рукоплесканий...* (А.Блок); *миг* можно пророчить: *И будет миг, когда ты спишь // Еще в иные небеса* (А.Блок); *Воспоминанье слишком давит плечи, // Настанет миг — я слез не утаю...// Ни здесь, ни там, — нигде не надо встречи, // И не для встречи мы в раю* (М.Цветаева).

Чтобы почувствовать разницу между повседневным временем и вневременностью (надбытовым временем), сравним два примера, в которых с необходимостью используются знаки разных систем — *ни на секунду и ни на миг*: *Так не прекращавшимся ни на секунду следствием и ознаме-*

новалось утро субботнего дня (М.Булгаков). Странно было бы в описываемой ситуации использовать показатели надбытового времени, ср.: *Следствие ни на миг не прекращалось/Завод ни на мгновение не останавливал свою работу.* В подобных случаях естественнее использовать показатели обыденного времени. И другой пример: [*Зато мой вечный дух, свободный и могучий // К груди ее невидимо прильнет...*] *И ни на миг ее он не оставит, // Любовью вечною ее он озарит* (В.Соловьев). Здесь неуместно использование повседневных *ни на секунду/ни на минуту* (ср.: *Дочь ни на секунду/минуту не оставляет меня в покое*).

Анализ языкового сознания, для которого ощущение времени является фактом мировоззрения, подтверждает предположение о «вневременности» *мгновений* и *мигов*, их соотнесенности с «качественной» вечностью (модусом истинного бытия).

Так, для Поэта единицей краткости служит надбытовой *миг*, а не *секунда* или *минута*, ср. у М.Цветаевой: *Между любовью и любовью распят // Мой миг, мой час, мой день, мой век. С минутой же связаны совсем другие ассоциации.* У М.Цветаевой в стихотворении «Минута» она — *минушая... мерящая... мающая... нас мелящая.* Поэт остро чувствует противоречие, непримиримость двух временных систем: *О, как я рву с тот мир оставить, // Где маятники души рвут, // Где вечностью моею правит // Разминовение минут.* Ср. с вышесказанным комментарием М.Л.Гаспарова к «Хвале времени» М.Цветаевой: «Начинается стихотворение паникой поэта перед Временем (I строфа: „*Время! Я не успеваю*“), затем следует нарастающее недоверие к Времени (II—III строфы: „*Время, ты меня обманешь!*“, „*Время, ты меня обмеришь!*“); вывод — поэт и Время враждебны, ибо инородны (IV строфа: „*Время, ты меня предашь!*“), а затем итог — торжество поэта над Временем (V строфа: „*Время! Я тебя миную*“)» [Гаспаров 1993, 87—88] и ср. также слова самой М.Цветаевой из доклада «Поэт и время»: «Брак поэта с временем — насильственный брак <...> Как волка ни корми — все в лес глядит. Все мы волки дремучего леса Вечности» [Цветаева 1991, 69—70].

Для Проповедника же «примирение» между временем и вечностью возможно: время дополняет вечность, ве-

дет к вечности, если жизнь мыслить как «школу вечности» (слова о. А. Меня).

Примеры из проповедей отца Александра — яркое языковое свидетельство того, что «атомами времени» этой жизни являются *минуты*; мгновения же и миги служат «окнами» в вечность, в иной модус существования. Ср. два ряда контекстов, в каждом из которых употребление временных показателей строго предопределено: 1) *Каждую минуту* (нельзя *мгновение) *приближает нас время к вечности, каждую минуту оно нас спрашивает: «Что ты сделал для нее?»*; 2) *Каждый день и каждый час совершается для нас суд Божий. Каждый миг* (нельзя: *секунду/минуту!) *на нас смотрит Господь и всегда взвешивает наши поступки, видит до глубины нашу душу и нашу совесть.*

Понятно, что как и для Поэта, так и для Проповедника мерилom истинного существования являются мгновения, а не секунды, ср.: [все должно находиться перед лицом Христовым] *И тогда каждый день, каждый час, каждое мгновение* (плохо: *секунда*) *заполнится Его священным присутствием.*

Итак, наблюдение за словоупотреблением Поэта и Проповедника позволяет заметить языковые отражения духовной ипостаси времени. Сказанное заставляет вспомнить строки из Н.А.Бердяева: «... существует как бы два времени — время дурное и время хорошее, время истинное и время не истинное. Есть испорченное время и есть глубинное время, сопричастное самой вечности, в котором этой порчи нет» [Бердяев 1990, 50].

Истинность мгновения и «лояльность» минуты определяют потенциал их событийного заполнения: мгновения не могут быть вместилищем суетного, недоброго, ординарного. Ср.: *На секунду* (?на мгновение) *когда и не видел никто, лицо матери стало жестоким* (А.Битов). И с другой стороны: *На одно мгновение* (?на минуту/секунду) *смысл существования опять открывался Ларе* (Б.Пастернак). Еще пример: *Как ни разгадывай сон, который произвел на нас сильное впечатление, истинный смысл его уже в том, что он хотя бы на миг раздвинул перед нами пелену повседневности и дал почувствовать трагическую даль жизни* (Ф.Искандер). Понятно, что «пелену повседневности» нельзя «раздвинуть» на секунду или на минуту.

Минуты и *секунды* могут символизировать погруженность субъекта в жизненный круговорот, говорить о сугубой «посюсторонности», приземленности его существования. Например: ... *пока мы были вдвоем, у нас не было ни секунды, чтобы остановиться и подумать, что мы делаем и каковы последствия нашего идиотизма* (Н.Мандельштам).

Отсутствие в семантике *минут* и *секунд* априорных (положительных) оценок и связь их с некоей системой конечного времени определяют выбор именно этих единиц в следующем примере из «Отрывков и афоризмов» П.Я.Чаадаева: ... *Но что же такое смерть? Та минута в целом бытии человека, в которую он перестает видеть себя в теле. — Вот все.* Как кажется, перевод французского *instant* посредством *минуты*, а не *мгновения* помогает передать следующий замысел автора — не преувеличивать значимость описываемого (смерти): кратковременность (перехода) и простота, обыденность — вот то, что за нею стоит. Выбор именно такого временного показателя диктуется и тем, что *минута* является единицей некоторой замкнутой системы, как следствие, именно она способна к описанию заключительной части конечного целого («жизненного круга»). Сказанное объясняет, почему в приведенном отрывке неуместно использование *мгновений* и *мигов* — принципиально внесистемных: не планируемых, не ожидаемых, не управляемых.

Таким образом, в применении к событиям жизни человека мгновения описывают время, свободное от бытовой, исторической и под. конкретики, время, выведенное из круга повседневности — соотносящееся с вечностью в «качественном» ее понимании. Отсюда — оценочность *мгновений*: их уникальность, неповторимость и пр. Но мгновения и миги выполняют в русском языке не только функции показателей экспрессивности, «стимулов к сопереживанию», они не только повышают ценность предмета описания (*Я помню чудное мгновенье...*); эти слова являются обозначением кратчайших единиц онтологического, «первозданного» времени.

Свобода *мгновений* от бытовых ассоциаций позволяет им стать над событиями и описывать время как таковое, вне конкретного социально-исторического контекста (событийного заполнения), время как символ движения, динамики

жизни, ср.: *По мере того, как нарастали темпы, нарастала ценность мгновения. В глазах мельтешило от быстрой смены движений, и футуристы, восхваляя скорость, цеплялись за мгновение* (Н.Мандельштам).

§3.4. Мгновение как элементарная частица онтологического времени

Рассмотрим пример: *Советскому человеку свойственна островная психология. Живя с сознанием своей «особости», он никак не решится признать, что все мы на этой планете — современники. Что все мы живем в одно историческое мгновение, что все мы рождаемся и умираем* (А.Генис).

В контексте данного примера исключен любой другой показатель кратковременности: *минута* и *секунда* слишком конкретны, а слово *момент* не годится потому, что оно неявно «намекает» на некоторую комбинацию обстоятельств (т.е. также апеллирует к внешнему миру). Обстоятельства же — *исторические моменты* — у разных народов разные. (По аналогичным причинам в приведенном примере были бы сомнительны и такие слова, как *период*, *эпоха*). Таким образом, именно *мгновению* поддается задача синхронизации всего разнообразия планетарной жизни.

Мгновение — это показатель непосредственного восприятия времени в его «первозданности», онтологическом существе. Понятно, что областью чувственного восприятия времени является настоящее (ср. у Н.А.Бердяева: *Мы замкнуты в мгновении сомнительного настоящего*); и мгновение наследует эту семантику «настоящего»: оно описывает нечто, как бы уже прожитое, прочувствованное (*Моя душа — мгновений след* (М.Цветаева)).

Отсюда, в частности, — и различные предпочтения в выборе временных показателей для описания событий в том или другом модальном ключе, ср.: *В это мгновение я почувствовал острую боль* и *Возможно, в этот момент* (плохо: **в это мгновение*) *вы почувствуете острую боль. Мгновение* (в отличие от таких показателей кратковременности, как *момент*, *секунда*) не может быть беспристрастным фиксатором

точки на временной оси, констатацией отсутствия событий, поэтому можно сказать: *В этот момент я еще не чувствовал боли и плохо* ? *В это мгновение я еще не чувствовал боли*.

Замечание. Настоящее — это область непосредственного переживания времени. Понятно, что именно реальность непосредственных ощущений в настоящем может служить человеку гарантом реальности времени (которое, по словам бл. Августина, «существует только потому, что ... стремится исчезнуть» [Августин 1979, 187]). По-видимому, именно с позиций «времени переживаемого» бл. Августин утверждает, что «... ни будущего, ни прошлого нет, и неправильно говорить о существовании трех времен, прошедшего, настоящего и будущего. Правильнее было бы, пожалуй, говорить так: есть три времени — настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего...» (там же, с. 189).

Время же как объект рефлексии, т.е. мыслимое, осознаваемое (рациональное!) — это, скорее, время без настоящего: по пословице «Время за нами, время перед нами, при нас его нет».

Источником и вместилищем первого времени является душа человека, второе же время мы видим вовне нас — по результатам, либо по каким-то признакам-«росткам». Время, конституируемое настоящим, данное как непосредственное ощущение, является, по существу, синонимом духовного в человеке, ведь попытка ощутить время равносильна взгляду человека в себя, в «некоторую временную глубину личности, временную амплитуду внутренних движений» [Флоренский 1993, 273], т.е. соприкосновение со своей духовной ипостасью, ср. у М.Аврелия: «... и жизнь духа не имеет ни малейшего значения ни в прошедшем, ни в будущем. Вся ее важность сосредоточена в настоящем» (цит. по [Мысли...1990, 195]). «Пойманное» в непосредственном ощущении настоящее, это «остановившееся время», и является прообразом духовной вечности.

Настоящее — это область соприкосновения с Ты, по М.Буберу: «подлинное, наполненное настоящее — существует лишь тогда, когда осуществляется присутствие, встреча, отношение. Только через присутствие Ты возникает настоящее» [Бубер 1993, 11].

Прошедшее же — это область существования мира внешнего, вместилище «отрефлектированных» объектов. Ср.: «Настоящее не мимолетно, не переходяще: оно присутствует и длится. Объект же не есть длительность, он есть застой и прекращение, оцепенелость и оторванность, отсутствие отношения и бытия в настоящем <...>. Сущности переживаются в настоящем, объектности — в прошедшем времени» [Бубер 1993, 11—12].

Мгновение — это и есть «слепок» с настоящего — элементарная частица «естественного», переживаемого времени, и вполне закономерно, что именно *мгновение* способно к описанию времени онтологического, как, например, в следующем отрывке: «... длительное время делает длительными множество переходящих мгновений, которые не могут не сменять одно другое» [Августин 1979, 186]. Заметим, что «длительность времени» для физика описывалась бы в «моментах» и соответствовала бы количеству времени, однако, в естественном языке, как мы видели, *момент* «оброс» различными «обстоятельственными» ассоциациями, ср.: *Восток с известного момента перестает быть двигающей силой истории* (Н.Бердяев). *Момент* подразумевает здесь некоторый обстоятельственный фактор — отпадение от христианства.

В применении же к вне- или надсобытийному (онтологическому) времени *момент* обозначает целые периоды, временные планы (т.е. нечто, искусственно выделенное, в противовес «естественным» мельчайшим частицам времени — *мгновениям*). Например: *Если мы проанализируем три части времени, момент прошлого, настоящего и будущего, то мы можем прийти в отчаяние: все три момента оказываются призрачными, потому что нет прошлого, нет настоящего и нет будущего* (Н.Бердяев).

В отличие от *мгновения*, статичный *момент* не способен к описанию элементарных частиц времени, находящихся в постоянной динамике, смене друг друга, ср.: *Будущее есть убийца всякого прошлого мгновения* (Н.Бердяев).

Итак, именно *мгновения* способны передавать движение времени как такового, ср.: *Происходит страшное ускорение времени, быстрота, за которой человек не может угнаться. Ни одно мгновение не самоценно, оно есть лишь средство для последующего мгновения* (Н.Бердяев). Интересно, что как только философ переходит к описанию времени человеческих дел, он меняет «терминологию» — использует показатель другой временной системы; продолжим цитату: *...От человека требуется невероятная активность, от которой он не может опомниться. Но эти активные минуты делают человека пассивным. Минуты «заземляют» время на конкретную «ось» человеческих состояний.*

Являясь единицами онтологического времени, *мгновения* не применимы ни к каким иным, искусственно выделенным, временным системам. Такой системой, в частности, является время романа: единицей этого времени будет *момент*; и это понятно, ведь романное время — это время событий, сплетения обстоятельств, интриг и сюжетных поворотов. Ср.: *Все моменты бесконечного авантюрного времени управляются одной силой — случаем. Ведь это время складывается из случайных одновременностей и случайных разновременностей* [и дальше] *Моменты авантюрного времени лежат в точках разрыва нормального хода событий, нормального жизненного, причинного или целевого ряда...* (М.Бахтин).

Тот факт, что «первозданное», онтологическое время поддается описанию только в терминах *мгновений*, наводит на мысль, что для естественного носителя языка (native speaker) характерно понимание времени в духе бл. Августина, который, как пишет А.Я.Гуревич, «не разделяет точки зрения Аристотеля, признававшего объективность времени как меры движения. Человеческое время радикально отличается от последовательности моментов, образующих время физическое. Антропологическое время, по Августину, это внутренняя реальность, и один лишь дух воспринимает ее. Охватывая предчувствием будущее и па-

мятью прошлое и включая и то, и другое в нынешнюю жизнь человека, душа „расширяется“. Но это не количественное расширение, *distentio*, а жизненная активность человеческого духа» [Гуревич 1972, 102].

В том случае, когда *мгновения* выполняют роль элементарных частиц онтологического времени, они не связаны условием априорного оценочного содержания, эти *мгновения* могут быть и *данными*, и *текущими*, например: *Настоящее мгновение может выдержать напор столетий и остаться тем же «сейчас»* (О.Мандельштам); *В статье о Виллоне высказана [мысль О.Мандельштама]...о соотношении текущего мгновения, запечатленного в поэзии, и будущего как на земле, так и в вечности* (Н.Мандельштам); *Футуристическое чувство жизни ... построено на культе каждого данного мгновения* (Н.Бердяев).

Свобода «онтологических» *мгновений* от идеи количества, отсутствие связи с событийным заполнением и оценочная нейтральность являются теми предпосылками, которые позволяют предположить наличие у э т и х *мгновений* ассоциативной связи с вечностью-бесконечностью, или, в нашей терминологии — *вечностью*². Чтобы проверить это предположение обратимся к новому корпусу языкового материала.

§3.5. Мгновения, миги/секунды, минуты как показатели смещения по ряду интенсивности

Согласно [Дюбуа 1986], «смещение по ряду интенсивности» охватывает такие языкотворческие операции, как гиперболы и литота. Для показателей кратковременности естественным является «смещение» в сторону преуменьшения. Однако соответствующие возможности у *мгновений*, *мигов* и *минут* с *секундами* — разные. Ср.: *Любовь есть сон, а сон — одно мгновение...* (Ф.Тютчев) и *Читателей ... было [много] ... и книги расходились в одну минуту* (Н.Мандельштам). И в том, и в другом случае явная неадекватность описания (наличие «смещения»), но в первом некорректно было бы использование *минуты*, а во втором — *мгновения*.

Анализ материала показывает, что выбор конкретного показателя определяется не только обязательностью согла-

сования по типу времени: надбытовое (*мгновение*)/повседневное (*минута*), но и тем, что *миги* (*мгновения*) и *секунды* (*минуты*) обладают разной потенциальной «вместимостью». Так, жизнь человека/государства/цивилизации может быть сопоставлена с *мигом/мгновением*, но не с *минутой/секундой*. Например: *Я разве только я? Я только краткий миг чужих существований* (Н.Заболоцкий) или: *Жизнь на свете только миг, // Только растворенье // Нас самих во всех других // Как бы им в даренье* (Б.Пастернак); ср. еще: *...Но ведь нам [коммунистическому государству] нет еще и семидесяти. Для истории это только миг* (В.Войнович); *Для осуществления замыслов Божиих две тысячи лет не более чем миг* (А.Мень). Во всех приведенных случаях «смещение по ряду интенсивности» не может быть описано с помощью *секунд* или *минут*.

Глобальность масштаба у *мгновений* и *мигов* определяется отсутствием в их семантике ассоциаций с какими-либо конкретными мерами длительности: *мгновения* и *миги* в сознании человека связываются с бесконечностью вечности, а *минуты*, *секунды* — с конечным временем суточного/жизненного круга. Поэтому можно сказать, подобно Марку Аврелию: *Время человеческой жизни — миг* (сопоставляя эту жизнь с бесконечностью вечности) и нельзя: **Время человеческой жизни — минута/секунда*. *Минуты* и *секунды*, как правило, преуменьшают продолжительность каких-либо дел, вовлеченных в круг повседневности и составляющих его часть: *Я к вам на минуту/секунду; Подождите секунду; Заказать авиабилет — одна минута*. При этом преуменьшение во времени может придавать незначительность и самому предмету описания, подчеркивая его преходящий характер, например: *Все художники с итальянскими и русскими фамилиями... все авангардисты и молодые ученые... занимали меня ровно минуту* (Н.Мандельштам). *Мгновения* же и *миги* не снижают значимости описываемого, они лишь свидетельствуют о быстроте и пролетности времени, а не о преходящем характере заполнивших это время событий (вспомним оппозицию «минутного» и «мгновенного»). Например: *Наш союз длился один миг — каких-то десятка два лет...* (Н.Мандельштам); *[Последние] полстолетия — это просто один растянутый и страшный миг* (она же).

Фактор масштаба предмета описания определяет выбор показателей разных временных систем и в контексте отрицания, ср.: *Ни на одну минуту я не придавала значения тому, что происходило со мной* (Н.Мандельштам) и *Весь Ренессанс ни на одно мгновение не был цельным* (Н.Бердяев). В последнем случае исключено употребление таких (конкретных) слов, как *минута* или *секунда*: описание целой культурной эпохи в жизни человечества требует «вневременных», «онтологических» показателей. Интересно, что при описании физических, сколь угодно глобальных, явлений всегда возможна апелляция к *минутам* и *секундам* в силу их исконной принадлежности к единицам физического времени, ср.: *Ни на одну секунду не замирает жизнь Галактики*.

К сказанному необходимо одно уточнение: мы выбираем *мгновение* (а не *секунду* или *минуту*), когда речь идет о таких «предметах», как Ренессанс, не только потому, что их масштаб не сопоставим с конечностью повседневного времени, но и потому, что описывается некая область абстрактных категорий, а не конкретных физических объектов, ср.: *Ни на одно мгновение соборность не может превратиться во внешний авторитет* (Н.Бердяев). Неуместность использования в приведенном примере слов типа *секунда* определяется именно тем, что описывается предмет, отвлеченный от физической конкретики.

§3.6. Счет на секунды, минуты/мгновения, миги

Как и *момент*, *мгновения* и *миги* не обладают объективными характеристиками длительности, хотя и приравниваются по этому параметру к *секунде* (см., например, МАС). Однако в отличие от *момента*, лишенного идеи количества, *мгновения* могут выступать в качестве единиц счета времени. При этом возможность употребления *мгновений* существенно определяется субъективностью выражаемой ими временной характеристики. Так, можно сказать: *в один миг/одно мгновение*; *на один миг/мгновение*; *на несколько мгновений* и нельзя: **за/через три мгновения* (ср. корректность выражения *за три секунды*).

Необходимым условием корректного употребления *мгновений* в подобных контекстах является неточность количественной оценки. Например: *В наш век стихи живут два-три мгновения*, // *Родились утром, к вечеру умрут...* (Ф.Тютчев). Ср. с этим примером строки из А.С.Пушкина, в которых точность количественных указаний добавляет тексту иронию: *И очутился в два мгновенья* // *В долине, где Руслан лежал или Они летят и в три мига* // *Среди разубранной светлицы* // *Увидели певца Фелицы*.

Длительность *секунд*, *минут* и других точных единиц может восприниматься по разному: *всего/целая секунда*. О *мгновениях* же и *мигах* можно сказать *всего (лишь)* и нельзя: **целый миг/*целое мгновение*. Этот запрет связан с априорной субъективной оценкой сверхкраткости, содержащейся в семантике данных слов.

Точные единицы времени употребимы в инвертированных конструкциях: *секунды три, минут десять*, ср.: *Кот вскочил живой и бодрый ... и через секунды две оказался высоко над вошедшими* (М.Булгаков). Количественная оценка в *минутах* или *секундах* может сопровождаться показателями «точности»: *Полиция подросла ровно пять секунд спустя после того, как скрылись последние действующие лица* (Ф.Достоевский); *Ровно через минуту грянул пушечный выстрел* (М.Булгаков); *Молчание продолжалось с минуту* (Ф.Достоевский); *Мечтал я не более минуты* (М.Булгаков). *Мгновения* в подобных случаях исключены в силу неопределенности своей количественной оценки.

О *мгновениях* нельзя спросить: «Сколько?»; нельзя указать «В какое именно мгновение»; нельзя сказать: **мгновение назад*. В отличие от *мигов*, *мгновения* могут служить показателями точки отсчета событий, например: *С этого мгновения ее мерцающее сознание обратилось на Колю* (Ф.Искандер), но при этом «событие» не может быть любым. Ср.: *С этой минуты Иван ее возненавидел* (плохо: *с этого мгновения*); *С этой минуты (с этого мгновения) у нее все разладилось*.

§4. Итоги (описание событий в терминах трех временных систем)

Итак, мы видим, что слова с семантикой 'кратковременность' характеризуют разные аспекты восприятия и «переживания» времени человеком. При этом «время» в данном случае понимается не как количественная, а как качественная категория. «Качественность» времени задается событиями, его заполняющими. Именно такое время относится к сфере самосознания человека.

«Кратковременность» в семантике слов *минута*, *миг*, *мгновение*, *момент* не имеет прямой соотносительной связи с какими-либо объективными характеристиками «количественного» времени (= физической протяженности): мы видели, что *мигам* и *моментам* могут соответствовать целые фрагменты жизни человека (общества).

'Кратковременность' в данном случае значит элементарность: *минуты*, *миги*, *мгновения*, *моменты* объединяются как элементарные единицы взаимосвязанных и взаимнопротивопоставленных (в соответствии с различной интерпретацией) моделей времени.

Модели задают три различные интерпретации событий на базовом интервале времени: «бытовое», «повседневное» (*минута*, *секунда*); «исключительное», «надбытовое» (*миг*, *мгновение*); «рациональное», «аналитическое» (*момент*).

I. Бытовым является время частного человеческого существования. Сфера описания этого времени — повседневность. Бытовое время принадлежит человеку, поддается счету, измерению. Локализованное на «оси» отдельной человеческой жизни, оно планируется, ожидается («срочное» время), помнится и переживается (время эмоций и настроений). При этом «сроки» соотносятся с суточным кругом, а эмоции — с конкретным человеком.

II. Интерпретация в терминах надбытового времени подразумевает исключительность описываемого. События этого времени выведены из круга повседневности: они «внесрочны» (не могут быть запланированы, осуществляться «по часам»), уникальны, незабываемы, особо значимы (соотносятся с духовной сферой человека). Повышенная эмоциональность надбытового времени подразумевает личную

причастность субъекта речи к предмету описания. Сам же этот предмет не ограничен масштабами частного человеческого существования.

III. Аналитическим является время стечения обстоятельств и сплетения событий самой разной природы и масштаба. Этому времени соответствуют оценки «рациональное», «внеположенное» (взгляд со стороны на предмет описания).

Перечисленные модели образуют законченный фрагмент русской языковой картины времени и в этом смысле они инвариантны относительно отдельных «языковых сознаний». Однако их представленность, реализация в словоупотреблении конкретных носителей языка может быть разной в зависимости от большей или меньшей разработанности соответствующей концептуальной базы. К примеру, *мгновение* как частица Вечности может отсутствовать в лексиконе конкретного носителя языка, но это определяется отсутствием самой темы Вечности в его сознании.

Употребление в данном случае и является отражением картины мира говорящего. Показательно, что разговорная речь в большей степени эксплуатирует семантику быстроты и экспрессивности — *в мгновение ока*, *мигом*, *вмиг*, *в момент*, — апеллируя к количественному аспекту времени.

Для того же, чтобы в полной мере ощутить различия между рассматриваемыми словами как показателями разных по «качеству» временных систем, нам понадобились примеры из языка, в котором соответствующая спецификация времени нашла свое наиболее полное воплощение — к рассмотрению привлекались примеры из классиков художественной литературы, философской мысли¹⁶. Сказанное не значит, что семантические особенности показателей кратковременности выявлялись на основе анализа идиостилей отдельных языковых личностей (Бердяева, Блока, Н.Мандельштам). Оставаясь в рамках общелитературной нормы, мы лишь расширяли понятийную сферу описания — активизируя тем самым весь семантический

¹⁶ Мы солидарны с мыслью о том, что «в сфере ключевых слов культуры, т.е. „отвлеченных понятий“, существует несомненная связь между языковой семантикой (значениями слов) и семантикой культуры (смыслом и идейным содержанием художественных, философских, публицистических и иных произведений)» [Степанов 1972, 175].

потенциал рассматриваемой ЛСГ. Специфически авторские примеры экзотического словоупотребления — а их немало (см., например, использование слова *миг* как своего рода идеологического маркера в языке символистов) — сознательно не принимались нами во внимание.

Итак, у каждого из рассмотренных нами слов свои ситуации употребления, а будучи использованы в аналогичных контекстных условиях, они описывают далеко не одно и то же, поскольку каждое из них соотносит описываемое со своей временной системой (моделью времени).

Так, выбор временного показателя во фразах: *Я помню этот момент/эту минуту/это мгновение* заставляет представить различные ситуации. *Момент* подсказывает нам, что речь идет о некоем эпизоде, к которому говорящий может быть и не причастен лично (фильм, прочитанный роман, политическая хроника...). Не предполагается также и эмоциональное сопереживание описываемым событиям. Картина меняется при использовании слова *минута*: говорящий скорее всего был участником событий или уж во всяком случае соучаствовал в них эмоционально, получая информацию как бы из первых рук (т.е. по каналу визуального восприятия, а не через, скажем, газеты или рассказы очевидцев). В первом случае (*момент*) говорящему запомнились сами события, а во втором (*минута*) — пережитые чувства. При этом к «событиям» в первом случае могут относиться и такие, как доказательство теоремы, анализ шахматной партии и под. *Мгновение* придает описанию глубоко личный характер, заведомо указывая на причастность говорящего к предмету речи. *Мгновение* выводит предмет описания из круга повседневности, наделяя его такими оценками, как «важность», «редкость», «значимость», «незабываемость».

Пожалуй, наиболее ярко проявляются особенности показателей разных временных систем в контексте предикатов «наступления». Самым широким набором возможностей здесь обладает *минута*, поскольку она способна описывать а) «срочное», запланированное время: *наступила/подошла/пришла/приближалась минута прощанья*; б) время эмоций и настроений: *нашла/накатила минута*.

Мгновения и *миги* различаются между собою по возможностям употребления с предикатами «наступления». *Мгно-*

вения — как нечто пролетное — не наступают, не приходят и не уходят. *Миги* же способны описывать не только частицы эмоционального «земного самозабвения» (Ф.Тютчев), но и отмечать некие вехи в судьбе человека (*миг рукоплесканий*) и человечества (*миг кровавый*). Поэтому *миг* не предполагает обязательного заполнения «эмоциональной валентности» (у *мгновения* она всегда положительная, а *миг* может быть и ужасным, и страшным); *миг* может предвкушаться, пророчиться, предсказываться: *близок/будет/настанет миг*. Ср.: *И вот коронный, свадебный танец. Наступает долгожданный миг* (Ф.Искандер); *Чтобы не отдалять желаемого мига вкушения земной пищи, поторопились как можно скорее обратиться к пище духовной* (Б.Пастернак); *Миг вождеденный настал: окончен мой труд многолетний* (А.Пушкин).

РАЗДЕЛ 3

Время vs. Пора
(время циклическое/линейное;
активное/пассивное)

Принято считать, что *пора* описывает один из аспектов значения слова *время*. По В.И.Далю, *пора* — это «время, час, доба, година и срочное время, срок; удобное к чему-либо время» [Даль 1989, т. III, 310].

Словари выделяют у слова *пора* два типа употребления (в обоих *пора* синонимична *времени*); условно их можно назвать номинативным и предикативным:

1) *пора* в значении существительного: *время, период, срок*. Примеры: *Прошла пора сбора урожая; Настала пора реформ; в ту пору; с той поры...*;

2) *пора* в составе предиката: *настал срок для чего-либо*. Примеры: *Пора собирать урожай; Пришла пора прощаться* (определяющим является то, что *пора* и *время* в подобных случаях, подчиняют инфинитив, а не имя).

Как кажется, такое различие правомерно не только с синтаксических позиций; оно и семантически мотивировано. Дело в том, что в номинативном типе употребления *время* и *пора* всегда описывают период, занятый действием (*пора цветения садов* — это время, на протяжении которого цветут сады); употребляясь же с инфинитивом, *время* и *пора* отмечают момент (скорее «точку», а не отрезок времени), когда действие должно быть осуществлено. Естественно, что о таком моменте можно сказать *наступил, подошел, пришел* и нельзя сказать *прошел, ушел*, ср.: *Пришла (*прошла) пора собирать урожай*. Между тем отрезок времени, на котором имело место действие, может быть представлен по-разному: он может длиться (*Была пора сбора урожая*), пройти (*Она прошла, пора стихов, // Пора любви, веселых снов, // Пора сердечных вдохновений* (А.Пушкин)); его можно вспоминать, ожидать или предсказывать (*Иная близится пора, // Уж ветер смерти сердце студит...* (А.Ахматова)). Именно в значении отрезка времени *пора* и *время* в принципе поддаются квалификации (допускают определения), например: *печальная пора..; мое время ушло...* В значении же срока — точки на оси времени — всякое определение к этим словам в принципе исключено. Поэтому

можно сказать *Настала долгожданная пора отпусков* и нельзя **Настала долгожданная пора идти в отпуск*.

Не одинакова и сама потенциальная сфера описания у слов *время* и *пора* в номинативном и предикативном употреблении. Это объясняется тем, что инфинитив способен описывать единичные, окказиональные ситуации, а имя, называющее действие, всегда предполагает обобщение, ср.: *Пора вздремнуть/передохнуть/опомниться* и *Время сна/отдыха/обеда/осознания*.

Указанные различия двух типов употребления слов *пора* и *время*, даже на поверхностно-синтаксическом уровне, весьма существенны и заставляют нас рассматривать их по отдельности: в §1 анализируется номинативное употребление этих слов (в значении отрезка времени), а в §2 — предикативное употребление. Это разнесение по параграфам связано и с тем, что в семантике существительных *время* и *пора* на первый план выступают как раз особенности «времени жизни», а в предикативном типе употребления — признаки времени дискурса (ср. невозможность определений, эпитетов у слов *время* и *пора* в этом случае). «Время жизни» подразумевает апелляцию к «культурной парадигме» носителей русского языка; время же дискурса предполагает обращение к привычным понятиям грамматического времени: настоящее актуальное, момент речи и под.

Есть мнение, что «*время* и *пора* ... в русском языке сейчас во многом взаимозаменяемы: *время любви — пора любви, время учебы — пора учебы*» [Мокиенко 1990, 14]. При таком подходе у слов *время* и *пора* усматриваются лишь стилистические различия, ср. «... первоначально *пора* именовала удачное, счастливое, урожайное время. Отсюда, возможно, и ее в основном положительная стилистическая окраска, сохраняющаяся и доньне» (там же, 14).

Наблюдение за употреблением слов *пора* и *время* показало, что они не являются простыми смысловыми дубликатами: наличие в русском языке двух, конкурирующих между собой, показателей позволяет в номинативном употреблении описать принципиально различное понимание самого времени носителями русского языка (*время* циклическое/линейное), а в предикативном — выразить целый спектр значений, связанных с понятием «своевременность».

Проведенный анализ позволил выявить и семантический инвариант слова *пора* (некое единство времени жизни и времени дискурса), реализующийся в двух типах употребления и отличный от соответствующего инварианта слова *время*. Его описание приводится в качестве итога двух первых параграфов. §3 продолжает тему циклической модели времени. Здесь описывается языковое отражение циклического времени в плане прошлого/настоящего и будущего. К анализу привлекаются такие слова, как *ныне, нынче, сейчас, теперь, прежний, прошлый, впрямь* и др.

§1. *Время и пора* в оппозиции циклического и линейного времени

§1.1. *Пора* как показатель цикличности

«... и „круги“ истории, и эпициклы планет...»

В.Розанов

Пора обладает особой временной семантикой — она называет фазу «космологического цикла», который многократно реализуется в природе и жизни людей. Примеры: *Что пред тобой утеха рая, // Пора любви...* (Ф.Тютчев); *Весеннею порою льда...* (Б.Пастернак); *Октябрь... Пора отлета птиц* (О.Малевич); *Землей пережита // Пора роскошных сил и мощных трепетаний* (А.К.Толстой); *Весна в деревню нас зовет, // Пора тепла, цветов, работ, // Пора гуляний вдохновенных* (А.Пушкин); *Прошла пора вступлений и прелюдий* (В.Высоцкий); *Ищу напрасно впечатлений: // Она прошла, пора стихов, // Пора любви, веселых снов, // Пора сердечных вдохновений* (А.Пушкин).

Для *поры* не безразличен фактор длительности описываемого временного отрезка: может быть *время* (но не *пора*) *последнего сна/вечерней молитвы*.

Пора описывает не просто периодическое повторение событий которое охватывается традиционно выделяемым в идеографических описаниях понятием цикличности (см., например, [Морковин 1977], но подчеркивает связь этих

событий с космологическим циклом. Сказанное подтверждается языковым узусом: нельзя сказать **Настала пора заседаний Верховного Совета; *Опять настала пора командировок*, поскольку описываемые события не вписываются в космологический ряд; и можно сказать *Настала пора отпусков/Европейских турниров/сбора винограда* — так как это фаза годичного цикла.

Прообразом человеческой (и шире — социальной) поры является *пора* природная (весенняя, летняя, осенняя). В смене времен года представлен извечный «сценарий»: рождение, становление, расцвет, увядание и снова рождение...¹⁷. «Пора» может мыслиться как определенный возрастной этап в формировании человека/общества, ср.: *И так ты видишь, что человек относительно религии при правильном развитии проходит три возраста: сначала пора детской или слепой веры, затем вторая пора — развитие рассудка и отрицание слепой веры, наконец, последняя пора — веры сознательной, основанной на развитии разума* (В.Соловьев — Е.Романовой, 31/XII 1872).

Приведем наиболее типичные случаи «возрастной поры»: *Первые известия о встречах Николая Михайловича Карамзина с юным Пушкиным относятся к поре самого раннего детства поэта* (В.Кожевников); *Одна пора Шекспировой биографии для нас особенно несомненна. Это пора его юности* (Б.Пастернак); *Мандельштам и Пунин пили вино, шутили и непрерывно дразнили нас. Мы отдразнивались. «Все они хороши, когда женихи», — вспоминала об этой поре А.Ахматова... Роман с Пуниним был в самом цвету* (Н.Мандельштам); *Петр не успел довершить многое, начатое им. Он умер в поре мужества, во всей силе творческой своей деятельности* (А.Пушкин).

Замечание. Метафора «возраст человечества/мира» обладает не только убедительностью точного совпаде-

¹⁷ Ср.: «Время прежде всего раскрывается в природе: движение солнца, звезд, пение петухов, чувственные, видимые приметы времен года; все это в неразрывной связи с соответствующими моментами человеческой жизни, быта, деятельности (труда) — циклическое время разной степени напряженности. Рост деревьев, скота, возраст людей — видимые приметы более длительных периодов» [Бахтин 1979, 205].

ния с интуитивными представлениями человека о времени, его, так сказать, «наивной» картиной мира. Некогда эта метафора претендовала и на место в картине мира «научной», так как ей приписывалась вполне определенная объяснительная сила в толковании событий настоящего и прошлого, а также в прогнозах и предсказаниях будущего. Например, в [Ле Гофф 1992, 151] приводятся соответствующие выкладки средневековых философов и теологов: «Макрокосм, вселенная, проходит, как и микрокосм, человек, через шесть возрастов наподобие шести дней недели: от сотворения Адама до Давида, от Давида до вавилонского пленения, от вавилонского пленения до Рождества Христова, от Христа до конца света. Таковы и шесть возрастов человека: детство, юность, молодость, зрелость, старость и дряхлость... Шестой возраст, которого достиг мир, есть, стало быть, возраст дряхлости... Мир стоит на пороге смерти».

По типу «возрастной поры» описывается и пора историческая, социальная, например: ... *Отшельники ранней поры монашества с особым намерением избирали для проживания места, пользующиеся недоброй славой по части «нечистой силы», чтобы сразиться с бесами в самом их гнезде* (С.Аверинцев); *Мы входим в демократию не в самую ее здоровую пору* (А.Солженицын).

Стержневая идея космологического цикла, который описывает *пора*, — «созидание», «становление», можно даже сказать «сотворение», поскольку понятие «поры» приложено только к живому (жизни человека/природы): может быть *пора формирования общества/личности*, но не **пора формирования жанра/стиля* (в этом случае лучше говорить о *периоде*). В отличие от «искусственных» жанра и стиля, сама литература может мыслиться как нечто «естественное» — живой организм и, как следствие, описываться в терминах *поры*, ср.: *Документальная литература обычно предвещала подъемы реализма, заполняла паузу и была вестником новой литературной поры* (В.Лакшин).

Семантика *поры* предполагает обязательную смену этапов (за одной порой всегда идет другая). Поскольку ко-

нец природного цикла уже содержит идею (ожидание) нового начала¹⁸, то не исключена и природная *пора увядания*. О человеческой или социальной *поре* мы так не говорим: это противоречило бы ее «созидательной идее», ср.: *Иван переживает пору расцвета, но не пору упадка; может быть пора становления государства, но не пора распада*. Не может быть и *поры бездействия/апатии/неопределенности*, так как *пора* — это время проявления, она отмечает какие-то поворотные моменты, «созревшие» в результате предшествующего развития и призванные определить дальнейший ход вещей. Ср. понимание «поры» в жизни человека у А.Солженицына («В круге первом»): *Давно замечено, что наша жизнь входит в нашу биографию не равномерно по годам. У каждого человека есть своя особая пора жизни, в которую он полнее себя проявил, глубже всего чувствовал и сказался весь себе и другим. И что бы потом ни случилось с человеком даже внешне значительного, все это чаще — только спад или инерция того толчка: мы вспоминаем, упиваемся, на много ладов переигрываем то, что единожды прозвучало в нас. Такой порой у иных бывает даже детство — и тогда люди на всю жизнь остаются детьми. У других — первая любовь, и именно эти люди распространили миф, что любовь дается только раз.*

Пора не может мыслиться как последняя: она сменяется (в жизни природы) или преодолевается (в жизни человека) новой *порой*, ср.: *Для российских коммунистов настали трудные времена ≠ настала трудная пора*. Во втором случае есть «намеки», что трудности будут преодолены.

Неединичность космологического цикла, который описывает *пора*, хорошо иллюстрируется сменой времен года. Для каждого же отдельного человека *пора* — как определенный, жизненно важный этап единична: *пора детских игр и юношеских увлечений* (М.Салтыков-Щедрин) сменяется *порой надежд и грусти нежной* (А.Пушкин), за которой могут идти *счастливые лета, пора тоски сердечной*

¹⁸ Ср. у А.Ахматовой: *Как в прошедшем грядущее зреет, // Так в грядущем прошлое тлеет — // Страшный праздник мертвой листвы* («Поэма без героя»).

(П.Вяземский)... На протяжении отдельно взятой жизни пора не возвращается и не повторяется, но как закономерный — «созидательный» этап — одна и та же пора реализуется во множестве человеческих жизней (... и *все опять впервые*, как сказал бы Б.Пастернак). Та или иная пора является общим человеческим достоянием: нет **поры моей любви*; **поры твоих надежд*. В сферу описания поры попадают как раз те случаи, когда «время повторяется в виде формы, в которую облакаются индивидуальные судьбы и образы» [Успенский 1989, 32]. Аналогично, и жизнь общества, государства может быть представлена как прохождение через неизбежные, закономерные и существенные для каждого общества этапы, например: *Была та смутная пора, // Когда Россия молодая, // В бореньях силы напрягая, // Мужала с гением Петра* (А.Пушкин). Описывая некоторую фазу извечного «жизненного круга», *пора* находит сходство в уникальном, типизирует неповторимое.

«Космологичность» *поры* проявляется и в том, что она воспринимается как нечто закономерное, объективное, не зависящее от человеческих желаний. О *поре* можно сказать словами Ф.Тютчева: *Своим законам лишь послушна, // В условный час слетает к нам*. Поэтому можно стараться *приблизить время*, но не *пору* X-а. Пример: *Он шел быстро, словно поспешность его походки могла приблизить время, когда все на свете будет разумно и стройно, как сейчас в его разгоряченной голове* (Б.Пастернак). *Пора* всегда мыслится как нечто данное, поэтому в гипотетических, ирреальных контекстах она невозможна: можно сказать *Весна не наступала* (пример из К.Вагинова) и нельзя **Весенняя пора не наступала*; можно сказать постфактум *Это было самой трудной порой его жизни* и нельзя спрогнозировать **Это будет самой трудной порой вашей жизни* (нужно: *временем, периодом*). Последнее высказывание некорректно, поскольку в опыт говорящего не входит представление о жизни объекта описания как некоем целостном законченном цикле, из которого можно было бы выделить *пору* как определенный этап.

§1.2. *Время как немаркированный член оппозиции*

Время, в отличие от *поры*, способно описывать развитие событий «линейно», т.е. быть неповторимым, «необратимым»¹⁹. Как следствие, именно у *времени* (а также *периода, эпохи, времен*) возможны индивидуализирующие определители: *николаевское, сталинское, хрущевское время*. *Время может уйти* (навсегда!): *Ушло то время, когда мы были неразлучны; время* допускает релятивные определения (относительно конкретного говорящего): оно может быть *недавним, далеким, ближайшим*. *Время* может мыслиться как нечто целостное и поэтому допускает персонификацию, ср.: *Нас время учило...* (Б.Окуджава). Целостность и индивидуальность времени проявляются и в его способности быть объектом принадлежности: *время* можно *уделить и потерять, иметь и не иметь, тратить и беречь; время* может быть *свободным*, им можно *дорожить* и пр.

В отдельных случаях *время* и *пора* могут описывать один и тот же временной отрезок — например, *утреннее время/утренняя пора* но каждое из слов при этом подразумевает свою ситуацию употребления. Ср.: *Невыносимее всего Сталину было время утреннее и полуденное* (А.Солженицын). К описываемой ситуации понятие *поры* не приложимо, поскольку *время суток* в данном случае не соотносится с космологическим циклом, но мыслится «линейно» — на отрезке дня как чем-то самодостаточном. Подобным образом могут употребляться и другие «календарные» единицы, например: *Для отпуска лучше выбирать летнее время* (при невозможности **летнюю пору*, так как годичный круг здесь «развернут» в самодостаточный временной отрезок).

Неравнозначность слов *время* и *пора* отчетливо просматривается и в ретроспективе: «было время» ≠ «была пора». Мы скажем *время*, имея в виду прошлое, не тождественное ны-

¹⁹ В оппозиции циклического и линейного времени само слово *время* является немаркированным членом. Наследуя архетипические представления о движении времени как о вращении (см. этимологическое исследование Миклошича, Бругмана, Флоренского, Покровского, Якобсона), оно, тем не менее, способно к описанию любых нюансов, связанных с линейным пониманием времени.

нешнему (этим прошлым может быть былая бедность или богатство, былая дружба или вражда, пустые прилавки или, напротив, изобилие...), ср.: *Было время, процветала // В мире наша сторона* (А.Пушкин) или (он же) *Так! было время: с Кочубеем // Был друг Мазепа; в оны дни // Как солью, хлебом и елеем, // Делились чувствами они*. Выбрав же слово *пора*, мы вписываем прошлое в некий космологический ряд (жизненный/природный «круг»), например: *Была пора: наш праздник молодой // Сиял, шумел и розами венчался, // И с песнями бокалов звон мешался, // И тесною сидели мы толпой* — лицейская годовщина отмечает очередной виток жизни, ведь все это стихотворение построено по «круговому» принципу. Ср. «отклик» на пушкинские строки у О.Мандельштама: *Была пора смешливой бульбы // И щитовидной железы, // Была пора Тараса Бульбы // И наступающей грозы*, где последняя фраза вполне выдержана в духе зевгмы (по [Береговская 1984]): *пора* понимается сразу в двух значениях возрастной (поры формирования) и природной.

Глубоко мотивирован выбор слова *пора* во вступлении к «Медному всаднику»: *Была ужасная пора, // О ней свежо воспоминанье...* Это и *пора* природная (*Над омраченным Петроградом // Дышал ноябрь осенним хладом...*), и та н и с п о с ы л а е м а я, predeterminedная *пора* (*пора* испытаний!), о которой у Л.А.Мей сказано: *Да, пришла пора святая: // Наступило время бед* («Вечевой колокол»). Понятно, что слово *время* во фразе *Было ужасное время* задавало бы адресату совсем другие ожидания.

По сравнению со *временем*, *пора* более «эпична». Словари усматривают у *поры* способность описывать «отдаленные от наших дней» периоды времени (Словарь эпитетов, 337). Приведем пример такого употребления: *Я вспомнил о былом печальной сей земли — // Кровавую и мрачную ту пору, // Когда сыны ее, простертые в пыли, // Лобзали рыцарскую шпору* (Ф.Тютчев).

§1.3. Иллюстрация введенных характеристик

Релевантность отмеченных признаков хорошо видна из сравнения слов *время* и *пора* при описании такого события,

как «отпуск». Ср.: (1) *Прошло (кончилось) время отпуска* и (2) *Прошла пора отпусков*. В (1) *время* указывает на конкретный временной отрезок жизни конкретного субъекта (*время моего/твоего отпуска*), поэтому здесь некорректно было бы использование слова *пора*, ср.: **Прошла пора отпуска/наших отпусков*. *Пора* неуместна в данном контексте, поскольку она всегда описывает некий обобщенный (надындивидуальный) период времени. В частности, поэтому в (2) *пора* требует множественного числа существительного *отпуск* и исключает посессивность. В единственном числе данное существительное воспринимается как обозначение единичного события, что противоречит типизирующей семантике *поры*. Если *время* во фразе с множественным числом существительного — *время отпусков* — может подразумевать и неединичные конкретные отпуска (*Время наших отпусков не совпадает*), то *пора* исключает подобное осмысление.

Мы говорим: *за время отпуска; все время отпуска; время отпуска подходит к концу...* *Время* здесь описывает временной отрезок, занимаемый событием, и мыслится как нечто динамичное, протекающее, могущее «иссякнуть»; как то, что поддается измерению и «отмериванию» (из этого свойства *времени* вытекает, в частности, возможность сказать *на время; со временем; долгое/некоторое время*). *Пора* же внутренне статична: она не может *течь* и *изменяться* (ср.: **в течение всей поры и в течение всего времени; *на пору/*с порой; *пора подходит к концу и проч.*); *пора* исключает количественные определения.

Восприятие того феномена, который описывает *время*, может быть и субъективным — ведь именно линейное время обладает индивидуальностью, поэтому можно сказать: *Время отпуска томительно тянулось/пролетело незаметно*. О *поре отпусков* так сказать нельзя (**Пора отпусков пролетела незаметно/тянулась*). Тянуться или лететь может *зима/весна*, но не *весенняя* или *зимняя пора* (о *поре* в сравнении со специальными показателями циклически повторяющихся временных отрезков см. п. 6 настоящего параграфа).

Замечание. По признаку «статичность» с *порой* сходно такое слово, как *времена*: о них тоже нельзя сказать *текут, бегут, летят*. *Времена* «линейны» в том смыс-

ле, что допускают индивидуализацию: *времена Петра; застойные времена*. Но индивидуализирующие возможности *времен* гораздо уже, чем у *времени*: поскольку *времена* всегда описывают социально-исторический аспект жизни, невозможны **весенние*, **экзаменационные времена*, а так как *времена* надличностны, можно говорить о *наших* (= общества) *временах* и нельзя — о *моих, твоих временах*. Можно сказать: *В прежние времена я мог жить на одну зарплату и плохо: ?В прежние времена я легко взбегал на пятый этаж* (здесь естественнее использовать слово *время*, не отмеченное условием социально-исторической семантики).

Как видим, *времена* совмещают характеристики линейного и циклического времени, находясь где-то между *временем* и *порой*. Как кажется, такое «промежуточное» положение *времен* отражает динамику представлений человека о времени (*времена* зафиксировали один из этапов в изменении этих представлений), ср.: «Тема возрастов человека, переходя в тему поколений, начинает утрачивать свой циклический характер и начинает готовить исторические перспективы» [Бахтин 1979, 206]. *Времена* и являются социально-историческим показателем поколений, а не возрастов; *времена* лежат на пути к «историческому» времени. Ср.: «... мифопоэтическое мировоззрение космологического периода исходит из тождества макрокосма и микрокосма, природы и человека; поэтому существенным, реальным оказывается лишь то, что причастно космосу. История же как таковая начинается с описания человеческих *res gaesta*, когда меняется точка отсчета и вводятся новые ценностные категории, прежде всего, актуальная память коллектива» [Цивьян 1990, 19]. Таким образом, «пора» онтологически предшествует «временам» как обозначение «природного» времени (естественного ощущения времени как смены — и гармонии — природных циклов). *Времена* же — это первая ступень к осознанию времени исторического, времени описаний *res gaesta*. Ср.: *Меняются времена, меняются и границы дозволенного* (В.Буковский).

О *поре отпусков* мы говорим: *настала/была/прошла...* *Пора* в подобных случаях обозначает временной отрезок, на котором имели место описываемые события. Место расположения этого отрезка на временной оси всегда известно. Но если у *времени* (*Настало время отпуска/наших отпусков*) оно может быть и запланировано (поэтому нельзя говорить о «наступлении» *времени простуды* и подобных случайных событий), то у *поры* это место известно из предшествующего опыта. *Пора X-ов* — это временной отрезок, на котором обычно бывают X-ы. В этом случае время дано нам как прожитое, как отрезок на уже известном «жизненном круге». Причем, это не конкретная, индивидуализированная временная ось, а время, типологизированное через события, его заполняющие. И здесь мы подходим к другому важному аспекту противопоставления показателей циклического и линейного времени.

§1.4. *Время и пора при синхронизации или отсчете времени*

В [Успенский 1989, 34] отмечается, что линейное время абстрагировано от событий, циклическое же время «не мыслится отдельно от событий, его заполняющих» (и дальше:) [циклическое время] «является как бы материей, наполняемой событиями».

Это различие двух типов времени объясняет предпочтительность показателей линейного времени при синхронизации, совпадении во времени одного события с другим. Пример: *Батюшка вошел в то самое время, как я прилагивал хвост к Мысу Доброй Надежды* (А.Пушкин). В подобных случаях *время* свободно «наполняется» теми событиями, которые описываются. Ср. невозможность выполнения аналогичных функций показателем *пора*: **Батюшка вошел в ту самую пору, как...* Независимость показателя линейного времени от характера событийного наполнения отчетливо видна в союзном употреблении, ср.: *И я прочту письмо.., написанное бегущим и в то же время аккуратным, будто бы ученическим почерком* (В.Астафьев).

Пора как показатель циклического времени — с уже завершенной событийной валентностью определенной фазы космологического цикла — не способна синхронизировать отдельные события («точки» на временной оси); она может действовать лишь на уровне совмещения целых временных планов, один из которых (*пора*), является «космологическим этапом». Например: [... *И не знаешь ты, что зарей в Кремле // Я молюсь тебе — до зари*] *И проходишь ты над своей Невой // О ту пору, как над рекой — Москвой // Я стою с опущенной головой, // И слипаются фонари...* (М. Цветаева). Поэтическое *о ту пору* мотивировано здесь временем суток, через совмещение *зорь, рек* угадывается мысль о переплетении (или, напротив, неслиянности) судеб.

Различие «синхронизирующих возможностей» у слов *время* и *пора* отчетливо видно при сравнении показателей *в это время/в эту пору*. Рассмотрим пример: *Рукоположения в поэты // Мы не знали. И старик Державин // Нас не заметил, не благословил... // В эту пору мы держали оборону под деревней Лодвой...* (Д. Самойлов). Поэт использует выражение *в эту пору*, и в данном случае это единственно возможный способ сопоставления двух временных планов. Здесь не подходит форма *в это время*, потому что *время* диктовало бы такое понимание: мы держали оборону в то время, как Державин «рукополагал» в поэты, т.е. *время* переносило бы нас по «линии» истории назад, к Державину. Говоря же *в эту пору*, поэт имеет в виду пору творческой юности, пору «рукоположений», т.е. совмещает свой жизненный (творческий) цикл с пушкинским, «синхронизируя» таким образом два индивидуализированных времени — Пушкинское и Самойловское.

Время и *пора* обладают разным смысловым потенциалом при отсчете времени: пары *с/до какого времени* и *с/до каких пор* отнюдь не равнозначны (да и формально не симметричны, ибо выдержанный в смысле симметрии вариант с ед. числом *поры* — *с какой поры/до какой поры* — практически не употребим). Ср.: *С какого времени (?с каких пор) вы догадались, что вас обманывают?; Именно с этого времени (?с этой поры) я перестал у них бывать. Время «интересуют» конкретные «сроки», оно способно их точно указать, выделить, (именно/как раз/приблизительно).* Своеоб-

разие же *поры* легко увидеть при сравнении следующих примеров: *До каких пор (*какого времени) ты будешь меня мучить?; До какого времени (*каких пор) он здесь пробудет?* *Пора* не занята выяснением конкретных сроков; она информирует о другом — накоплении изрядного (сверх возможной, допустимой меры) количества времени существования имеющегося «положения дел». Чрезмерность этого количества требует изменить существующее положение. Таким образом, лишь *время* в подобных контекстах сохраняет «объективность» и позволяет выразить некие «прямые смыслы»: спросить или сообщить о конкретных сроках; *пора* же, а точнее форма мн. числа — идиоматизировалась и выражает нечто большее, чем просто указание на время.

В отличие от *поры*, *время* безразлично к масштабу описываемых временных интервалов: оно может «отсчитываться» в рамках одной ситуации, например: *К этому времени я не только справился с волнением, но решил от обороны перейти к активным вылазкам* (О. Волков).

Наличие у *поры* скрытых смысловых ассоциаций с возрастом определяет выбор именно этого слова в ситуации типа: *С таких пор (*какого времени) — и уже курит!* Конкретное *время*, в отличие от типологизированной *поры*, не поддается «возрастному» осмыслению в приведенном контексте. По-видимому, именно «возрастной» смысл имел в виду А.С. Пушкин в таких строках из «Евгения Онегина»: *... Что было, то прошло, то вздор; // Но дело в том, что с этих пор // Во мне уж сердце охладело.* Использование *времени* в данном контексте изменило бы наше прочтение ситуации: *время* отправляло бы нас к каким-то прошлым событиям.

Показатели *с того времени/с той поры* конкурируют, конечно, лишь в поэтической речи. В повседневной практике однозначно предпочитается нейтральное *время* (*В Крыму мы были в 1987 г. С того времени ни разу*). Если же мы обратимся к поэтическому тексту, то увидим, что *пора* в этом типе употребления отмечает поворотные моменты судеб, и выбор ее всегда значим. Ср. заключительные строки из «Медного всадника»: *И с той поры, когда случилось // Идти той площадью ему, // В лице его изображалось // Смятенье...* Ср. у А. Белого в «Петербурге»: *С той чреватой по-*

ры, как промчался к невскому берегу металлический Всадник, с той чреватой днями поры, как он бросил коня на финляндский серый гранит — надвое разделилась Россия: надвое разделились и самые судьбы отечества; надвое разделилась, страдая и плача до последнего часа — Россия.

§1.5. *Время, пора, времена в позиции обстоятельства*

Как уже говорилось, *пора* описывает достаточно длительные временные отрезки: смена природной *поры* возможна на уровне времен года, но не суток. Ср. некорректность фраз типа **Наступила вечерняя пора; *прошла утренняя пора* (нужно: *вечер, утро*). *Пора* дня занимает в предложении, как правило, позицию творительного падежа, например: *Они в саду, рука с рукой, // Гуляют утренней порой* (А.Пушкин); *Я вечернюю порою над заснувшею рекою // Полон дум необъяснимых, всеми кинутый брожу* (Н.Гумилев); *Вечерней порою // Сгущается мгла. // Пусть Гофман со мною дойдет до угла* (А.Ахматова); *Когда опять въезжаю в темный бор // Ночной порой — мне радостно и больно* (А.Блок).

Как кажется, такая позиция семантически мотивирована: творительный падеж — как периферийный, по определению Р.О.Якобсона, «указывает, что соответствующее имя занимает в общем содержании высказывания периферийное положение» [Якобсон 1985а, 152]. Находясь на периферии внимания, *пора* в творительном падеже описывает естественно-природный фон, на котором происходит действие, — время дня или года. Важно, что соответствующее временное «обрамление» дано как редуцированный зрительный образ — стереотипное представление об утре, весне и под. Ср.: *Зимней порой ни листочка в Троссахской дубраве...* (В.Соловьев); *Передвечернюю порою сходил я в сумерках с горы...* (А.Блок). Такая семантика определяет возможности событийного заполнения временного отрезка, названного творительным падежом *поры*: можно сказать *Однажды утренней порой я встретил его в саду* и нельзя **Однажды утренней порой я понял, что был неправ*. В по-

следнем случае нужно использовать чисто временное *утром*, так как речь идет о ментальных событиях, которые не могут происходить на фоне *утра*.

В системе коммуникативных регистров Г.А.Золотовой [Золотова 1982] творительный падеж *поры* с определением принадлежал бы к средствам изобразительного, а не информативного функционального типа речи. В самом деле, в чисто информативных сообщениях — типа *Теперь вечером магазин закрыт — пора* не уместна.

В позиции творительного падежа не может быть и социальная, возрастная *пора*, так как это не естественно-природный фон. Хорошо сказать: *В пору демократических преобразований очень важна роль средств массовой информации* и плохо: **Порой демократических преобразований...* В том случае, если время дня или года находится в фокусе внимания, творительный падеж *поры* также не используется, но уже по причинам коммуникативного характера, ср.: (о зиме) *В глуши, что делать в эту пору?* (А.Пушкин).

Таким образом, в творительном падеже фраза типа «вечерним временем» полностью соответствует смыслу «вечером», чего нельзя сказать о выражении *вечерней порой*, которое, во-первых, содержит намек на зрительный образ, и, во-вторых, включает описываемое событие в некий типологизированный цикл. Данные свойства творительного падежа *поры* объясняют, почему нельзя сказать: *Поезд приезжает вечерней порой; Я вернусь утреней порой* (нужно: *вечером; утром*): будущее время исключает зрительное восприятие. Однако у А.Блока мы встречаем: *...Я примчуся вечерней порою...* И такое употребление не противоречит смыслу *поры* как показателя циклического времени, в творительном падеже описывающего естественно-природный фон действия. Чтобы это доказать, обратимся к блоковскому тексту: *Ты горишь над высокой горою, // Недоступна в своем терему. // Я примчуся вечерней порою, // В упоеньи мечту обниму. // Ты, слышав меня издалека, // Свой костер разведешь ввечеру. // Стану, верный велениям Рока, // Постигать огневую игру. // И, когда среди мрака снопами // Искры станут кружиться в дыму, // Я умчусь с огневыми кругами // И настигну Тебя в терему.*

Перед нами текст-«предсказание». Неизбежность будущих событий утверждается на основе предвидения: поэт переносится в будущее и видит то, что должно произойти. Такое представление о будущем соответствует именно космологическому, циклическому пониманию времени, когда оно мыслится как «пространство», заданное заранее неким исходным, первичным состоянием, «пространство» с не исчезающим вовсе прошлым и с где-то впереди существующим будущим (см. [Успенский 1989]). Обладая пророческим даром, поэт способен перемещаться по «пространству» времени и свидетельствовать грядущее.

Продолжая тему употребления временных показателей в позиции обстоятельства, посмотрим, как влияют на их выбор для описания тех или иных ситуаций такие характеристики, как 'статичность', 'обобщенность' (*пора, времена*)/'динамичность', 'событийная конкретность' (*время*). Будем рассматривать конструкции типа: *Во время/время/в пору X-а имел место Y*. Корректность высказывания, устроенного по такому образцу, определяется согласованностью всех трех компонентов по линии 'конкретность', 'динамичность'/'обобщенность', 'статичность'.

Так, статичность показателя *во времена* делает возможным его употребление со статичными X-ми, ср.: *во времена рыночной экономики/парламентской демократии/во времена Петра...* Динамичный же показатель *во время* не употребим с X-ми, в семантике которых отсутствует идея «протекания», ср.: **во время рыночной экономики, но во время расцвета рыночной экономики; *во время Петра, но во время правления Петра.*

Употребляясь с динамичными X-ми, (динамичное) *время* описывает саму форму их существования — «протекание». Ср.: *во время митинга* = 'когда проходит митинг' и *во времена митингов* = 'на отрезке времени (общезначимом), характерной чертой которого являются митинги'. Обобщенный временной показатель диктует и обобщенное понимание *митингов* — не как процессов, протекающих во времени, а как названия типа событий (*митинг* тем самым понимаются статично).

Указанные особенности объясняют предпочтение статичных временных показателей в таких ситуациях: *Пуш-*

*кин всегда — и ранее, в пору (*во время) «Руслана и Людмилы», и позднее — в «Каменном госте»... охотно раскрывал двери поэзии для стихии фантастической... (В.Соловьев).* *Пора* здесь естественно сочетается со статичным X-ом (дополнением) и описывает не характер протекания, а временной фон (период), который был отмечен этим X-ом (созданием «Руслана и Людмилы»). Космологичность *поры* заставляет осмыслить этот период как определенный этап формирования. Ср. аналогичное словоупотребление у Н.Я.Мандельштам: *Мандельштам и Ахматова всегда знали, что идут вместе и дорога их близка пастернаковской: даже в пору „Второго рождения“, хотя для них главное было в „Сестре моей жизни“.* Ср. еще: *... Определяющим началом в мышлении Пушкина в пору (*время; *времена) его зрелости было духовное возвращение на родину, конкретный историзм в мышлении, почвенность (О.С.Булгаков).*

Времена и *пора* связаны с событиями (X-ами) опосредованно, а *время* является неотъемлемой характеристикой события, что хорошо иллюстрирует такой пример: можно сказать *в пору (период) формирования общественного сознания* и гораздо хуже *?во время формирования общественного сознания*. Последний пример сомнителен потому, что *время* «наделяет» событие своими характеристиками: заставляет осмыслить *формирование сознания* как непрерывно текущий процесс²⁰.

²⁰ 'Статичность' *времен* и *поры* (отсутствие в их семантике основной характеристики времени — непрерывного течения) подтверждает предположение о том, что эти показатели несут на себе отпечаток архетипических, космологических представлений о времени как о некоем «пространстве бытия». О *временах* можно сказать, что они описывают «пространство времени» — достаточно длительные временные интервалы, которые могут быть **фоном, вмещилищем** событий — «инвентарных единиц» — но не **формой** их существования. *Времена* — это вмещилища цивилизаций, материализовавшееся в тех или иных исторических судьбах *время*, ср. у О.Мандельштама: *А я пою вино времен — // Источник речи итальянской // И в колыбели праарийской // Славянский и германский лен!* Ассоциация с физическим пространством отчетливо ощущается у творительного падежа *поры* с определением: *утренней/осенней порой* — это не только *утром/осенью* (по времени), но и на естественно-природном фоне, в «пространстве» *утра/осени*.

В конструкции «Во время/времена X имеет место Y» конкретный показатель *во время* актуализирует ситуативную связь событий X-а и Y-а, здесь может быть релевантной пространственно-временная координата, ср.: *Во время (*времена) парламентских дебатов в зале постоянно гас свет/я был в Москве*. В перспективе обобщенного времени такая связь исключена: Y происходит не «по ходу» X-а, а на историческом фоне X-ов, ср.: *Во времена (*время) парламентских дебатов все общество политизировалось*. Как видим, обобщенная временная перспектива диктует и обобщенность Y-а.

Таким образом, каждый из временных показателей — *во время, во времена, в пору* — задает временной интервал, наделенный своей обобщенно-семантической характеристикой. *Во время* обозначает конкретный и динамически протекающий интервал, задаваемый на временной оси конкретным событием, процессом или состоянием. *Во времена* обозначает обобщенный и статичный интервал, задаваемый на оси времени не конкретным событием, а какой-то общей характеристикой целого ряда событий, имевших на нем место. Причем *времена* способны описывать только человеческую жизнь и не приложимы, скажем, к далекому прошлому Земли, вне человека и вне общества. Наконец, *в пору* обозначает обобщенный и статичный интервал, задаваемый на временной оси как фаза космологического цикла, т.е. как типологизированный этап циклически повторяющегося развивающегося процесса. К примеру, конкретное время — *во время буржуазной революции в Нидерландах в XVI веке/в России в XX веке* — может быть представлено и как фаза космологического цикла жизни общества (прохождение через один и тот же — неизбежный и закономерный — этап формирования): *в пору буржуазных революций*.

§1.6. *Пора* в сравнении со специальными показателями цикличности

Пора отличается от специальных показателей циклически повторяющихся временных единиц — слов, обозначающих «искусственно» выделенные отрезки времени: *суточные/го-*

дичные. (Заметим, что именно они обычно рассматриваются как показатели циклического времени [Морковкин 1977], [Цивьян 1990]). Сравним в подтверждение смысловой потенциал *утра* и *утренней поры, осени и осенней поры*.

Являясь «космологическим оператором», *пора* специфицирует описываемый временной отрезок («утро», «осень») под углом зрения космологического времени, т.е., прежде всего, т и п и з и р у е т соответствующую единицу времени: наделяет ее признаками неединичности, обобщенности, а также объективированности.

Специальные же показатели циклических временных единиц свободны от какого-либо функционального предопределения и поэтому вполне способны принимать на себя любые характеристики линейного времени: единичность, конкретность, динамичность, субъективность и пр. Ср.: *царскосельская осень* при невозможности **царскосельская осенняя пора; сегодняшнее/это/то утро* и **сегодняшняя/эта/та утренняя пора; В этих местах осень (*осенняя пора) особенно красива; Осень (*осенняя пора) пролетела незаметно; Когда же, наконец, наступит осень (*осенняя пора)? Утро, а также день, весна, время, могут принадлежать субъекту (*Потерял все утро (*утреннюю пору) на разговоры с тобой*); они могут мыслиться в аспекте количества времени (*почти/все/целое утро*). Иначе говоря, слова, называющие временные единицы, наследуют все характеристики времени. Как и *время*, в оппозиции циклического/линейного они занимают нейтралитет, т.е. способны к описанию любых моделей времени.*

§2. *Время* и *пора* как сигнал приступить к действию

В составе предиката — *Время ложиться спать; Пора позвать на помощь* — временные показатели несут принципиально иную нагрузку, чем в именном типе употребления: они указывают на свое временность действия, названного инфинитивом, необходимость его осуществления. При этом на первом плане оказываются те характеристики, которые принадлежат времени дискурса: *время* и *пора* вступают

во взаимодействие с видовыми характеристиками инфинитива; при отсутствии в сфере подчинения других глагольных форм (типа *настала пора; пора было...*) слова *время* и *пора* являются «временным центром» предложения. То, что в языке есть два близких по смыслу, временных показателя, позволяет выразить разные аспекты своевременности: *время* апеллирует к заранее известным срокам, а *пора* — к обстоятельствам (внутренней необходимости действия).

§2.1. Между повествованием и речевым действием

Помимо инфинитива *время* и *пора* могут подчинять глагол в личных и безличных вариантах, ср.: *Время/пора уходит* и *Настала пора уходить; Пора было уходить; Подошло время уходить*. В чем специфика безглагольных конструкций? Отсутствие глагольной формы является сигналом настоящего актуального времени, т.е. «срок» исполнения того, что названо инфинитивом, совпадает с моментом речи²¹. Такое «совпадение» придает словам *время* и *пора* статус речевых действий — обращений к реальному или воображаемому адресату с императивным оттенком. *Время* и *пора* являются в таких случаях призывом приступить к исполнению действия, названного инфинитивом²².

Наличие же глагола исключает актуальное прочтение высказывания: показатель прошедшего или будущего времени указывает на то, что момент речи и «срок» исполнения действия не совпадают. Тем самым говорящий абстрагирован от условий речевой ситуации, и, как следствие, *пора* и *время* лишены императивности; соответствующие же высказывания являются не речевыми действиями, а описаниями, констатациями и под. Можно сказать и так: актуаль-

²¹ Ср.: «*Пора А* — совпадение текущего Т с Тк, который предусмотрен или обычно считается отрезком наиболее благоприятным для начала события А (*пора идти...*)» [Леонтьева 1964, 41].

²² «Модальный оттенок долженствования или побуждения к действию» усматривает у слова *время* в данном типе употребления В.В.Морковкин (см. [Морковкин 1977, 81]).

ное употребление слов *время* и *пора* соответствует речевому режиму языка, и неактуальное — нарративному²³.

Чтобы почувствовать функциональную нагрузку глаголов при словах *время* и *пора*, приведем примеры нарративного употребления: *Нам пора было уходить* (С.Голицын); *Так он думал... Серел восток... Пора было подумать о билете. Пели петухи, и оживала касса* (Б.Пастернак). В первом случае глагол свидетельствует о наличии временного разрыва (описывается прошлое), а во втором — глагол помогает сохранить «дистанцию» между повествователем и субъектом сознания (ср. невозможность безглагольного продолжения: *Так он думал... Серел восток... ?Пора подумать о билете...*; ср. с этим примером такой: *Однако в комнате давно темно, в переулке горят фонари, пора и честь знать* (Б.Пастернак) — здесь повествователь и субъект сознания совпадают).

Глаголы «наступления» при словах *время* и *пора* могут использоваться как средство соотнесения различных планов действия (т.е. обслуживать сложное предложение), например: *Когда пришло время ложиться спать, [им] постелили в большой комнате* (Ф.Искандер). И в настоящем времени подобные глаголы способствуют отстранению говорящего от предмета описания — абстрагируют соответствующий временной показатель (*время/пора*) от личности автора, его «императива», интенций, ср.: *С 1926 года приходит пора рассчитываться с буржуазными последышами — нэпманами* (А.Солженицын) — пример настоящего исторического времени; [Скандал в варьете] *Наставала пора действовать, приходилось пить горькую чашу ответственности* (М.Булгаков) (*чашу ответственности* будет пить не говорящий); *Чичиков уже начинал сильно беспокоиться, не видя так долго Собакевича. По его расчету, давно бы пора было приехать* (Н.Гоголь) (*было* здесь коррелирует с показателем чужой — чичиковской — точки зрения, ср. некорректность фразы без этого глагола и корректность ее в перспективе авторской точки зрения: *По нашему (моему) расчету, давно пора приехать*).

²³ Термины речевой и нарративный режим используются в соответствии с тем пониманием, которое представлено в работах Е.В.Падучевой (см., например, [Падучева 1990, 168–185]).

В приведенных примерах (из А.Солженицына, М.Булгакова, Н.Гоголя) исполнение действия, названного инфинитивом, не связывалось ни с говорящим, ни со слушающим. Между тем для актуального употребления слов *время* и *пора* такая связь обязательна, ср. заключительную фразу из предисловия к статье К.Льюиса: ... *Льюис — один из таких людей. Может быть, пора побыть с ним и поучиться у него* (В.Трауберг) — это обращение (приглашение совершить действие) к реальному адресату — читателю; ср. еще: *Пора рассказать, однако, как ко мне попал этот сборник* (Б.Пастернак) — здесь призыв адресован самому себе.

Глаголы «наступления» не исключают ситуации адресации — направленности слов *время* и *пора* к участникам речевой ситуации (говорящему, либо слушающему) — но тогда наличие их в тексте свидетельствует о значительности момента и весомости «срока» его «созревания». Странно сказать: ?*Пришла пора вздремнуть/перекусить* и естественно: *Пришла пора усвоить все происшедшее со мной минувшим летом* (Д.Леонтьев). *Время* в таких случаях подчеркивает объективную неизбежность совершения действия, например: *Прощай, мой товарищ, мой верный слуга, // Расстаться настало нам время...* (А.Пушкин).

Итак, высказывания с глаголами описательны, а безглагольные — функционально близки к обращению, в них *время* и *пора* являются словесными сигналами «приступить к действию!». В дальнейшем мы сосредоточим свое внимание именно на этих случаях, поскольку здесь различия между словами *время* и *пора* наиболее очевидны и носят принципиальный характер: отражают различные аспекты «своевременности».

§2.2. «Своевременность» с позиций времени и поры

Сравним примеры: (а) *пора уходить/спать/собираться* и (б) *пора оставить иллюзии/позвать на помощь; пора, наконец, понять, что же происходит*. Очевидно, что *время* может быть использовано только в случаях (а), в случаях же (б) употребление этого слова затруднено. Данный запрет

объясняется тем, что действия, совершить которые «призывает» *пора* в высказываниях (б), происходят вне плана и расписания, они спонтанны; *время* же всегда явно или неявно соотносит то, что названо инфинитивом, с каким-либо временным рядом: планом, распорядком, расписанием. Поэтому в тех случаях, когда действие принципиально «внепланово», не соотносимо с «распорядком», *время* не используется. Между тем, *пора* не предполагает обязательной связи действия с заранее известным планом. Говоря *Пора!*, мы утверждаем внутреннюю необходимость действия, сообщаем, что оно «назрело» по логике вещей, а не по «часам».

Согласно [Словарь синонимов 1976], *своевременно* соответствует смыслу «когда это нужно, в определенное время» (с. 513). Данное определение учитывает и фактор расписания («в определенное время»), и фактор обстоятельств («когда это нужно») ²⁴. Ср. наиболее естественное распределение показателей *время* и *пора* в соответствии с этими двумя аспектами «своевременности»: *Все устали: пора сделать перерыв* и *Хотя время делать перерыв, я думаю, мы можем еще немного поработать*.

Наличие/отсутствие связи с распорядком («расписанием») влияет и на выбор формы инфинитива: *время*, как правило, употребляется с НСВ, поскольку оно часто предполагает связь с неким стереотипным действием, которое выполняется неоднократно по заведенному порядку (*время ложиться спать/идти на работу/принимать лекарство*); *пора* же легко включается в контекст СВ инфинитива любой семантики, ведь именно она способна инициировать единичные, окказиональные действия: мы говорим *пора* (а не *время*) *перекусить/выкурить сигаретку* и проч.

²⁴ Словарь толкует *своевременно* через *вовремя*. Последнее наречие способно описывать оба аспекта своевременности, ср.: («распорядок») *Лекция началась вовремя* и («обстоятельства») *Ты вовремя одумался*. При этом во втором случае у наречия больший сочетаемостный потенциал: оно способно употребляться с такими показателями субъективности, как *очень*, ср.: *Ты очень вовремя одумался* при сомнительности: ?*Лекция началась очень вовремя*. Последняя фраза осмысленна лишь при соотношении с какими-то внеплановыми факторами, т.е. в перспективе «обстоятельств», а не «распорядка».

Свободная от планов и расписания, *пора* не употребляется, в отличие от *времени*, с таким глаголом «наступления», как *подойти*: в нем слишком отчетливо ощущается заранее намеченный план. Мы говорим *Подошло время прощаться* и не говорим **Подошла пора...*

Чтобы почувствовать разницу между двумя показателями своевременности, приведем примеры, где необходимость совершения действия диктуется обстоятельствами, и поэтому она может быть описана только с помощью слова *пора*: *Всякому терпению положен предел, и за столом уже повысили голос, намекнули Никанору Ивановичу, что ему пора заговорить на человеческом языке* (М.Булгаков); *Пока Чик сходил с лодки и обяснял дяде, что пора сматывать удочки, возле лодки столпились отдыхающие* (Ф.Искандер).

Необходимость совершения действия может определяться достижением определенного пункта «расписания» в пространстве (а не во времени) — и тогда тоже естественнее использовать слово *пора*, ср.: [Сцена в троллейбусе] *Наконец Маргарите Николаевне надоело слушать эту таинственную трепотню про украденную из гроба голову, и она обрадовалась, что ей пора выходить* (М.Булгаков). Ср. также приведенный выше пример из Н.В.Гоголя, где *пора* использовалась в нарративном режиме (*давно бы пора было приехать*). Данный пример позволяет заметить еще одно различие у слов *время* и *пора*.

Время подчеркивает именно совпадение момента речи с запланированным сроком, например: *Бьет восемь часов. Время пить чай, друзья мои* (Н.Карамзин). *Пора* же может описывать и «просроченное» время, пример: *Глядит — и видит, что пора // Давно уж ехать со двора* (А.Пушкин). Некорректность фраз типа **Давно время ложиться спать* объясняется тем, что в силу соотносительности с временным рядом, определенным (как правило, запланированным) сроком, *время* лишается смысла, если этот срок миновал. *Пора* же, делая акцент на воле обстоятельств, субъективном ощущении своевременности соответствующего действия, вполне уместна и в том случае, когда прошли все сроки, но необходимость совершения действия осталась. Например: *Вообще, давно пора официально провести границу бедности* (Л.Сальникова) или *В сущности, всем*

нам давно пора повеситься, так мы забиты, замордованы, лишены всех прав и законов (И.Бунин). Ср. у О.Волкова: *По времени давно пора совершать службу*.

По аналогичным причинам показатель *время* не используется в сфере действия оператора ‘всегда’, ср.: *Поэту всегда пора (*время) и всегда рано умирать* (М.Цветаева).

§2.3. *Пора и время в оппозиции «субъективное»/«объективное»*

В речевом режиме употребления *пора* и *время* различаются по степени «императивности»: *время* не всегда призывает к сиюминутному исполнению действия, названного инфинитивом; оно может и просто констатировать, отмечать совпадение момента речи с некоторым пунктом «расписания»; *пора* же, в сущности, всегда императивна, она не констатирует, а побуждает. Это связано с тем, что *пора* выражает субъективное ощущение своевременности: действие, с точки зрения говорящего, «назрело», его исполнение диктуется всем ходом событий, логикой вещей, ср.: *Пред Гением Судьбы пора смириться, «сёр»* (А.Блок).

Субъективность *поры*, связь ее с авторским мнением, скрытая в ее семантике побудительность могут делать употребление этого слова и не вполне «вежливым» в тех случаях, когда субъект предложения не тождествен говорящему и не близкий к нему адресат, например: *Женщине пора вернуться в семью; Учителю пора заняться своими прямыми обязанностями*. В подобных высказываниях говорящий как бы решает за субъекта, что тому делать. В сущности, такие высказывания тождественны императиву, ср.: *И пора перестать запугивать (= перестаньте запугивать) русского человека огромностью государства, необъятностью пространства и держать его в рабстве* (Н.Бердяев). Ср. также использование показателя *пора* в естественном «соседстве» с побудительными конструкциями: *Сейчас ни одного поэта той эпохи нет в живых. Труд их лежит перед нами ... Пора подумать, в чем заключалось дело жизни каждого из них ... Хватит соблазняться вторичными признаками* (Н.Мандельштам).

То, что *пора* в актуальных высказываниях обладает иллюкутивной силой, является скрытым императивом, а *время* может быть и констатирующим, подтверждается различным отношением этих слов к отрицанию: можно сказать *не время* и нельзя **не пора*²⁵. Ср.: *Шутить не время. Дай ответ, // Когда не хочешь пытки новой: // Где спрятал деньги?* (А.Пушкин). При этом отрицание существенно меняет «референциальный объем» высказывания: оно применяется не к единичному, конкретному действию, а к целому ряду подобных действий. Вследствие такой обобщенности при отрицании всегда используется НСВ инфинитива и в принципе отсутствует позиция дательного падежа субъекта: мы не говорим **не время уснуть* или **тебе не время спать*. В применении к действию, не поддающемуся осмыслению в обобщенном, глобальном плане, нельзя сказать *не время*, ср.: *Время расхотеться/заканчивать лекцию при невозможности *Не время расхотеться/заканчивать лекцию.*

Говоря *не время X*, мы утверждаем несвоевременность действий, подобных X, несоответствие их духу описываемой ситуации, в частном случае, духу времени. Апелляция к содержательной стороне времени — как «материи, наполненной событиями» — возможна лишь в том случае, когда *время* описывает не точку на временной оси, а отрезок времени. Именно так и обстоит дело в рассматриваемых случаях.

То, что *не время* не является фиксатором какого-то актуального момента, а соотносится с целым временным планом, подтверждает следующий пример: ... *Теперь не время бояться рационализма. Иррациональный корень надвигающейся эпохи ... отбрасывает на нас тень. В такие дни разум энциклопедистов — священный огонь Прометея* (О.Мандельштам). *Не время* здесь спроецировано на временной период «теперь» (*в такие дни*).

²⁵ Ср.: «Речевое действие, как и любое действие, лишено параметра истинности. Поскольку высказывание произнесено, соответствующее речевое действие тем самым уже осуществлено, и поэтому ему нет альтернативы. Соответственно, являются аномальными высказывания, в которых оператор отрицания подчиняет показатель иллюкутивной силы высказывания» [Шатуновский 1991, 72–73].

Для корректного употребления показателя *не время* важно и то, что соответствующий временной отрезок воспринимается говорящим специфицированно — через события, его заполняющие. Ведь именно на их фоне, по отношению к ним, утверждается несвоевременность действия, названного инфинитивом. Ср. сомнительность употребления *не время* относительно «безликого» отрезка времени: *?Сегодня не время бояться/возражать/полемизировать*. Фраза приобретает осмысленность при включении ее в событийный ряд, т.е. при спецификации *сегодня*: *Сегодня, в день ответственных соревнований, не время бояться*. Аналогично: *Сейчас, когда за нами гонится полиция, не время спорить...* (понятно, что соответствующая спецификация не обязательно должна быть вербализована, но для корректного осмысления высказывания, для его информативности необходимо, чтобы она была в общем фонде знаний коммуникантов, ср. реплику в парламенте *Сейчас не время спорить*, спроецированную на известную собеседникам ситуацию полного развала в стране).

В случае скрытого отрицания также предпочтительно использование показателя *время*, например: *Нашел время спорить; Выбрал время жениться* или: *Время ли теперь напоминать русскому обществу о Чаадаеве?* (М.Гершензон). Ср. также выбор показателя *время* (а не *пора!*) в ирреальном модальном плане: *Когда же настанет время (*пора) делать перерыв?; Еще не пришло время (*пора) с ним расчитаться*.

Утверждение о несвоевременности какого-либо действия с помощью показателя *не время* (и его аналогов) более естественно в актуальном (речевом) режиме употребления. Сомнительные фразы типа *?Не время было спорить; ?Время ли было напоминать обществу о Чаадаеве?*...

Как известно, *не...ли*-конструкции обладают утвердительным статусом. С ними естественнее использовать слово *пора*. Наш выбор в данном случае определяется способностью *поры* описывать окказиональные действия. Кроме того, именно *пора*, в семантике которой есть компонент «побуждение», хорошо согласуется со значением *не...ли*-конструкции, выражающей мягкое, ненавязчивое предложение, ср.: *Не пора ли позвать на помощь?; Не пора ли нам*

расходиться? Фактор субъективности определяет предпочтительность употребления *поры* «в связке» с частицей *бы*, например: *Соседи шепчут меж собою: // Пора, пора бы замуж ей* (А.Пушкин); *Однако пора бы ей выглядеть старухой, думал Зенон, глядя на нее* (Ф.Искандер). Как и в предыдущих случаях, *пора бы* передает субъективное ощущение своевременности. Употребление показателя *время* в контексте частицы *бы* принципиально меняет мотивацию: оно возможно лишь в перспективе объективных временных сроков («часов»), ср.: *Поезд уже час, как прибыл: время бы ему и появиться и *Время бы ей выглядеть старухой.*

В силу своей общезначимости объективное *время* редко используется в отношении конкретного субъекта (занимающего в предложении позицию дательного падежа). Мы скорее скажем: *Тебе пора спать*, чем *Тебе время спать*. Выбрав же *время* (*Вам время принимать лекарство/ложиться в постель*), говорящий как бы устраняется от соответствующего императива: *время* в подобных случаях подчеркивает независимость «срока», на который оно указывает, от воли автора высказывания.

И, напротив, именно *время* естественнее использовать в отношении конкретного субъекта, рассматривая событие в глобальной перспективе вечности, где *время* будет напоминать нам о неумолимости и объективности отпущенных нам «сроков», ср.: ... *мне время тлеть, тебе цвести...* (А.Пушкин). Как кажется, с этими строками весьма созвучны случаи разговорного словоупотребления — выбор именно объективного *времени* в примиряющих с неизбежностью фразах: (об умирающем) *Пришло его время; Ну что ж, значит его время пришло*. В описываемых этими примерами ситуациях невозможно употребление активной, открывающей новую перспективу деятельности *поры*. Не отмеченное же «активностью», нейтральное *время* может описывать «иссякновение», окончание ситуации с помощью указания на неизбежный, объективный, заранее положенный срок. Называя этот срок, *время* подчеркивает, что следование ему не зависит от воли субъекта.

Проследив за выбором слов *время* и *пора* в актуальном (речевом) режиме (когда момент речи и срок исполнения действия, названного инфинитивом, совпадают), мы уви-

дели, что данные временные показатели выражают разные аспекты своевременности действия: *время* подчеркивает соотношенность действия с определенным временным рядом — расписанием, планом, распорядком, тем самым как бы утверждается объективность причин, по которым действие должно быть совершено, независимость их от воли говорящего; *пора* же сигнализирует о внутренней необходимости действия, о том, что оно «назрело» и должно быть совершено в силу сложившихся обстоятельств. Тем самым *пора* позволяет выразить целый спектр субъективных смыслов; именно этот показатель способен утверждать своевременность действий, в принципе не соотносимых ни с каким временным рядом (*Приехали, пора выходить; Пора испытывать судьбу* (А.Ахматова) и под.) или таких действий, срок исполнения которых давно миновал. Выражая субъективное авторское ощущение необходимости совершения действия, его своевременности, *пора* выступает как «призыв к исполнению» и хорошо вписывается в контекст различных показателей субъективности: *пора бы, не пора ли, давно бы пора* и под.

§3. *Пора* как показатель активного времени

Мы рассмотрели именное и предикативное употребление слова *пора*, роль *поры* как показателя «времени жизни» и ее функции при организации времени дискурса (с апелляцией к модально-временному плану высказывания). Казалось бы, различия между двумя этими типами употребления настолько велики, что ни о каком едином значении слова *пора* не может быть и речи. Однако именно языковой материал, наблюдение за употреблением позволяют говорить и о некоем семантическом инварианте данного слова.

Пора указывает на возникновение (в процессе накопления некоторых признаков) нового этапа в развитии ситуации. Это может быть представлено двояко:

1) как отрезок времени, на протяжении которого этот новый («вызревший») этап имеет место (данный смысл реализует номинативная *пора*: *отлета птиц/демократических преобразований/цветения садов*);

2) как момент, с которого этот новый этап должен вступить в силу (данный смысл реализует предикативная *пора*: *реформировать/передохнуть*).

И в том, и в другом случае у *поры* наличествует семантика «созревания»: номинативная *пора* — это этап формирования, становления в пределах некоего целого (природного/жизненного круга); предикативная *пора* — это «срок», назревший по логике событий, по обстоятельствам, а не по «часам» (ср.: *Пора, пора мне быть умней* (А.Пушкин)).

Есть основания думать, что в сознании носителей языка *пора* также представлена синкретично, в виде некоего инварианта, соединяющего в себе представления о подступающих «сроках», своевременности и о соотносительности описываемого временного отрезка с фазой некоторого, общезначимого, цикла. Как кажется, в обеих смысловых ипостасях реализуется *пора* в следующих строках А.С.Пушкина: *Татьяна слушала с досадой // Такие сплетни, но тайком // С неизъяснимою отрадой // Невольно думала о том; // И в сердце дума заронила. // Пора пришла, она влюбилась. // Так в землю падшее зерно // Весны огнем оживлено.*

В «Старинной студенческой песне» Б.Окуджавы сквозь предикативную *пору* благодаря глаголу, обладающему яркой кваликативной силой, «просвечивает» *пора* номинативная (какая), ср.: *Пока ж не грянула пора // Нам от правляться понемногу, // Возьмемся за руки, друзья...*

Весьма интересно в указанном смысле использование *поры* у О.Мандельштама в следующем отрывке: *Уже светло, поет сирена // В седьмом часу утра. // Старик, похожий на Верлена, // Теперь твоя пора!* Как кажется, данный семантико-синтаксический контекст определяет двойное прочтение временного показателя: и как призыва к исполнению (*тебе пора*), и как названия определенной фазы жизненного круга. Заметим, что в последнем случае наличие у *поры* индивидуализирующего определителя (*твоя*) мешает заполнению синтаксической позиции дополнения (*пора чего*), тем самым усиливая ассоциативную связь с предикативной *порой*. Восклицательный знак довершает картину.

Способная к описанию и времени накопления признака, и времени возникновения нового состояния, *пора* соединяет в себе и причину, и следствие: следствие накопления

признака является причиной возникновения нового состояния. *Пора* — это время, «чреватое» новыми событиями (ср. у А.Белого: *чреватая днями пора*); время, несущее события. Все это заставляет вспомнить нас о библейских представлениях о «полноте времени», ср. у Ап. Павла: [Воля Отца] *в устройении полноты времен, дабы все небесное и земное соединить под главою Христом* (Еф.1,10) или: *Так и мы, доколе были в детстве, были поработены вещественным началом мира. Но когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего (Единородного), Который родился от жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление* (Гал.4).

«Полнота времен» — это готовность одной стороны (в силу достаточного накопления нужных признаков) принять новые состояния, качественные перемены, которые несет (посылает) другая сторона; это как бы олицетворенная встреча двух ипостасей времени: земного и небесного, пассивного и активного.

Представление об активном, «плодотворном» времени — один из существенных элементов архаической модели мира. В монографии «Учение досократиков о бытии» А.Л.Доброхотов пишет: «Время не было для греков вместилищем последовательно существующих вещей... Время само рассматривалось как источник событий и изменений, оно содержало их в себе и, разворачиваясь, порождало события. Фалесу приписывают изречение „Мудрее всего время, ибо оно открывает все“ ... Скифин из Теоса говорит, что время „все имеет в себе самом“» [Доброхотов 1980, 29]. Ср. отголоски этих представлений у И.Бродского [из разговоров с Джоном Глэдом]: «... то, что меня более всего интересует ... это время и тот эффект, который оно оказывает на человека, как его меняет, как обтачивает ... трансформирует. С другой стороны, это всего лишь метафора того, что вообще время делает с пространством и миром» [Глэд 1991, 123].

Б.А.Успенский при обсуждении представленного в настоящей работе материала высказал следующие соображения: «Время в принципе может пониматься в качественном и количественном значении. И именно в первом случае время является активной силой, оно управляет событиями. Ср. в Екклесиасте: „Время рождаться и время умирать“; „Человек

не знает своего времени“. Можно сказать, что, согласно этому пониманию, события — это функция от времени. И понятно, как такое возможно: время в сознании человека связывается с движением звезд, а звезды, как известно, управляют событиями. Т.е. время признается реально существующей (сотворенной!) материальной субстанцией, что так характерно для мифологических представлений. В ряде старославянских текстов слово „время“ выступает в значении причины. Активное время может персонифицироваться, например, карачун — это и солнцеворот и злой дух. Время может пониматься и как движение, и как состояние. В греческом языке эти значения передаются словами *χρόνος* и *καιρός*, а в русском — *время* и *пора*. *Χρόνος* — это время как форма, *καιρός* же — это как бы уже сами события (время как атрибут событий); *χρόνος* — это процесс, движение, *καιρός* — это состояние, которое может расцениваться как благоприятное или не благоприятное. В латинском языке нет таких двух слов. Отсюда происходит смешение в целом ряде языков, неразличение этих значений времени. В русском языке слово *время* может иметь оба значения — и *χρόνος*, и *καιρός*; слово же *пора* маркировано, это всегда *καιρός*» (Б.А.Успенский. Устное сообщение).

Итак, *пора* объединяет в себе как бы две ипостаси времени активную и пассивную, время действия и время накопления «сил». Их соединение и является временем в его полноте: «пассивное» накопление активизирует действенный потенциал Времени.

§4. Цикличность в плане прошлого/настоящего/будущего

«Все было встарь, все повторится снова...»

О.Мандельштам

«Цикличность» имплицитно представлена и в семантике других показателей времени: *прошлый, прежний, нынче, ныне, нынешний, впредь*. Но здесь мы видим другую модификацию этой идеи: акцент делается на возвратах и повторях, а «созидательность», «созревание» (то, что у *поры* является смысловым стержнем) никак не выражены.

Можно сказать и так. Две эти разновидности цикличности основаны на разных пониманиях возвращения временного цикла: в основе природного времени (*пора*) лежит идея возобновления (подобия, а не тождества с бывшим прежде), ср. у М.Цветаевой: «Возобновление не есть повторение. Возобновление — в природе самих вещей, в основе самой природы ... Возобновление в природе — это создание такого же, но не того же самого; подобного, но не тождественного ... создание, но не повторение ... Возобновление в природе есть бесконечное варьирование единой темы» [Цветаева 1989б, 390]; в основе же цикличности слов типа *нынче, прошлый* лежит именно идея повтора, исключаящая представления о возникновении «нового», о движении, развитии жизни. Классическим образцом такого мировосприятия могут служить слова Марка Аврелия из Шестой книги: «Кто видит нынешнее, все увидел, что от века было и что будет в беспредельности времен...».

О языковом воплощении времени как вечного возвращения и пойдет речь далее.

Замечание. Слова, которые мы будем рассматривать, совмещают в себе и семантические аспекты «времени жизни», и функции показателей текстового (дискурсивного) времени. Именно как восприимчивые глагольного времени данные слова были описаны М.А.Кронгаузом (1989; 1990). Краеугольным при таком описании было понятие «точки отсчета». Мы же будем описывать значения данных слов через призму «времени жизни», с опорой на дихотомию «циклическое/линейное» время. Естественно поэтому, что какие-то вопросы текстовых функций рассматриваемых слов останутся не затронутыми.

§4.1. Настоящее (*нынче, ныне, сейчас, теперь*)

«И снова будет все, что есть...»

Ф.Тютчев

В группе показателей настоящего времени словари отмечают два рода различий: 1) стилистические (*нынче* — раз-

говорное, а *ныне* — устарелое, высокое); 2) семантические — способность некоторых слов обозначать отрезки времени, разные по продолжительности. Так, у *нынче* выделяются два значения: а) то же, что *сегодня* (*Нынче морозно*); б) то же, что *теперь* (*Нынче жить весело*) [Ожегов 1970, 410]. *Ныне* же трактуется как *теперь*, в настоящее время. Аналогично, *сейчас* может обозначать момент речи и период времени; *сегодня* — это «текущий день» и «настоящее время» (*теперь*) (там же, 699).

Таким образом, выстраиваются стилистически дифференцированные синонимические ряды: *сегодня*₁ = *нынче*₁ и *теперь* = *сейчас*₂ = *нынче*₂ = *ныне* = *сегодня*₂.

Наблюдение за употреблением этих словарных синонимов показывает, что выбор их для описания той или иной ситуации определяется не только стилистическими факторами, он и семантически мотивирован. Дело в том, что столь богатая синонимика в области описания настоящего времени позволяет выразить целый спектр дополнительных смысловых нюансов, связанных с различным пониманием самого времени носителями русского языка, в частности, находит свое выражение оппозиция циклического и линейного времени.

Так, *нынче*, *ныне*, *нынешний* принадлежат к средствам описания циклической модели времени, где «настоящее — отражение прошлого и предзнаменование будущего» [Успенский 1989, 20]. Постараемся проиллюстрировать этот тезис через сопоставление условий употребления данных слов с другими показателями настоящего времени (словами типа *сейчас*, *сегодня*, *теперь*...).

Охарактеризовать как *нынешнее* можно то, что уже было и будет вновь: *нынешнее открытие сезона*; *нынешний чемпионат*; *нынешнее повышение цен* при невозможности: **нынешнее открытие театра* (если оно первое); **ваше нынешнее посвящение в сан*. Пока мы лишены возможности говорить: *нынешний российский президент*, поскольку он первый, ср.: *мой нынешний начальник*; *нынешний отпуск*²⁶.

²⁶ М.А.Кронгауз в [Кронгауз 1990] проницательно замечает: «... словосочетание *нынешний муж* вполне правильно, но сказанное о своем муже, звучит для него обидно, так как подразумевает ряд лиц, которым было, а может быть, и будет присуще это свойство...» (с. 47). Воз-

Между тем слова *сегодня*, *сегодняшний* свободно описывают и уникальные события: *сегодняшнее открытие театра X*; *ваше сегодняшнее посвящение в сан*; *сегодняшнее отречение царя Николая*. Ср. семантическую мотивацию выбора именно *сегодняшнего*, а не *нынешнего* в таком контексте: [из президентской речи Б.Ельцина] *Судьба распорядилась так, что народам России ... пришлось пройти через великие испытания. Мы заплатили колоссальную цену за сегодняшний опыт*. Ср. еще: *Сам автор и его современники видят, осознают и оценивают прежде всего то, что ближе к их сегодняшнему (плохо: нынешнему) дню* (М.Бахтин); *Сегодня* (?*ныне*, ?*нынче*), *через 20 лет, я бы сказала иначе*. Ср. неуместность циклических *ныне* и *нынче* в следующем примере (где показатели линейной модели времени *сейчас* и *сегодня* индивидуализируют описываемый ими временной отрезок): *Сейчас мы не та Церковь, которая обратила огромное государство. Напротив, сегодня своим примером мы часто отталкиваем других, своим примером мы часто позорим имя христианское, кладем пятно на чистую одежду Церкви* (о. А.Мень).

Таким образом, в языке существует оппозиция «нынешнего» (циклически повторяющегося, возвращающегося) и «сегодняшнего», свободного от подобных характеристик и поэтому способного к описанию единичных, уникальных событий. Странно с точки зрения современной нормы звучит фраза: ?*Наше нынешнее знакомство я никогда не забуду* (нужно: *сегодняшнее*, так как речь идет об уникальном событии).

Противопоставлены могут быть и отрезки времени, которые описываются словами *нынче* и *теперь*. Ср.: *Нынче я в Россию не приеду* (И.Тургенев) — приезжал до этого и приеду позже — и *Теперь я в Россию (никогда) не приеду*. *Теперьшний X* может быть последним из двух, *нынешний X* не может быть ни первым, ни последним.

никновение этих «обидных» смыслов М.А.Кронгауз связывает с необязательностью показателей времени для некоторых именных групп: «... в силу их необязательности употребление таких слов ненейтрально, семантически маркировано» (там же). Думается, в данном случае можно говорить о «семантической сущности» *нынешнего*, а не о дополнительных, контекстно обусловленных, смыслах.

Замечание. В настоящей работе в целях более компактного изложения не рассматривается по отдельности употребление наречий (*нынче, сегодня*) и однокоренных им прилагательных. Априори считается, что они принадлежат одной модели времени (*нынче, нынешний* циклическое время; *сегодня, сегодняшний* способны к описанию линейного времени). Понятно, однако, что разница между прилагательными и наречиями по возможностям отражения характеристик временных моделей весьма велика: прилагательные явно «репрезентативнее» наречий. Так, *нынешний* «абсорбирует» циклические характеристики отрезка времени «нынче»/«ныне» — в соответствии со своими адъективными функциями — описывать свойства «нынче». Чтобы поставить «семантический диагноз» этому «носителю» циклической модели времени, достаточно совместить его с уникальным X-ом. С наречиями типа *нынче* дело обстоит сложнее, ведь они просто задают отрезки времени, которое не мыслится индивидуализировано — как нечто неповторимое, исключающее возвраты и повторы. Поэтому для установления их циклической личности нужен диагностический контекст со специальными «выделителями», индивидуализаторами соответствующих временных интервалов. Ср.: *Сегодня/ныне история нашей философской мысли обретает персональные и тематические очертания...* (слабые с точки зрения «индикации» циклической контекстные условия) и *Даже сегодня (*ныне), когда история нашей философии обретает персональные и тематические очертания, имя и работы В.Муравьева можно отнести к одним из самых глухих ее страниц* (Г.Аксенов) — сильные, диагностические, контекстные условия.

Весьма существенно и различие между прилагательными *нынешний* и *теперешний*, отмеченное М.А.Кронгаузом: «*Теперешний* допускает только родовое употребление. Ср.: *Нынешний урожай довольно хорош — Теперешний урожай значительно лучше того, что бывало раньше*. В первом случае речь идет о конкретном „сегодняшнем“ урожае, во втором

— об урожаях, свойственных „сегодняшнему“ времени» [Кронгауз 1990, 50].

Данное противопоставление объясняет, почему в следующих примерах невозможна замена прилагательного *нынешний*, на *теперешний* (описываемые X-ы исключают родовое осмысление): *Нынешнее (*теперешнее) поколение советских людей так и будет жить при коммунизме* (Л.Гозман); *Можно видеть глубокий смысл нынешней (*теперешней) войны и нельзя не видеть в ней глубокого духовного смысла* (Н.Бердяев); *Да, были люди в наше время, // Не то, что нынешнее племя...* (М.Лермонтов).

Как и *нынешний, теперешний* X не может быть первым, но характер соотношения с предшествующим положением дел у «нынче» и «теперь» разный. В отличие от других показателей настоящего времени, *теперь* содержит в своей семантике компонент сопоставительности, или даже каузативности. И.А.Мельчук, комментируя свое толкование *ТЕПЕРЬ* = «в данный период» (*Теперь мы живем хорошо*), замечает: «Сопоставление с прошлым может носить как характер противопоставления — «в отличие от», так и следствия — «поскольку»» [Мельчук 1985, 270].

В тех случаях, когда «сопоставительность» выступает в смысловом отношении на первый план, *теперь* не поддается синонимической замене на другие показатели настоящего времени (т.е. обладает приоритетом при описании ситуации), ср.: *Я смерти не боюсь. Теперь мне жить не надо, // Не нужен я теперь царице дум моих* (В.Соловьев); *Из IV акта Вы увели самых интересных действующих лиц... и глядите теперь, чтобы чего-нибудь не вышло от этого* (А.Чехов — М.Горькому).

Каузативное *теперь* действует независимо от временных планов: *Теперь я прихожу/буду приходиться/приходил заранее*. Такое *теперь* сигнализирует о некоем повороте событий и является скорее точкой нового отсчета, а не периодом, который заполнен действием, ср.: *Теперь она на всю жизнь его невольница* (Б.Пастернак) или: *Ей казалось, что теперь всегда на нее будут кричать, и голова никогда не пройдет и постоянно будет болеть* (он же).

Момент каузативности определяет невозможность использования *теперь* в тех случаях, когда развитие ни к че-

му не приводит. Ср.: *Сейчас/в настоящее время (*теперь) диссертация еще не закончена*. В подобных случаях невозможно использовать и показатели циклических возвратов и повторов *нынче, ныне*, но этот запрет имеет другую семантическую мотивацию.

Высказывания **Нынче/ныне диссертация еще не закончена; *Нынче он еще не овладел языком как следует* некорректны по причине рассогласования значений показателя циклического времени, описывающего в принципе не стабильное положение дел, со значением контекста, в котором отчетливо выражено отсутствие каких-либо изменений. И если показатель предшествующих изменений (*теперь*) все же может иметь своим результатом некое status quo, ср.: *Теперь диссертация уже закончена*, то в циклическом показателе заложена идея будущих изменений, ср. сомнительность фразы: *?Нынче диссертация уже закончена*.

Можно сказать и так: *нынче* «выхватывает» из круговорота дней некий произвольный отрезок времени (ближайший период вокруг «момента речи» говорящего), который по ассоциации с «естественным» (= динамичным) временем наделяется характеристикой «нестабильность», «изменяемость», так сказать, «текучесть»; *теперь* же — это специфицированный временной отрезок, выделенный с целью сопоставления того, что есть, с тем, что было.

Итак, *нынешний* описывает текущее настоящее, а *теперешний* настоящее, обобщенное в свете каких-либо содержательных черт, противопоставляемых прошлому. Становится понятным предпочтение конкретно-временного *нынешнего* с названиями циклических единиц «естественного» времени человеческой жизни: дней, месяцев, праздников. Примеры: *Какого спутника веселого // Привел мне нынешний февраль* (М.Цветаева); *Все нынешней весной особое* (Б.Пастернак); *Последняя четверть нынешнего века — это длинная серия предупреждений* (Н.Моисеев).

Спроецированное на момент речи календарное «нынче» задается движением годового круга, ср.: *Нынче праздник, пахнет мята, все в цвету* (М.Кузмин). Фраза *теперь праздник* предполагает совершенно другой семантико-синтаксический контекст, ср.: *Теперь 12 июня — праздник; Теперь*

это праздник и под., где *теперь* проецирует описываемое в план настоящего и противопоставляет его бывшему прежде положению дел.

Различные потенциалы прилагательных *нынешний* и *теперешний* хорошо видны из сравнения следующих примеров: *По теперешним/нынешним временам это стоит недорого* и *Он был комбригом, по нынешним (*теперешним) временам ниже генерал-майора, но выше полковника* (С.Голицын). В последнем примере описание в терминах «теперешнего» неуместно, так как контекст не содержит идеи противопоставления содержательных черт двух временных планов.

Соотносимость *нынче* и *ныне* с циклической моделью времени определяет невозможность их использования, в отличие от других показателей настоящего времени, при индивидуализации, выделении описываемого временного отрезка. Например: *О Чаадаеве много писали; и его имя знакомо почти всякому образованному русскому человеку; но понимать его мысль мы научаемся только теперь* (плохо: *ныне, нынче*) (М.Гершензон); [Начиналась рукопись с обращения к читателям XXI века] *К счастью, прогноз автора оказался неточным, его книга уже сегодня* (плохо: *ныне, нынче*) *встречается с читателями* (из предисловия к «Запискам уцелевшего» С.Голицына); *Сейчас, как никогда, ему было ясно, что искусство всегда, не переставая, занято двумя вещами. Оно неотступно размышляет о смерти и неотступно творит этим жизнь* (Б.Пастернак). Ср. выделение с помощью вопроса: — *Какого порядка дела [юридические] могут совершаться сейчас?* (Б.Пастернак)²⁷.

Укажем еще на одну особенность показателей циклического времени. В отличие от таких слов, как *сейчас, сегодня, теперь*, показатели *нынче, нынешний* неразрывно связа-

²⁷ По-видимому, «историческим предшественником» выделительных *сегодня (сейчас)* можно считать такое слово, как *днесь*, ср. у Исайя Копинского: «Днесь же не от Духа Свята, но от Аристотеля, Цицерона, Платона и прочих языческих любомудрецов разума учатся» (цит. по [Флоровский 1991, 48]). Вообще, как кажется, отсутствие каких-либо ограничений в возможностях выделения, индивидуализации временных отрезков (*только/лишь/именно теперь...*) свойственно современному языку, т.е. это «достижение» сравнительно недавнего времени.

ны с настоящим временем автора высказывания (говорящего)²⁸. Поэтому использование данных слов невозможно в несобственно-прямой речи, в контексте отстранения (или, иначе говоря, в «нарративном режиме употребления языка», когда, по определению Е.В.Падучевой, «нет говорящего. Его место занимает субъект сознания, наблюдатель, каковым может быть и герой» [Падучева 1990, 182]. Ср.: *Чик знал, что сегодня (*нынче) на стадионе игра, но из-за своего плохого настроения туда не пошел* (Ф.Искандер); *Он считал, что ему, двенадцатилетнему мальчику, девочка вообще не должна нравиться, тем более сейчас (*нынче, ныне), когда идет война* (там же). Использование слов *нынче, ныне, нынешний* будет корректно, если мы знаем, что автор — участник описываемых событий.

До сих пор мы не делали различий между показателями циклического настоящего *нынче* и *ныне* и в основном рассматривали первый из них. Теперь обратимся к существующим между этими словами различиям, которые не связаны с разной их стилистической принадлежностью и с тем, что одно из слов (*ныне*), согласно словарям, вообще устаревает.

В современном употреблении (и это отмечают словари, начиная с Д.Н.Ушакова) *ныне* не используется в значении 'сегодня', ср.: *Нынче (*ныне) Пасха*. Поэтому будем сравнивать лишь те случаи, где оба показателя описывают настоящее время (или, как говорят словари, «то же, что теперь»). Начнем с примеров, в которых употребление *нынче* было бы сомнительно или вовсе некорректно: *У нас древнейшей короной или «царским венцом» считается так называемая «шапка Мономаха», хранящаяся ныне (*нынче) в Москве, в Оружейной палате* (Е.Карнович); *Одна знакомая дама служила в Румянцевской (ныне Ленинской) библиотеке* (С.Голицын); *Свернешь направо, мимо двух лачужек, пустыря, где дом стоял, а ныне дерево одно торчит, увешанное тряпками* (Б.Зайцев). *Нынче* не вписывается в приведенные контексты, поскольку они не содержат идеи ближайших изменений. *Ныне* же возможно в подобных

²⁸ На это обращает внимание и М.А.Кронгауз, ср.: *Нынешний «однозначно указывает на то, что временная точка отсчета для именной группы совпадает с моментом речи»* [Кронгауз 1990, 49].

высказываниях, так как этот показатель циклического времени описывает стабильное положение дел на достаточно продолжительном временном отрезке — некоем социально-историческом «круге». Поэтому сомнительны с точки зрения современной нормы примеры типа: *?Ныне мы лето проведем дома; ?Ныне в нашем городе гастроль ДДТ*. Ср. также некорректность встретившегося нам в газетном тексте употребления *ныне*: *Вчера в Аскеранском районе НКАО боевиками был обстрелян пассажирский автобус... Двое получили ранения и ?ныне находятся в Агдамской больнице*.

Таким образом, «высокое» *ныне* и «разговорное» *нынче* функционально размежевались при описании циклического настоящего: *ныне* общезначимое («круги» истории), а *нынче* — частное, бытовое (сезонные, жизненные «круги» отдельных людей, заведенный порядок, «расписание» и проч.).

Некоторая «эпичность» *ныне*, которая ощущается носителями современной языковой нормы (то, что стилисты склонны называть «высоким» или «устарелым»), имеет вполне семантическое объяснение: *ныне* спроецировано на социально-исторический контекст и выделяет в нем общезначимое для социума. Например: *Ныне, вглядываясь в итог столетия, мы по наивной шкале мер и весов ищем альтернативу Сталину...* (А.Вознесенский); *А ныне завладел дикарь // Священной палицей Геракла, // И черная земля иссякла, // Неблагодарная, как встарь* (О.Мандельштам).

Использование *ныне* поднимает описываемое на другой уровень значимости, ср.: *Стенограмма эта, опубликованная ныне (≠ нынче), стала политическим документом самого аполитичнейшего из поэтов* (А.Вознесенский).

Ныне и *нынче* задают и разный временной масштаб описываемого, ср.: *Ныне (≠ нынче) получен ответ на этот вопрос*. В первом случае вопрос общезначим — ответ на него «получался» на достаточно длительном отрезке времени (например, есть ли альтернатива рыночной экономике), а во втором — он, скорее, носит частный характер (например, продлят ли подписку на «Куранты»). Ср. различное истолкование *мы* во временной перспективе *ныне* и *нынче*: *Ныне* *пришло к тому, что мы* (общество, а не «мы с женой») *так же не мыслим себе политическую жизнь без пар-*

тии, как личную без семьи (А.Солженицын). Ср. закономерность выбора *ныне* в «Новейшей русской поэзии» Р.Якобсона (статья написана на русском языке): *Ныне Пушкин — предмет домашнего обихода, кладезь домашней философии. Стихи Пушкина как стихи ныне явно принимаются на веру, окаменевают, став объектом культа.*

Поскольку временной отрезок, описываемый *ныне*, достаточно длителен (так как соотносится с социально-историческим циклом), в отношении отдельно взятой жизни *ныне* может подразумевать и некое status quo: *Ныне он в отставке; Ныне он стар и болен; Ныне он покоится на Волковом кладбище.* Для *нынче* такое положение исключено, ср. некорректность фразы: **Нынче он покоится на Волковом кладбище* и смысловой подтекст высказывания *Нынче он в отставке.*

§4.2. Прошлое (*прошлый, прежний, минувший, былой*)

«Что было, будет вновь.

Что было, будет не однажды...»

Ф.Сологуб

Прошлое также может мыслиться как постоянно воспроизводящееся, как возвраты «на круги своя»²⁹. Например, слово *прежний* во фразе: *Я не вижу никого из прежних товарищей по заключению* (О.Волков) подсказывает нам, что автор снова находится в заключении, ср.: *Я встретил бывшего (старого) товарища по заключению*, где соответствующий смысл не выражен. Говорить о *прежней жене* может лишь человек, находящийся в повторном браке; о *прежней работе* — тот, кто устроился на новую; *прежний деспотизм* предполагает наличие каких-то форм деспотизма в настоящем, а *прежние мафиози* возможны лишь в контексте сопоставления с *нынешними*. То, что кануло в Лету, не может мыслиться как «прежнее», и поэтому нельзя сказать: *прежние россий-*

²⁹ Ср.: [При циклическом понимании времени] «прошлое не уходит вовсе, но повторяется: те или иные формы существования периодически повторяются в разных по своему масштабу циклах; прошлое циклически оживает в настоящем» [Успенский 1989, 31].

ские монархи; прежние бояре. Возрождение исторических традиций как будто позволяет говорить о *прежнем казачестве/дворянстве; прежней благотворительности и прежних меценатах.* Совсем недавние события, внесшие коррективы в советский официоз, повлекли за собою и некорректность таких сочетаний, как *прежние генсеки* (нет объекта сопоставления в настоящем); *прежние горкомы/партишколы* (нужно: *бывшие*, так как аналогов им в настоящем — пока! — нет, ср.: *В здании бывшей ВППШ разместился Российский гуманитарный университет.*)

Из современного языка ушло и употребление слова *прошлый* в значении ‘прошедший’ (безвозвратно), ср. у А.С.Пушкина: *Мне галлицизмы будут милы, // Как прошлой юности грехи...* Утвердившись в именном статусе, прилагательное *прошлый* обрело свою семантическую специфику — оно описывает циклически повторяющиеся события: X можно определить как *прошлый* только на фоне X-а в настоящем. О *прошедшей/минувшей* неделе можно говорить в воскресенье этой же недели; *прошлой* неделя начинает быть с началом новой.

Прошедшие/минувшие (а также *былые*) X-ы могут противопоставляться *прошлым* и *прежним* по признаку ‘уникальность’, ‘неповторимость’, ср.: *прошедшие выборы мэра* (пока единственные); *минувшая юность/любовь; былая известность/слава...*

Прошедшее, минувшее, былое «линейны» в том смысле, что они могут безвозвратно уйти. Ср.: *Сердце мое заныло, когда очутились мы в давно знакомой комнате, где на стене висел диплом покойного коменданта, как печальная эпитафия прошедшему времени* (А.Пушкин); *Сейчас он ничего не боялся, ни жизни, ни смерти, все на свете, все вещи были словами его словаря. Он чувствовал себя стоящим на равной ноге со вселенной и совсем по-другому выставлял панихиды по Анне Ивановне, чем в былое* (ср. неуместность ?*прежнее*) *время по своей маме* (Б.Пастернак) Для *прошлого* же и *прежнего* не исключена возможность ожить в настоящем, ср.: *И сердце полно, полно прежних лет...* (М.Лермонтов) — здесь неуместны определения в терминах *прошедшего* или *минувшего*. Ср. еще: *Впрочем, к чему слова. Скоро мы увидимся, начнется прежняя (*былая!) жизнь, все объяснится*

(Б.Пастернак); *Воспитанный в определенном смысле романтически, я продолжал цепляться за **прежние** (*былые) юношеские представления о жизни (Э.Неизвестный) и: Это роман о том, как немолодой еврей, отрешившись наконец от своих **былых** (?прежних) коммунистических иллюзий, пришел к православию, крестился и много размышлял об исторической вине евреев перед русским народом (В.Войнович).*

Семантически мотивирован выбор прилагательного *прежний* (а не *минувший* или *прошедший*) в заключительной сцене из «Капитанской дочка» (счастливое воссоединение героев): *Мы вспомнили и **прежнее** счастливое время.* Поскольку ситуация для героев не безнадежна (они видят будущее в счастливых тонах), использование показателя *прежний* по отношению к *счастливому времени* более естественно, чем *минувший* или *прошедший*.

Прошлые и *прежние* X-ы по определению неединичны — они повторяются на разных кругах человеческого бытия. Пример: *Осудив бездеятельность **прежнего** домового комитета, она предложила наметить кандидатов для перевыборов нового и перешла к другим вопросам (Б.Пастернак).*

По смыслу «прошлое» не тождественно «прежнему»: названия единиц времени в контексте «прошлого» прочитываются конкретно (т.к. «прошлый» определяется через момент речи), а в перспективе «прежнего» — собирательно, ср.: *прошлая весна/прежние весны.* В задачу *прошлого* входит временная локализация событий; *прежний* же занят сопоставлением описываемого с тем, что имеет место в настоящем, ср.: *Прошлое воскресенье я провел за городом и **Прежние** воскресенья были интереснее.* Возможность сопоставления определяется наличием у X-а каких-либо содержательных черт, поэтому некорректны выражения типа **прежний раз* (ср. у Б.Пастернака: *Вдруг они услышали **прежний** стук, в другом месте, со стороны черного хода,* где «стук» семантизирован: обладает характерными чертами, тревожит и связывается с появлением определенного лица).

Можно сказать, что в отношении единиц времени слова *прошлый* и *прежний* противопоставлены как *нынешний* и *теперешний*. Как и *теперешний*, *прежний* специфицирует описываемый временной отрезок. Поэтому, когда прошлое дается как нечто собирательное (без какой-либо специфика-

кации), прилагательное *прежний* не употребляется, ср.: *минувшие, прошедшие* (но не *прежние*) эпохи. Об эпохах нельзя сказать и *прошлые*, но этот запрет имеет другую мотивацию: *прошлому* мешает как раз «собирательность» эпох. Заметим, что *времена*, в отличие от *веков*, *эпох*, естественно оцениваются как *прежние*, ведь они содержат элемент обобщения описываемого временного отрезка с выделением социально-исторических черт и особенностей.

В целом же сфера употребления у прилагательных *прошлый* и *прежний* разная. *Прошлый* используется с X-ми, которые легко включаются во временной ряд. Это, прежде всего, единицы времени, начиная с дней недели, и периодически повторяющиеся события, ср.: *прошлый четверг/семинар/молебен.* *Прежний* же не столь тесно связан с временной динамикой: делая акцент на сопоставлении, *прежний* употребляется с «содержательными» X-ми, которые могут и не обладать идеей протекания во времени, ср. в Откровении Иоанна: *И увидел я новое небо и новую землю, ибо **прежнее** небо и **прежняя** земля миновали, и моря уже нет,* где *миновали* прочитывается скорее пространственно.

X-ми для прилагательного *прежний* могут быть названия функций лиц и предметов (объектов): *директор, столица*; названия мнений, увлечений, состояний, ср.(из Б.Пастернака): *Кологривовы не отпускали ее. Она была окружена у них **прежнею** ласкою или **Горе** овладевало ей с **прежнею** силой; [Они предложили остаться] Она с **прежнею** резкостью восстала против этого.*

Как и *теперешний*, *прежний* может быть одним из двух. Условие собирательного понимания X-а для *прежнего* не обязательно, так как именно это прилагательное обладает приоритетом при описании «содержательных» X-ов (например, лиц), ср.: *Хоть он глядел нельзя прилежней, // Но и следов **Татьяны** **прежней** // Не мог Онегин обрести (А.Пушкин).* Если же в отношении лица употребляется прилагательное *прошлый*, то своей временной доминантой оно нивелирует «содержание» X-а. Так, на фоне нейтральной фразы *прежняя жена* словосочетание *прошлая жена* воспринимается как прагматически отмеченное: в нем актуализирована последовательность X-ов

во времени при безразличии к содержанию соответствующей валентности (ностальгия, по-видимому, возможна лишь по *прежней жене*).

Крайним выражением противопоставления «прошлого» и «прежнего» является оппозиция значений соответствующих существительных: *прошлое* — это время, а *прежнее* — это, скорее, признаки и свойства. О человеке, который вернулся к каким-либо привычкам, действиям (в широком смысле — «возобновившем свойства»), мы скажем: *Ты опять за **прежнее***. *Прошлое* здесь неуместно. И с другой стороны, мысленно возвращаясь к бывшему ранее, мы говорим: *Что думать о **прошлом**?; Он весь в **прошлом**. **Прошлое** (время!) — это «наполнимое», а *прежнее* — «наполнитель», ср.: *Все это отошло в **прошлое***.*

Для прилагательного *прошлый* естественно использование в качестве временного индекса, например: *А вот на **прошлой** неделе такой был случай* (Н.Гоголь); *А все кого я на земле застала. // Вы, века **прошлого** дряхлеющий посев!* (А.Ахматова). Прилагательное же *прежний*, акцентируя сопоставление с «теперешним», делает нерелевантной идею временной непрерывности, ведь эта идея «работает» лишь в перспективе конкретно-референтного времени.

Ср.: *прошлый КВН* — конкретное мероприятие, последнее из бывших до *нынешнего КВН-а*, и *прежний КВН* — тип мероприятий, бывших в плане прошлого и отличных от тех, которые имеют место в плане настоящего. Ср. различную ориентацию во времени, задаваемую показателями *прошлый* и *прежний*, в таком контексте: *Девиц в Глинково, как и в **прежние** (≠ **прошлые**) годы, понаехало много больше, нежели молодых людей* (С.Голицын). *Прошлые* годы непосредственно предшествуют *нынешним*, а *прежние* — отстоят от них. *Прежний X* всегда отделен от *нынешнего (теперешнего)* рядом событий, стимулировавших происшедшие между «прежде» и «теперь» изменения.

«Прежде» — это отделенное от плана настоящего время со своими специфическими чертами, выделенными говорящим при отстраненном взгляде из настоящего на основе обобщения. Ср. соответствующую операцию по определению «прошлого» как «прежнего» и, естественную корреляцию *прежде* со словом *теперь* специфицирующим план на-

стоящего времени: *Прежде* молодым людям приходилось учиться, не хотелось им прослыть за невежд, так они поневоле трудились. А *теперь* им стоит сказать: все на свете вздор! — и дело в шляпе. Молодые люди обрадовались. И в самом деле, *прежде* они были просто болваны, а *теперь* они вдруг стали нигилисты (И.Тургенев).

Момент обобщения, который есть в семантике *прежде*, противопоставляет этот показатель слову *раньше*, более свободному в описании «бывшего до момента речи»³⁰. Ср. сомнительность с точки зрения современной нормы использования слова *прежде* в тех случаях, когда события не отделены друг от друга временным барьером, а происходят одно за другим в рамках одной ситуации: *Корова **раньше** (?**прежде**) паслась перед ними, теперь паслась позади них* (Ф.Искандер); *Вася тоже заглянул в ведро, глаза его замаслились, как **раньше** (?**прежде**), когда он видел лисицу* (А.Чехов).

Таким образом, каждый раз выбор конкретного временного показателя акцентирует в прошлом свое содержание: *прошедшие Пастернаковские чтения* могут быть и единичны; *прошлые Пастернаковские чтения* — это те, которые были перед *нынешними*, а *прежние Пастернаковские чтения* — это отделенный от момента речи временным (= событийным) барьером тип мероприятий, рассматриваемый в аспекте содержания.

§4.3. Будущее (*впредь, в дальнейшем, далее*)

«...прошлое страстно глядится в грядущее...»

А.Блок.

В русском языке есть циклический временной показатель, который «планирует» будущее в свете уже происшедшего. Это слово *впредь*. Словари определяют его как указа-

³⁰ Сочетаемость *раньше* с предикатами разной семантики описана в [Селиверстова 1982, 91–92]. Здесь же мы хотим лишь указать на наметившуюся в современном употреблении альтернативу в выборе слов *раньше* и *прежде*, связанную с отстранением (*прежде*) от предмета описания.

ние «на будущее время, в будущем» (см., например, [Ожегов 1970, 98]). Анализ употребления показывает, что смысл слова *впредь* не тождественен смыслу таких форм, как *в дальнейшем, в будущем*.

Рассмотрим в подтверждение примеры: *Впредь бабушка будет осторожней; Впредь я не стану спорить*. *Впредь* здесь указывает, что в будущем в аналогичных ситуациях субъект изменит свое поведение (опыт прошлого откорректировал будущее).

Если же *впредь* «усиливается» частицей *и*, то его смысл меняется на противоположный: *и впредь* сигнализирует о неизменности поведения субъекта, ср.: *Я и впредь не буду спорить* (и раньше воздерживался от спора); *Бабушка и впредь будет проявлять осторожность*. *И впредь* здесь указывает, что при повторении аналогичных ситуаций субъект не изменит своего поведения, будет поступать так же.

Таким образом, (*и*) *впредь* описывает то будущее, в котором «циклически оживает прошлое» (Б.Успенский). При этом (*и*) *впредь* приложимо только к планируемому будущему — возможным действиям (тактике) лица. Ср. некорректность использования этого показателя относительно внеличностной сферы: **Впредь засуха захватит и Поволжье*; стихийной событийной динамики: **Впредь события будут развиваться следующим образом.*; **Впредь ситуация может выйти из-под контроля*. В подобных случаях естественно использовать нейтральные показатели «линейного» будущего — слова, свободные от априорного событийного наполнения *далее, в будущем, в дальнейшем* (они задают лишь последовательность во времени). Ср.: *В дальнейшем засуха может захватить и Поволжье; Далее события будут развиваться так.*; *В будущем он, возможно, станет неплохим музыкантом*.

§5. Итоги

Рассмотрев «именные» способы описания временных отношений, мы приходим к выводу, что оформившееся к настоящему периоду функциональное размежевание близких по смыслу слов (*время/пора; сегодняшний/нынешний; те-*

перь/нынче; прошедший, минувший/прошлый, прежний; в дальнейшем/впредь...) отражает различное понимание самого времени носителями русского языка.

Повторяемость событий, общность человеческих судеб ассоциируется с циклическим временем, а неповторимость, уникальность — с линейным.

Цикличность может задаваться «таинственным кругом природы» (М.Пришвин): «Каждый вступает в таинственный круг и проходит то, что миллионы прошли» [Пришвин 1990, 24]. Эту — «созидательную» — цикличность передает *пора*, типизирующая описываемый временной отрезок.

Бесконечный круговорот дней, сезонов, лет (первоначальное содержание *нынче* и *ныне*) приводит к осмыслению *нынешнего* как циклически повторяющегося, неединичного. Движение по кругу с разным временным масштабом и, соответственно, с разной значимостью описываемого, задают *нынче* и *ныне*. Прошлое также может мыслиться как возвраты и повторы. Идентифицировать «бывшее» как *прошлое, прежнее* можно лишь на фоне повторения его в настоящем. Широта применения характеристик *прошлый* и *прежний* говорит о том, что «кольцо существования тесно» (А.Блок): унифицирующие возможности временных показателей явно преобладают над индивидуализирующими.

Восприятие времени как вечного возвращения вполне согласуется с представлением о пространстве как о замкнутой, известной, освоенной «окрестности», ограниченной «горизонтом» говорящего. Все это вместе — бытие как некое «кольцо существования»; оно может быть «тесным» (как у А.Блока), рутинным, а может и напротив — мыслиться как «признак силы бытия»: таково архаическое сознание, для которого «важнейший признак бытия — его сферичность» [Доброхотов 1980, 30].

Рассмотренные в рамках единой — циклической — модели показатели разных временных планов, как кажется, позволяют присоединиться к мысли А.Эйнштейна о том, что «жесткое разграничение между прошлым, настоящим и будущим имеет лишь смысл иллюзии, хотя и весьма живучей» (цит. по [Якобсон 1985б, 318]).

Возвращаясь же к вопросу о культурной традиции, связанной с интерпретацией времени в терминах циклической

и линейной моделей, можно сказать, что именно «линейность» позволяет за «нынешним» увидеть прошлое и угадать будущее, ср.: «Вполне четкое разграничение между прошедшим, настоящим и будущим становится возможным только тогда, когда линейное восприятие времени, сопряженное с идеей его необратимости, делается доминирующим в общественном сознании» [Гуревич 1972, 29].

В самом предварительном плане обратим внимание на специфику концептуализации времени в русском языке по сравнению с типологически близкими английским и французским.

Проследив за языковым отражением феномена «времени жизни» — не «tense», а «time» — времени переживаемого и проживаемого, наполненного событиями и «прочитываемого» по ним, времени «качественного», а не «количественного», мы увидели, что характерной особенностью русского языка является разработанность этой качественной спецификации времени. Так, наличие в русском речевом обиходе близких по смыслу слов *время* и *пора* способствует языковому отражению мифопоэтических, архетипических представлений человека о времени, а именно — таких смысловых оппозиций, как время активное (*пора*)/пассивное (*время*), циклическое, космологическое (*пора*)/линейное, историческое (*время, времена*).

Особенностью русского языка является и большая упоминимость упомянутых названий времени при описании событий: там, где англоязычный говорящий перейдет на язык специальных, вспомогательных, временных показателей, носитель русского языка будет продолжать использовать «основное» слово (со всем его «качественным» спектром), ср. не адекватный в этом смысле перевод из «Медного всадника»: *И с той поры [когда случилось Идти той площадью ему...]* — *And ever since, when...* Английский отмечает точку на оси времени, не специфицированного событиями; русский же, используя слово *пора* (показатель времени космологического, ниспосылаемого, рокового...), заставляет осмыслить эту «точку» как поворотную в судьбе героя.

Качественная спецификация времени как «другого названия для жизни» имеет для русского языкового сознания и обратный эффект: жизнь (ее «нерв» — события и настро-

ния) описывается в терминах времени. С этой точки зрения интересна группа русских показателей кратковременности *минута, миг, мгновение, момент*. Именно в русском языке слова эти выступают как элементарные (атомарные) единицы трех различных моделей времени (= жизни). И если в английском фраза *till the moment* лишь указывает на некий пункт в развитии событий, точку во времени, то ее русские переводы *до этого мгновения/до этой минуты/до этого момента* сообщают и о характере событийного заполнения, «качестве» описываемой с помощью временных показателей жизни. Аналогично, *at the outset, from the outset* описывают точки во времени безотносительно к характеру наполняющих это время событий, ср. русские «эквиваленты» с *этого мгновения/с этой поры/с этого момента/с этой минуты/с этого времени*, предполагающие разные и по масштабу, и по значимости варианты событийного заполнения.

Анализ показывает, что слова со значением «кратковременность» системно сгруппированные в рамках одного синонимического ряда, столь чутки к «качественным» нюансам времени именно в русском языке. Английские или, скажем, французские *moment, instant, minute* не образуют подобного семантического спектра: первые два, свободные от идеи конкретного физического времени, описывают различные аспекты быстроты совершения действия, т.е. собственно «кратковременность»; последнее же слово сходно с русской *минутой* лишь по линии конкретности обозначения временных сроков (идея «часов»), ср.: *The minute that the bell rings he gets up*. Употребление слов *moment, minute, instant* куда в меньшей степени мотивируется фактором событийного заполнения соответствующих временных промежутков. Так, *moment* указывает на краткость временного интервала, «пролетность» времени без какой-либо его концептуализации по линии «бытовое»/«надбытовое». В подтверждение приведем два примера (из Вольтера), где *moment* описывает и то, что по-русски передается с помощью *минут*, и то, что может быть переведено только с помощью *мгновений*: *La satire un moment parlait // Des ridicules de sa vie — Сатира колким языком // О них минуты две судила* (пер. А. Полежаева); *Nous ne vivons que deux moments ... — Живем мы в мире два мгновения...* (пер. А.Пушкина).

Можно сказать, что выбор конкретного слова из данной ЛСГ в русском языке в первую очередь мотивируется «качеством» времени (принадлежностью слова к той или иной модели времени) и лишь во вторую очередь — количественными характеристиками времени. Тема частного человеческого существования у *минуты*, «одухотворенность» *мгновения* являются фактами русского языкового сознания.

То, что *minute* и *instant* не мыслятся, в отличие от русских *минут* и *мгновений*, как вместители событий, объясняет слабую разработанность синтаксической сферы определений у этих слов, а также их неспособность выступать в роли «воспоминаний» той или иной значимости: буквальный перевод на английский пушкинских строк *Я помню чудное мгновенье* невозможен вдвойне. *Moment* в указанном плане ближе к русским показателям кратковременности (*I remember the moment; critical/crucial moment*), но это определяется исконной связью данного слова с идеей «развития», т.е. каким-то обстоятельством наполнением (ср. выделенность 2-го значения — *occasione* — у итальянского *momento: cogliere il momento favorevole* — воспользоваться благоприятным моментом).

В целом же система русских показателей кратковременности не сопоставима по своим возможностям с аналогичной по составу группой в английском, французском или итальянском. И связано это не с какими-либо отдельными расхождениями в объеме значений, но с самой интерпретацией времени, представленной в семантике данных слов.

Возможность событийного заполнения (и, соответственно, «качественного» осмысления времени) для английского и др. названных языков начинается с «часа». *Hour, day, year* активно используют свои валентности определения; и именно они могут нести на себе следы человеческого бытия, эмоций, т.е. выступать как частицы времени переживаемого, «времени жизни». Весьма симптоматичен в этом плане английский перевод пушкинской «минуты вольности святой» через «*hour of promised bliss*».

«Час» в английском языковом сознании может выступать и в той роли, которую в русском языке выполняет *мгновение*. Так, у У.Блейка в знаменитых строках из «Песен невинности»

To see a World in a Grain of Sand,
And a Heaven in a Wild Flower:
Hold Infinity in the palm of your hand,
And Eternity in an *hour*,

мельчайшей частицей (онтологического) времени является *hour*, который в переводе С.Я.Маршака с необходимостью заменяется на *мгновение*.

Представляется весьма перспективным сопоставительное исследование концептуализации времени в русском и английском (а также французском и итальянском) языках: несмотря на внешнее сходство в организации синонимических рядов слов-названий времени, эти языки являют собой разные «концепции времени» и в этом смысле — разные мировоззрения. В русском в терминах времени (*минут, мгновений, поры* и пр.) может описываться то, в английском более естественно выразить, прямо назвав само событие, ср. русский перевод (И.Козлова) из Кольриджа: *Alas! they had been friends in youth* (*Была пора — они любили...*) или же, быть может, даже более выразительную по сравнению с шекспировским оригиналом русскую версию С.Маршака: *Оставь меня, но не в последний миг...* (*If thou wilt leave me, do not leave me last*). Выразительность русского перевода достигается как раз указанием на «качество» времени, которое содержится в слове *миг*.

Заметим, что концептуализация времени по параметру «качества» является общей чертой славянского языкового мышления, и отчасти именно поэтому сопоставления в рамках славянской группы языков представляются менее интересными. Кроме того, предлагаемый к рассмотрению языковой материал в славянских языках содержит ту «провокационную близость» (слова А.Реформатского), «преодоление которой таит в себе большие практические трудности» [Реформатский 1987, 42]: одни и те же слова в конкретных славянских языках имеют разную судьбу; «год» в сербскохорватском, например, — это «праздник», «час», пришедший в русский из польского, там обозначает «время» и т.п.

ОТРАЖЕНИЕ В СЕМАНТИКЕ СЛОВА ТИПА ЗНАНИЙ ГОВОРЯЩЕГО

«Если я что-то знаю, то я знаю также и то,
что я это знаю...»

Л. Витгенштейн

РАЗДЕЛ 1

О словах-показателях типа знаний говорящего о предмете речи

«... Иду в пространстве и во времени», — написал Н.С.Гумилев. Мы проделали этот путь, рассмотрев некоторые из моделей пространства и времени, характерные для русского языкового сознания. Но картина будет неполной, если мы оставим в стороне самого «идушего», носителя языкового сознания — говорящего, который помимо «унаследованного опыта» (в виде которого он «приобрел свою картину мира»)¹ обладает и опытом личным, конкретным, индивидуальным, связанным с познанием окружающего мира, неуклонным расширением границ освоенного «пространства вещей».

В настоящей главе речь пойдет о словах с семантикой авторской оценки. При этом наше внимание мы сосредоточим на эпистемическом (отражающим знания говорящего о предмете речи) аспекте значения этих слов.

Наличие/отсутствие у говорящего знаний об описываемой ситуации существенно определяет его языковую стратегию, ведь важным ее элементом является согласование различных компонентов высказывания по тем или другим эпистемическим характеристикам. (Здесь мы опираемся на положение Ю.Д.Апресяна о «внутренней непротиворечивости модальной рамки» как необходимом условии кор-

¹ Ср.: «Но я приобрел свою картину мира не путем подтверждения ее правильности ... Вовсе нет: это унаследованный опыт...» [Витгенштейн 1991, 75].

ректности высказывания [Апресян 1978, 113]). Мы рассмотрим несколько ЛСГ, несущих информацию о типе знаний говорящего. Начнем с тех, у которых эпистемическая функция является основой значения. Это модально-вводные слова, относимые традицией к разряду показателей достоверности/недостоверности содержания высказывания (*наверно, по-видимому, очевидно, вероятно, может быть, кажется, как будто, вроде, бесспорно, безусловно* и нек. др.) [Виноградов 1947].

До недавнего времени при описании этих слов было принято использовать в качестве главного (базового) признака «степень достоверности высказывания» (см., например, [Грамматика 1970], [Распопов 1973]). Типичным примером такого подхода может служить работа [Бондаренко 1979], где вводится «шкала достоверности», на которой каждое из слов занимает место в соответствии с выражаемой им степенью достоверности. (На материале английского языка аналогичная шкала — *Scale of Likelihood* — была предложена У.Дайвером [Дайвер 1964]). При этом считается, что «предлагаемая шкала степеней достоверности... практически отвечает потребностям правильного употребления соответствующих языковых средств...» [Бондаренко 1979, 78]. Между тем, как раз для объяснения закономерностей и правил употребления показателей достоверности «количественного» критерия явно недостаточно. Так, остается неясным, почему в следующем примере говорящий не может варьировать модальные слова с одинаковой степенью достоверности, в то время как варьирование слов с разной степенью достоверности вполне допустимо, ср.: *Если вы его попросите, он несомненно (может быть, вероятно...) согласится.* При невозможности: **Если вы его попросите, он, кажется, согласится.*

В процессе анализа выяснилось, что значения модальных слов отражают некоторые обобщенные свойства речевой ситуации, а именно — степень полноты и характер знаний говорящего об описываемом явлении. В этом «отражении» и состоит языковая функция показателей достоверности; собственно, оно и составляет «эпистемическую семантику» данной группы слов. При этом, если степень полноты знаний (то, что соответствует традиционному термину «степени достоверности») может зависеть и от субъективных

(внутренних) факторов — большей/меньшей уверенности конкретного автора высказывания, то характер знаний, «качество» имеющейся у него информации существенно определяется внешними факторами — условиями, в которых находится говорящий относительно предмета описания (наличием/отсутствием у него а) непосредственного восприятия этого предмета; б) предварительного опыта, связанного с ним и пр.). Поэтому выбор того или иного модального показателя может прояснять для адресата сообщения параметры речевой ситуации, в частности, условия, в которых находился говорящий при формировании высказывания. Например: *При этих словах она [тетушка] как будто оживилась* (Н.Гоголь). Здесь именно *как будто* свидетельствует о том, что описываемое событие воспринималось рассказчиком как бы непосредственно — он видел тетушку и уловил следы оживления на ее лице. Ср.: *При этих словах тетушка, наверно, оживилась*, где употребление слова *навверно* свидетельствует об отсутствии у говорящего непосредственного восприятия.

Нашу задачу мы видим в получении таких семантических описаний модальных слов, которые объясняли бы особенности их употребления.

Замечание. Требование системности заставило нас привлечь к рассмотрению не только высказывания, содержащие модально-вводные слова, но и такие, которые не содержат и не могут содержать каких-либо показателей достоверности. Например: *Оказалось, что снег уже (*навверно/*бесспорно) стаял и панельные плиты чисты* (Ю.Тынянов). Ср. другое высказывание, в контексте которого может быть использован любой из показателей достоверности: [*— Я накануне гибели. Спасите меня.*] *Проигрался и сейчас будет денег просить, ср.: Бесспорно (навверно, возможно), проигрался...* Высказывания, не содержащие специальных показателей достоверности, трактуются обычно как «имплицитно достоверные»: в них значение достоверности выражается самим фактом отсутствия какого-либо показателя недостоверности (см., например [Белошапкова 1981, 479]): То обстоятельство, что «им-

плицитно достоверные» высказывания обладают различными способностями включать в свой состав модальные слова, наводит на мысль, что само понятие «достоверность» нуждается в уточнении. Конкретизация этого понятия может помочь в объяснении причин употребимости/неупотребимости показателей степени достоверности в контекстах типа приведенных выше.

Широко известно введенное Б.Расселом противопоставление двух видов знаний — «знание по знакомству» («Мы говорим, что знакомы с чем-либо, если нам это непосредственно известно — без посредства умозаключений и без какого бы то ни было знания суждений истины») и «знание по описанию» («Существование вещи, соответствующей описанию, выводится из существования других, знакомых мне вещей с помощью некоторых общих принципов») [Рассел 1914, 34—35].

В языке данная оппозиция реализуется с разной степенью точности и полноты. Пожалуй, ближе всего к расселовским типам знаний семантическое противостояние модально-вводных слов *вероятно, навверно, может быть* (знание по описанию) и *кажется, как будто, вроде* (знание по знакомству), с той лишь оговоркой, что и одни, и другие свидетельствуют об отсутствии у говорящего полной информации о предмете, т.е. того, что называется «знанием предмета», и описывают более или менее точное/конкретное/достоверное (и т.п.) «знание о предмете». Сходство же с расселовской дихотомией состоит в том, что данные языковые оппозиции отражают принципиально различные модели восприятия действительности. Слова типа *кажется* указывают на непосредственное распознавание («узнавание») предмета речи, а слова типа *навверно*, напротив, — на отсутствие непосредственного узнавания и, как следствие, на использование говорящим логического вывода и общих знаний при формировании высказывания.

Наличие в высказывании специального модального показателя, свидетельствующего о коммуникативном намерении говорящего эксплицитно соответствующую модель восприятия, задает своего рода «эпистемическую перспективу» высказывания, определяющую согласованность всех

его компонентов (местоимений, пропозициональных предикатов и проч.) по эпистемическим параметрам выбранного говорящим модально-вводного слова. Семантике этих слов и закономерностям согласования эпистемических характеристик высказывания посвящен Раздел 2.

Показатели достоверности относятся к классу слов-«верификаторов»: они действуют по линии установления соответствия сказанного («содержания предложения») действительному положению дел, т.е. в плоскости «да»/«нет»; «реализовано»/«не реализовано» содержание предложения в действительности. В этом смысле можно говорить об отсутствии у этих слов экспрессивной семантики: их градуальность, выражаемая ими «степень достоверности», отражает меру субъективной уверенности говорящего в правильности сделанного утверждения. Возможность такого рода градуирования определяется отсутствием у говорящего полной информации о предмете речи, ср.: *В комнате, возможно/наверно/бесспорно, кто-то есть*. При описании же очевидных для говорящего явлений, т.е. при наличии у него полной информации, варьирование по линии степени достоверности исключено, ср.: *И я увидел, что Иван в комнате* при некорректности: *И я увидел, что Иван *бесспорно/*наверно в комнате*.

Этот тест на употребление позволяет заметить разницу между словами, традиционно зачисляемыми в один ряд — показателями категорической достоверности: в отличие от *бесспорно, несомненно, безусловно*, такие слова, как *конечно, естественно, разумеется*, а также *действительно*, употребляются независимо от наличия/отсутствия у говорящего полной информации о предмете, ср.: *Конечно, я пошел/пойду на лекцию; Естественно, я был вчера на лекции*. Возможность использования слов типа *конечно* относительно очевидных для говорящего событий (= фактов) свидетельствует об отсутствии в значении этих слов компонента ‘степень достоверности’. Но и не обслуживая непосредственно шкалу достоверности, данные слова также действуют по линии установления фактического соответствия, добавляя свои семантические нюансы (о значении каждого из них см. Раздел 3) к уже имеющемуся у высказывания эпистемическому основанию.

Категорическая достоверность слов типа *бесспорно*, эта «эпистемическая интенсивность» верхнего полюса шкалы достоверности, принципиально иного рода, чем та, о которой принято информировать в толковых словарях (в частности, и в статьях, посвященных модальным словам) с помощью стилистических помет «экспр.», «эмоциональн.». Так, например, согласно БАС, МАС, Ожегову, Ушакову, у модального наречия *действительно* есть экспрессивные синонимы. Это слова *поистине, истинно, подлинно*, а также *буквально, прямо(-таки), просто*. Аналогично описываются и адъективы: *подлинный, истинный, настоящий* — экспрессивные варианты прилагательного *действительный*. При этом разговорными синонимами последних, согласно МАС, являются такие слова, как *сущий, форменный* (близко к ним по функции и местоименное прилагательное *этакий*). Вся эта экспрессивная лексика так или иначе группируется вокруг смысла ‘категорическая, настойчивая утвердительность’. Причем экспрессия в семантике данных слов ассоциируется с «настойчивостью» утверждения.

Однако наличие подобного коммуникативного намерения, воплощенного в соответствующую экспрессивную форму, предполагает принципиально другой референциальный потенциал высказывания: если нейтральное утверждение действует по линии установления фактического соответствия, то утверждение, сопровождаемое экспрессией, преломляет содержание высказывания в иную плоскость. В пояснение сравним два ряда примеров: (а) *Он, действительно/наверно/бесспорно, француз; Вернулся он, конечно, многодетным отцом; Иван, естественно/возможно, стал фермером* и (б) *Он сущий француз; Да ты просто академик!; Наш Иван стал этаким фермером*.

И в том, и в другом случае высказывание сопровождается добавочными лексическими модификаторами: в (а) это показатели достоверности, а в (б) — показатели экспрессивного утверждения. Принципиальная разница между (а) и (б) состоит в том, что эпистемическая лексика ориентирует адресата сообщения на установление соответствия содержания высказывания действительности; экспрессивная же лексика, напротив, выводит это содержание из области фактов, заставляет адресата осмыслить его как оценку, заведомо

субъективную, исключаящую какую-либо верификацию. В подобных случаях речь всегда идет об априорных, по Расселу, сущностях, не поддающихся эмпирической проверке.

Оценка, выражаемая перечисленными выше экспрессивными синонимами *действительно*, может модифицировать содержание высказывания в двух направлениях.

Слова *сущий, такий, буквально, прямо(-таки)* подразумевают в основании утверждения не тождество фактам, а некое подобие им, сходство с ними: в высказываниях *Иван сущий француз; Он буквально заболел* именно экспрессивные показатели вносят необходимую ясность в описание ситуации, сообщая, что речь идет о сходстве с французом, о том, что состояние субъекта похоже на болезнь, а не тождественно ей.

Однако экспрессия в сфере выражения утверждения не всегда влечет к отходу от фактического соответствия в область «кажимости». Так, *поистине, истинно, подлинно* преломляя содержание в область оценки (а не сообщения о единичном факте) означают другой уровень значимости (по сравнению с нейтральной), так сказать, поднимают описываемое на принципиальную высоту. Сравним примеры: *Отношение ... Эренбурга к Цветаевой было поистине товарищеским* (А.Эфрон) и *Отношение Эренбурга к Цветаевой было действительно товарищеским*. В последнем случае эпистемический модальный показатель информирует о соответствии содержания высказывания действительному положению дел, а в первом — его экспрессивный синоним, не отменяя идеи соответствия фактам (товарищеское отношения Эренбурга к Цветаевой имеет место в действительности), сопровождает утверждение оценкой — *поистине* указывает, что это отношение рассматривается говорящим как образец, эталон товарищества.

Другими словами, высказывания с *действительно* употребляются в контексте подтверждения (верификативном в широком смысле), ср. [Я слышал, что Эренбург дружен с ней/помогает ей/выручает ее] *Отношение Эренбурга к Цветаевой действительно товарищеское*, а высказывания со словами типа *поистине* не служат никакому подтверждению, не сличают гипотез, мнений и слухов с действительностью; они предполагают принципиально иные основания

употребления — ситуацию вынесения оценок и характеристик, ср.: [Да, в те времена умели дружить] *Отношение Эренбурга к Цветаевой было поистине товарищеским*.

К «голым» фактам оценочные показатели заведомо не приложимы, ср.: *Он прокурор нашего округа* и *Он сущий прокурор* (интенсификатор заставляет интерпретировать высказывание как оценочное) при невозможности **Он сущий прокурор нашего округа*.

Само по себе «содержание предложения» (предикативное выражение, «пропозиция») в плане авторской оценки, может представлять «полуфабрикат». Оно обретает недостающий модусный компонент (проясняющий характер его отношения к действительности) либо в контексте, либо с помощью специальных модификаторов: модальных слов, частиц, прилагательных и под. Ср.: *Он старик* (вне контекста не ясно, идет ли речь о действительном старике, или же о человеке, похожем на старика) и *Он буквально старик* (модальное слово вносит необходимую однозначность, сообщая, что речь идет о сходстве, а не о тождестве). Обратим внимание на «пропозиции», которые могут рассматриваться и как факты (т.е. нейтрально в плане оценки), и как оценки (т.е. иметь фактическое несоответствие): *Он — француз* (уроженец Франции или похож на француза?); *Он — холостяк* (не состоял в браке или ведет себя как холостяк?); *поэт* (пишет стихи или похож на поэта: внешне/внутренне); *старик* (старый человек или выглядящий/чувствующий как старик); *генерал* (в чине генерала или с внешними достоинствами оно); *жених... полицейский...и.т.д.* Если относительно таких «пропозиций» употребляется экспрессивный модификатор, то результатом высказывания является оценка, а не сообщение о факте, ср.: *Он настоящий старик* (о 15-летнем подростке); *Иван приехал в город таким генералом; Ее отец сущий полицейский ...*

Таким образом, «печально знаменитая „усилительность“» [Путеводитель 1993, 8], составляющая содержание «экспрессивности» рассматриваемых слов, порождает серьезные преобразования в интерпретации утверждения, модифицируя его либо по линии сходства (нарушения фактического соответствия), либо по линии обобщения. Кон-

кретное же рассмотрение слов-интенсификаторов свидетельствует и о многоликости этой «усилительности».

Эти два направления модификации утверждения с помощью специальных лексических показателей экспрессивности имеют уже и некоторую традицию описания. См., например, [Яковлева 1983], где анализируются особенности употребления модально-вводного наречия *действительно* и его экспрессивные словарные синонимы *поистине*, *подлинно*, *истинно*, *воистину*, *буквально* (о *буквально* как показателе языковой гиперболы см. [Яковлева 1988]). Среди последних работ отметим [Путеводитель 1993] с разделами «Группа единиц, связанных с идеей „реальности“» (*действительно*, *в самом деле*, *на самом деле*, *в действительности*) и «Группа единиц, связанных с идеей „минимизации“» (*прямо*, *просто*). Непосредственно к обсуждаемой нами теме относится фрагмент работы Ю.Д.Апресяна [Апресян 1992], где анализируются особенности употребления прилагательного *настоящий*. Так как анализ этот задает и некоторую общую концептуальную схему описания обсуждаемой группы лексических единиц, остановимся на его ключевых моментах.

Устанавливается, что *настоящий* «совмещает в пределах одного слова фактивное и путативное значения» (с. 21). У каждого из значений свой просодический маркер. «Фактивное значение: X — *настоящий* Y = ‘ X обладает всеми родовыми свойствами объектов, принадлежащих классу Y -ов, и не обладает никакими родовыми свойствами объектов других классов’ (*Я никогда не видел настоящего носорога*) ... Путативное значение: X — *настоящий* Y = ‘ X имеет очень много свойств объектов, принадлежащих к классу Y , и поэтому воспринимается как полное подобие такого объекта, но X не обладает главным родовым свойством объектов этого класса и поэтому не принадлежит ему’ (*настоящая русалка*)» (с. 21). В этой же работе рассматриваются и сами возможности возникновения подобных модификаций: «... фактивное и путативное значение получают разное просодическое оформление и выполняют разные коммуникативные функции далеко не при всяких условиях».

Прежде всего, существенна семантическая структура того существительного Y , с которым сочетается прилагатель-

ное *настоящий*. Y должен иметь, помимо основного значения, еще и компаративное (метафорическое) значение ‘в чем-то похожий на Y ’ или, по крайней мере, должно быть способно к такому употреблению <...> Основное значение Y -а не должно быть чисто оценочным. Если это имеет место, прилагательное *настоящий* реализует свое фактивное значение при любой просодии; ср. *Она настоящая красавица* <*уродина*>...

Если ... эти условия соблюдены, то в фактивном значении прилагательное *настоящий* выделяется главным фразовым ударением (*Это — настоящее вино*; *Он — настоящий артист*; *Я считаю его настоящим артистом*) и образует рему высказывания, причем существительное Y реализует свое основное значение Y . В путативном значении *настоящий* акцентно не выделяется (*Ваш квас — настоящее вино*; *Ваш ребенок — настоящий артист*; *Я считаю вашего ребенка настоящим артистом*) и коммуникативно нейтрально, причем существительное Y реализует свое компаративное значение (ср. *артист*), либо употреблено метафорически (*вино*)» [Апресян 1992, 21—22].

В [Крейдлин 1993] представлен целый ряд слов «класса *настоящий*»: *натуральный*, *истинный*, *подлинный*, *форменный*, *сущий* и под. Их описание также строится в аспекте модификаций по линии сходства, либо по линии оценочных коннотаций на основе фактического соответствия.

Поскольку сходство, в принципе, может покоиться на двух, принципиально различных, основаниях: «внешнее» vs. «внутреннее», то в дальнейшем (Раздел 4) мы планируем описание первой линии экспрессивных модификаций с акцентом на выборе того или другого параметра уподобления.

При рассмотрении второй линии модификаций мы остановимся на ранее не отмечавшихся фактах различия референциальных потенциалов высказываний с *действительно* и их экспрессивных вариантов с вводными *поистине*, *подлинно*, *воистину*. Сопоставление примеров типа: *Действительно, Ивану верить нельзя* и *Поистине, пьянице (хуже: ?Ивану) верить нельзя* позволяет уточнить содержание оценочности слов типа *поистине* как «другого уровня значимости». В последнем примере оценочные показатели, поднимая высказывание на «принципиальную высо-

ту» (по сравнению с экспрессивно нейтральным установлением соответствия, быть может, и единичному факту), исключают соотнесение сказанного с конкретным субъектом (его характеристиками, поведением и т.д.), требуя употребления в соответствующей синтаксической позиции родового имени (*пьяница, мужчина, студент, преподаватель, домохозяйка* и пр.).

Слова, нацеленные на установление фактического соответствия (*бесспорно, явно, может быть, наверно, определенно*) могут употребляться и относительно оценок (*определенно, негодяй; бесспорно, лентяй...*) и тогда они указывают на то, что говорящий в большей или меньшей степени разделяет соответствующие оценки. При этом, в отличие от оценочных сочетаний типа *суций негодяй*, выражения *определенно, негодяй; конечно, лгун; бесспорно, фантазер* экспрессивно нейтральны.

Экспрессивная оценка вводит свою шкалу интенсивности, не связанную со смыслом 'уверенность' (градацией «количества» уверенности: *бесспорно, наверно, может быть, быть может*). Высказывания, содержащие экспрессивные показатели («настойчивого утверждения») и высказывания с показателями категорической достоверности (*бесспорно, безусловно*) обладают принципиально различными «эпистемическими основаниями». Возможность употребления показателей уверенности/неуверенности основывается на неполноте имеющейся у говорящего информации о предмете речи и мотивируется поиском адекватного описания по линии фактического соответствия. Оценка же, напротив, выносится по поводу чего-то и з в е с т н о г о, данного говорящему в непосредственном опыте. Это ее свойство задает словам с экспрессивно-оценочной семантикой вполне определенные параметры употребления. Поясним, что имеется в виду.

Важным интегрирующим свойством экспрессивных синонимов *действительно* является их закрепленность за определенным типом высказываний: в отличие от нейтрального и поэтому универсального в своем употреблении *действительно*, они используются только «постфактум», апостериори, по следам событий и никогда — в предвидение их, в априорной или гипотетической модальной перспективе. Можно выразить опасение на будущее *Как бы Ваня не вы-*

рос лентяем; согласиться (с помощью действительно) с высказанным ранее опасением Как бы Ваня, действительно, не вырос лентяем и нельзя соответствующую процедуру сопроводить экспрессией: **Как бы Ваня не вырос суцим/подлинным лентяем*. Ср. еще: *Вот если бы Ваня, действительно, вырос лентяем...* при невозможности **Вот если бы Ваня вырос суцим/подлинным лентяем* или *Не думаю, чтобы он был действительно гениален...* при сомнительности *Не думаю, чтобы он был поистине гениален...*

Таким образом, особенности употребления экспрессивных показателей также несут информацию о знаниях говорящего, а именно — об известности ему предмета описания. Известность же эта, прежде всего, предполагает реальность, существование самого предмета речи: по отношению к явлениям, не имеющим места в реальности, мы можем употребить *действительно* (*Вот если бы он, действительно, был негодяем, тогда бы я вас выслушал*) и не можем использовать апостериорные оценочные показатели (**Вот если бы он был суцим негодяем...*). «Реальность» в данном случае можно определить и как конкретность предмета речи, его референциальную определенность, потому что экспрессивные показатели применимы именно к описываемому, а не просто мыслимому миру вещей. Ср. в этой связи пары примеров: *Избегайте общения с подобными/такими «овечками»* при невозможности **Избегайте общения с такими овечками*. Так как оценка («овечка») не соотнесена с каким-либо конкретным явлением и не обладает статусом апостериорного авторского описания, употребление по отношению к ней экспрессивного показателя некорректно.

Кроме того, употребление экспрессивных показателей основывается на возможности модификаций «содержания предложения» (предикативного выражения) либо по линии сходства, либо по линии обобщения. Употребление по отношению к слову с неоднозначной в плане фактуальности/оценочности семантикой (типа *француз, академик*) показателя экспрессивности переключает наши ассоциации из области фактов (не обладающих никакой «экспрессией») в план оценки. При этом у слова, на которое воздействует экспрессивный показатель, за счет активизации

компаративных или метафорических компонентов значения, появляются интенсифицирующие способности: оно меняет свою сочетаемость, ср. *Он француз* и *Он суций/такой/совсем француз*. Только сходство с *французом* градуируемо, фактическое же тождество «точно», оно не обладает шкалой интенсивности. (Ср.: «Отношения тождества рефлексивны, фактуальны (не допускают градаций), а следовательно, не подлежат интенсификации <...> Отношения подобия не рефлексивны, градуированы, допускают интенсификацию... [и ниже по тексту] ... тождество независимо от человека, сходство же зависит от субъективного восприятия ... апеллирующая к сходству метафора заложена не столько в природе мира, сколько в природе человека [Арутюнова 1990, 9]).

Субъективность эпистемических показателей категорической достоверности типа *бесспорно* — это субъективность неполной осведомленности (недостаточности имеющихся у говорящего знаний о предмете речи), в то время как субъективность экспрессивных показателей типа *суций*, *буквально* — это субъективность авторского выбора отвечающего случаю оценочного выражения.

Сравнение особенностей языкового поведения модально-вводных слов-показателей степени достоверности и экспрессивных показателей «настойчивого утверждения» подводит нас к мысли о том, что знания говорящего о предмете речи могут отражаться в значении слов-авторизаторов по-разному:

1) для показателей достоверности выражение этих знаний (их «качества» и «количества») является прямым функциональным назначением; необходимость в таком выражении определяется отсутствием у говорящего полной осведомленности и соответствующая детализация и спецификация имеющейся у него информации о предмете служит эпистемическим гарантом, обоснованием суждения;

2) в функции же экспрессивных показателей не входит описание параметров информации, на основе которой формировалось высказывание; их «модальная отмеченность» — наличие в семантике скрытой эпистемической характеристики 'знакомство говорящего с предметом речи' — является отражением некоторых существенных

для корректного употребления этих слов свойств речевой ситуации. Можно сказать, что «модальная отмеченность» в данном случае — это «память» слова о типовых ситуациях употребления, т.е. слово здесь именно отражает условия речевой ситуации, а не выражает (описывает) их.

Эпистемическая характеристика 'знакомство' является в этом случае, скорее, не значением экспрессивных показателей, а условием (или — в другую сторону — правилом) употребления; не семантикой слова, а его «грамматикой».

Эта негласная инструкция по употреблению «модально отмеченной» лексики находится в ведении языковой интуиции носителей языка, и поэтому ее обнаружение и описание потребовало специальной лингвистической процедуры — тестирования на «входимость» анализируемого слова в разные по модальности контексты. Именно такой целенаправленный поиск позволил обнаружить, что часто в ряду близких по смыслу слов (словарных синонимов) одни нейтральны, безразличны к модальному плану высказывания (и поэтому универсальны в своем употреблении), а другие — «модально отмечены» (= употребимы только в высказываниях, обладающих реальным модальным статусом для говорящего).

Анализ выявил «модальную отмеченность» и многих других слов, не обязательно функционально близких к ведомству модальной семантики. Начав с уже упоминавшихся лексем с развившимися новыми (и, действительно, модализованными) значениями — *буквально*², *настоящий*² и под., мы обнаружили, что процесс образования подобных пар носит тотальный характер. Тестирование на «модальную отмеченность» показало, что возникновение в языке слов-«двойников», появление, скажем, у качественного прилагательного одноименного коррелята с новым, подчас противоположным, значением, непосредственно связано с процессом модализации лексики — маркировки характеристикой «знакомство» новых, развившихся у слова значений. Ср.: *известный лингвист* (*известный*¹ — качественное прилагательное, модально нейтральное и универсальное в своем употреблении) и *известный интерес/прогресс/сдвиг* и пр. (*известный*² — новое, развившееся, модально отмеченное значение, накладывающее определенные ограничения на употребление сло-

ва, ср.: В деле достигнут **известный** прогресс при невозможности *Когда же мы достигнем **известного** прогресса в этом деле?) ср. невозможность использования **известный**² в ирреальной модальной перспективе: *Не скажу, чтобы это дело вызвало **известный** интерес.

Ряд слов-«двойников» можно продолжить: *несколько* (человек) и *несколько* (странный), *определенный* (ответ) и *определенный* (прогресс, интерес); *подлинный* (Шагал) и *подлинный* (гений); *какой-то* (малоизвестный писатель) и *какой-то* (маловразумительный ответ); *буквально* (перевел это выражение) и *буквально* (ослеп от великолепия). Вторые компоненты пар эпистемически отмечены — употребимы только в отношении знакомых говорящему вещей. Ср.: *Спектакль имел **определенный**²/**известный**² успех* и **Я хочу (стремлюсь), чтобы спектакль имел **определенный**²/**известный**² успех* (при этом ирреальный контекст не исключает использования близкого по значению ‘неопределенность’, но эпистемически не отмеченного слова *некоторый*: *Я хочу, чтобы спектакль имел **некоторый** успех*); *Это был **несколько** странный вечер* и **Я туда не собираюсь, но думаю, это будет **несколько** странный вечер*; *Я **несколько** подустал от этого путешествия* и **Вы, наверно, **несколько** устанете от этого путешествия* (ср. корректность употребления эпистемически нейтрального синонима: *Вы, наверно, **немного** устанете от этой поездки*); *Я **как-то** неуютно себя чувствую в этой компании* и **Я буду **как-то** неуютно себя чувствовать в этой компании*/**Думаю, он **как-то** неуютно себя чувствовал в этой компании*; *Я его видел. По-моему, он **как-то** постарел* и **Значит ты его видел. Думаю, он **как-то** постарел*.

Приведенные слова-«неофиты» объединены одним функциональным параметром — они отражают стремление говорящего выбрать наиболее адекватную характеристику описываемого. Этот параметр и предопределяет свойство «модальной отмеченности» для данной группы лексики. Поясним сказанное.

Часто затруднение при выборе средств описания уже имеющейся, существующей, так сказать, «наглядной» ситуации сопровождается специальными лексическими показателями «творческих усилий» говорящего, например: *День сегодня **какой-то** необычный*; *Фильм **несколько** скучно-*

ват, но смотреть можно. Иногда соответствующие лексические сигналы подчеркивают выбранный говорящим способ описания: *Он **поистине** негодяй*; *Это **настоящий** фурор*; *Он **буквально** вскипел от ярости*. «Языкотворческие» функции отдельных слов не остались незамеченными. Так, согласно В.В.Виноградову, модальное *буквально* содержит «оценку самого стиля; способа выражения <...> Говорящий как бы не решается признать свои слова адекватным отражением действительности или единственно возможной формой выражения передаваемой мысли» [Виноградов 1947, 737]. Е.В.Падучева связывает неканоническое употребление «местоимения неизвестности» *какой-то* с «неточностью номинации, в которой говорящий отдает себе отчет», и приводит пример: *Оборотень **какой-то*** [Падучева 1985, 212]. Под названием показатели «модуса номинации» эти и другие модально отмеченные слова были описаны в [Яковлева 1988б].

Поначалу казалось, что именно отражение в слове функциональных особенностей ситуации — поиска говорящим адекватных средств описания является определяющим для возникновения свойства «модальной отмеченности». В самом деле, показатели номинации «сличают» предмет с его характеристикой. При этом затруднение в подборе соответствующего средства описания (*какой-то/несколько пришибленный вид*), либо, напротив, настаивание на его адекватности (*сущий фантазер*; *истинный фанатик*; *буквально позеленел*) подразумевают наличие самого характеризуемого объекта в реальной действительности.

Дальнейшие исследования, однако, показали, что модализация слова, априорная заданность его употребления определяется разными факторами, и затруднение в номинации уже известного, данного явления — лишь один из них.

В Разделе 5, посвященном анализу модально отмеченной лексики, мы укажем на некоторые из этих факторов. Содержательную же сторону свойства «модальная отмеченность», те семантические характеристики, которые стоят за грамматическим своеобразием слова, мы будем выявлять, опираясь на анализ наиболее характерных примеров априорной эпистемической маркировки, а именно — тех случаев, когда «модально отмеченными» оказываются целые функцио-

нально-семантические группы слов (так сказать, по определению) и такие, когда характеристика 'знакомство', апостериорная оценка является одним из различительных параметров в пределах синонимического ряда. С этой точки зрения будет проанализирована группа наречий-интенсификаторов (*очень* и его синонимы) и наречия-временные квантификаторы (*часто, зачастую, иногда, подчас* и пр.).

Конкретному же описанию показателей «настойчивого утверждения», с которых мы начали обсуждение вопроса о своеобразии языкового отражения знаний говорящего, будет посвящен Раздел 4.

РАЗДЕЛ 2

Показатели фактического соответствия («степени достоверности»)

§1. Характеристика высказываний, не содержащих показателей степени достоверности

В зависимости от характера и степени осведомленности о предмете речи говорящий может наделять высказывание объективной и субъективной эпистемической характеристикой. Он припишет высказыванию объективную характеристику, если имеющаяся у него информация о предметной ситуации полна. Так, на основе полной информации сформировано высказывание *Иван пришел* (в ситуации, когда говорящий видит Ивана перед собой и знаком с ним, т.е. в состоянии его идентифицировать). Свойство полноты «навязывается» говорящему условиями описываемой ситуации, оно не зависит от личности говорящего, его воли, желаний, убеждений. В данном случае говорящий не волен включить в высказывание показатель степени достоверности (*наверно, бесспорно*). Любой другой на месте этого говорящего даст в высказывании такую же эпистемическую характеристику.

Можно выделить два основных типа высказываний с объективной эпистемической характеристикой:

1) высказывания о перцептивно очевидных фактах (например: *Иван внимательно посмотрел на меня, но промолчал*);

2) высказывания о безусловных истинах (например: *Итак, мы доказали, что сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы*).

В первом случае объективно полной является информация, полученная при непосредственном восприятии (без помех!) уже знакомого по предыдущему опыту объекта. Во втором — свойством объективной полноты обладает информация, полученная на основе безусловной истинности логических предпосылок и строгости логического вывода.

В высказываниях с объективной характеристикой некорректно употребление показателей степени достоверности, ср.: **Бесспорно/наверно Иван внимательно посмотрел на меня... *Бесспорно, квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов*.

Ограничение на употребление показателей степени достоверности может определяться факторами разного порядка: а) входимостью/невходимостью слова в ту или иную логико-синтаксическую структуру, например: **Бесспорно (наверно), жил-был доктор* (в презумпции бытийных предположений заложена идея существования «предмета речи»); *Он, *бесспорно, помчался по улице, спотыкаясь и прихрамывая* (наличие добавочной характеристики, выраженной депричастным оборотом, имплицитно указывает истинность, фактивность предиката).

Замечание. М.М.Зощенко обыгрывает эту особенность показателей достоверности в «Голубой книге», где они служат созданию авторской маски «беспристрастного историка», реконструирующего прошлое. Писатель намеренно злоупотребляет всякого рода показателями гипотезы, и часто неуместное использование модально-вводных слов приводит к дополнительному комическому эффекту. Например: — *Мерзавцы, — наверно, кричал бедняга император, — что же вы, ей-Богу, делаете, я же вам все, кажется, заплатил сполна*. Неуместность *наверно* в данном примере определяется тем, что наличие предшествующей пря-

214 РАЗДЕЛ 2. Показатели фактического соответствия

мой речи имплицитно утверждает истинность глагола речи, ср. стилистически нейтральный вариант: *Император, наверно, кричал: Мерзавцы...*

Употребимость же некоторых модальных слов в таких высказываниях свидетельствует об отсутствии в значении этих слов компонента 'степень достоверности'. Данный «критерий употребления» заставляет исключить из разряда показателей степени достоверности такие слова, как *конечно, естественно, разумеется, действительно*: они свободно применяются к событиям, обладающим для говорящего объективным статусом (*Я зашел к Ивану и, конечно, присидел у него до самого вечера; Иван обещал позвонить, и действительно, вечером раздался звонок*), и к событиям с субъективным статусом (*— Ты пойдешь завтра на лекцию? — Конечно, пойду; Как ты думаешь, где он? Да, конечно, в баре, где же ему быть*).

Можно сказать, что слова типа *конечно* действуют «поверх» эпистемических характеристик, уже заложенных в высказывании: с одной стороны, корректность их употребления не зависит от эпистемической характеристики высказывания, с другой — введение в высказывание этих модальных слов не меняет его эпистемического статуса (в Разделе 3 мы рассмотрим некоторые из слов, традиционно зачисляемых в разряд показателей категорической достоверности).

Если имеющаяся у говорящего информация не полна, он приписывает высказыванию субъективный статус (характеристику), например: *За дверью кто-то прячется*. В этом случае в высказывании в принципе возможны те или другие показатели достоверности и именно здесь имеет смысл говорить о «степени достоверности» как мере доверия говорящего к правильности проведенной им «эпистемической операции», ср.: *За дверью, кажется/вероятно/бесспорно... кто-то прячется*.

Ср. высказывания с объективным (а) и субъективным (б) статусами: (а) *Приехал Чехов как-то с артистом Свободным ... в маленький городишко Ахтырку* (К. Чуковский); понятно, что установление степени достоверности для события с объективным статусом не имеет смысла: **Бесспорно*

но/наверно/кажется приехал Чехов как-то в маленький городишко...; (б) [царь] *Николай, не отвечая, не смотря на него, кивнул еле заметно. Аудиенция кончилась* (Ю. Тынянов). Как и (а), высказывание *Аудиенция кончилась* «имплицитно достоверно», т.е. не содержит никаких специальных эпистемических показателей, но, в отличие от (а) данное высказывание допускает включение в свой состав любого показателя «степени достоверности», ср.: *Бесспорно/наверно/кажется, аудиенция кончилась*. Это объясняется тем, что описываемая ситуация не обладает однозначными эпистемическими параметрами.

Нетрудно заметить, что «достоверность», выражаемая в примере (а), основана на знании говорящего, а в (б) — скорее на его уверенности, и что все, сказанное выше, имеет непосредственное отношение к вопросам, связанным с фактуальностью/нефактуальностью сообщаемого в высказывании. В высказываниях с фактуальным значением описываемое явление обладает для говорящего объективным статусом (в том смысле, что говорящий не свободен в выборе языковых средств при оценке его достоверности); в высказываниях же с нефактуальным значением описываемое явление с точки зрения говорящего обладает субъективным статусом — установление «степени достоверности» описываемого в таких высказываниях существенно зависит от личности конкретного говорящего.

Таким образом, понятие имплицитной достоверности соотносится с принципиально различными по своей природе эпистемическими основаниями: знанием говорящего и его уверенностью, и в зависимости от этих «оснований» имплицитно достоверные высказывания могут включаться в разные модальные рамки: 'Я знаю' и 'Я уверен/полагаю/думаю'. Экспликация в тексте соответствующей модальной рамки является прямым указанием на статус описываемого явления и существенно определяет возможности говорящего в вынесении оценок этого явления по линии достоверности/недостоверности. Ср. приведенные Л. Карттуненом [1977] примеры с модальными рамками *I think* и *I know*: *I think it isn't raining in Chicago, but it may be raining there; *I know it isn't raining in Chicago, but it may be raining there* [Карттунен 1977, 4], где в первом

случае — *I think* — говорящий выражает свое субъективное мнение о событии (*в Чикаго нет дождя*), и здесь допускается, как говорящим, так и слушающим, возможность ошибки; эксплицированное же во втором предложении знание — *I know* — о событии не позволяет говорящему высказывать какие-либо другие мнения о нем. Отмеченные Л.Карттуненом различия в возможностях говорящего выносить оценки по линии реальности/ирреальности описываемого в зависимости от того, каким модусом предваряется сообщение, связаны с одним из коренных различий в понятиях «знания» и «уверенности»: «... понятия знания и веры обнаруживают ... разные виды логического поведения ... „знание“ не может оказаться неистинным» [Хинтиikka 1980, 367]. В применении к нашему материалу приведенные рассуждения преломляются следующим образом.

Высказывания с субъективным статусом (как с модальными словами, так и без них) могут допускать изменение оценки описываемого вплоть до прямо противоположной, высказывания же с объективным статусом таких изменений не допускают. Приведем пример, где говорящий (повествование ведется в несобственно-прямой речи) занимается идентификацией объекта. При этом результат каждого последующего «узнавания» зачеркивает (делает ложным) предыдущее. Проводя идентификацию на основе какой-то одной характерной черты объекта, говорящий всякий раз уверен в правильности своих выводов, что не мешает ему ошибаться, ибо имеющаяся у него информация неполна: *Тут на дороге показался человек с покупками. Он был малый и круглый, в белом жилете.*

«Аполлон Александрович», — подумал Фаддей об одном пожилом литераторе.

Приближались ноги, они были кривые.

«Михаил Николаевич, — подумал Фаддей, — из цензуры. Вот занесла нелегкая».

Черные усы двигались как у таракана.

Константин Константинович, ваше превосходительство, — произнес Фаддей с изумлением (Ю.Тынянов). Ср. еще: Как поживает мой друг? <...> — Благодарю вас. Кажется, хорошо. Впрочем, не знаю (Ю.Тынянов).

Заметим, что понятия «знания» и «мнения» говорящего не находятся в прямом соответствии с глаголами *знаю* и *думаю*: если последний однозначно подразумевает субъективную характеристику вводимого им высказывания, то первый (*знаю*) может соотноситься и со «знанием», и с «мнением», ср.: *Все знали, если Талейран кутит направо, задает бал за балом вокруг дам, — Франция накануне комбинаций. Если Меттерних говорит о своей отставке и о том, что он собирается всецело заняться философией права — у Австрии есть комбинация (Ю.Тынянов)* (о понятиях «знания» и «мнения» и языковом их воплощении см. [Дмитровская 1988; 1987]).

Признак «объективная/субъективная характеристика» обладает различительной силой в высказываниях, содержание которых в принципе поддается верификации. (Под верификацией имеется в виду применимость к содержанию высказывания вопроса «факт/не факт?», реализовано/не реализовано в действительности содержание пропозиции). Так, очевидно некорректна постановка такого вопроса к разного рода оценочным суждениям, по Б.Расселу «априорным», не поддающимся эмпирической проверке, например: *Иван умен; Она красива*. Подобные высказывания заведомо субъективны, поэтому выбор между словами типа *конечно* и *бесспорно* здесь не будет носить принципиального характера: он не внесет однозначность в описываемое по линии «объективное»/«субъективное», ср.: *Конечно/бесспорно, Иван умен*. Ср. еще: *Конечно/несомненно, лучше быть молодым щенком, чем старой райской птицей; Конечно/несомненно, Иван обязан/Ивану следует работать*. Понятие верификации неприложимо и к тем высказываниям, эпистемическая характеристика которых заведомо объективна. Так, интродуктивно-экзистенциальные предложения исключают употребление каких бы то ни было показателей достоверности, поскольку в презумпции таких предложений содержится идея существования предмета речи, ср.: **Несомненно, один человек однажды решил переплыть океан*.

В тех же случаях, когда понятие верификации «работает», высказывания без модальных слов эпистемически неоднозначны: они в принципе могут соотноситься и с объективной эпистемической оценкой (и тогда в них исключены

218 РАЗДЕЛ 2. Показатели фактического соответствия

показатели степени достоверности), и с субъективной эпистемической оценкой (в этом случае показатели достоверности возможны). В самом деле, вне контекста фраза *Иван пришел на семинар* может быть истолкована и как констатация факта, и как гипотеза. Наличие же в ней показателя достоверности исключает неоднозначное понимание. Так, из высказывания *Бесспорно (наверно), Иван пришел на семинар* мы понимаем, что говорящий не был свидетелем прихода Ивана. И напротив, на объективность эпистемической характеристики в высказывании могут указывать фактивные предикаты пропозициональной установки (см. о них, например, в [Зализняк 1990; Зализняк, Падучева 1989]), т.е. слова типа *рад, оказывается, жаль* и под. С одной стороны, в контексте этих слов невозможно использование каких-либо (субъективных по определению) показателей достоверности — **Я рад, что Иван бесспорно пришел на семинар; *Жаль, что он, бесспорно, опоздает; *Оказалось, что она, безусловно, замужем*, — а с другой стороны, сами эти слова неприложимы к заведомо субъективным высказываниям: **Я рад, что Иван обязан работать; *Жаль, что лучше быть молодым щенком, чем...*

§2. Значения показателей степени достоверности

§2.1. «Качественный» аспект: понятие типов информации

Итак, показатели достоверности сигнализируют о субъективной эпистемической характеристике высказывания с точки зрения говорящего. При этом они являются текстовыми экспликаторами не только количества, но и качества информации, на основе которой высказывание было сформировано.

В соответствии с «качеством» различаются два типа информации: характерная и нехарактерная.

Информация о событии А является характерной с точки зрения говорящего, если она позволяет ему судить об А не-

посредственно, без привлечения логического вывода и общих знаний. Это возможно в том случае, когда информация содержит специфические, индивидуализирующие А черты. Так, характерной будет информация, полученная говорящим в результате чувственного восприятия уже знакомого по предыдущему опыту объекта. Показателями характерной информации являются слова: *кажется, как будто, вроде, явно, определено*. Примеры: *От Ивана, кажется/явно/определенно, пахнет одеколоном*.

Информация о событии А является для говорящего нехарактерной, если на ее основе он не может судить об А без привлечения логического вывода. Нехарактерная информация описывает не само событие А, но сопутствующие, соотносимые с ним события и явления. Например: *Наверно, Иван вернулся, потому что у него в окне горит свет*. Говорящий делает предположение «Иван вернулся», используя логический вывод, в основе которого лежат косвенные данные: «в окне у Ивана горит свет». Показателями нехарактерной информации являются модальные слова *наверно, видимо, по-видимому, вероятно, должно быть, может быть, бесспорно, безусловно, несомненно*.

Выделенные нами типы информации подразумевают принципиально различные модели восприятия и распознавания предмета речи: опосредованное, с использованием логического вывода (*наверно...*) и непосредственное, без использования логики (*кажется...*). Так, если говорящий слышит голос по телефону и узнаёт его, то эта информация может расцениваться им как характерная (*Это, кажется, Иван*); если же говорящий не узнаёт голоса, но, скажем, ждет звонка от Ивана, то он может расценить мужской голос по телефону как косвенную информацию об Иване (*Это, наверно, Иван*). В последнем случае сама по себе воспринятая информация не свидетельствует о событии «звонит Иван»; чтобы соотнести ее с этим событием, говорящий привлекает логический вывод и знание, что «должен позвонить Иван».

«Количественной» оценкой (то, что в традиции называется «степенью достоверности») является признак достаточности/недостаточности информации. Соответственно, показателями характерной достаточной информа-

ции будут слова явно, определенно; характерной недостаточной — *кажется, как будто, вроде*; нехарактерной достаточной — *бесспорно, несомненно, безусловно*; нехарактерной недостаточной — *вероятно, наверно, может быть* и др. (в §2.2. этот аспект значения показателей достоверности рассматривается более подробно).

Сравним примеры (из В.Быкова), в которых модальные слова эксплицируют разные модели распознавания события «тихо»: (а) *Рыбак обрадовался: если рубят дрова — значит в деревне, наверно, все тихо, чужих нет*; (б) *Рыбак прислушался, нет ли кого поблизости, но, кажется, всюду было тихо*.

Начнем с того, что в данных примерах некорректна взаимная мена модальных слов, ср.: **Рыбак прислушался, нет ли кого поблизости, но, наверно, всюду было тихо*; **Рыбак обрадовался: если рубят дрова — значит в деревне, кажется, все тихо*. Общим для описываемых ситуаций является то, что субъект устанавливает наличие в реальной действительности события «тихо» и приписывает своему сообщению не очень высокую степень достоверности. Важнейшим различием для ситуаций (а) и (б), которое и определяет использование субъектом соответствующего модального показателя, является «качество» информации, на которой основывается утверждение о событии «тихо». В (а) эта информация (*рубят дрова*) характеризует событие «тихо» (*чужих нет*) лишь косвенно, опосредованно: субъект знает, что в деревне обычно занимаются домашним трудом, когда нет немцев («чужих»). На основе этого общего знания он устанавливает причинно-следственную связь между воспринятой информацией и описываемым событием: «если рубят дрова — значит тихо, нет немцев». В (б) воспринимаемой информацией является отсутствие чужеродных лесу звуков; по нему субъект непосредственно, без привлечения логики, судит о том, что «чужих нет» (*тихо*).

Некорректность взаимной мены слов *навверно* и *кажется* в приведенных примерах объясняется тем, что в тексте, кроме модальных слов, есть и другие указания на тип информации, использованной субъектом: в (а) экспликация процедуры логического вывода «если ... значит» свидетельствует об отсутствии у субъекта характерной информации;

в (б) на непосредственное распознавание события (использование характерной информации) указывают слова *прислушался, нет ли кого поблизости*, говорящие о прямом сопоставлении наличия соответствующих звуков с присутствием «чужих».

Свойства информации — характерная/нехарактерная, достаточная/недостаточная — расположены как бы по разным осям: если тип информации определяется, как правило, условиями описываемой ситуации, то достаточность/недостаточность существенно зависит от самого говорящего и в некоторых случаях может варьироваться в соответствии с мерой его субъективной уверенности. Так, в (а) и (б) говорящий мог бы счесть, что имеющейся информации достаточно для установления наличия события в реальной действительности и, как следствие, вообще не употреблять модальных слов; получившиеся при этом высказывания были бы вполне корректны. Однако в некоторых случаях (ниже мы их рассмотрим) говорящий не свободен в трактовке информации; при этом употребление/неупотребление модального слова-показателя достоверности ведет к некорректности высказывания.

Получение говорящим характерной информации предопределено однозначно, если: а) он воспринимает явление непосредственно; б) располагает о нем предварительными знаниями. Сравним примеры: *Леон [слесарь] провел ладью по холодной трубе распределителя — не подтекает ли. Кажется, сухо* (И.Штемлер) и ... [Антон] *дошел до... балкона и повернул назад. При этом он что-то мурлыкал. Кажется, марш из Аиды* (Ю.Трифонов). В обоих случаях говорящий судит о предмете на основе непосредственного восприятия. Однако в первом случае этот «предмет» таков, что в условиях непосредственного контакта неизбежно получение характерной информации о нем: распознавание первичных ощущений «сухо»/«сыро», «светло»/«темно», «тихо»/«шумно» в условиях непосредственного контакта исключает использование логики. (По Расселу, это sense-data, «содержание ощущений» — «вещи, непосредственно известные нам в ощущении: цвета, звуки, вкусы, твердость, шероховатость и т.п.» [Рассел 1914, 6]). Во втором из приведенных нами примеров получение характер-

ной информации зависит от наличия у говорящего предварительных знаний о музыке Верди, которые позволили бы уловить в воспринятой им информации характерные черты марша из «Аиды». Здесь именно *кажется* свидетельствует о знакомстве говорящего с оперой «Аида», ср.: ... *он что-то мурлыкал. Наверно, марш из Аиды*, где *наверно* указывает на то, что говорящий не уловил характерных черт марша и судит о предмете, привлекая логический вывод (скажем, говорящий знает о привычке Антона насвистывать марш из «Аиды»).

О корректности употребления модального слова судит слушающий. При этом различаются два вида корректности/некорректности: контекстуальная и ситуативная. Контекстуальная корректность подразумевает наличие в высказывании, помимо модального слова, других указаний на тип использованной говорящим информации. По признаку «тип информации» их значения должны быть согласованы со значением модального слова, ср. рассмотренные выше примеры (а) и (б) из В.Быкова. В отличие от контекстуальной корректности, имеющей абсолютный характер, ситуативная корректность относительна, поскольку существенно зависит от точки зрения слушающего: на основе своих энциклопедических знаний и контекста слушающий реконструирует ситуацию и определяет, мог или не мог говорящий в условиях этой ситуации располагать о явлении указанным им (посредством модального слова) типом информации.

Поясним сказанное на примере: *Такой она [Луна] была, наверно, и тысячу и сто тысяч лет назад* (В.Песков). Здесь слушающий может сделать однозначный вывод о типе информации (нехарактерная), которую мог использовать говорящий, так как вполне очевидно, что тот не мог воспринимать Луну — т.е. располагать характерной информацией — сто тысяч лет назад, ср. корректность фразы: *Такой Луна, кажется, была месяц (год) назад*. Однако использование *кажется* в примере из В.Пескова неуместно лишь относительно реконструируемой адресатом ситуации: проекция высказывания на другую ситуацию — изменение, скажем, «параметра говорящего» — может открыть возможности для использования показателя характерной информации.

Так, в контексте рассказа Мефистофеля, припоминающего прежние времена, высказывание *Такой Луна была, кажется, и тысячу и сто тысяч лет назад* вполне корректно.

Согласование мнений собеседников обусловлено тем, что в процессе общения они следуют одному и тому же «принципу предпочтительности» характерной информации перед нехарактерной: при формировании высказывания в первую очередь используется (если она есть) характерная информация. Т.е. для слушающего существует импликация следующего вида: если говорящий употребил слово *наверное* (и под.), значит он не располагал об описываемом явлении характерной информацией. Высказывание, содержащее модальное слово, корректно, если указания говорящего о типе используемой им информации согласованы с представлениями слушающего о возможностях говорящего располагать в описываемой ситуации этим типом информации.

Итак, точки зрения говорящего (Г) и слушающего (С)

1. Согласуются, если а) Г указал, что он использовал характерную информацию (= *кажется* ...) и С считает, что Г мог получить ее; б) Г указал, что он использовал нехарактерную информацию (= *наверно* ...) и С считает, что у Г не было возможности получить характерную информацию;

2. Не согласуются, если а) Г указал, что он использовал характерную информацию (= *кажется*), а С считает, что Г не мог ею располагать; б) Г указал, что он использовал нехарактерную информацию (= *наверно*), а С считает, что Г располагал характерной информацией.

Поясним сказанное на примерах: 1а. — *Знаете... — сказала я [врачу] при сегодняшнем осмотре в кабинете ... — кажется, я чуточку лучше вижу* (А.Бруштейн); 1б. ... *А теперь, Толя, пейте чай, у вас, наверно, внутри все пересохло* (И.Грекова); 2а. *А теперь, Толя, пейте чай, у вас, *кажется, внутри все пересохло*; 2б. — *Знаете... — сказала я врачу — *наверно, я чуточку лучше вижу*.

В 2а для слушающего ясно, что говорящий не мог воспринять характерную информацию о событии «пересохло» («внутри» Толи), так как это событие недоступно непосредственному восприятию другого лица, ср. *У меня, кажется, внутри все пересохло* (пример из И.Грековой интересен и тем, что представленная в нем ситуация не может описы-

ваться «имплицитно достоверным» высказыванием, т.е. без использования каких-либо показателей достоверности — знаков отстраненного описания, ср.: **У вас внутри все пересохло*). В 2б нарушен, с точки зрения слушающего, «принцип предпочтительности»: в описываемой ситуации говорящий должен располагать характерной информацией.

Перечислим правила, регулирующие контекстуальную корректность употребления показателей достоверности — выбор того или другого модального слова в зависимости от наличия/отсутствия в контексте указаний на полноту информации, ее тип, а также достаточность/недостаточность.

I. Если контекст указывает на полноту информации (= объективный статус описываемого), то модальное слово-показатель степени достоверности употреблять нельзя. Например: *Вдруг он (*бесспорно, *наверно, *кажется...) обратился к мамушке: «Авдотья Васильевна, а сколько лет Петруше?»* (А.Пушкин).

II. Если контекст содержит указания на характерную информацию и 1) нет указаний на ее недостаточность, то возможно как наличие, так и отсутствие модального слова-показателя характерной информации. Например: *Я всегда вспоминаю того мальчика, моего ровесника, фамилия его была, кажется, Третьяков* (Г.Бакланов); 2) есть указания на недостаточность информации, то модальное слово-показатель характерной недостаточной информации обязательно должно быть в тексте. Например: *Помнится, кто-то из нас, кажется, Петя, опоздал в тот раз*.

III. Если контекст содержит указание на нехарактерную информацию и 1) нет указаний на ее недостаточность, то модальное слово может как присутствовать в тексте, так и отсутствовать. Например: *Он любил своего арабского жеребца, как, верно, никогда не любил ни одной сговорчивой девы* (Ю.Тынянов); 2) есть указания на недостаточность информации, то модальное слово-показатель нехарактерной недостаточной информации обязательно должно быть в тексте. Например: *За занавеской хлюпала вода, что-то постукивало, наверно, стирали. Наверно, таз стоял на табуретке и табуретка стучала ножками в пол* (Ю.Трифонов).

Рассмотрим основные типы ситуаций, предопределяющих использование говорящим информации того и другого типа.

Характерная информация.

1. Ситуация чувственного восприятия. Примеры: *У меня хватило сил добраться до печки и разжечь дрова. Когда они затрещали, мне как будто стало немного легче* (М.Булгаков); [Муж говорит жене] ...*чудак Петр Семенович нашел, что будто у тебя один глаз темнее другого <...> Жена опять к зеркалу. Она долго оглядывает себя и думает: «Да, кажется, левый глаз несколько темнее правого ... Нет, кажется, правый глаз темнее левого...»* (А.Чехов); *Вглядевшись в лицо Римского, администратор подивился перемене, происшедшей в этом лице. И без того худой финдиректор как будто еще более похудел и даже постарел* (М.Булгаков). Распознающий субъект в приведенных примерах находится в контакте с описываемым. В том же случае, когда текст не содержит экспликаторов положения субъекта (говорящего), вывод о возможностях использования им характерной информации далеко не всегда однозначен, ср.: *В Тобольске он [Кюхельбекер] оправился. Стало легче груди, даже зрение как будто начало возвращаться* (Ю.Тынянов). Если слушающий знает, что повествование ведется в несобственно-прямой речи (а для этого вывода недостаточно приведенного нами отрывка), то получение субъектом (находящимся в позиции говорящего) характерной информации предопределено; если же данный пример является, скажем, фрагментом рассказа одного из близких Кюхельбекера (стороннего наблюдателя), то возможности получения характерной информации не столь очевидны.

В отличие от местоимений 3-го лица, не несущих информации о говорящем, «коммуникативно маркированные» местоимения 1-го и 2-го лица непосредственно связаны с условиями речевого акта. Их наличие в тексте может однозначно указывать на условия, в которых находится говорящий относительно предмета описания, тем самым предсказывая использование тех или других модальных средств, ср.: *У меня внутри все пересохло/*У тебя внутри все пересохло*.

Когда же текст не содержит явных указаний на «параметры говорящего», об условиях и характере восприятия может свидетельствовать само модальное слово, например: [В Петербурге] *Бродячих собак стало меньше, и*

грязи как будто поубавилось (Б.Окуджава). Указывая на использование характерной информации, *как будто* задает параметры непосредственного свидетельства. Ср.: *...и грязи, наверно, поубавилось*, где *наверно* исключает непосредственное восприятие и заставляет сделать вывод о том, что говорящий не был свидетелем описываемого.

2. Ситуация вспоминания. Вспоминание можно считать ретроспективным непосредственным восприятием. Если говорящий вспомнил события, он располагает о них характерной информацией, например: *Я вспомнил, что Илина назвала меня, кажется, патлатым першем* (А. и Б.Стругацкие); *Дом назывался «Домом Грибоедова» на том основании, что будто бы некогда им владела тетка писателя — Александра Сергеевича Грибоедова. Ну владела или не владела — мы точно не знаем. Помнится даже, что, кажется, никакой тетки-домовладелицы у Грибоедова не было...* (М.Булгаков). Наличие в тексте явного указания на осуществленность вспоминания (*вспомнил, помнится*) исключает возможность использования показателей нехарактерной информации. О том, что говорящий пытается вспомнить что-либо непосредственно относящееся к описываемым событиям, а не выдвигает, скажем, возможные гипотезы, могут свидетельствовать слова типа *что ли, как его*. Они также предполагают использование характерной информации, например: *В коридоре было пустынно, откуда-то доносились постукивание бильярдных шаров — должно быть, развлекался унылый шалун на психической почве. Как его... Симоне, кажется* (А. и Б.Стругацкие); *Он был тут однажды... Помнил заборчик какой-то линялый. И дальше вроде бугор, что ли...* (С.Иванов). Когда же в тексте нет подобных свидетельств процесса вспоминания, на его осуществленность/неосуществленность указывает само модальное слово, ср.: *Не помню уже, как зашел разговор. Кажется, так: мы заспорили...* (Ю.Трифонов) и *Не помню, зачем я пришел в тот день в театр: должно быть, к кому-нибудь из друзей-актеров* (А.Гладков). В первом случае именно *кажется* подсказывает нам, что говорящий все же припомнил какие-то обстоятельства разговора, а во втором — *должно быть* свидетельствует о том,

что говорящий ничего не вспомнил и выдвинул одну из возможных гипотез.

3. К особому типу ситуаций, предполагающих использование характерной информации, принадлежат такие, где говорящий основывается на данных чужого опыта. Эти случаи были отмечены Т.В.Булыгиной и А.Д.Шмелевым в [Человеческий фактор... 1992] и мы сошлемся на результаты данной работы: «...сообщения, полученные от других лиц, также трактуются языком как перцептуальная информация. Если мне сказали, что Иван уехал в Киев, то, передавая эту информацию третьему лицу, я могу ... сказать: *Кажется, Иван уехал в Киев...*»

В некоторых случаях использование показателей неуверенности (*кажется, как будто, вроде, говорят*) при передаче информации, полученной из чужих рук, оказывается обязательным. Это происходит, в частности, при передаче оценочной информации. *Фильм очень хороший* сказать можно, только если сам видел этот фильм. Если же эта оценка принадлежит другому лицу, следует передать ее, используя показатель неуверенности, который в таком случае выступает как своего рода „квотатив“: *Фильм, кажется, очень хороший; Говорят, фильм очень хороший*. Разумеется, использование показателя гипотетичности тоже возможно, но он будет выражать не ссылку на чужое мнение, а предположение на основе каких-то собственных соображений: *Наверно, фильм очень хороший; прекрасный актерский состав, замечательный режиссер* [Человеческий фактор 1992, 133].

Т.В.Булыгина и А.Д.Шмелев отмечают и случаи обязательного «квотативного» употребления *кажется* в тех ситуациях, «когда передаваемая информация не может быть неизвестной адресату речи: *Кажется, ты собираешься во Францию ...*» [Человеческий фактор 1992, 133]. Исследователи трактуют их как косвенные речевые акты, рассчитанные на то, что адресат либо подтвердит, либо опровергнет сообщение. Заметим, что в подобных ситуациях близкие по типу информации показатели *вроде* и *как будто* не используются: они описывают именно эпистемический поиск говорящего и не имеют вторичного, «этикетного», употребления, которое свойственно слову *кажется*.

Замечание. Вообще, в работах этих авторов слова типа *кажется, как будто, вроде* трактуются как показатели «неуверенных», или квазисообщений, противопоставленных предположениям, или собственно гипотезам: «Гипотезы высказываются на основе умозрительных соображений и не требуют никаких эмпирических свидетельств; квазисообщения делаются на основе эмпирических свидетельств, но не обязательно достоверных» [Булыгина, Шмелев 1993, 81—82]. Квазисообщения подразделяются на «импрессиивы» и «квотативы»: «Импрессиивные высказывания используются тогда, когда говорящий располагает непосредственной перцептуальной информацией о реальном положении дел, но по каким-то причинам не вполне доверяет этой информации: *Кажется, здесь пахнет газом <...> Как же его отчество, не помню ... Кажется, Сергеевич*» (там же, с. 80). «Квотативы» используются, «когда говорящий опирается на информацию, полученную от других лиц (особенно если он не вполне уверен в ее достоверности)» (там же). «Предположения, которые мы выводим на основе собственных умозаключений, четко отличаются в языке от информации, полученной из внешнего мира» (там же, 82). «Квотативность», имеющую отчетливое языковое воплощение в семантике таких слов, как *кажется*, Т.В.Булыгина и А.Д.Шмелев соотносят с некоторой типологической парадигмой: «Обязательность употребления показателей неуверенности в определенных случаях передачи сведений из вторых рук позволяет говорить, что в русском языке существует категория, близкая категории «эвиденциальности» ряда языков.

Типологически интересно также само функциональное объединение слов, прямо указывающих на то, что информация передается с чужих слов, со словами, указывающими на непосредственное, хотя, возможно, ошибочное, чувственное восприятие» (там же, с. 81).

Нехарактерная информация. Ее использование предопределяется ситуациями следующих типов.

1. Описываемое явление («предметная ситуация») в принципе недоступно чувственному восприятию. Приведем примеры разного рода метафорических, иронических и шутливых описаний, не соотносимых с миром конкретных, данных в непосредственных ощущениях, предметов: [о старом профессоре] *Он, впрочем, привык к своему дому и даже в каком-то смысле его любил. Так, вероятно, старый дуб ощущает свои мозолистые, выпершие из земли корни* (И.Грекова); [Лера сказала, что у нее масса забот, болен отец ... всякие другие неприятности] *Я сказал, что, видимо, существует такое специальное министерство неприятностей. Оно планирует выпуск неприятностей, следит за тем, чтобы неприятности вырабатывались дружно, серийно* (Ю.Трифонов); *Дымка времени, очевидно, похожа на тот мягкий голубоватый туман, каким наполнены долины сельской Англии* (К.Паустовский). Для того, чтобы сравнение могло быть произведено на основе характерной информации, говорящему должны быть известны (даны в непосредственном опыте) сравниваемые объекты, например: *Анюта, кажется, похожа на свою мать.*

Круг явлений, для описания которых однозначно используется нехарактерная информация, весьма велик: это и события, отстоящие от нас на тысячелетия, это и прогнозы на отдаленное будущее, это и результаты разного рода дедуктивного поиска, ср.: [Речь исходит от «мы» авторского] *Когда мы в свое время лежали себе в люльке и крошечными губенками, мало чего понимая, тянули через соску теплое молоко, — какое, наверное, архиблаженство испытывали мы от окружающей жизни* (М.Зощенко); *Сравнение Мейерхольда с Пушкиным, несмотря на его ошарашивающую дерзость, вероятно, не раз будет делаться впоследствии, хотя сейчас я решаюсь его сделать только в очень узком и специальном кругу* (А.Гладков).

Невозможность описания на базе характерной информации может быть обусловлена неопределенностью денотативного статуса «предмета речи» — отсутствием соотносительной связи между ним и конкретным, «индивидуализированным объектом» (понятие денотативного статуса понимается по Е.В.Падучевой [Падучева 1985]). Приведем наиболее типичные случаи: а) описываются объекты, не обла-

дающие единичностью (они обозначаются именными группами в нереперентном употреблении: экзистенциальными, универсальными, родовыми; показателями нереперентности именных групп часто выступают местоимения), например: *Вероятно, у всякого человека бывает по своему неповторимая встреча с искусством* (Н.Федоренко); *Кто неясно пишет, тот, видно, смутно и думает, — говаривал он* (Ю.Тынянов); *Интересовалась сценой и Екатерина Великая, но ее отношение к столичному театру было приблизительно такое же, какое было, вероятно, у помещика к своему деревенскому театру, построенному для забавы, с участием в нем крепостных людей* (Ф.Шаляпин); *Видно, так уж бывает на свете, видно, и Чичиковы на несколько минут в жизни обращаются в поэтов* (Н.Гоголь); б) отсутствие соотносительности с «конкретным, единичным объектом» имеет место и при обращении к абстрактному, гипотетическому читателю (с описанием его предполагаемых реакций, установлением границ его опыта и т.п.), ср.: *Читатель, вероятно, уже догадался, что дочь Кирилла Петровича, о которой сказали мы еще несколько слов, есть героиня нашей повести* (А.Пушкин); *Лицо Ноздрева, верно, уже сколько-нибудь знакомо читателю. Таких людей приходилось всякому встречать немало* (Н.Гоголь); *...на одной картине изображена была нимфа с такими огромными грудями, каких читатель, верно, никогда не видывал* (он же). Во всех этих случаях неконкретность адресата обуславливает невозможность получения характерной информации о нем, ср. между тем примеры из частной переписки, где «объем памяти» конкретного адресата известен говорящему: *Ты, кажется, помнишь этого человека; Ты, кажется, знаешь об этом* и под. Ю.М.Лотман указывал на «принципиальные различия между текстом, обращенным к любому адресату и тем, который имеет в виду некоторое конкретное и лично известное говорящему лицо. В первом случае объем памяти адресата конструируется как обязательный для любого, говорящего на данном языке» [Лотман 1977б, 57]. При этом, как показывает употребление модально-вводных слов, соответствующее «конструирование» носит характер дедукции.

2. Явление доступно чувственному восприятию, но в описываемой ситуации говорящий не мог располагать о

нем характерной информацией, так как: а) занимал «внешнюю» позицию и/или б) не располагал предварительными знаниями о предмете речи. Релевантность фактора (а) иллюстрируют следующие примеры: [Репетитор спешит закончить урок] *Я ... гляжу на часы. До конца осталось десять минут. Я предпочел бы не дожидаться конца, но за дверью сидит Мишина бабушка и тоже, наверное, смотрит на часы* (В.Токарева); [Автор, стоя под окном и не слыша ни единого слова, наблюдает сцену, происходящую в комнате] *Ириада, судя по тому, что она с отчаянием поднимала вверх руки, говорила, вероятно, на тему о скучной жизни, о сгубленной молодости* (А.Чехов). Пример, иллюстрирующий фактор (б): *Непонятно было только, на какие средства она живет. Наверное, присылает что-нибудь отец* (Ю.Трифонов).

3. «Логический компонент» в значении показателей характерной информации определяет их употребление при установлении причинно-следственной связи между двумя, известными говорящему, событиями; на гипотетичность этой связи и указывает модальное слово, например: *Вероятно, оттого, что я выбежал на улицу без шапки и калош, у меня поднялся сильный жар* (А.Чехов); *Листья падают с деревьев ... Уныние в природе умопомрачительное. Наверное, в связи с этим и нищих в Петербурге поубавилось* (Б.Окуджава). Приведем примеры логического вывода, в которых употребление модальных слов обязательно: *Директор сидел за столом и читал какие-то бумаги, наверное, очень скучные, потому что, когда Дима вошел, обрадовался и улыбнулся...* (В.Токарева); [Солдат] *все старался говорить весело ... Видимо, это стоило ему огромного напряжения воли, ибо несмотря на смешные слова, глаза его были полны жуткой печали* (Ф.Шаляпин); [из переписки двух приятелей] *Добрая моя Васильевна, ключница (ты ее, наверно, не забыл: она тебя таким вареньем потчевала), совсем высохла и сгорбилась* (И.Тургенев). Обязательность в этих примерах экспликации модальной рамки — невозможность произвести утверждение на уровне «имплицитной достоверности» — обусловлена тем, что в последующем изложении содержится основание выдвинутой говорящим гипотезы (на которую и указывает в тексте модальное слово). Таким

образом, эпистемическая оценка (выражаемая модальным словом) и ее основание (вводящееся, как правило, союзами типа *потому что, ибо, так как*) взаимно предполагают друг друга.

§2.2. «Количественный» аспект: конкретизация понятия «степень достоверности»

До сих пор мы в основном были сосредоточены на анализе «качественного» компонента достоверности, лежащей в основании утверждения, а именно — различии по типу информации. Перейдем теперь к более подробному рассмотрению «количественного» аспекта в семантике модально-вводных слов.

Начнем с замечания общего характера: количественная оценка — признак 'достаточность'/'недостаточность' — в применении к разным типам информации соотносится с принципиально различными аспектами речевой ситуации. Нельзя сказать **Кажется он побагровел от гнева... подскочил от удивления*, так как сильная степень проявления признака исключает недостаточность его восприятия; между тем, пример *Наверно, он побагровел от гнева... подскочил от удивления* вполне корректен.

«Недостаточность» в семантике показателей характерной информации (*кажется, как будто*) предполагает какие-то помехи в «канале восприятия»: либо воспринимаемые признаки слабо выражены, либо само восприятие затруднено (плохо видно, слышно и под.). Другими словами, характерная информация подразумевает недостаточность поступления информации извне. В рамках же нехарактерной информации недостаточность не соотносится прямо с внешним миром. Здесь, скорее, подразумевается отсутствие уверенности говорящего относительно всей ситуации в целом. Поэтому в гипотетических высказываниях типа приведенного выше не происходит рассогласования значения модального слова со значением контекста.

Рассмотрим закономерности употребления показателей характерной информации в плане разного «количества» достоверности.

Анализ показал, что в определенных контекстах *вроде* и *как будто* не поддаются замене на близкое им по типу информации слово *кажется*, например: *За столом разговор пошел дружнее, стали уже вроде и забывать про Глеба Капустина ... И тут он попер на кандидата (В.Шукшин); Выглядела старше своих лет: лицо вроде девичье, а фигура плотная, осанистая, как у доброй молодухи (Ю.Трифонов); Я пошел в фойе. В.Э. [Мейерхольд] молча бродил там в накинутой на плечи шубе. Он как будто обрадовался мне, спросил: «Что нового?» — но не очень внимательно выслушал ответ (А.Гладков).* Использованию *кажется* в приведенных примерах препятствует наличие союзов *а, но*, свидетельствующих о том, что говорящий противопоставляет событию, характеризующему модальным словом, такое, из которого можно сделать о нем противоположный вывод.

Подобные примеры позволили предположить, что, если *как будто* и *вроде* просто свидетельствуют о наличии у говорящего характерной информации о предмете речи, то *кажется*, кроме этого, указывает, что на основе имеющейся информации можно сделать утверждение, с некоторой долей осторожности о соответствии содержания высказывания действительности (= трактовать ситуацию). И если в тексте как-либо отражены соответствующие характеристики информации — ее способность/неспособность к однозначной трактовке, — взаимная мена слов *кажется* и *как будто, вроде* невозможна.

Приведем пример, где *кажется* обладает приоритетом в описании ситуации, поскольку говорящий однозначно трактует ситуацию: *В это мгновение он [пристав] заметил Кашинцева... — Базиль Базилич! Старый крокодил! Какими попутными ветрами? ... Виноват, — круто остановился пристав у стола. — Я, кажется, обознался (А.Куприн); Как Одоевский смеется! Я, кажется, влюблена в него сегодня (Ю.Тынянов).*

Аналогичные противопоставления можно наблюдать и в ряду показателей нехарактерной информации: об отсутствии «однозначности» в семантике таких слов, как *возможно, может быть*, свидетельствует, в частности, их употребимость в разного рода альтернативных, уступив-

тельных конструкциях, ср.: *Прямоугольное генеральское лицо его собралось в складки, означающие не то приветливую улыбку, не то скорбь по поводу дурной погоды, а может быть, с трудом обуздываемое желание чихнуть* (А. и Б.Стругацкие); *Может быть, все это было не очень художественно, но во всяком случае фантастично, и весьма понравилось публике* (Ф.Шаляпин); *Я, братцы мои, зря спорить не буду, кто важней в театре — актер, режиссер или, может быть, театральный плотник. Факты покажут* (М.Зощенко); *Была она из тихих умелых русских женщин, которые все делают споро, незаметно и хорошо. Такая, может быть, и не остановит коня на скаку, и в горящую избу побойтся войти, но простой своей тишиной и скромностью поможет жить* (И.Грекова). Как видим, слова *может быть*, возможно выражают такое предположение, которое, по мнению говорящего, с одинаковой степенью вероятности может быть как подтверждено, так и опровергнуто. Поэтому данные слова могут либо сами брать на себя функции альтернативного союза, либо употребляться при таком союзе (о «союзных функциях» слов *может быть*, возможно см., например, [Пешковский 1956], [Белошапкина 1967], [Санников 1987]).

Слова же *наверно*, *вероятно*, *по-видимому* и под. указывают не на множество альтернатив, а на какую-либо одну, наиболее предпочтительную, с точки зрения говорящего, гипотезу (ср. в [Ламбарджян 1981] определение функции слов *может быть*, возможно как «чистого предположения», а слов *наверно* и под. — как «предположения-догадки»). Ср. закономерность выбора слов с наличием/отсутствием однозначной трактовки ситуации: *Уже потом я понял ..., что будь записка адресована мне, ее, наверно* (нельзя: возможно) *подсунули бы под мою дверь* [а не под дверь соседа] (А. и Б.Стругацкие) и *Наше представление о прошлом, возможно, зависит от случайностей. Античную Грецию мы представляем по Гомеру, но, может быть* (нельзя: вероятно), *до нас не дошел какой-нибудь великолепный литературный памятник, изображающий эпоху совсем в ином свете* (А.Гладков).

То, что говорящий, употребляя *может быть*, возможно, не идет дальше указания на наличие альтернативы из рав-

новероятных возможностей, свидетельствует в пользу предположения, что в данном случае ситуация не трактуется говорящим; точнее сказать, если и есть попытка трактовки, то она заведомо обречена на отсутствие конечного результата. Ср.: *По вечерам подозрительные миражи являлись беглецам ... и даже слышался непрерываемый, постоянный, необъяснимый звук: может быть, от засыпающей степи, а может быть, от водопадов или даже от тяжелой арбы, хотя это мог быть и звук охотничьего рога, или зурны, или даже восхищенного человеческого голоса* (Б.Окуджава).

Квазитрактовка может обуславливаться не только неоднозначностью имеющейся у говорящего информации, как в приведенном выше примере, но и пассивным ментальным состоянием самого говорящего. Показателями «пассивности» говорящего, либо его «осторожности» в вынесении суждения могут служить конструкции типа *кто знает, кто поручится, как знать, откуда (почем) я знаю*. Они задают модальную перспективу отсутствия однозначной версии ситуации и предполагают обязательное использование какого-либо из квазитрактовочных модальных слов (т.е. образуется своего рода «модальная синтагма»: *кто знает — может быть*). Например: *Кто знает, послушай его доктор, посочувствуй ему дружески, быть может, он, как это часто случается, примирится бы со своим горем* (А.Чехов); [о пожаре в имениннике Сухова-Кобылина] *Как знать, быть может, сгорели замечательные произведения Сухова-Кобылина, такие, как его неопубликованная сатира «Квартет»* (М.Бессараб).

Безличные выражения типа *как знать, кто знает* передают некую всеобщую неосведомленность и соответствуют интенции «не берусь судить». Однако отсутствие активности говорящего может быть связано и с его нежеланием как-то трактовать ситуацию, на что прямо указывает экспликация лица в соответствующей конструкции, например: *откуда (почем) я знаю, откуда мне (ему) знать*. Ср.: *Откуда я знаю, может, вы любите получать по морде, как тот самый Джонатан Крайс* (А. и Б.Стругацкие); *Почем я знаю, где он: может в кино пошел, а может, в библиотеке сидит*. Именно «индифферентная» позиция говорящего

объясняет неуместность употребления сразу вслед за словами *откуда (почем) я знаю* модальных показателей типа *вероятно*, свидетельствующих о проделанном «вычислении», о стремлении дать ответ, возможное объяснение происходящему. «Индифферентность» не является следствием неосведомленности говорящего, но предполагает не вполне «этикетную» его позицию — нежелание трактовать ситуацию. Ср. с приведенными примерами такой: *Пока три ведомства согласовывают вопрос, стройку законсервировали. — А кирпичи зачем возят? — Бог их знает, наверно, в целях выполнения какого-то плана* (И. Грекова). Слова *Бог его (их) знает* близки по смыслу ‘не знаю’, и они не подразумевают нежелания говорящего отвечать.

Об отсутствии активности говорящего могут свидетельствовать и грамматические показатели, например, безличная форма предиката пропозициональной установки, ср.: *Мне подумалось, что, может быть* (плохо: *вероятно*), *именно эта история мешала ей отнестись ко мне так, как я относился к ней* (Ф. Шаляпин) и *Я подумал, что, вероятно, именно эта история мешала ей отнестись ко мне так...*; *Выглянувшее [из-за двери] лицо показалось ему как будто несколько знакомо* (Н. Гоголь) и *Лицо показалось ему как будто кажется несколько знакомо; Мне послышалось: поют как будто; Мне почудилось: вроде кто-то позвонил*. Глаголы типа *показаться*, *послышаться* подразумевают произвольность восприятия, а глаголы типа *подуматься* — по О. Н. Селиверстовой, «экзистенциально-результативные предикаты» — «могут показывать, что X сформировал суждение, знание, веру, хотя при этом X мог действовать и подсознательно» [Селиверстова 1982, 138]. Именно эта «подсознательность» (подразумевающая отсутствие логического вычисления!) мешает употреблению в сфере действия соответствующих пропозициональных предикатов слов типа *вероятно* (в [Степанов 1978] отмечается и такая, существенная в рассматриваемом нами плане, особенность экзистенциально-результативных предикатов: говорящий не может предоставить обоснований, почему ему подумалось так, а не иначе...).

По возможности употребления в модальной перспективе «как знать» *может быть* сходно с таким словом, как *авось*, ср.: [мысли Пугачева] *Для меня не будет помилова-*

ния. Буду продолжать, как начал. Как знать? Авось и удастся! Гришка Отрепьев поцарствовал же над Москвою (А. Пушкин). Согласно В. В. Виноградову, «авось обозначает, что о чем-то говорится с оттенком недостаточно обоснованной надежды» [Виноградов 1947, 738]. Возможно, ‘надежда’ наличествует и в семантике *как знать*, и по этому компоненту происходит согласование пропозиционального предиката со словом *авось*.

Может быть также употребимо в модальной перспективе ‘надежды’, но здесь согласование проходит уже по количеству уверенности (ведь само по себе *может быть* не несет никакой информации об оценке предполагаемого события, его желательности/нежелательности с точки зрения говорящего). Примеры: *Он лежал, стараясь не двигаться, все еще надеясь, что, может быть, пронесет, хотя и понимал, что они попались* (А. и Б. Стругацкие); *Боранлинцы надеялись, что, может быть, в газете какой напечатают об этой старинной истории* (Ч. Айтматов). Последний пример показывает, что ‘неясная надежда’ может быть выражена не только соответствующим глаголом, либо словами (*почем*) *надеяться*, но и усеченной формой неопределенного местоимения на *-нибудь*, ср.: [Автор получает письмо: «Помогите нам написать куда-нибудь, лучше в „Труд“»] *Напишу в это повествование. Может, чем поможет* (А. Вознесенский). Здесь именно форма местоимения (отсутствие *-нибудь*) делает невозможным использование слов типа *вероятно*. При этом усеченное местоимение сигнализирует именно о ‘надежде’, а не о ‘боязни’ или, нейтральном в плане оценки, ‘ожидании’ — последние требуют полной местоименной формы, ср.: *Может, кто позвонит* (говорящий хочет, чтобы позвонили) и *А вдруг кто-нибудь (*кто) позвонит; Не дай Бог, кто-нибудь позвонит*.

И наконец, отсутствие трактовки ситуации может однозначно выражаться употреблением при пропозициональном предикате «плюсквамперфектного» *было*. Например: *На минуту я почувствовал было, что боль как будто (*кажется) стала отпускать; Я начал было примечать, что Маша как будто (*кажется) временами заглядывается на Петю. Использованию кажется во вводимой пропозиции мешает*

именно наличие *было*, однозначно свидетельствующего об отсутствии результата действия или состояния, названного предикатом.

Таким образом, в рамках недостаточной информации модальные слова обоих типов отражают такое важное свойство речевой ситуации, как способность/неспособность говорящего сформировать на основе этой информации однозначное суждение о наличии соответствующего явления в реальной действительности. Однозначное суждение подразумевает наличие трактовки ситуации говорящим. В случае неоднозначного суждения мы говорим о квазитрактовке. На трактовку в рамках характерной информации указывает *кажется*, на квазитрактовку — *как будто*, *вроде*. В рамках нехарактерной информации трактовка сопровождается словами типа *вероятно*, *должно быть*, *наверно...*, а квазитрактовка — *может быть*, *возможно*.

Остановимся на вопросе о таком количественном признаке информации, как 'достаточность'/'недостаточность'.

Начнем с характерной информации, в рамках которой на этот признак указывают слова *явно* и *определенно*. Рассмотрим пример: *Я спешил орешником, когда различил позади приближающиеся шаги. Оглянулся — никого. Прислушался — меня определенно кто-то догонял* (В.Богомолов). В ситуации непосредственного чувственного восприятия, повторно различая в информации характерные черты («звук шагов»), говорящий утверждает в мысли о том, что событие («кто-то догоняет») наличествует в действительности. В таком контексте было бы некорректно использование показателя недостаточности *кажется*. Для *определенно*, вообще, характерно употребление в ситуациях, когда говорящий (как правило, на основе непосредственного восприятия) переходит от сомнения (*кажется*) к уверенности, ср.: — *Ты пьян? <...> Нет, ты определенно пьян! Или ты очень удачно перевоплотился в пьяного* (Ю.Трифонов); *Брике в ужасе просыпалась, стуча зубами и задыхаясь. Да, она определенно ощущала удушье* (А.Беляев).

В отличие от *определенно*, слово *явно* употребляется по преимуществу в тех случаях, когда говорящий судит о предмете по его внешним проявлениям. Ср. корректность фразы *Петров определенно прав* и некорректность: *?Петров*

явно прав. Наличие в семантике *явно* указаний на внешнее восприятие определяет невозможность использования этого слова, в отличие от *кажется* или *определенно*, в тех случаях, когда говорящий описывает себя, свой внутренний мир, ощущения и пр. Ср.: *Я ?явно (кажется, определенно) начинаю что-то понимать; Мне ?явно становится ясным происходящее; Я ?явно припоминаю что-то*. Приведенные примеры корректны лишь в контексте отстраненного (стилистически ненейтрального) самоописания.

Явно используется в тех случаях, когда степень интенсивности внешних проявлений велика. Ср. пример, где в силу указанных причин употребление *явно* вместо *как будто* было бы неуместным: *Обрадовался ли Петрушка приезду барина, неизвестно, по крайней мере они перемигнулись с Селифаном, и обыкновенно суровая его наружность на этот раз как будто (*явно) несколько прояснилась* (Н.Гоголь).

В рамках нехарактерной информации 'достаточность' выражается словами *бесспорно*, *безусловно*, *несомненно*. Приведем пример, в котором степень уверенности говорящего предсказана однозначно: *Вы не знаете Ивана. Он, несомненно/бесспорно, справится с заданием. Нельзя, при убеждающем (как бы сказал Л.Витгенштейн, выражающем «воинственную уверенность») вы не знаете... продолжить фразу указанием на недостаточность информации.*

Заметим, что приведенный контекст не противоречит употреблению *определенно*, ср. *Вы не знаете Ивана. Он определенно справится с заданием*. Этот и подобные факты говорят о наличии в употреблении показателей характерной/нехарактерной информации в рамках признака 'достаточность' значительной области пересечения. Так, можно сказать *Петров определенно прав* и *Петров бесспорно/безусловно прав*. Но наряду с этим есть и диагностические контексты — в которых тип информации задается вполне однозначно. Например, только нехарактерная информация используется 1) при логическом выводе, ср.: *Иван бесспорно (*определенно) добрался до места, ведь прошло больше часа*; 2) в условных конструкциях: *Если ему об этом сказать, он безусловно (?определенно) обидится*; 3) в контексте будущего гипотетического: *Вы несом-*

ненно (?определенно) будете довольны поездкой; 4) при отсутствии контакта между говорящим и предметом описания: Читатель, бесспорно (*определенно), уже догадался, в чем дело.

Как итог параграфа приведем семантические описания модальных слов. Через А обозначается предмет речи (идентифицируемый объект/характеризуемое событие).

Кажется, А: говорящий 1) располагает характерной информацией об А; 2) сообщает, что имеющейся информации недостаточно для окончательной идентификации (характеризации) А; 3) проводит идентификацию (характеризацию) А на основе этой информации (= трактует ситуацию).

Как будто (вроде) А: говорящий 1) располагает характерной информацией об А; 2) считает, что имеющейся информации недостаточно для окончательной идентификации (характеризации) А; 3) не проводит идентификацию (= не выносит однозначной трактовки ситуации).

Явно (определенно) А: говорящий 1) не располагает об А полной информацией; 2) судит об А на основе характерной информации; 3) считает, что имеющейся информации достаточно для идентификации/характеризации А (установления соответствия сказанного действительности).

Наверно (вероятно, очевидно...), А: 1) говорящий судит об А на основе нехарактерной информации с привлечением логического вывода и общих знаний; 2) сообщает, что эта информация не может служить окончательным идентификатором А в силу ее недостаточности; 3) проводит идентификацию (характеризацию) А на основе имеющейся нехарактерной информации (= трактует ситуацию).

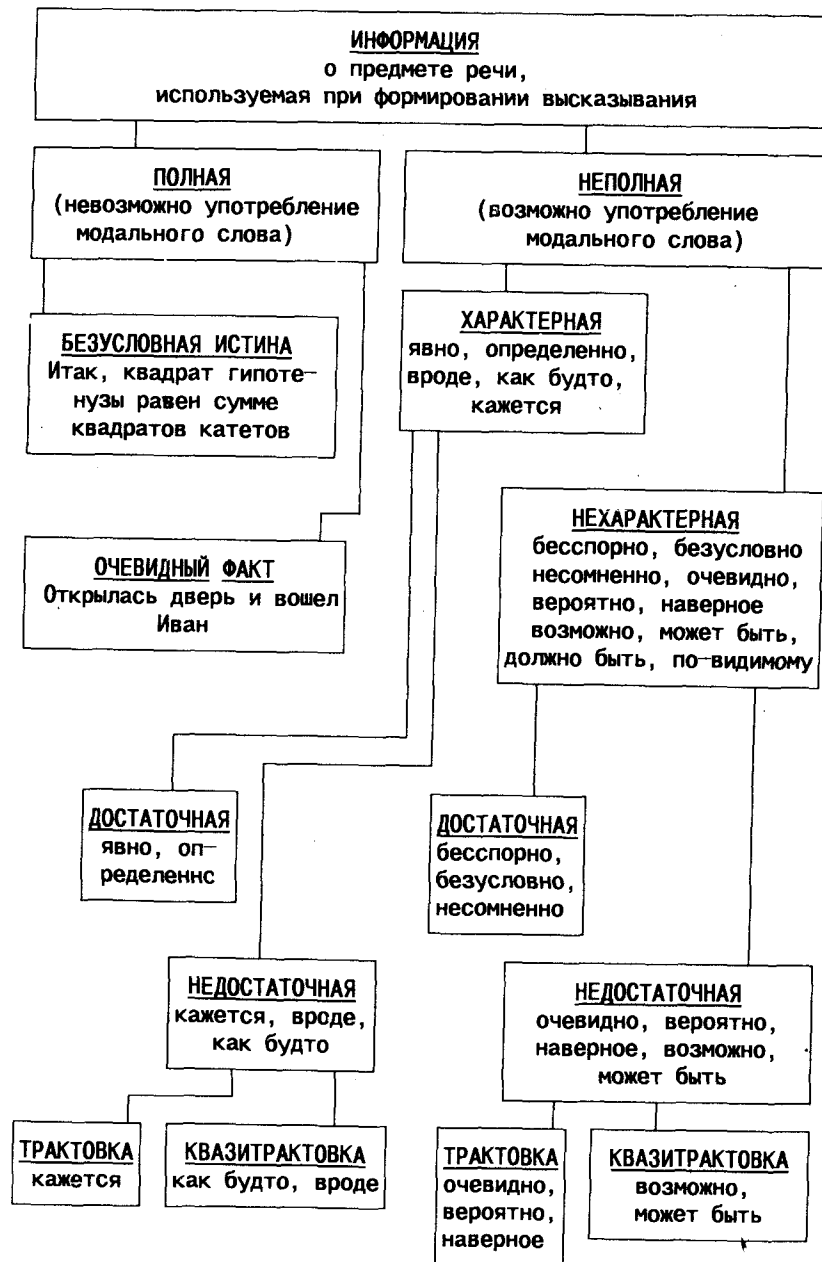
Бесспорно (несомненно...), А: 1) говорящий не располагает об А полной информацией; 2) судит об А на основе нехарактерной информации (т.е. использует общие знания и логику); 3) считает что имеющейся информации достаточно для идентификации/характеризации А (установления соответствия сказанного действительности).

Может быть (возможно), А: 1) говорящий сообщает, что имеющаяся нехарактерная информация не подтверждает, но и не противоречит А; 2) не проводит идентификацию (характеризацию) А на основе этой информации (= не выносит однозначной трактовки ситуации).

Итак, анализируя условия корректного употребления модально-вводных слов, мы выделили набор базисных понятий, составляющих основание языковой классификации эпистемических показателей: характерная/нахарактерная информация, полнота/неполнота информации (качественные признаки); достаточность/недостаточность информации, трактовка/квазитрактовка ситуации (количественные признаки).

Указанная классификация, имеющая структуру двоичного дерева, представлена на рисунке (см. след. стр.)². По каждому из выделенных нами признаков может происходить эпистемическое согласование различных компонентов высказывания. Некоторые аспекты этого согласования, так сказать «стихийно», спорадически, были рассмотрены в качестве языковых подтверждений правильности предлагаемой интерпретации семантических особенностей модальных слов. Представляется целесообразным уделить специальное внимание вопросу о закономерностях эпистемического согласования с последовательным рассмотрением каждого из параметров.

² Данной классификации уже 10 лет. Ср. недавний опыт — [Ионеску 1993], — где на основе эпистемического согласования (не обязательно контекстного, но и ситуативного) представлена тернарная классификация типов информации: «... необходимо выделить в общем случае три класса единиц в зависимости от того, сформировано ли суждение на основе личного контакта с объектом (I класс), на основе опосредованного контакта (II класс) либо при отсутствии любого контакта (III класс)... Во французском языке, например, эти три класса представлены следующими единицами ...: I. *trouver, considerer*; II. *avoir l'impression, juger*; III. *penser, croire*» (с. 89). В применении к русскому материалу выделенное противопоставление выглядит следующим образом: показатели характерной информации (*кажется*), нехарактерной (*наверное*) и новый класс (*видимо, по-видимому*) — показатели достоверности, которые свидетельствуют о том, что высказывание строилось в условиях опосредованного контакта с предметной ситуацией» (с. 90). Критерием выделения *видимо* в отдельную классификационную рубрику является, в частности, то, что это слово «не может употребляться в тех случаях, когда говорящий формирует свое высказывание на основании только логического вывода, не опираясь ни на какой элемент предметной ситуации, о которой он судит» (там же).

§3. Различные аспекты согласования по признаку «достоверность»

Модально-вводные слова являются каноническим языковым средством выражения эпистемических значений. Каждое из них фиксирует и качество и количество информации, на основе которой высказывание было сформировано. Соответствующие значения, однако, с большей или меньшей точностью и полнотой могут передаваться и другими компонентами высказывания: местоимениями, глаголами пропозициональной установки и пр. Модальное слово согласуется с контекстом по качественным и количественным параметрам. При этом согласование может быть более или менее жестким. Проиллюстрируем последний тезис. Рассмотрим пример: *Кто-то из римских императоров, кажется, Александр Север, считал, что на государственные должности нужно выбирать тех, кто избегает, а не домогается их* (Г.Бакланов). Здесь использование показателя недостаточности *кажется* навязывается говорящему предшествующим контекстом — употреблением местоимения неизвестности *кто-то*, свидетельствующем о недостаточности информации, ср. невозможность вслед за этим однозначного суждения: *Кто-то из римских императоров, *Александр Север...* При этом неопределенное *-то* местоимение в данном случае не содержит указаний на использованный говорящим тип информации: вслед за ним может идти припоминание (*кажется*), либо гипотеза (*наверно, вероятно...*), ср.: *Кто-то из римских императоров, вероятно, Александр Север...*

Согласование будет более жестким, если мы добавим к неопределенному местоимению такой показатель «модальной перспективы», как *помнится*, задающий использование характерной информации, ср.: *Помнится, кто-то из римских императоров, кажется (*вероятно), Александр Север считал, что ...*

§3.1. Согласование по признаку 'достаточность'/ 'недостаточность'

Начнем с характерной информации. Пример: — *Где я вас видел?... Ну-ка, снимите свой камуфляж...* [Штирлиц положил очки на колени и приподнял шляпу]. *Я где-то определенно (*кажется) вас видел, — повторил Борман (Ю.Семенов).* На повторной ступени распознавания некорректно использование показателя недостаточности *кажется*, поскольку здесь дважды высказывается одна и та же мысль, сначала с сомнением, затем — с уверенностью. *Кажется* в подобной ситуации не несло бы никакой новой информации: говорящий «топтался бы на месте», повторяя одно и то же соображение (причем во второй раз — *кажется* — это соображение высказывалось бы с большим сомнением, чем в первый). Ср. возможный «ход рассуждений» для *кажется*: *Разве от него пахнет вином?... Впрочем, кажется (*определенно) пахивает.*

Еще примеры: *Да ты посмотри на него. Он явно (*кажется) что-то знает* — «убеждающий» логический акцент возможен только на показателях достаточной информации, ср.: *Что ты его выгораживаешь: он явно (плохо: кажется) пьян.* Пример на согласование по признаку 'достаточность'/ 'недостаточность' семантики предиката пропозициональной установки и модального слова, используемого во вводимой пропозиции: *Взглянув на Ивана, я убедился, что он определенно (плохо: кажется) что-то знает*, ср. нейтральный в указанном плане пропозициональный предикат *подумал*: *Взглянув на Ивана, я подумал, что он определенно/кажется что-то знает.* В последнем случае идея накопления уверенности передается именно словом *определенно*; *кажется* же свидетельствует скорее о «первой мысли».

'Достаточность' в рамках нехарактерной информации. Пример: *Уверяю вас, Иван, бесспорно (*вероятно), справится.* Отведение сомнений собеседника не будет эффективным, если говорящий укажет на недостаточность имеющейся у него информации.

§3.2. Согласование по признаку 'наличие/отсутствие однозначной трактовки ситуации'

Здесь можно говорить и о структурных особенностях высказывания, поскольку квазитрактоочные слова задают альтернативный характер суждения: *может быть так, а (но) может быть и иначе.* Ср.: *Может быть ты и не плох против какого-нибудь библейского льва, но где тебе тягаться со структуральным лингвистом (А. и Б.Стругацкие).* В.З.Санников относит *может быть*, возможно к группе союзных слов «со значением подчеркнутой неуверенности» [Санников 1987, 27]. Приведем предлагаемое им толкование: «*Может быть X, а может быть Y* — 'Г подчеркивает, что он не знает правды, но предполагает, что в качестве описываемого возможен X, возможен Y, возможно нечто, не являющееся ни X-ом, ни Y-ом'» (там же).

Только квазитрактоочные слова возможны в сфере действия предикатов пропозициональной установки *бояться, надеяться, ожидать*, например: *Карпенко ожидал, что Фишер, может быть, еще выбежит в лощину (В.Быков).* Колебания возможны от 'надежды' до 'боязни' и наоборот (ср. у Ларошфуко: «Где надежда, там и боязнь: боязнь всегда полна надежды, надежда всегда полна боязни» [Ларошфуко 1974, 92]): *Он обманывал себя неясной надеждой: может быть, ничего и не случится (Ю.Тынянов)* или: *Боясь самого худшего, Степка, однако, надеялся еще, что, может, Маслаков притаился и он его скоро увидит (В.Быков).*

Может быть согласуется с пропозициональными предикатами *бояться* и *надеяться* по компоненту 'отсутствие трактовки ситуации', который косвенно свидетельствует о пассивности говорящего. Важно учитывать, что эта «пассивность» не обязательно подразумевает отсутствие оснований для соответствующего ментального состояния — их может не быть у *надеяться*, но они должны быть у *бояться* и *ожидать*, ср. возможность безосновательной надежды — *Я почему-то надеюсь, что он еще, может быть, вспомнит обо мне* — и невозможность безосновательных ожиданий или опасений: **Я почему-то опасаясь (эквивалент ментального боюсь), что он может опоздать; *Я почему-то*

ожидая, что он может приехать. Заметим, что с «биологическим» боюсь — страшусь — подобный контекст совместим: *Я почему-то страшусь этой встречи.* Приведенные примеры заставляют предположить, что «надежда», в отличие от «опасения», является, скорее, душевным, а не ментальным состоянием: она находится вне логики и фактов.

Несовместимость предикатов *надеяться* и *бояться* с модальными словами, указывающими на однозначность предположения (трактовку ситуации) свидетельствует об альтернативном характере вероятности в семантике данных предикатов. Это предположение подтверждается и тем, что предикаты типа *бояться* способны вводить не...ли конструкции, ср.: [Славянофилы назвали мою речь гениальной]. *Но боюсь, боюсь искренно, не в первых ли попытках увлечения произнесено было это!* (Ф.Достоевский).

Известна системная относительность не...ли и *может быть* в косвенных вопросах: *Не пойти ли в кино? = Может быть, пойти в кино?* Из всех эпистемических показателей только *может быть* способно вследствие своей альтернативности употребляться в качестве ненавязчивого предложения, деликатного совета.

Как уже отмечалось, для показателей характерной информации квазитрактовка, как правило, подразумевает неоднозначность имеющейся у говорящего информации, например: *Сильный, очень приятный и знакомый запах поразил его... Что-то как будто (*кажется) вспомнилось ему, что-то весьма отдаленное..., но что именно он не мог придумать* (И.Тургенев). Как будто сигнализирует здесь о неоднозначности первого впечатления и хорошо согласуется с безличной формой предиката.

Ср. контекст, задающий трактовку ситуации: *Уйдем отсюда: кажется (плохо: вроде), назревает скандал,* где предлагаемая говорящим стратегия поведения (предложение уйти) определилась именно в силу произведенной трактовки ситуации.

В рамках нехарактерной информации трактовка может задаваться, в частности, контекстно выраженной проявленностью ментального состояния говорящего: [партизаны узнают, что в перестрелке ими был убит полицай] *Становилось понятно, почему их не догнали — наверное, вытаски-*

*вали убитого и упустили его с Маслаковым (В.Быков); Все время, пока мы играем с сыном в шахматы, слышны в другой комнате их [жены и дочери] оживленные голоса. Наверное, разглядывают какую-нибудь вещичку ... Над чем еще так оживленно могут жужжать женщины? (Г.Бакланов); Старушонка поминутно кашляла и кряхтела. Должно быть (*может быть), молодой человек взглянул на нее каким-нибудь особенным взглядом, потому что и в ее глазах мелькнула вдруг прежняя недоверчивость (Ф.Достоевский).*

§3.3. Согласование по типу информации

Согласование по типу информации может задаваться глаголом пропозициональной установки. Так, *думать* однозначно подразумевает использование нехарактерной информации, ср.: *Я думаю, Юлия Михайловна, несмотря на всю свою высшую решимость, все-таки немного сконфузилась, впрочем, вероятно, на одно только мгновение (Ф.Достоевский).* В данном контексте невозможно использование каких-либо показателей характерной информации именно в силу экспликации модальной рамки. Ср. высказывание без *думаю* — эпистемически неоднозначное: *Юлия Михайловна ... все-таки немного сконфузилась, впрочем, кажется (вероятно), на одно только мгновение.* Использование показателя характерной информации сигнализирует о других условиях речевой ситуации: говорящий — свидетель событий.

Экспликация модальной рамки *думаю/знаю* — соответственно, субъективный/объективный статус высказывания — может прояснять конкретный характер «модального прочтения» пропозиции в том случае, когда в ее составе употреблен неоднозначный модальный предикат. Например, высказывание *Я думаю, что Иван должен поехать к матери* прочитывается либо как гипотетическое (*думаю* = ‘предполагаю’ и *должен* = *должно быть*), либо как императивное (*думаю* = ‘считаю’ и *должен* = *следует*); высказывание же *Я знаю, что Иван должен поехать к матери* понимается как нейтральное в плане модальной оценки сообщения (*должен* = ‘предстоит’), поскольку *знаю* объективирует вводимую в пропозиции информацию.

Характерная информация вводится различными перцептивными, сенсорными предикатами, словами с семантикой 'припоминания', например: *Я почувствовал, что боль как будто (*возможно) стала отпускать; Я замечаю, что Иван вроде/кажется (*может быть/*вероятно) недоволен.*

Именно сенсорные пропозициональные предикаты — обладающие значением прямого, не опосредованного логическим выводом, воспроизведения информации — способны вводить альтернативные союзные конструкции «со значением внешнего сходства» [Санников 1987] *не то ... не то, то ли ... то ли*. Примеры: *Припоминаю, это сделал не то Коля, не то Петя* (нельзя: **Думаю, это сделал не то Коля, не то Петя*); *Кажется, это сказал не то Рузвельт, не то Черчилль* (нельзя: **Думаю, это сказал не то Рузвельт, не то Черчилль*). Альтернативные конструкции *может X ... может Y* не тождественны приведенным выше: во-первых, они исключают прямое распознавание, а во-вторых, они возможны и в тех случаях, когда у говорящего вообще нет никакой информации о предмете речи, ср.: *Не знаю я, что он сейчас делает, может, спит, а может, в карты играет.*

Было замечено [Арутюнова 1989], что сенсорные предикаты *видеть, чувствовать* могут переключаться «в ментальный план, приобретая смысл, близкий к значению полагания» [Арутюнова 1989, 12] (известна широкая употребимость глагола *to see* в речи англичан и особенно американцев). «Обозначая „внутреннее зрение“, глагол *видеть* синонимизируется с глаголами *понимать* и *сознавать...*, семантически между собой близкими: *Я вижу (понимаю), что неправ*» [Арутюнова 1988, 118]. (Ср. у Л.Витгенштейна: «„Я знаю“ по своему простейшему значению сходно с „я вижу“ (*wisser, videre*)» [Витгенштейн 1991, 74])³.

Иными словами предикаты пропозициональной установки *видеть* и *чувствовать* способны включаться в разные по типам информации контексты. Важно, что ментальность данных предикатов однозначно предсказывается характером вводимой ими пропозиции, например: *Я вижу (чувствую), что если я не сделаю эту работу, ее никто не сделает.* Здесь *вижу* = *понимаю*, поскольку сенсорные предикаты способны вводить только не-будущее время индикатива. Кондиционал и др. ирреальные наклонения находятся в «ведомстве» ментальных пропозициональных предикатов и подразумевают использование нехарактерной информации.

Модальные слова весьма чувствительны к референциальному статусу высказывания. Так, в неререферентных высказываниях исключены показатели характерной информации, ср.: *Вероятно (*кажется), я когда-нибудь здесь уже бывал; Наверно (*кажется), это был кто-нибудь из них; Должно быть (*кажется), Иван что-нибудь знает об этом.* Ср. еще: *Я вспоминаю всех, кто спас меня в тяжелейших ситуациях, как и каждого, наверно (*кажется), спасают по многу раз за жизнь* (А.Вознесенский); *Людям, избалованным богатством и властью, вероятно (*кажется), не хочется умирать* (А.Чехов); [из «Рассказа неизвестного человека» А.Чехова] *Я не ладил с Полей [горничной]. Это была хорошо упитанная, избалованная тварь, обожавшая Орлова за то, что он барин, и презиравшая меня за то, что я лакей. Вероятно, с точки зрения настоящего лакея или повара, она была обольстительна: румяные щеки, вздернутый нос ...* В последнем примере невозможность использования характерной информации предсказывается вдвойне: во-первых, говорящий делает предположение, став на чужую точку зрения (ср.: *Наверное, когда бы я была на Вашем месте, а Вы на моем, меня бы очень возмутило Ваше поведение* (Б.Окуджава)), а во-вторых, это точка зрения

до». Поэтому всякое знание, доставляемое внешними чувствами, называется <...> «похотью очей»: обязанность видеть — эту основную обязанность глаз, присваивают в переносном смысле и другие чувства, когда ими что-то исследуется» [Августин 1979, 176—177]. Бл. Августин связывает эту экспансию «похоти очей» с тем, что «из внешних чувств зрение доставляет нам больше всего материала для познания» (там же, с. 176).

³ Ср. у бл. Августина: «Собственное назначение глаз — видеть, но мы пользуемся этим словом, говоря и о других чувствах, когда с их помощью что-то узнаем. Мы ведь не говорим: «послушай, как это отливает красным», или «понюхай, как блестит», или «отведай, как ярко», или «потрогай, как сверкает»; во всех этих случаях говорят «смотри». Мы ведь говорим не только: «посмотри, что светится» — это почувствовать могут только глаза, — но и «посмотри, что звенит», «посмотри, что пахнет», «посмотри, какой в этом вкус», «посмотри, как это твер-

обобщенного лица (лакея «вообще»), ср. еще: *Возьмите, наконец, прокурора, художника, музыканта. Я ничего не говорю, все это лица почтенные. Но каждому из них, наверное, хоть раз приходила в голову мысль: а ведь, черт побери, так ли уж нужен человечеству мой труд, как это кажется?* (А.Куприн).

§4 Итоги

Мы рассмотрели различные компоненты высказывания в достаточно жестких условиях эпистемического согласования, когда качество и количество информации, на основе которой было сформировано высказывание, «фиксировалось» модальным словом и в соответствии с его семантикой задавалась общая «эпистемическая перспектива» высказывания. При этом распределение эпистемических показателей по качеству информации отражало две принципиально различные модели восприятия и описания действительности: характерная информация — непосредственное распознавание; нехарактерная информация — отсутствие данных непосредственного распознавания и, как следствие, привлечение логического вывода и общих знаний.

В заключение несколько слов о лингвистической релевантности предлагаемых понятий «типов информации».

Дело в том, что в философии имеется ряд примеров использования близких по содержанию понятий для описания процессов отражения реальной действительности человеком. Так, Дж.Локк, выдвинувший в «Опыте о человеческом разуме» учение о вероятном знании, проводил различие между видами знаний по степени их достоверности. Согласно Локку, различаются между собой знания: «сенситивное» (или «чувственное»), «демонстративное» (или «умозрительное») и «интуитивное» (или «дедуктивное») [Локк 1960, 634].

Б.Рассел также видел в разных видах познания различные «степени самоочевидности»: «Истинность восприятия и некоторые из принципов логики обладают наивысшей степенью самоочевидности; истинность непосредственного

вспоминания — почти так же достоверна. Принцип индукции менее самоочевиден, чем другие логические принципы ... Воспоминания становятся все менее самоочевидными, чем к более отдаленным и неярким явлениям они относятся ...» [Рассел 1914, 87]. Ср. еще: «Только ощущения и воспоминания являются истинными данными для нашего познания внешнего мира» [Рассел 1957, 203].

Как видим, непосредственное восприятие признается в иерархии видов знаний как Дж.Локком, так и Б.Расселом, источником самого достоверного знания. Выделенные нами на основе употребления модально-вводных слов понятия типов информации и ее достаточности/недостаточности не являются непосредственным отражением достоверности (внеязыковой!) имеющихся у говорящего сведений об описываемом событии, так как трактовка информации производится самим говорящим, и его знания, представления, уверенность, категоричность играют здесь не последнюю роль (не зависит от говорящего, «навязывается» ему, лишь свойство объективной полноты информации). В этом смысле не совсем точным было бы утверждение о том, что «идентифицирующий коэффициент» у характерной информации выше, чем у нехарактерной: возможны случаи, когда косвенные данные и логика обладают для говорящего большей убедительностью («достоверностью»), чем воспринятые в информации характерные черты события. Существенно то, что типы информации отражают два принципиально различных — не сводимых к какой-либо иерархии достоверности! — способа распознавания явления и последующего его описания.

Оценка на основе фактического соответствия (конечно vs. бесспорно)

Вводно-модальные слова *бесспорно*, *несомненно*, *конечно*, *естественно*, *безусловно* принято относить к показателям «категорической достоверности». Считается, что все они выражают одну и ту же — высокую — степень достоверности и поэтому в речи могут быть взаимозаменяемы. Словари обычно выстраивают эти слова в один синонимический ряд, ср. у Ожегова: *конечно* 1. вводное слово — *несомненно*, *само собою разумеется*, *естественно*. «Конечно, вы можете не согласиться». Однако языковая практика заставляет усомниться в такой трактовке.

Приведем примеры с очевидной невозможностью взаимной замены слов *конечно* и *несомненно*: *Несомненно* (**конечно*), *завелось в России какое-то весьма подозрительное общество* (Ю.Тынянов) и *Пошел и посмотрел, нет ли письма. Нет, конечно* (**несомненно*) (А.Блок). Наличие подобных примеров заставляет предположить, что семантика рассматриваемых слов не сводима к понятию «высокая степень достоверности», что мотивируют употребление этих слов какие-то другие семантические параметры.

Как мы уже отмечали в Разделе 2, объяснению различий в употреблении показателей «категорической достоверности» способствует введение критерия «объективности» (т.е. понятия объективного и субъективного статусов описываемого явления). Модальные слова *бесспорно*, *несомненно*, *безусловно*, как и все собственно показатели достоверности, употребимы только в высказываниях с субъективным статусом. Употребление же слов *конечно*, *естественно*, *разумеется* и некоторых других не зависит от фактора объективности/субъективности. Например: *Комиссар сразу почувствовал опасность и встрепнулся. Конечно, первое, что пришло в голову, — бежать* (В.Быков) — объективный статус высказывания; *Он [Швабрин] казался сам не свой. При обыкновенной сметливости своей он, конечно, догадался, что Пугачев им недоволен* (А.Пушкин) — субъективный статус высказывания.

Яркой особенностью слов типа *конечно* является возможность их употребления по отношению к фактам, к очевид-

ным для говорящего событиям, явлениям, данным в непосредственном наблюдении. Например: *Вечер. Золотые огни, как положено. Молодой весенний дождик, который по неопытности не льет, а только брызгает. Естественно, плащи, зонтики, лужи* (И.Зверев); *Пришли [мы] однажды вечером ... пить чай в казино. Ну, конечно, музыка, несколько танцующих пар* (И.Бунин); *На Мадере мы, конечно, пили крепкий сок этой благословенной страны* (Ф.Шаляпин).

Возможность использования некоторых модальных слов в высказываниях, сформированных на основе объективно полной информации, свидетельствует об отсутствии в значении этих слов компонента «степень достоверности». Таким образом, традиционно относимые к показателям высокой степени достоверности слова разделились на 1) собственно показатели достоверности (*бесспорно*, *несомненно...*) и 2) показатели качественно иных оценок (*конечно*, *разумеется*, *естественно...*). При этом в рамках самой группы (2) выявились существенные различия в употреблении, которые обусловлены ее семантической неоднородностью. Выяснилось, что по ключевым (определяющим употребление) параметрам *конечно* совпадает с *разумеется*, но далеко не тождественно своему словарному синониму *естественно*. Проанализируем употребление этих слов.

§1. Конечно как показатель стереотипности

Значение *конечно* мы будем описывать опираясь на следующие примеры: (1) *Прошлое мое самое обыкновенное. Муж был в Добровольческой армии, сперва у Деникина, потом, у Врангеля, а когда мы докатились до Парижа, стал, конечно, шофером* (И.Бунин); (2) [На заседании кафедры под одним из преподавателей разлетелось кресло] ... *Остальные отпускали плоские шутки, конечно, насчет Александра Македонского, по традиции упоминаемого каждый раз, когда речь идет о ломании стульев* (И.Грекова).

При описании *конечно* мы используем понятие *стереотипа* (= представления говорящего о стереотипной ситуации). Поясним, что имеется в виду.

В процессе накопления опыта у говорящего формируются обобщенные энциклопедические знания о типичных, стандартных явлениях (ситуациях, «положениях дел»), возникающих при тех или иных обстоятельствах. Каждую такую область знаний о типичности явления (т.е. о соотносимости его со множеством подобных) мы будем называть стереотипом.

Итак, конкретное (описываемое) явление типично с т.з. говорящего, если он установил соответствие между имеющимся в его сознании стереотипом и этим явлением. Конечно — это по сути дела текстовый указатель проведенной говорящим «стереотипизации».

Ясно, что подобная оценка не зависит от характера отношения события к реальной действительности: как стереотипные могут квалифицироваться явления и с объективным, и с субъективным статусами. Так, в (1), с помощью *конечно*, говорящий сообщает, что событие «муж стал шoferом» является частным проявлением стандартного «положения дел» — обычной судьбы белогвардейского эмигранта во Франции. В (2) *конечно* соотносит описываемые события («плоские шутки насчет Александра Македонского») с целым множеством подобных событий, имеющих место каждый раз, когда речь идет о ломании стульев. Тем самым *конечно* указывает на стереотипность этого события с т.з. говорящего. Ср. еще: [Генеральша о Гане Иволгине] *Он, конечно, еще в кабинете. По средам он всегда приходит работать и никогда раньше четырех не уходит* (Ф.Достоевский); *Высосал флягу досуха... Однако последнего глотка, конечно, не хватило* (А. и Б. Стругацкие).

В частном случае, когда речь идет о каком-либо общезвестном стереотипе, как в примерах (1—2), значение *конечно* можно трактовать как подтверждение ожиданий слушающего (адресата сообщения). Так, в (1—2) слушающий, располагающий общим с говорящим фондом знаний, в описываемой ситуации скорее всего будет ожидать именно этих событий. Но такая согласованность мнений адресата и адресанта случайна (хотя и частотна), она не является необходимым условием корректного употребления *конечно* (замечим, что толкование *конечно*, принадлежащее А.Вежбицкой, подразумевает обязательную согласованность мнен-

ний собеседников, ср.: «Конечно — 'я полагаю, ты понимаешь, что не могло быть иначе'» [Вежбицка 1968, 26]).

Рассмотрим в связи со сказанным такой пример: [В своем кабинете на столе профессор неожиданно обнаружил котенка] *На тихий и жалобный крик профессора прибежала Ксения Никитична и совершенно его успокоила, сразу сказав, что это, конечно, кто-нибудь из пациентов подбросил котенка, что это нередко бывает у профессоров* (М.Булгаков). Здесь как стереотипное квалифицируется событие, которое ни с точки зрения конкретного адресата (профессора), ни с точки зрения читателя таковым не является. Можно сказать, что в соответствующей стереотипизации весьма нетривиального события и состоит комический эффект высказывания Ксении Никитичны.

Реакция со стороны собеседника на странное, неожиданное употребление *конечно*, как правило, является следствием несовпадения моделей мира у участников диалога. Но важно, что такое «неуместное» словоупотребление не приводит к семантической аномалии. В каком-то смысле говорящий обладает «авторским правом» на стереотипизацию того или иного события (т.е. существует определенная «семантическая свобода» на употребление *конечно*). И здесь обнаруживается глубокое отличие данного слова от его словарных «соседей» *несомненно, бесспорно, безусловно*. Обратимся к примерам: *Вы, конечно, возрадите, что я молод, что я увлекаюсь...* (А.Куприн); *Ты, конечно, милая Сашенька, удивилась моему нечаянному отъезду в деревню* (А.Пушкин). Описываются события с субъективным статусом. Казалось бы, налицо релевантное для корректного употребления слов *бесспорно* и др. условие. Однако высказывания типа *?Вы, бесспорно, возрадите, что я молод; ?Ты, бесспорно, удивилась...* будут по крайней мере сомнительны. Некорректность подобных высказываний определяется тем, что о вероятности событий (*возрадите, удивилась*) собеседник осведомлен лучше, чем говорящий, и никаких сомнений (которые мог бы «отметать» говорящий словами *бесспорно, несомненно*) у него возникнуть не может.

Мы видим, что употребление разного рода эпистемических показателей в значительной степени регулируется условиями речевой ситуации и в этом смысле может даже

навязываться говорящему. Использование же слов, не содержащих смысла 'достоверность', не зависит непосредственно от внешних причин (ситуации речи и т. п.). Оно регулируется другими факторами. Существенную роль здесь играет внутренний мир говорящего, точнее — словесные показания говорящего о своем внутреннем мире. Другими словами, свобода употребления показателя стереотипности может ограничиваться контекстными характеристиками. В пояснение рассмотрим искусственно сконструированные примеры: *К нашему недоумению/удивлению Маша, *конечно, пришла; Но он вдруг, *конечно, приехал в Москву; И представляете, это был, *конечно, Иван.* Аномальность употребления *конечно* в этих примерах объясняется тем, что в высказываниях рассогласуются значения авторских оценок события по признаку 'стереотипность/не стереотипность'. Тем самым говорящий противоречит самому себе. Языковая аномалия неизбежна в подобных случаях, поскольку противоречие возникает в модальной рамке высказывания, содержание которой, по определению, должно быть внутренне непротиворечивым.

Мы рассмотрели случаи рассогласования оценок по параметру 'неожиданность', но «стереотип» — семантически неэлементарное понятие. Событие (явление) стереотипно, если оно: 1) не неожиданно и 2) не единично (т.е. соотносимо со множеством подобных). Поэтому контекстные ограничения на употребление *конечно* могут быть двух типов: в высказывании есть указания на неожиданность (*Но вдруг Иван, *конечно, произнес...*), либо в высказывании содержится показатель единичности (*Как-то раз/однажды Петя *конечно пришел*).

Стереотипизирующая функция *конечно* объясняет возможность употребления этого слова в нерелевантных (не соотношенных с конкретной ситуацией) высказываниях. Например: [В ожидании электрички] *Всяк, конечно, знает это томление духа, сгорбленное высиживание на лавке, тоскливые мечты хоть о какой-нибудь газетенке, сосредоточенное и пустое пересчитывание проносящихся мимо товарных вагонов (С.Иванов); Бывает, конечно, что и не овладеешь собственными нервами (Ф.Шаляпин); Вы соединить могли с холодностью сердечной // Чудесный*

жар пленительных очей. // Кто любит Вас, тот очень глуп, конечно; // Но кто не любит Вас, тот во сто крат глупей (А.Пушкин); Конечно, какой-нибудь современный поп, читая эту фразу.., сильно переконфузится (М.Зощенко). Возможность употребления *конечно* в высказываниях, не соотношенных с конкретной ситуацией, объясняется тем, что для квалификации явления как стереотипного релевантно наличие у говорящего предварительных знаний о подобных явлениях, имевших место в прошлом, конкретной же информации об описываемом явлении может и не быть, ср.: *Что Плетнев умолк? Конечно, бедный, болен...* (А.Пушкин). Не располагая какими-либо конкретными сведениями о Плетневе в момент речи (о чем свидетельствует общий вопрос), говорящий на основе своих знаний о ситуациях, имевших место в прошлом, утверждает, что *Плетнев болен*, и расценивает такое «положение дел» как стереотипное, типичное для Плетнева. Заметим, что контекст данного высказывания сопротивляется употреблению слов типа *бесспорно*: выражение категорической уверенности сразу вслед за вопросом, свидетельствующем о неосведомленности говорящего, едва ли уместно.

Наблюдения за употреблением позволяют утверждать, что *естественно* отличается от *конечно* по некоторым существенным параметрам, хотя словари трактуют эти слова как семантические дубликаты (у Зощенко даже есть такое лексическое новообразование *конечно-естественно*).

§2. Естественно как показатель причинной обусловленности

Естественно, как и *конечно*, указывает на соотносительную связь описываемого события с некоторым рядом событий, но характер данного соотношения иной. Обратимся к примерам: *Папа был кандидат философских наук и на все, естественно, смотрел философски (И.Зверев); Я уже заканчивал зарядку, когда он подошел ко мне и поздоровался. Я, естественно, тоже поздоровался (А. и Б.Стругацкие); Сложность и многопланность самого явления модальности, естественно, порождает различные интерпретации его*

(Г.Золотова). В высказываниях типа *Естественно*, *Р* модальное слово указывает на производимое говорящим соотношение описываемого события (*Р*) — как следствия — с другим, известным говорящему, событием-причиной. Так, в первом примере говорящий с помощью *естественно* указал на установление причинно-следственной связи (иронической) между папиным кандидатством и философским взглядом на жизнь.

Итак, в высказывании *Естественно*, *Р* модальное слово сигнализирует о наличии причин, о том, что *Р* причинно обусловлено для говорящего, т.е. *естественно* отправляет адресата к некоему содержательному предтексту. Сравним три варианта ответа на вопрос *Ты к нему пойдешь?*: а) *Конечно, пойду*; б) *Несомненно, пойду*; в) *Естественно, пойду*. Понятно, что именно последний (в)-ответ является наиболее интригующим: за ним, скорее всего, последует новый вопрос о причинах (*Почему «естественно»?*).

В том случае, когда текст содержит какие-либо яркие указатели на установление говорящим причинно-следственной связи между двумя явлениями, *естественно* не поддается замене на *конечно*, ср.: [При устройстве на работу герою предлагают заполнить множество различных бумаг] — *Странно, зачем столько бумаг? Раз я поступаю на работу, то, естественно (*конечно), меня не приволокли — я сам пришел* (В.Токарева); *О многих своих открытиях, ввиду их закрытого характера, пока существует враждебный лагерь, я, естественно (?конечно), не могу рассказывать* (Ф.Искандер); *Начав свою деятельность миниатюристом, Дуччо, естественно (*конечно), уже с ранних пор тяготеет к миниатюрным формам, что особенно ярко проявилось в сиенской и бернской иконах* (В.Лазарев).

То обстоятельство, что *естественно* является указанием говорящего на соотношенность описываемого события как следствия с некоей известной ему причиной, делает некорректным использование этого слова, в отличие от *конечно*, в тех ситуациях, когда речь идет об оценках, которые в принципе не могут быть логически выведены. Ср.: *Несправедливо, конечно (*естественно), что писателю не дана возможность продлевать свою жизнь до того времени, когда он напишет все, что задумал* (К.Паустовский); *Он знал, что*

*все это, конечно (*естественно), вздор* (Ю.Тынянов); *Вам предстоит пройти двенадцать кругов рая. Смешно, конечно (*естественно), но я вам завидую* (А. и Б.Стругацкие).

Кроме того, содержание самой оценки может подразумевать, что говорящий не осведомлен о причинах события и соответственно не может квалифицировать его как логическое следствие, например: *Конечно (*естественно), странно, что такого рода известия могли так скоро доходить и узнаваться* (Ф.Достоевский).

Таким образом, различие между *конечно* и *естественно* состоит, во-первых, в характере соотносительной связи (*естественно* — показатель именно причинно-следственных отношений); во-вторых, при *естественно* событие соотносится не со множеством подобных, а с каким-либо, как правило, единичным, событием-причиной. Отсюда, кстати, — неупотребимость *естественно*, в отличие от *конечно*, в нерелевантных высказываниях (ср. некорректность замены *конечно* на *естественно* в приведенном выше примере из М.Булгакова: **Естественно, это кто-нибудь из пациентов подбросил котенка...*). Кроме того, для корректного употребления *конечно* «фактор адресата» (выражение Н.Д.Арутюновой), в сущности, не релевантен. При употреблении же *естественно* у говорящего меньше «авторских прав» как раз в силу действия «фактора адресата» — в этом случае мнения собеседников должны быть согласованы.

Другими словами, употребление *естественно* корректно в том случае, когда говорящий считает, что мнение слушающего относительно описываемого события совпадает с его собственным. Ясно, что такая согласованность мнений возможна при наличии у коммуникантов общего фонда знаний. Причем, знания эти могут носить как общий, энциклопедический, характер (*Каспаров, естественно, выиграл у перворазрядника*), так и частный характер — осведомленности адресата о конкретной, описываемой, ситуации. Например: *Яшу прораб просто прогнал. Потом еще ходил старик Кононов. Этого он, естественно, прогнать не мог* (И.Зверев). Здесь из предтекста известно нечто о старике Кононове, делающее импликацию 'Раз старик Кононов, то прогнать нельзя' оправданной, обоснованной для адресата.

В заключение рассмотрим случай, показывающий, что в зависимости от употребления *конечно* или *естественно* адресат сообщения по-разному реконструирует описываемую ситуацию: [Б.Пастернак читает свои переводы «Генриха IV»] Фальстаф: *Твой принц — губошлеп и простофиля. Будь он тут, я бы избил его, как собаку!* [комментарий Б.Пастернака:] *В это время входит, конечно, принц.* Здесь *конечно* указывает, что, по мнению говорящего (Б.Пастернака), возникшая ситуация (появление принца в самый неподходящий момент) типична для комедийной сцены. Если учесть, что существенным элементом данной сцены — и это ясно из контекста — является случайность визита принца, то замена *конечно* на *естественно* должна рассматриваться как некорректная. Осмыслить, оправдать эту замену можно лишь при таком изменении условий ситуации, которое позволило бы трактовать приход принца как нечто логически обусловленное. Скажем, говорящему известно, что, желая уличить Фальстафа в вероломстве, принц, прежде чем войти, подслушивал у двери.

Как итог раздела приведем семантические описания слов *конечно* и *естественно*.

Конечно, А: говорящий сообщает, что А представляет собой проявление (реализацию) некоторого известного ему стереотипа (иначе: говорящий сообщает, что он на основе своих знаний о мире квалифицирует А как типичное явление).

Естественно, А: говорящий сообщает, что 1) А является следствием некоторого известного ему события (явления, свойства...); 2) по мнению говорящего, слушающий также понимает или может понять (1).

РАЗДЕЛ 4

СЕМАНТИКА ЭКСПРЕССИВНЫХ МОДИФИКАТОРОВ УТВЕРЖДЕНИЯ

§1. Модификации по линии сходства

§1.1. *Буквально vs. действительно*

Данные языковые оппозиции представляют собой типичную пару в плане интересующих нас свойств и особенностей экспрессивно-оценочной лексики. Поэтому обсуждение вопроса, вынесенного в название параграфа, целесообразно начать с подробного рассмотрения семантики слова *буквально*, его текстовых и речевых функций в современном словоупотреблении.

В словарях и лингвистической литературе давно отмечен факт языковой эволюции *буквально*: современное употребление знает как бы два слова — качественное наречие и модальное (вводное) слово. Сравним: *Он решил, что это слишком буквально; В эти годы мы еще наивно и буквально понимали афоризм «Мир — театр, люди — актеры»* (С.Юрский); *Меня поразило, что он сам того не зная, почти буквально повторил слова пушкинского скупого рыцаря* (А.Беляев); — качественное наречие. *Город буквально утопает в зелени; Редакция буквально задавлена его статьями* (Ф.Достоевский); *Я попал на именины и хотел тут же уйти... но меня буквально силой усадили за пирог* (Н.Лесков) — модальное слово.

Ясно, что *буквально* в значении качественного наречия и модального слова кардинально различаются и по синтаксической позиции в предложении, и по семантике. Качественное наречие, как и любое другое, ему подобное, градуируется (*почти/совсем/слишком буквально*); на качественное *буквально* приходится логический акцент и поэтому оно, как правило, находится в постпозиции по отношению к своему синтаксическому «партнеру» (*понял буквально; воспроизвел буквально* и т.д.). Модальное *буквально* не допускает никаких добавочных модификаций, не градуируется; оно в принципе не может быть выделено логическим

акцентом, так как не обладает самостоятельной синтаксической позицией в предложении; всегда находясь в препозиции к той оценке, которую оно интенсифицирует (*буквально Р*), модальное *буквально* является как бы добавочным модификатором, модальной рамкой этого Р, на которое, собственно, и приходится логический акцент фразы, *буквально* же находится в «интонационной» тени (некоторые синтаксические особенности модального *буквально* в сравнении с его качественным прототипом рассмотрены в [Крысин 1988, 104]).

В модальном значении слово *буквально* стилистически маркировано, ср. приведенную несколькими страницами выше характеристику этого слова, данную В.В.Виноградовым. В словарях *буквально* характеризуется как экспрессивный синоним стилистически нейтрального *действительно*. Ср. у Ожегова: «*буквально* — действительно, в самом деле, прямо-таки. *Буквально замучен расспросами*» (с. 59). Однако, как мы уже видели, экспрессивность *буквально* обладает вполне определенным содержанием. Наличие этого слова в высказывании вносит существенные коррективы в само прочтение описываемой ситуации. Сравним: *Вчера Петя, действительно, спал на лекции* и *Вчера Петя буквально спал на лекции*. Слова *действительно* и *буквально* в данных примерах по-разному представляют ситуацию. *Действительно* указывает на наличие у говорящего информации, подтверждающей высказанное ранее в тексте предположение о том что Петя спал. *Буквально* же, во-первых, не выполняет соответствующей «подтвердительной» функции, а во-вторых, — и это, по нашему мнению, главное — однозначно указывает, что в действительности Петя не спал; происходило нечто близкое, но не тождественное событию «Петя спал». Важно, что именно *буквально* вносит ясность в описание ситуации (как мы уже говорили ранее, высказывание без модального слова не столь однозначно).

Еще примеры: *Маша буквально летит мне навстречу; Он буквально ползет; Уборщица буквально проплыла мимо нас...* Эти высказывания корректны, поскольку речь идет не о птице (*летит*), не о жуке (*ползет*), не о рыбе (*проплыла*). В противном случае употребление экспрессивного показателя

было бы неуместным, ср.: **Ласточка буквально летит; *Жук буквально ползет; *Рыба буквально проплыла мимо — буквально* указывает на переносное употребление предикатных лексем, в то время как «субъекты» задают их прямое прочтение. Ср. еще: *Он буквально заболел* (мы понимаем, что «Скорой помощи» не требуется); *Он буквально упал к ее ногам; Он буквально рыдал от счастья...*

Приведенные примеры позволяют утверждать, что «в связке» с предикатом слово *буквально* выступает в роли метафоризирующего оператора. В самом деле, *буквально выстрелить* можно словом и нельзя из пистолета, *буквально съесть* — глазами, а не с помощью вилки и ножа, *буквально ослепнуть* можно от великолепия, *буквально оглохнуть* — от шума и не навсегда, *буквально говорит* — не докладчик и не словами. Во всех этих примерах *буквально* является текстовым сигналом адресату речи: «Не понимай меня буквально!», т.е., как это ни парадоксально, модальное *буквально* антонимично своему качественному прототипу.

Заметим, что характер языковой эволюции *буквально* иллюстрирует некую общую закономерность: модализация слова способствует развитию у него значения, антонимичного исходному, прототипическому, ср. *настоящий янтарь* и *настоящий прокурор* (= не настоящий); *определенный ответ* и *определенный сдвиг* (= не определенный).

Какие же текстовые функции выполняет модальное *буквально*? Высказывалась мысль (Л.П.Крысин [1988], Т.В.Шмелева [1986]), что это слово наряду с такими, как *прямо(-таки)*, *просто*, относится к гиперболизаторам (языковые средства гиперболизации в русской разговорной речи широко представлены в [Крысин 1988]). Факты употребления как будто свидетельствуют в пользу данного предположения. Однако само понятие гиперболы в данном случае нуждается в уточнении. Правильнее было бы говорить, что *буквально* является показателем «смещения по ряду интенсивности» (уже знакомый нам по Гл. 2, Р. 2 термин Ж.Дюбуа). Понятие же смещения охватывает не только гиперболу, но и литоту. В самом деле, в приведенных примерах *буквально* служило показателем смещения, легкого искажения действительного положения дел. Интересно, что в том случае, когда семантика предиката ис-

ключает такое искажение, *буквально* неупотребимо. Ср. некорректность использования этого слова с сугубо «однозначными» лексемами: **Он буквально отдал мне письмо* (нужно что-нибудь типа *швырнул*); **Он буквально взял бу маги* (нужно: *схватил*). Выполняющее функцию интенсификатора, *буквально* не употребимо относительно слов, описывающих неградуируемые понятия (ср. между тем полную свободу в этом вопросе качественного наречия: *буквально повторил / воспроизвел / запомнил / перевел ...*).

Тяготение модального *буквально* к экспрессивным контекстам очевидно, ср.: ... *Старик Мозес буквально выпер меня в коридор своим толстым брюхом* (А. и Б.Стругацкие). Из ряда синонимов *буквально* всегда предпочтет экспрессивный, например: *Иван буквально ошалел от восторга* и *нельзя буквально обрадовался*; *буквально замучен расспросами* и **буквально устал от расспросов*; *буквально выдох от горя* и **буквально похудел*.

К сказанному необходимо добавить, что модальное *буквально* может обслуживать не только предикат, но и различные обстоятельства (по преимуществу, количественные), например: *Мы буквально на минуту заскочили* (Л.Леонов); *Если я не понимал смысла какой-нибудь заметки в газете, Алоизий объяснял мне ее буквально в одну минуту, причем видно было, что объяснение это ему не стоило ровно ничего* (М.Булгаков); *Эта вещь стоит буквально гроши*; *Буквально миллионы угрожали в это дело*; *Буквально часами сидит он у телевизора...* Характерной особенностью такого использования *буквально* является неточность количественной оценки (т.е. опять же некоторое искажение реального положения дел). Нельзя сказать, используя *буквально* в модальном значении **Эта книга стоит буквально 3 рубля 27 копеек*; **Это займет у вас буквально 22 минуты*; **Я просидел там буквально три с половиной часа* и под.

На каких основаниях покоится производимое модальным *буквально* «смещение по ряду интенсивности»? Вернемся к примеру *Вчера на лекции Петя буквально спал* и проанализируем его с этой точки зрения. Смысл, вносимый в высказывание модальным *буквально*, можно охарактеризовать следующим образом: «внешне Петя был очень похож на спящего, хотя и не спал в действитель-

ности». Таким образом, *буквально* является текстовым отражением проведенных говорящим мыслительных операций: 1) преувеличение (в действительности Петя не спал); 2) произведенное на основе образного сравнения по внешнему сходству. Причем именно 2-е — внешнее сходство — задает параметры речевой ситуации и в этом смысле регулирует употребление *буквально*.

Параметр «внешнее сходство» в силу его лингвистической релевантности требует специального рассмотрения. Мы убедились, что *буквально* употребимо только в ситуации непосредственного восприятия, т.е. в тех случаях, когда референт высказывания относится к области видимого мира (доступен чувственному восприятию), ср. некорректность примеров: **Петя буквально догадался...* **буквально подумал об этом*. Наличие в модальном *буквально* семантического компонента «непосредственное восприятие» подтверждается следующей искусственной (экспериментальной) процедурой: введем *буквально* в контекст когнитивной метафоры, когда «для обозначений психических качеств человека» используется «физическая лексика» [Арутюнова 1979], т.е. происходит перенос с конкретного на абстрактное — «отбор конкретных (физических, механических) признаков и действий для характеристики разных типов непредметных сущностей и ненаблюдаемых явлений» (там же, с. 165). Например: *Мысль пришла мне в голову; выскочила из головы; пронеслась в голове; Подозрение кольнуло меня...* В подобных контекстах *буквально* разрушит метафору и приведет к семантической аномалии: **Мысль буквально выскочила у меня из головы*; **Подозрение буквально кольнуло меня...* *Буквально* заставляет осмыслить глагол в его прямом, неметафорическом значении. Этот эффект и определяется работой семантического компонента «непосредственное восприятие», который мыслям, догадкам, подозрениям и др. непредметным сущностям приписывает статус конкретных, видимых, наблюдаемых явлений.

Для корректного употребления *буквально* одинаково важны и отсутствие тождества, и наличие близости, внешней схожести. Последнее как будто не требует особых доказательств. А тот факт, что отсутствие тождества принципиально, подтверждается, в частности, следующим: о челове-

ке, который лег спать и засыпает, едва ли уместно сказать: *Он буквально спит*, равно как и о ребенке, который учится плавать и ненадолго удержался на воде, мы не скажем; *Он буквально плавает*. *Буквально* неуместно в подобных ситуациях, поскольку они подразумевают фактическое соответствие (хотя, быть может, и неполное). Между тем фраза *Мария Ивановна буквально плавает по коридору* вполне корректна, поскольку описываемая ситуация заведомо не совпадает с «плаванием», отмечается лишь некоторое сходство (идет, как плавает). Известно, что образное сравнение зачастую «нарушает границы естественных родов» (Н.Д.Арутюнова). *Буквально* в наших примерах как раз и подразумевает такое нарушение. Ср.: *Меня не любят вещи. Мебель норовит подставить ножку. Какой-то лакированный угол однажды буквально укусил меня* (Ю.Олеша) и **Собака буквально укусила меня; Она говорила всякие пустяки, и он, захлебываясь от смеха и молодости, буквально хрюкал на всю улицу* (М.Зошенко) и **свинья буквально хрюкала*.

Стилистическая маркированность *буквально* выражается не только в его тяготении к экспрессивным контекстам. Это слово эксплицирует в высказывании языкотворческую деятельность конкретного говорящего. А поскольку образное сравнение, которое описывается *буквально*, основывается на сходстве по внешним данным, наличие подобного стилистического маркера проясняет для адресата сообщения и условия речевой ситуации: говорящий был в непосредственном контакте с описываемым. С этой точки зрения *буквально* можно определить как текстовый знак-актуализатор.

Метафора, на которой часто базируется *буквально*, не обладает столь строгой прагматической заданностью, она «актуализационно» не маркирована, т.е. может употребляться в разных условиях речевой ситуации: как при наличии у говорящего непосредственного восприятия, так и при его отсутствии. Как следствие, метафора свободно используется в высказываниях с разной модальной перспективой, ср.: *Вам когда-нибудь приходилось сгорать от стыда?; Если ты вернешься, он с ума сойдет от злости*. Слово же *буквально* ограничено вполне определенными параметрами: оно не используется в императиве, др. ирреальных наклонениях, посколь-

ку в его текстовые функции входит прямое указание, что соответствующее «смещение» было произведено «постфактум», на основе опыта непосредственного восприятия, ср. некорректность тех же метафорических описаний, «актуализированных» с помощью *буквально*: **Вам когда-нибудь приходилось буквально сгорать от стыда?; *Если ты не вернешься, он буквально с ума сойдет от беспокойства*.

Таким образом, *буквально* можно считать знаком авторской причастности к описываемому, знаком свидетельства; это слово актуализирует в высказывании именно видение ситуации самим говорящим. И если в метафоре операция сравнения почти уже не ощущается (она конвенционализировалась и принадлежит как бы всему языковому коллективу), то *буквально* «обнажает прием», относя его к конкретному «творцу» — говорящему — в конкретной речевой ситуации.

Корректность употребления *буквально* зависит не только от такой характеристики, как «изъяснительность», «индикативность», но и от референциального статуса высказывания. Образное сравнение на основе внешнего сходства описывает конкретное, единичное. Ср.: *Иван буквально ползет по коридору при невозможности *Иван буквально ползает к врачу каждый день; Любои сгорит от стыда, услышав такое и *Любои буквально сгорит от стыда, услышав такое*.

Современное употребление знает и другие слова-двойники, развившиеся на основе старых и часто «функционально обветшавших» (ушедших из употребления) форм оценочные слова с новыми значениями и функциями. Рассмотрим некоторые из них.

§1.2. Сходство по внешним/внутренним данным (этакий vs. сущий)

Подобно *буквально*, эти слова описывают не фактическое соответствие, а сходство, «кажимость», имитацию, ср.: *Он сущий полицейский* (= не полицейский по профессии); *Он этакий поэт-романтик* (= хочет казаться поэтом, либо похож на поэта).

Впрочем, сказанное справедливо с некоторыми оговорками: речь идет не обо всех, а о наиболее типичных, знакомых каждому носителю языка случаях употребления. Для того же, чтобы обозначить весь смысловой спектр анализируемых слов, обратимся к словарям. Начнем со слова *сущий*.

В.И.Даль: «*сущий*, прч. гл. *быть*. Довольны *сущими* ... всем тем, что и как есть // Истый, истинный, подлинный, настоящий или // Весьма схожий, точный. *Это сущая истина. Кулаки сущие мошенники. Сущий, вылитый он, две капли воды* [Даль 1989, IV, 386].

МАС: «*сущий* 1. Устар. Имеющийся в действительности, существующий. *Слух обо мне пройдет по всей Руси великой, И назовет меня всяк сущий в ней язык, И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой Тунгус, и друг степей калмык*. Пушкин <...> 2. В знач. сущ. *сущее* ... То же, что *бытие* (в 1 знач.). 3. Разг. Настоящий, подлинный, истинный. *Сущая правда. Сущие пустяки...* [МАС, IV, 314].

Из всех приведенных значений нас будет интересовать то, которое находится, так сказать, в повседневном речевом обиходе: в МАС-е оно сопровождается стилистической пометой разг., а у В.И.Даля — метким лексикографическим комментарием «*весьма схожий, точный*».

Слово *этакий* у В.И.Даля описывается в следующем местоименном ряду: «*эдакий, этакий, такой, вот какой, экий, экой*, то же // Укорно: *какой плохой, неладный* [Даль 1989, IV, 662]. В МАС-е *этакий* и (прост.) *эдакий* сопровождаются стилистической пометой разг. и определяются как «то же, что *такой*, но с большей выразительностью» [МАС, IV, 769].

Как видим, словари не фиксируют «ругательное» употребление *этакий* (или, скорее, *эдакий*), обращенное ко 2-му лицу — типа *Дурень ты эдакий; Нахал ты эдакий*, — предлагая некоторое общее, синкретичное описание этого слова с оценочными комментариями «*укорно*» или «с большей выразительностью». Между тем постпозитивное и препозитивное употребление слова *эдакий* не тождественны ни функционально, ни семантически. В постпозиции *эдакий* практически десемантизировано и привязано к определенной сентенциальной формуле живой адресации. По отношению к слову-оценке (*дурень, нахал* и пр.), описываю-

щему адресата, *эдакий* не выполняет никакой модифицирующей функции, действуя по линии простого усиления: к «минусу», содержащемуся в существительном-оценке, добавляется «минус» в виде словесного причитания *эдакий*. В дальнейшем мы сосредоточим свое внимание на препозитивном употреблении *этакий*, поскольку именно оно позволяет увидеть некоторые существенные особенности экспрессивной модификации утверждения.

Начнем с того, что «большая выразительность» местоимения *этакий* по сравнению с *такой* задает ему вполне определенные грамматические параметры, а именно — наделяет это слово свойством «модальной отмеченности». В силу своей нейтральности местоимение *такой* универсально в употреблении, в то время как его экспрессивный вариант *этакий* всегда описывает реальные (имеющиеся в действительности, данные говорящему в личном опыте) и конкретные ситуации, ср.: *Он такой Дон Жуан / нахал / повеса; Вряд ли он такой Дон Жуан / нахал / повеса; Я слышал, что он такой Дон Жуан / нахал / повеса* при невозможности **Вряд ли он этакий Дон Жуан / нахал / повеса; *Я слышал, что он этакий Дон Жуан / нахал / повеса*. Некорректность первого высказывания определяется тем, что выражающее апостериорную оценку *этакий* употребляется в ирреальной модальной перспективе (*вряд ли...*); во втором случае *этакий* неуместно при описании чужого мнения (опыта).

Как и в случае с *буквально*, одним из следствий модализации рассматриваемых слов (= отражения в их значении знаний, опыта и т.п. конкретного говорящего) является ослабление их синтаксической самостоятельности (ср. невозможность их логического, акцентного, выделения); едва ли можно утверждать, что *сущий* и *этакий* в интересующем нас значении выступают в качестве самостоятельных и полноценных членов предложения. Участвуя в предложении на правах интенсификаторов оценок, выносимых говорящим, эти слова, по существу, выполняют роль модальной рамки, т.к. все их функции сводятся к неявному указанию на параметры речевой ситуации. Таким образом, если не по синтаксическим свойствам, то по функции экспрессивные модификаторы предикатной леммы вполне сопоставимы с модально-вводными словами.

Рассмотрение индивидуальных особенностей каждого из оценочных модификаторов позволяет заметить между ними принципиальные различия: одно из слов претендует на описание «сути» предмета (т.е. каких-то внутренних и имманентных его характеристик), тем самым предполагая знание этого предмета, основательное знакомство с ним, а другое — описывает внешние, быть может, сиюминутные и не отражающие «существа» признаки. В подтверждение рассмотрим примеры с каждым из слов: [Сущий] *Иван сущий дьявол; Он сущий казуист; Да это суцая мука; Бойся его, это суцая лиса!; Он сущий палач/тюремщик. [Этакий] Был у нас на семинаре один. Этакое молодое дарование. Иван заявился на стадион этаким Шварценеггером; Смотрит он на всех этакой овечкой; В дверях нас встретила этакая стареющая фея из сказок Андерсена.*

Сравнив эти примеры, мы можем сформировать некоторые резюмирующие наборы признаков каждого из слов:

А — суцый Р: а) пропозиция рассматривается в плане оценки, а не факта; б) *Р* является внутренней характеристикой *А*, по «существу», а не по «форме», «облику»; в) говорящий настаивает на адекватности соответствующей оценки (отсюда — интенсивность высказывания); г) как правило, речь идет об отрицательных свойствах: *суцый дьявол*, но не *суцый ангел; суцый негодяй*, но не *суцый гений* (впрочем о гениальном взломщике сейфов, обманщике, финансовом воротиле мы можем так сказать, но *суцый гений* не может быть музыкантом, композитором, поэтом...).

А — этакий Р: а) пропозиция рассматривается в плане оценки; б) *Р* — внешняя характеристика *А* (здесь возможны следующие «вариации»: говорящий устанавливает внешнее сходство *А* с *Р* сам, это ему так кажется или говорящий констатирует внешнее сходство *А* с *Р*, потому, что *А*, по мнению говорящего, имитирует *Р*, хочет казаться *Р*); в) говорящий иронически относится к факту сходства (выбранной *А* роли).

То, что одно из слов тяготеет к определению «существа» предмета, а другое — к описанию его внешности, объясняет различные возможности их употребления — примеры группы (а) — и разное прочтение высказываний, содержащих тот или иной оценочный модификатор — примеры (б), ср.:

(а) *Выглядит Иван сегодня этаким завоевателем; Заявился он к нам этаким щеголем; С ним пришла яркая блондинка, этакая звезда Голливуда 30-х гг.* — в конструкции творительного изобразительного, в контексте перцептивных предикатов, при описании первого впечатления использование оценочного модификатора *суцый* неуместно; (б) *Ее брат — суцый/этакий повеса/профессор* — *суцый* акцентирует «внутреннее» в оценках «повеса», «профессор» (такой же легкомысленный, бездельник, циник и пр., как «повеса»; такой же знаток, как «профессор»), а *этакий* — «внешнее» (брат похож на «повесу», «профессора» в представлении говорящего, либо хочет казаться таковым).

Оценки, априори являющиеся внутренними, исключают употребление с модификаторами внешности — словами типа *этакий*, буквально и под. Ср.: *Он суцый (*этакий) инквизитор; Бойся его, это суцый (*этакий) провокатор; Эта лекция — суцая пытка; Да это суцый обман/грабеж/клевета!*

Интересно, что персонажи нашего «культурного фонда» — литературные герои, исторические деятели и пр. — существуют в коллективной языковой памяти с доминантой либо по внешности, либо по внутренним характеристикам, ср.: *Ходит наш Иван этаким Гамлетом* (сочетания *суцый Гамлет* русским языковым сознанием не предусмотрено); *Наша бабушка — суцый Талейран в юбке.*

Нужно сказать, что заложенная в семантике адъектива *этакий* апелляция к общему для собеседников фонду знаний — сравнение объекта описания с каким-либо общеизвестным, ходульным «образцом» — является следствием «местоименности» этого слова, ср.: «... корни слов *тот, этот, этакий, такой* ... обозначают, что... [говорящий] отождествляет то, о чем он сейчас думает, с тем, о чем думал раньше или о чем предполагает думать впоследствии» [Пешковский 1956, 164]. Другими словами, высказывание *А — этакий Р* уместно, если *Р* в данной культурной традиции обладает неким стереотипом внешности и собеседник способен произвести соответствующее соотнесение. Так, с именем Байрона носители русского языка традиционно связывают ассоциации по внешности (*Ходит он этаким Байроном*). В другой культурной традиции подобные ассоциации могут быть и неочевидны.

В указанном смысле любопытна следующая пара примеров: мы говорим *сущий дьявол*, но *этаким Мефистофель* (с последним связан вполне определенный зрительный ряд): *Ты его сразу узнаешь в толпе — этаким Мефистофель*. А с таким героем, как Фальстаф, можно проводить сравнения как по внешним, так и по внутренним параметрам: *Иван сущий Фальстаф* (= такой же врун, пьяница, обжора, болтун...); *Иван этаким Фальстаф* (= такой же толстый, шумный, неопрятный...).

Апелляция к общеизвестным образцам содержится и в семантике слов *истинный*, *подлинный*, *воистину* и под. Но здесь мы видим другую модификацию этой идеи. Перейдем к ее рассмотрению.

§2. Экспрессивные модификации по линии обобщения (от единичного факта — к общеизвестному образцу)

Помимо модального *буквально*, традиционно через *действительно* (как его экспрессивные варианты) толкуются такие слова, как *поистине*, *подлинно*, *истинно*.

Поговорим о семантике этих оценочных модификаторов. Как и в случае с *буквально*, мы будем анализировать новые, развившиеся, значения, которые по функции близки к модальным, а не качественные наречия-«прототипы». Но чтобы все же почувствовать характер и направление языковой эволюции рассматриваемых слов, сравним прилагательные *подлинный1* (качественное) и *подлинный2* (новое, развившееся, значение).

Подлинный1: *Я думаю, что этот текст подлинный*. Логическое ударение на качественном прилагательном. Смысл: текст настоящий, оригинальный, не подделка. Ср.: *На выставке должны быть представлены только подлинные произведения Шагала*.

Подлинный2: *Новость произвела подлинный переворот в умах молодежи; Спектакль ожидал подлинный триумф; Подлинное наслаждение — в жаркую погоду выпить воды из родника; Слушать его — подлинная мука*. Мы видим, что модализованное слово потеряло логический акцент, оно интонационно примыкает к слову-оценке.

Значение *подлинный2*: *X — подлинный А (Иван подлинный гений футбола)*: по мнению говорящего, А в применении к X являет образцовое, наиболее полное свое выражение (т.е. А — можно рассматривать как полюс на оценочной шкале); иными словами X, с т.з. говорящего, в полной мере обладает свойством А.

Мы видим, что во 2-ом значении слово *подлинный* не только теряет логический акцент и становится синтаксически зависимым (всегда перед оценкой), но и «качественный» смысл ‘не подделка’, ‘не копия’, ‘оригинал’ преобразуется нечто близкое понятию эталона, образца. Зато, в отличие от 1-го, вполне нейтрального в плане интенсивности, 2-е значение обладает ей в полной мере (ведь не даром оно поляризовано и на шкале оценок — стремится к «крайностям»).

Поговорим теперь о группе модализованных наречий. В отличие от прилагательных, сохраняющих полноценную коррелятивную пару: качественное/модализованное (ср. *Вот истинный1 виновник скандала и Он истинный2 фанатик*), наречия *подлинно* и *истинно* практически утратили эти корреляции, их с полным основанием можно считать модальными словами. Однако эта «смена гражданства» не повлекла к утере у носителей языка ощущения внутренней формы данных слов. Как кажется, именно она мотивирует их употребление.

Рассмотрим примеры: *Истинно, как Адам в раю, живу!* *Истинно, князь во князьях* (И.Бунин); *Его стихи подлинно народны; Командир батальона, человек истинно французской наружности, веселой и решительной, обратился к своим солдатам с краткой речью* (И.Тургенев); *Он проявил истинно русскую радушность; Кругозор японца — не только начитанность, но и умение людей в любом возрасте сохранять поистине детскую любознательность* (Вс.Овчинников); *С природой была связана воистину кровными узами* (А.Эфрон); *При колоссальном художественном воображении он [Чехов] без труда с истинно толстовским искусством преобразался в любого из своих персонажей — в девушек, в женщин, стариков, малышей и подростков и артистически воспроизводил перед нами переживания каждого из них* (К.Чуковский); *Подлинно олимпийское спокойствие; Поиск*

тине, нет пророка в своем отечестве; *Подлинно, нет правды на земле...*

Вводную, пунктуационно выделенную, позицию анализируемые слова занимают в первом и последних двух примерах; в остальных случаях они предшествуют оценкам, вводят их, добавляя свои модификации. Каждый раз с помощью вводных слов-модификаторов говорящий присоединяется к некоей общеизвестной истине (ср. «цитатность» приведенных примеров). Находясь во вводной, как правило, инициальной, позиции рассматриваемые слова выполняют роль своего рода «кавычек» к некогда уже высказанной и известной членам языкового коллектива мысли или общепринятой манере выражения. Например, во фразе *Подлинно, не перевелись дураки на Руси* слово *подлинно* указывает, что мысль о дураках принадлежит к общему фонду знаний говорящих, так сказать, «культурному фону» и что говорящий на собственном опыте убедился в справедливости этой мысли, а в примере *Бурье, перезревшие массивные клевера осыпали на землю драгоценное семя. Поистине, каждое семечко золотое: ранней весной и с огнем не сыщешь семян клевера* (В.Белов) *поистине* заставляет вспомнить о коллективном авторстве выражения *золотые семена*.

Не во вводной позиции — в непосредственной связке со словом-оценкой — рассматриваемые наречия, помимо установления соответствия этих оценок действительности, указывают на их эталонность, т.е. с помощью слов типа *поистине* говорящий сообщает, что конкретный случай, о котором идет речь, можно считать образцовым проявлением описываемого свойства. Так, японцы являют образцовую — *детскую* — любознательность; эталоном перевоплощения для писателя служит *толстовское* искусство; образцом веселости и решительности является *французская наружность*, а эталоном близости — *кровные узы*. Наличие подобных оценок определяется культурной традицией носителей языка и является общим достоянием членов языкового коллектива.

Эталонное определение оценки содержит необходимую полноту выражения соответствующего признака, «образцовость» его проявления. Так, «полнота» и «образцовость» для *спокойствия* есть в определении *олимпийское*, для *страстей* — в определении *шекспировские* и т.п. Со-

проводив соответствующие сочетания модификатором типа *подлинно*, говорящий неявно сообщает и о том, что разделяет существующую в данной культурной традиции систему оценочных стереотипов или уж во всяком случае владеет ею.

Принципиальное различие между рассмотренными нами словами и наречием *действительно*, через которое они толкуются, состоит в том, что последнее подтверждает сообщение о фактах, событиях, конкретных и, быть может, единичных происшествиях, а первые — подтверждают не сами факты, не наличие этих фактов в действительности, а справедливость оценок-образцов, сформированных коллективным опытом на основе подобных фактов.

Становится понятным, почему вводные *воистину, подлинно* и под. обладают иными референциальными возможностями по сравнению с *действительно* и *вправду*: последние могут употребляться при установлении конкретного, единичного фактического соответствия (*И вправду, Ивану верить нельзя*), а первые — нет (?*Поистине, Ивану верить нельзя*).

Действительно также может употребляться как «подтвердитель» оценок и в этом случае оно обладает большей свободой, чем слова типа *подлинно*, поскольку никак не связано с содержательной стороной оценки: та не обязательно должна быть, общепринятой, ср.: *Иван Петрович вел жизнь самую умеренную, избегал всякого излишества ... к женскому же полу имел великую склонность, но стыдливость была в нем истинно девическая* (А.Пушкин) — *истинно* вводит образец стыдливости — *девическая*, — известный в данной культурной традиции, и ...*Стыдливость в нем была, действительно* (?*истинно*), *необъяснимая/феноменальная/странная* и под.

Употребление слов *действительно, правда (вправду), истинно, воистину*, как кажется, является одним из подтверждений языковой релевантности различий между «истиной» и «правдой» в русском языковом сознании, ср.: «Ситуация истины в житейском контексте отлична от положения правды. Истина становится в нем максимальной, сентенцией, резюмирующей жизненный опыт <...> Правда подразумевает только конкретные высказывания ... истина

— только общие» [Арутюнова 1991, 29—30]; «„Правда“ дает истинностную оценку конкретным утверждениям о жизни людей, „истина“ — общим суждениям о Вселенной и религиозным представлениям о сущности мира <...> Прикосновение к конкретной жизни — первый шаг к превращению истины в правду ... содержанием „правды“ не могут стать „мысли о жизни людей“ ... „Правда“, составляющая содержание речевого акта, имеет статус факта, конкретной информации, иного мнения и оценки, но не мысли» [Арутюнова 1992, 18]⁴.

Разговорными аналогами слов типа *истинно, воистину* — содержащих скрытую анафорическую отсылку к коллективному опыту — являются выражения типа *вот уж действительно, вот уж вправду*, где *вот* действует по линии апеллативности, а *уж* — по линии выражения экспрессии. Наличие этих двух добавочных параметров связывает слова *действительно* и *вправду* «цитатным» употреблением: конкретный факт подтверждает общеизвестную истину, ср.: *Действительно, Иван неисправим* при сомни-

тельности ?*Вот уж действительно, Иван неисправим*, ср. между тем то же содержание, но представленное не как конкретная оценка, а как общая сентенция: *Вот уж действительно, горбатого только могила исправит*. Еще примеры: *Действительно, им лучше остаться вдвоем*. Плохо обрамить это конкретное сообщение обобщающим модификатором **Вот уж действительно, им лучше остаться вдвоем* и нормально: *Вот уж действительно, где двое, третий — лишний*. Аналогично выбираются и оценки, не дотягивающие до выражения мыслей о жизни, ср.: *Иван, действительно, совсем некстати явился со своей помощью* и *Вот уж действительно, удружил* (данный конкретный случай иллюстрирует общеизвестные ситуации несвоевременной помощи); *Иван, действительно, куда-то исчез* и *Вот уж действительно, как сквозь землю провалился*.

Заметим, что *вот уж*, вводя высказывание о некоторых расхожих истинах, предполагает именно присоединение к ним, очередное их подтверждение, ср. невозможность замены в контексте этого модификатора *действительно* на *в действительности* (**Вот уж в действительности, удружил*) — форму, которая используется при опровержении [Путеводитель 1993, 101]. *В действительности* не вписывается в контекст *вот уж* и потому, что последнее задает некую общеизвестную «тему», а первое подразумевает введение в поле зрения новой информации («ремы»).

Высказывания о прописных истинах, в качестве автора имеющие языковой коллектив, являющие некую коллективную мудрость и коллективный опыт, вообще говоря и не могут быть использованы в контексте опровержения — апеллирующего к реальному миру, данному в опыте индивидуальном, ср.: *Действительно/вот уж действительно/воистину, век живи — век учись* при некорректности **В действительности, век живи — век учись* или: *Действительно/воистину/вот уж действительно, повезло* и **В действительности, повезло*. В этом смысле можно говорить, что подобные, «цитатные», высказывания исключают верификацию: к ним можно присоединяться, их можно разделять, мысля в унисон с мнением языкового коллектива (*воистину, подлинно*), или не разделять, но к их содержанию нельзя относиться как к факту — с позиций «реали-

⁴ Следует иметь в виду, что это противопоставление правды и истины основывается на четком разграничении религиозной и эпистемической сфер этих понятий с последующим анализом последней. Именно о такой правде можно сказать: «Соотнесенность концепта правды с конкретным жизненным материалом делает естественной его связь с живой коммуникацией и речевыми актами. По сравнению с прошлым веком эта связь укрепились. „Правда“ и „истина“ более определенно разграничили свои понятийные горизонты» [Арутюнова 1992, 19]. Ср. между тем сопоставительный семантический анализ «правды» и «истины» с точки зрения этимологических мотиваций в [Успенский 1994, 191—193]. Здесь можно наблюдать прямо противоположный эффект: «Слово *правда* этимологически связано с корнем **rgan-*; соответственно, *правда* может выступать в таких значениях, как „обет“, „обещание“, „заповедь“, „правило“ <...> в основе семантики этого слова лежит представление о божественном миропорядке <...> Отсюда *правда* может пониматься как договор между человеком и Богом <...> Между тем, слово *истина* образовано от местоимений **is-to* и таким образом этимологически соотносится с лат. *iste* „этот, тот“ <...> Отсюда естественным образом *правда* осмысливается как божественное начало, а *истина* — как человеческое [и чуть далее по тексту] Итак, если *истина* соответствует реально переживаемой действительности, то *правда* соответствует высшей духовной действительности — высшей, подлинной реальности» [Успенский 1994, 191—192].

зовано/не реализовано в действительности» (ср.: «Истина — о действительности, но она ей не тождественна» [Арутюнова 1991, 25]).

§3. Экспрессия как «проявление авторской индивидуальности» (буквально) vs. «следование общепринятому клише» (поистине) в описании ситуации

Сравним примеры: *У Ивана поистине золотые руки; Глаза у щенка буквально/прямо золотые* и экспрессивно нейтральное установление фактического соответствия *У этой статуи, действительно/и вправду, золотые руки*. Только в последнем случае *золотой* понимается в своем прямом значении — как относительное прилагательное; в первых же двух это слово выступает как оценка — показатель некоего «качества». При этом иное распределение экспрессивных модификаторов было бы гораздо менее удачным: **У этой статуи поистине золотые руки; ?Глаза у щенка поистине золотые; ?У Ивана буквально золотые руки*.

Некорректность описания золотых рук статуи в терминах *поистине* определяется тем, что этот модификатор заставляет понять сочетание *золотые руки* как общепринятое клише — эталонную оценку «качества» рук (*золотые* = «умелые»), наделяя тем самым статуя креативной способностью; *поистине золотые* в применении к цвету глаз звучит натянуто в силу индивидуальности этой оценки, отсутствия соответствующего эталона описания [ср.: *Глаза у нашей кошки поистине изумрудные*, при меньшей естественности подобного описания в отношении глаз человека: *Глаза у Маши ?поистине/?воистину* (лучше: *буквально*) *изумрудные*]; *буквально* в применении к золотому «настаивает» на сходстве по внешним данным, что в случае с *золотыми* (= «умелыми») руками является неуместным. Однако не только это согласование экспрессивного модификатора со словом-оценкой по параметру наличие/отсутствие непосредственного восприятия определяет корректность соответствующих высказываний; не менее важной в данном случае оказывается согласованность оценочных компонентов по ли-

нии индивидуального (*буквально*) / коллективного (*поистине, воистину...*) авторства. В подтверждение приведем пример, где *золотой* описывает образное сравнение по внешнему сходству, но соответствующая оценка стала эталонной, и поэтому использование *буквально*, оживляющего, индивидуализирующего метафору — соотносящего ее с непосредственным восприятием конкретного говорящего, неуместно: *Стояла великолепная, подлинно (?буквально) золотая осень. В садах неистовствовали листопады* (И. Грекова).

Ср. еще: *С утра стали прибывать кареты. Мундиры поистине слепили глаза* (Ю. Тынянов) и *Фотовспышки буквально (?поистине/?воистину) слепили глаза*. В последнем примере употребление показателей эталонных оценок неуместно, так как высказывание не содержит оценочной интенции: описывается не «образцовое» воздействие фотовспышек (ср. «образцовую» ослепительность гвардейских мундиров), а реальное впечатление от них. Ср. аналогичные противопоставления: *Ты буквально (?поистине) оглушил меня своим хохотом/этой новостью* (эксплуатируется прямое и переносное значение *оглушил* в рамках ситуации непосредственного восприятия) и *Спектакль имел успех поистине/воистину оглушительный*, где *оглушительный* выступает как общепринятый эталон полноты и «образцовости» для успеха.

Таким образом, с помощью *буквально* говорящий реализует свое право на индивидуальное видение мира и свободное его описание в терминах, подчас неожиданных, метафор, образных сравнений, «нарушающих границы естественных родов». Используя же *поистине, истинно, воистину, подлинно*, говорящий, напротив, встраивается в общепринятый ряд, стандарт, образец описания, т.е. эксплуатирует не индивидуальное, а коллективное языковое сознание.

Буквально, оперирующее в мире образов, заставляет адресата представить описываемое — [*Марина Цветаева*] *глохла и слепла ко всему, что не рукопись, в которую буквально вбивалась острием мысли и пера* (А. Эфрон); *поистине, воистину* и др., принадлежащие миру идей, заставляют адресата вспомнить некоторые общепринятые образцы, с которыми говорящий соотносит описываемое в плане полного соответствия этим образцам, адекватности выносимых им оценок, ср.: [о М. Цветаевой и К. Бальмонте] *Ок-*

тябрь ... свел ее... с человеком, чья звезда со скоростью *воистину* космической устремлялась от зенита к закату (А. Эфрон); Таким образом в процессе семиотической деятельности устанавливаются отношения между участниками коммуникации. *Поистине*, вначале было слово (Б. Успенский); А между тем совершенно напрасно, *поистине* как глас вопиющего в пустыне, из вселенной шли непрерывно радиосигналы паритет-космонавтов (Ч. Айтматов). В последнем случае как вводит цитату, производя сравнение не с образом, а с идеей. В таком контексте использование *буквально* неуместно, ср. между тем: *На еду он набросился, буквально как зверь/волк/голодный пес.*

Описывая мир чувственный, непосредственно воспринимаемый, *буквально* плохо сочетается с внутренними характеристиками, не имеющими перцептивных признаков, ср.: *В то время в Консерватории были поистине (*буквально) интересные люди* (К. Станиславский); *поистине* же и с оценками, обладающими исконной связью с непосредственным восприятием, абстрагируется от живой образности, наделяя эти оценки статусом коллективного обобщения, ср. *поистине ослепительная красота/отталкивающее уродство* и под.

Приведенный в работе материал, как кажется, позволяет говорить о наличии у слов типа *воистину* функции соотношения с неким «предтекстом». Но характер этого соотношения другой, нежели у нейтрально фактивного *действительно*: для последнего предтекстом является реальный дискурс, а для первых — память языкового коллектива, ср. употребление тех и других относительно одного и того же содержания: *Страсти на этой защите разыгрались, действительно, шекспировские* и *Страсти на этой защите разыгрались поистине (подлинно...) шекспировские*. В первом случае подтверждается ранее высказанная в тексте (возможно, диалог) мысль; во втором смысл 'подтверждение ранее сказанного' отсутствует, *шекспировские страсти* упоминаются в тексте впервые, *поистине* же побуждает вспомнить о них как об эталоне страстей, и соотносит описываемое с этим «эталонном».

Следствием того, что *воистину* и под. наделяют оценку статусом коллективного авторства, является невозможность каких-либо добавочных ее модификаций, ср.: *Успех*

был, действительно (?воистину), совершенно оглушительный. Привнося в описание элемент индивидуальных авторских эмоций, *совершенно* мешает употреблению слов типа *истинно, поистине, воистину*. Можно сказать и так: *совершенно* поляризует оценку «оглушительный» на конкретную, описываемую говорящим ситуацию, мешая тем самым введению параметра обобщения (*воистину*), задающему осмысление «качества» данного успеха как полного, канонического соответствия общеизвестному образцу⁵.

И если *действительно* можно характеризовать в терминах «реальности» (фактов, событий, происшествий, конкретных и, быть может, уникальных, свойств), то его экспрессивные варианты *поистине, истинно, подлинно, воистину* заставляют говорить о справедливости оценок: обобщение, заложенное в семантике этих модификаторов утверждения, актуализирует оценочную координату, определяя тем самым рассмотрение описываемого не в плане реальности, а в плане адекватности.

⁵ Эти примеры заставляют нас вспомнить о другом, упомянутом в Главе 1, случае невозможности употребления интенсификаторов (*совершенно, очень, весьма*), сигнализирующих об индивидуальном авторстве выносимой оценки, относительно постоянных эпитетов (типа *далекый край*), выражающих «устоявшуюся» в коллективном опыте оценку. Подобного рода «коллективные определения» несут, как правило (по сравнению с индивидуальными), и некие сверхсмыслы: *далекый лес, высокие горы*, в отличие от *очень далеких*, — недоступны (так как умозрительны, неконкретны).

РАЗДЕЛ 5

«МОДАЛЬНАЯ ОТМЕЧЕННОСТЬ» СЛОВА КАК
ФАКТОР, РЕГУЛИРУЮЩИЙ ЕГО
УПОТРЕБЛЕНИЕ

§1. О понятии «модальная отмеченность»

«Модальная отмеченность» слова определяется наличием в его семантике скрытой модусной характеристики «знакомство говорящего с предметом речи». «Знакомство» подразумевает наличие у говорящего достоверной информации о предмете речи, полученной либо с помощью собственного опыта, либо из надежного с точки зрения говорящего источника⁶. Наличие в значении слова этой характеристики задает «модальную координату» его употребления: такое слово в принципе не может быть использовано в ситуации отсутствия «знакомства», оно приложимо лишь к тем признакам, предметам, действиям, которые имеют или имели место в действительности с точки зрения говорящего и входят в сферу его опыта. Естественно поэтому притяжение модально отмеченных слов к реально модальным контекстам (*Он буквально подскочил от радости; Ваня суицид лентяй; Вот истинный философ!*) и, напротив, — неупотребимости в разного рода ирреальных, гипотетических высказываниях, в сфере действия отрицания⁷, при логическом выводе, дедуктивном поиске и под.

Таким образом, еще в «словарном запасе» модально отмеченному слову задан круг его возможных использований. К примеру, рассмотренные выше экспрессивные мо-

⁶ Ср.: «... и я получаю знание не из одного лишь моего опыта, но и из опыта других» [Витгенштейн 1991, 87].

⁷ В лингвистических работах отмечалась чувствительность некоторых слов к отрицанию. Неупотребимы в сфере действия отрицания слабоопределенные местоимения [Падучева 1985, 214]; предикаты ложного восприятия (*мерещиться, чудиться...*) [Кобозева 1988, 92]; «отрицание очень редко встречается в предложениях непосредственного наблюдения, пользующихся дескриптивными предикатами узкой семантики (типа *мчатся...*)» [Арутюнова 1990б, 184].

дификаторы утверждения уже в словаре могут сопровождаться инструкцией по употреблению — в соответствии с принципом интегрального описания языка⁸.

Модальная отмеченность (апостериорная оценка) может быть присуща целым функционально-семантическим группам слов. Легко предугадать «речевое поведение» таких глаголов, как *выситься, серебриться, рдеть, поблескивать, поскрипывать*. Все эти (и им подобные) предикаты «проявления» употребляются постфактум, на основе опыта непосредственного восприятия, например: *В полутьме поблескивали бесконечные шкафы* (М.Булгаков). Так же дело обстоит и со словами, обладающими «стереоскопической семантикой» — «...у которых описание смысла включает либо упоминание говорящего, либо отсылку к лицу, с необходимостью отличному от говорящего, и которые поэтому предполагают взгляд на ситуацию как бы с нескольких различных точек зрения» [Падучева 1985, 140]. Таковы, по Падучевой, глаголы *маячить, торчать, тарашиться*. Е.В.Падучева и Анна А.Зализняк описали закономерности употребления личных местоимений в контексте подобных слов: «Контекст, чувствительный к противопоставлению I-го и не I-го лица, создают предикаты, описывающие действие или состояние субъекта глазами внешнего наблюдателя [разрядка наша — Е.Я.], с обязательностью не совпадающего с субъектом описываемого действия или состояния. Такие предикаты не сочетаются с субъектом в I-ом лице, свободно допускаемая 2-е или 3-е лицо, ср.: *Я маячил в проеме дверей; *Я торчал у окна» [Падучева 1985, 141] (см. также [Зализняк, Падучева 1982]).

В Главе I мы отмечали влияние на употребление пространственных наречий типа *вдали, (не)вдалеке* семанти-

⁸ Ср.: «Слова в словаре нельзя описывать в отрыве от грамматических правил, а грамматические правила нельзя формулировать без учета индивидуальных, а иногда и уникальных свойств слов. Необходимо проследить самые отдаленные следствия принимаемых лексикографических решений на всем пространстве грамматических фактов и следствия грамматических решений на всем пространстве лексем. Именно так строится интегральное описание языка» [Апресян 1986б, 63].

ческого компонента 'наблюдение', который задает «модальную координату» этих слов: все они употребляются только постфактум, в актуальных высказываниях с интенцией «изобразительность», а не «информативность».

Сказанное, однако, не позволяет сделать вывод, что семантика наблюдения, «стереоскопичность» (а также оценочность, экспрессивность) сами по себе, так сказать, по определению задают «модальную отмеченность» слова, хотя все перечисленные семантические компоненты как будто бы подразумевают наличие у говорящего предшествующего опыта, связанного с предметом описания. Если пойти по пути тестирования вышеперечисленных слов на входимость в ирреально-модальный контекст, то мы увидим, что не является «модально отмеченным» такой глагол, как *показаться*, «включающий обращение к внешнему наблюдателю» [Падучева 1985, 141] (некорректность высказывания от 1-го лица **Я показался на дороге в тот момент, как...* подтверждает наличие в семантике этого глагола «стереоскопичности», а корректность фраз типа *Ты не должен показываться раньше времени; Когда же он, наконец, покажется?* говорит об отсутствии у этого слова свойства модальной отмеченности); свободны от какой-либо модальной предопределенности такие выражения, как *вылупить глаза, таращиться, сделать квадратные глаза* (примеры из работы Е.В.Падучевой), совмещающие семантику наблюдения с оценочностью).

Анализ показывает, что модализованность слова находится в прямой зависимости от неочевидности, скрытости оценочного отношения: чем имплицитнее оценка, тем сильнее ее влияние на употребление соответствующего слова. Явная оценка (типа той, что без труда угадывается в словах *разить, веять, торчать, таращиться* и проч.) легко стереотипизируется — начинает сопровождать привычные для говорящего объекты в привычных обстоятельствах: *Из магазина, наверное, несет селедкой* («как всегда»); *Я все жду, когда же с моря повеет прохладой* («опять»); *Зачем ты ел чеснок? Теперь от тебя будет разить на всю аудиторию...* Именно вследствие стереотипизации валентность объекта у таких оценок должна быть заполнена. Сомнительны фразы типа: *?Если от тебя будет*

чем-нибудь разить, я уйду; ?Я перестану рассказывать, если кто-нибудь будет маячить перед глазами. Фразы становятся естественными при заполнении валентности объекта: *Если от тебя будет разить одеколоном, я уйду; Учти, если Иван будет маячить перед глазами, я перестану рассказывать.* Как видим, стереотипизовавшиеся оценки не ограничены в своем применении кругом известных говорящему ситуаций.

В языке существуют добавочные средства авторизации (спецификации под авторским углом зрения) оценок, ставших стереотипными. Это, в частности, уже рассмотренные нами слова с семантикой преувеличения: *буквально, так и, прямо (-таки)*; оценочные показатели типа *истый* (ср. нейтральные в плане модальной отмеченности слова *завзятый* (театрал), *ярый* (сторонник)), *сущий, этакий*. «Откорректированные» с их помощью оценки всегда спроецированы на конкретную ситуацию знакомства, ср.: *Небось, таращился на тебя целый вечер при невозможности* **Небось, буквально (так и) таращился на тебя целый вечер.*

Таким образом, свойство «модальной отмеченности» не выводится прямо из наличия у слова семантики непосредственного восприятия. Не менее важным является фактор личностного оценочного отношения говорящего к описываемому. Это личностное отношение находит разные языковые средства воплощения. В частности, одним из стандартных способов маркировки знакомства является использование пейоративных суффиксов, ср.: *далеко* и *далековато*, *много* и *многовато*, *тяжело* и *тяжеловато*. Первые — нейтральны и поэтому универсальны в своем употреблении, а вторые — модально отмечены и поэтому неупотребимы в ситуации отсутствия «знакомства», ср.: *Огней не видать. Город, по-видимому, еще далеко* (**далековато*); *Я не был там, но думаю, народу было много* (**многовато*).

Модально отмеченными могут быть и грамматические формы, ср. *не видно* и *не видать*, первая из которых нейтральна, а вторая — употребляется только постфактум, при наличии знакомства с предметом речи, например: *Если от туда будет ничего не видно, ты пересядешь* и *Никого не видать, пойдем домой*. Ср. наиболее естественное распредел-

ние безличной и инфинитивной форм в таком диалоге: — *Что о нем слышно (*слыхать)?* — *Да, пока вроде ничего не слышно/не слышно.* Если же мы проследим за выбором этих форм в ирреальных контекстах, то увидим, что безличная форма универсальна, а инфинитивная — отторгается ирреальным контекстом, ср: *Боюсь, что оттуда будет ничего не видно* (плохо: *не видать*); *Если бы отсюда было ничего не видно (*не видать), я бы давно пересел.* Эту особенность мы связываем с априорной модальной отмеченностью многих инфинитивных моделей — употребимостью их только в ситуации знакомства с предметом речи, ср.: *Будет дождю* — предсказание на основе непосредственно воспринятой информации (которое не может, скажем, прозвучать в телевизионном прогнозе погоды).

Маркировкой «знакомства» можно считать появление в языке слов-«двойников», т.е. достаточно регулярный процесс развития на основе качественного значения слова-прототипа новых, модализованных, значений. Мы уже касались этого вопроса в Разделе 1 на материале показателей «модуса номинации» со значением «неопределенность», «слабая степень выраженности» (*определенный2, известный2, несколько2* и др.) и в Разделе 4, анализируя экспрессивные модификаторы утверждения.

«Знакомство» лежит в презумпции употребления таких частиц, как *еле, едва, чуть не*, ср.: *Я чуть не опоздал* и **Вы чуть не опоздаете; Я еле успел* и **Вы еле успеете.* Все они используются «по следам» происшедших событий.

Кроме того, апостериорная оценка может быть одним из семантических параметров, по которому проходит скрытая дифференциация слов в пределах одного синонимического ряда. И здесь вывод о модальной отмеченности слова может быть и неожиданным. Остановимся на двух случаях: модальной отмеченности интенсификаторов (синонимов наречия *очень*) и на модально-оценочных аспектах временной квантификации (слова *часто, зачастую, иногда, подчас, то и дело, порой* и под.).

§2. Слово *очень* и его синонимы

Предметом нашего рассмотрения будет группа слов со значением «большая степень признака». «Возглавляет» эту группу наречие *очень*, а принадлежат к ней такие слова, как *весьма, крайне, на редкость, удивительно* (интересный), *глубоко* (человечный), *ужасно/страшно* (скучный)...

Е.Кржижкова отметила, что в ряду синонимов наречия *очень* есть специализированные показатели: их сочетаемость «обусловлена наличием особых дистинктивных признаков, сопутствующих наличию основного признака +[большая степень]» [Кржижкова 1974, 124]. Так, например, наречие *глубоко* применимо к ограниченному кругу явлений (этических характеристик): *глубоко религиозный/образованный/убежденный человек.*

Кроме того, интенсификаторы дифференцированы стилистически, ср. «разговорность» таких синонимов наречия *очень*, как *ужасно, страшно, сильно, адски.* Вопрос о стилистической принадлежности того или иного слова не всегда решается просто и однозначно. Возьмем к примеру такое наречие, как *весьма.* В толковых словарях современного русского языка *весьма* определяется как книжный синоним наречия *очень* (см. БАС, МАС, [Ожегов 1970, 73]). О чем информирует данная словарная помета? Говорит ли она о социальной/возрастной характеристике лица, в чьем речевом обиходе есть это слово? Или, может быть, «книжность» подразумевает тяготение слова к какому-то определенному функциональному стилю, например, научная речь, речь в официальной обстановке и под.? Тогда остается неясным, как интерпретировать появление «книжного» *весьма* в таком, скажем, контексте: *В МХАТе было производственное совещание. Сахновский, в присутствии большого числа актеров, произнес речь весьма завирального характера* (Е.Булгакова). И, с другой стороны, почему и в условиях «книжного» контекста *очень* не всегда поддается замене на «книжное» *весьма*? Приведем пример из учебника, в котором употребление *весьма* вместо *очень* было бы некорректным: *Будем условно считать, что если у звука одна из формант лежит*

близко к «центру» речевого спектра..., а другая не отстоит от нее *очень* (плохо: *весьма*) далеко, то звук компактный (М.Панов).

Наблюдение за языковым поведением интенсификаторов позволило установить, что механизм их употребления определяется не только — и не столько! — фактором стилистической принадлежности того или иного слова. Наш языковой выбор обладает в этом случае более глубокой (не очевидной без специального лингвистического исследования) семантической мотивацией. О характере и причинах этой мотивации и пойдет речь в настоящем параграфе.

Итак, мы будем искать семантические различия между синонимами *очень*, опираясь на их употребление⁹. Начнем с уже прозвучавшего утверждения о модальной отмеченности некоторых из слов рассматриваемой группы: в отличие от нейтрального *очень* остальные наречия чувствительны к модальному плану высказывания — употребимы только в реальной модальной перспективе. Можно сказать (в условно-гипотетическом плане): *При очень серьезной тренировке ты справишься* и нельзя: **При весьма/удивительно/на редкость серьезной тренировке ты справишься*. Можно сказать: *Он весьма/на редкость/необычайно обаятелен*. В ирреальной же модальной перспективе употребление слова *весьма* исключено, ср. некорректность фраз: **Вряд ли он весьма/на редкость обаятелен* и корректность высказывания *Вряд ли он очень обаятелен*; ср. еще: *...в своих богословских воззрениях Лукиан вряд ли был очень* (плохо: *весьма*) *далек от Оригена* (Г.Флоровский). Можно сказать и *очень назойливо* и *весьма назойливо*, но в сфере действия отрицания употребление *весьма* невозможно, ср.: *Не будет очень (*весьма) назойливым, если мы позвоним ему*. Сказанное справедливо и в отношении других интенсификаторов: все эти «словарные соседи» наречия *очень* не используются под отрицанием. Из современного языка ушло и употребление *весьма* с от-

⁹ По отношению к рассматриваемым словам как нельзя более уместен тезис Л.Витгенштейна: «Значение слова есть способ его употребления. Ибо этот способ и есть то, что мы усваиваем, когда данное слово входит в наш язык» [Витгенштейн 1991, 70]

рицательной частицей. Сочетание *не весьма* воспринимается сейчас по крайней мере как не нейтральное. Так, у Б.Зайцева соответствующее употребление выглядит нарочито архаично: *Старик не весьма был доволен, что его прервали* (Голубая звезда).

Выявленная с помощью специального тестирования модальная отмеченность интенсификаторов свидетельствует о наличии в их семантике эпистемического компонента «знакомство».

Характеристика «знакомство» говорит о том, что интенсифицируемая с помощью наречия оценка принадлежит автору высказывания, а это в свою очередь накладывает дополнительные ограничения на употребление. Наличие у слов *крайне*, *весьма*, *удивительно*, *на редкость*, *необычайно* и др. семантики индивидуального авторства исключает возможность их использования в чуждой говорящему модально-оценочной перспективе (т.е. по этому признаку модально отмеченная лексика сближается с модально-вводными словами). Попробуем сконструировать примеры, где явно выражено несогласие говорящего с приводимой им точкой зрения, и мы увидим, что в них возможно нейтральное (конвенциональное) *очень* и некорректны «авторские» *весьма*, *удивительно*, *крайне* и проч., ср.: *Иван строит из себя очень* (плохо: *весьма*, *удивительно*, *необычайно...*) *важную персону; Иван вообразил, что он очень* (нельзя: *весьма*, *на редкость...*) *обаятелен*. Ср. между тем корректность модально отмеченных интенсификаторов относительно этих же оценок, но в «модальной перспективе» говорящего: *Иван весьма важная персона; Он на редкость/ужасно/удивительно обаятелен*.

Условие принадлежности предмета описания к опытной сфере говорящего может ограничивать возможности применения «авторских» оценок в случае не подотчетных говорящему ситуаций. Так, используя *крайне* в отношении возможных действий 2-го лица, мы рискуем нарушить суверенитет собеседника, например: *?Вам крайне необходимо уехать*. В такой ситуации лучше прибегнуть к модально нейтральному *совершенно* (*Вам совершенно необходимо уехать/отдохнуть...*). Ср. еще: *Вам было бы очень* (плохо: *крайне*) *интересно его послушать*.

Обратим внимание, «модальная отмеченность» слова — это не отторжение его от грамматического контекста определенного вида (императивных, сослагательных и проч. конструкций); это априорная, заданная семантикой слова, проекция на некоторый тип ситуаций. Ярким подтверждением того, что именно ситуация, а не грамматический контекст, определяет возможность использования модально отмеченного слова, является следующий пример: *Нужно быть на редкость/удивительно/весьма неприхотливым человеком, чтобы весь отпуск провести в лесу.* Корректность употребления модально отмеченных слов в грамматическом контексте, казалось бы, противоположанном «авторским» оценкам, объясняется спроецированностью данного высказывания на ситуацию «знакомства»: это косвенная апостериорная характеристика какого-то определенного, известного говорящему объекта. В априорной же модальной перспективе употребление слов типа *весьма* было бы, как минимум, проблематичным, ср.: *Учти, надо быть очень/совершенно (нельзя: весьма, крайне, на редкость...) неприхотливым человеком, чтобы весь отпуск провести в лесу.* По аналогичным причинам *весьма* и *крайне* могут быть использованы в высказываниях типа *Было бы крайне интересно узнать...*, ведь те сослагательны лишь по форме. Ср. невозможность использования модально отмеченных слов в высказываниях, сослагательных по существу: *Если бы мы все-таки согласились поехать, нам было бы очень (*весьма, *крайне) интересно.*

«Авторские» оценки специфицируют предмет описания под углом зрения конкретного говорящего (с позиций его личного опыта), поэтому они не используются относительно тех объектов, которые в принципе исключают «эмпирический фактор», в частности, это объекты, лишенные какой-либо индивидуализации. По указанной причине в следующих высказываниях модально отмеченным словам мы предпочтем нейтральное — и поэтому универсальное — *очень*, ср.: *Даже очень неосторожный человек подумает, прежде чем сказать такое.* Ср. сомнительность фраз: *?Даже крайне/на редкость/весьма/ необычайно/удивительно неосторожный человек подумает, прежде чем сказать такое.* Как видим, слова с семанти-

кой «знакомство» обладают референциальной чувствительностью: носитель апостериорной оценки мыслится говорящим индивидуализировано, даже если это целый класс, ср.: *человек весьма миролюбив* при невозможности употребления *весьма* относительно лишенной индивидуальных признаков переменной типа *всякий человек: Всякий человек очень (*весьма) миролюбив/интересен* и пр. Ср.: *Между прочим, князь, как это бывает с очень (плохо: весьма, удивительно, ужасно, на редкость...) миролюбивыми людьми, наконец взорвался с неожиданной силой* (Ф.Искандер).

Замечание. Приведенные примеры референциальной чувствительности некоторых интенсификаторов, наличия в их семантике индивидуальной авторской оценки свидетельствуют о сложности того феномена, который мы называем «модальной отмеченностью». Связывая это свойство языковой формы (слова, граммы, морфемы) с наличием у нее эпистемического компонента 'знакомство с предметом речи', либо 'личной причастности к описываемому', мы прекрасно отдаем себе отчет, что сами эти характеристики подразумевают разную степень близости говорящего к предмету. «Личная причастность» шире понятий «знание по знакомству», «свидетельство очевидца» — знаками личной причастности могут сопровождаться и описания таких событий, свидетелем которых говорящий не был, например: *Гоголь говаривал* (вместо нейтральных *любил говорить, не раз говорил*); *Сократ как-то сказал своему ученику* (вместо нейтрального *однажды*). «Личная причастность» ближе к понятию личной сферы (по Апресяну), т.е. к оценке по линии близкое/далекое; свое, понятное/чужое, чуждое, а не по каким-либо эпистемическим параметрам.

Таким образом, наречие *очень* является универсальным — применимым к любой ситуации — показателем большой степени признака, а остальные слова — это лишь «частичные варианты» (выражение А.Ф.Лосева) *очень*, так

как их употребление ограничено условием опытного знакомства говорящего с предметом речи. Для каждого же из «частичных вариантов» *очень* их общее свойство модальной отмеченности является следствием каких-то частно-семантических («индивидуальных») особенностей. Чтобы представление о системных отношениях интенсификаторов было полным, обратимся к вопросу об их индивидуальном своеобразии. Рассмотрим наиболее яркие случаи.

§2.1. *Весьма*

Наречие *весьма*, согласно словарям, является книжным «дубликатом» слова *очень*. Так ли это? Наблюдение за употреблением наречия *весьма* позволило выявить ряд факторов, о которых словарная помета «книжн.» никак не информирует. В чем специфика *весьма* по сравнению с *очень*, если отвлечься от вполне очевидных стилистических различий и пойти по пути конкретизации характеристики «модальная отмеченность», которая, как мы видели, присуща данному наречию?

Е.Кржижкова отметила общее свойство слов со значением «большая степень признака»: они не употребляются в том случае, «если передаваемое посредством прилагательного качество объективно четко очерчено... Ср. некорректность сочетаний вроде *очень пустой стакан, очень новое платье*» [Кржижкова 1974, 127]. Действительно, как и все интенсификаторы, наречия *очень* и *весьма* относятся к средствам выражения субъективных смыслов, но возможности у данных показателей разные.

Важным отличительным свойством *весьма* является то, что оно не используется как прямой усилитель каких-либо физических признаков. Можно сказать: *очень красное яблоко; очень голубое небо* и плохо: **весьма красное яблоко; *весьма голубое небо*.

Попробуем понять языковую мотивацию данного запрета, сравнив пары примеров: *Около десяти часов утра к главным воротам подошли три очень длинных и очень обтекаемых легковых автомобиля* (А.Солженицын). В данном контексте неуместно использование наречия *весьма* (**весь-*

ма обтекаемый автомобиль) и, напротив, мы предпочтем именно *весьма*, если прилагательное *обтекаемый* не будет описывать лежащий на поверхности непосредственного восприятия признак, например: *весьма обтекаемая формулировка*. Ср. еще: *Сегодня очень тепло*. Сказать *Сегодня весьма тепло* странно с точки зрения современной нормы, но можно: *Он весьма тепло встретил нас*, поскольку в этом случае наречие *тепло* используется в переносном смысле. Аналогично: *Он очень* (плохо: *весьма*) *высоко поставил вазу* и *Он весьма высоко ставил этих поэтов; Город очень* (**весьма*) *близко* и Ключевые слова Веденяпина о смысле мировой истории ... *весьма близко воспроизводят высказывание Федорова* (Б.Гаспаров).

Невозможность интенсификации с помощью наречия *весьма* очевидных физических признаков (т.е. того, что доступно непосредственному восприятию любого лица) объясняется тем, что в семантике *весьма* содержится указание на авторскую интерпретацию информации, лежащей в основании высказывания, на специфически авторское видение ситуации. Поэтому, когда интерпретационная деятельность в принципе исключена, *весьма* не используется: *очень*, но не *весьма длинный автомобиль, солнечный день, горячий чай*. Ср. наиболее естественное распределение интенсификаторов: *Его влияние весьма заметно* и *Его смущение очень заметно*; ср. также различное прочтение высказываний в зависимости от выбора интенсификатора: *Он очень любопытен* (*очень* позволяет понять «любопытность» как внутреннее свойство субъекта пропозиции: *любопытен* = «проявляет интерес»); *весьма* же допускает только одно истолкование «любопытности» — как авторской интерпретации поведения субъекта: *любопытен* = «вызывает интерес», ср. невозможность, с точки зрения носителя современной нормы, использования *весьма* при *любопытен*₁: *Ты очень* (*?весьма*) *любопытен, будь сдержанней* и возможность использования универсального *очень* при *любопытен*₂: *Этот факт весьма/очень любопытен*. То, что *очень* с большей легкостью отрывается от автора высказывания, способно к абстрагированию, а *весьма* всегда указывает на интерпретационную деятельность говорящего, подтверждается невозможностью этикетного употреб-

ления последнего: мы можем выразить свою благодарность фразами *Вы очень любезны, добры, милы, внимательны* и мы не можем сказать с интенцией благодарности *Вы весьма любезны, добры, внимательны*. Несущее информацию о проделанной говорящим интерпретации ситуации *весьма* заставляет понять подобные фразы в их прямом смысле, что противоречит этикетной интенции.

Интерпретация подразумевает нестандартность оценочной процедуры — модификацию информации, лежащей в основании оценки, под авторским углом зрения. Это возможно, в частности, в случае переносного употребления слова (ср. приведенные выше примеры). *Очень*, разумеется, тоже выражает оценку, но она базируется на некоторой стандартной процедуре. Субъективность *очень* проявляется лишь в вопросе о «количестве» признака (один и тот же признак с точки зрения разных субъектов оценки может быть представлен как более или менее интенсивно выраженный). *Весьма* же передает нестандартную оценку; этот показатель способен выступать даже в роли метафоризирующего оператора — преломлять признак, выражаемый прилагательным (наречием), в плоскость переносного осмысления. Например: *весьма автономный взгляд на вещи; образ жизни весьма холостяцкий; весьма гвардейское телосложение; весьма аккредитованный поэт* (В.Шершеневич о В.Брюсове); *весьма лютеранские взгляды; весьма феодализованные небеса* (выражение А.Я.Гуревича). *Очень* не способно быть таким модификатором — это наречие совершает лишь прямые градационные операции. Ср.: *Я держался за поручни очень (?весьма) цепко, и поэтому меня не смыло волной и Русский язык весьма цепко хранит древнейшие смысловые тождества «временных» слов* (В.Мокиенко). В свете сказанного кажется вполне закономерным выбор именно *весьма* в таком примере из «Лолиты» В.Набокова: *Как тебе хорошо известно, меня ничто кроме самых грустных воспоминаний не связывает со Старым, и весьма гнилым, Светом*.

Становится понятным, почему такая оценка, как «правдоподобно», допускает наличие обоих наречий — *очень/весьма правдоподобно*, а оценка «правдиво» возможна только «в связке» с *очень* — *очень/?весьма правдиво*.

Ср.: *Он весьма правдоподобно описал дальнейшее развитие событий* (субъективная интерпретация автора высказывания) и *Он очень правдиво изобразил жизнь бедняков* (правдиво «настаивает» на объективности высказывания: совпадения выраженной в нем оценки с некоей общей «правдой жизни»).

Таким образом, *очень* и *весьма* обладают разным смысловым потенциалом: *очень* — универсальный конвенциональный показатель большой степени признака, некая условная отметка на градационной шкале; *весьма* — слово со знаком индивидуального авторства, выдающее в высказывании авторское присутствие. По-видимому, ощущение стилистической ненейтральности наречия *весьма*, зафиксированное в толковых словарях, связано именно с тем, что это слово неявно выполняет в высказывании функции речевой характеристики говорящего.

Своеобразие языкового поведения *весьма* позволяет высказать осторожное предположение: может быть, это слово в современном его употреблении не является собственно градационным оператором? В самом деле, с одной стороны, там, где нужно повысить интенсивность (очевидного!) признака, *весьма* не используется (**весьма красный*), с другой стороны, с неградуируемыми показателями (типа *автономный*) *весьма*, при определенных условиях, употребляемо. Возникает впечатление, что по отношению к описываемому признаку *весьма* выполняет функции некоей модальной рамки, индивидуального авторского «сопровождения», ср. ироническую интонацию примера из «Лолиты» В.Набокова, ср. еще (оттуда же): *Была она весьма посредственной ундиной. Или: Я увидел шарообразную глыбу, что-то вроде гигантского аквариума метров шестидесяти-семидесяти в диаметре, а может быть, и больше (в космосе все размеры весьма относительны)* (В.Войнович), где наречие позволяет уловить некий модальный смысл типа «можете не сомневаться, я-то знаю на собственном опыте».

Если мы в итоге определим *весьма* как показатель индивидуальной авторской интерпретации, то первые два слова в этом определении будут информировать о том, что оценка, выражаемая данным наречием, принадлежит говорящему и базируется на данных его

личного опыта; последнее же слово — интерпретация — будет указывать на нестандартность проделанной говорящим оценочной процедуры, подразумевая тем самым некоторую субъективную модификацию имеющейся у говорящего информации.

В добавление к сказанному отметим еще одну особенность наречия *весьма* по сравнению с *очень* (она не осталась не замеченной исследователями). Существует мнение, что *весьма* (в отличие от *очень*) имеет тенденцию к усреднению оценки. Так, в [Арутюнова 1988] в качестве иллюстрации градационных «усреднителей» (по Болинджеру) приводится именно *весьма*. По аналогичной причине И.В.Червенкова выделяет у *весьма* два значения — синонимичное и несинонимичное наречию *очень*, ср.: «*Весьма* может обозначать меру несколько более низкую, более близкую к норме... Такое *весьма*² оказывается менее строгим и определенным, и к нему прибегают как к средству сгладить, прикрыть действительную оценку меры» [Червенкова 1975, 16]. Заметим в скобках, что в подобной трактовке проявляется различие в «языковом ощущении» семантики наречия *весьма* по сравнению с прошлым веком — ведь В.И.Даль определял *весьма* как «более чем очень» [Даль 1989, I, 187—188]. Кстати говоря, и аттестационные баллы могли быть «очень хорошими» и «весьма хорошими».

Как «стремление к нейтралитету» можно расценить и возможность употребления *весьма* (в отличие от *очень*) с так называемыми «показателями серединной части шкалы» (термин Н.Д.Арутюновой) — словами типа *обычный, стандартный, средний*. Ср.: *весьма обычный/стандартный/средний* при сомнительности *очень обычный/стандартный/средний*. Думается, однако, что различный потенциал наречий *очень* и *весьма* в этом случае объясняется тем, что первое слово является градационным оператором (и поэтому неприменимо к тем признакам, интенсивность которых невозможно наращивать), а второе не выполняет собственно градационных операций. Как и наречие *совершенно* в контексте оценок *стандартный, средний, посредственный*, слово *весьма* указывает скорее на степень авторского присутствия в высказывании, чем на степень описываемого признака.

Меньшая категоричность *весьма* по сравнению с *очень* отчетливо просматривается и в употреблении этого наречия с глаголами: сказать *Он весьма недолюбливает Ивана* лучше, чем *Он весьма не любит*; *Он весьма увлекается* «звучит» естественнее для современного носителя языка, чем *Он весьма любит*. Можно предположить, что и в этом случае наш выбор мотивирован интуитивным представлением о наречии *весьма* как о субъективном показателе авторской интерпретации: высказывание типа *Он весьма любить/ненавидит...* лишено необходимой для корректного употребления *весьма* меры субъективности. Правомерность употребления *весьма* меры субъективности. Правомерность этого тезиса подтверждает следующее сравнение. Можно сказать: *Я весьма боюсь, что он все-таки придет* и плохо **Я весьма боюсь, что он придет*. В первом случае пропозициональный предикат описывает некоторое умозрительное предположение, что не противоречит семантике *весьма*; а во втором — *боюсь* свидетельствует об уже сложившемся мнении, и эта однозначность препятствует использованию *весьма*.

Как видим, словарная помета «книжн.» в применении к наречию *весьма* не объясняет специфики употребления этого слова. В данном случае за стилистической пометой скрывается «глубокое семантическое содержание»¹⁰.

§2.2. На редкость, удивительно, необычайно

«Авторская» оценка (= характеристика «знакомство») в семантике интенсификаторов может подразумевать сравнение того, что описывается, с тем, что уже некогда было. Так, слова *удивительно, на редкость, необычайно, редкий* неявно свидетельствуют, что на фоне известных говорящему подобных ситуаций описываемая выделяется по своим характеристикам, оценивается как исключительная, из ряда вон выходящая. Например: *Борщ на редкость*

¹⁰ Ср.: «...стилистическая информация в толковых словарях не отделяется в достаточной степени от семантической, коммуникативной и прагматической и не интерпретируется с этих точек зрения. А такая интерпретация необходима <...> многие стилистические пометы имеют глубокое семантическое содержание» [Апресян 1986б, 66]).

вкусный; Природа там удивительно красива; Иван редкий эрудит (по сравнению с известными говорящему «обычными» эрудитами).

В силу такой семантики названные интенсификаторы не употребляются относительно ситуаций с заданными параметрами (не допускающими отклонений в сторону «исключительности»). Можно сказать: *Солнце здесь удивительно/на редкость яркое, сильное* и нельзя: **Солнце на редкость/удивительно высоко* (ср. корректность фразы: *Солнце очень высоко*). Для того, чтобы употребление данных интенсификаторов было оправданным, сам фон сравнения должен быть очевиден, понятен собеседнику (слушающему). Странно звучат фразы: ?*Город на редкость/удивительно далеко*; ?*Магазины открываются на редкость рано* (ср.: *Встал я сегодня на редкость рано*). Осмыслению фразы о магазинах мешает наличие у собеседников некоего стереотипного представления о стандартных (общих для всех магазинов) часах работы. В социуме, где нет соответствующей унификации, оценки на редкость, необычайно, удивительно будут вполне естественны, ср.: *В Гронингене магазины открываются на редкость/удивительно поздно*.

Мы рассмотрели наиболее яркие примеры из ряда многочисленных показателей большой степени признака. Как кажется, синонимика интенсификаторов хорошо иллюстрирует характер системных отношений отдельных элементов (слов) в рамках ЛСГ: наряду с нейтральными в модально-оценочном плане — «общими», как бы сказал А.Ф.Лосев¹¹, словами существуют их «частичные варианты», объединенные свойством «модальной отмеченности» — заведомой ориентации на реальную модальную плоскость высказывания — и дифференцированные по каким-то частно-семантическим характеристикам (автор-

¹¹ Ср. определение синонимического ряда по А.Ф.Лосеву: «1) ...каждый синоним должен обладать каким-нибудь ясным оттенком...; 2) ...каждый синоним должен не только отличаться от всякого другого синонима, но и указывать на существование этого другого синонима...; 3) ...все синонимы данного слова должны указывать на это общее слово или то общее понятие, частичными вариантами которого они являются и специфическую языковую значимость которого они выражают» [Лосев 1982, 463].

ская интерпретация у *весьма*; исключительность, неординарность — у *на редкость*). По такому же, в сущности, принципу организована и группа наречий—временных квантификаторов: *часто, зачастую, иногда, подчас, частенько* и под. Остановимся на этом вопросе.

§3. Часто vs зачастую, иногда vs подчас¹²

В словарной практике принято описание данной группы наречий через синонимические ряды — частное сводится к более общему. Так, *порой, подчас* толкуются через *иногда; зачастую, частенько* — через *часто* и т.д. Однако речевая практика показывает, что далеко не всегда вместо «более общего» может быть использовано «частное». Ср.: *Хоть иногда пиши мне при невозможности: *Хоть порой/подчас пиши; Вам придется часто его навещать*. Здесь неуместно использование *зачастую*.

Рассматриваемые наречия распадаются на две группы в зависимости от наличия/отсутствия в их семантике модально-оценочного компонента. Наличие апостериорной оценки в семантике таких слов, как *подчас, зачастую, порой, частенько*, ставит их употребление в более жесткую зависимость от условий контекста — они должны вписываться в общую модально-оценочную перспективу высказывания. Нейтральность же таких слов, как *часто, редко, иногда, изредка*, оставляет за ними свободу употребления в высказываниях, устроенных по любому модальному образцу. Ср.: *Я очень советую вам добиваться от женщины немедленного ответа. Иначе вам придется часто (плохо: зачастую) стоять с растерянным видом перед новым неожиданным словом* (В.Шкловский). Некоррект-

¹² Кванторная семантика таких наречий, как *часто, редко, иногда*, описана в [Падучева 1989]. Поэтому мы оставляем в стороне вопрос о собственно квантитативных смыслах и сосредоточим свое внимание на модально-оценочном аспекте семантики этих слов. В [Булыгина, Шмелев 1988] отмечены некоторые особенности коммуникативного поведения наречий *редко, часто, нередко* и под. Мы будем касаться вопроса о коммуникативных особенностях квантификаторов только в связи с их модально-оценочной семантикой.

ность употребления *зачастую* в ситуации «прогнозирования» некоего гипотетического положения дел определяется наличием в его семантике апостериорной оценки. Приведем примеры ирреальных высказываний, чтобы показать невозможность употребления в их контексте модально отмеченных квантификаторов: *Я хотел бы иногда (*подчас) к вам заходить; Было бы неплохо иногда (*подчас) с ним советоваться; Надеюсь, что мы часто (*зачастую) будем видеться; Ты должен часто/иногда (плохо: зачастую/подчас) ее навещать; Не думаю, чтобы он часто (плохо: частенько, зачастую) там бывал; Я не буду часто (*частенько, *зачастую) вам докучать.*

Объединенные общим параметром модальной отмеченности, рассматриваемые наречия различаются между собой по каким-то частно-оценочным характеристикам.

Так, у *частенько* можно усмотреть наличие латентной отрицательной оценки, понижающей в ранге предмет описания, а точнее — представляющей этот предмет в некоем фамильярном тоне (что отчасти сопоставимо с введением в личную сферу говорящего). Например: *Наш же Степан Трофимович ... частенько полеживал на боку* (Ф.Достоевский). Как следствие, это наречие не может быть использовано в контекстах, исключающих «фамильярность» или пейоративность: *Его доклады часто (?частенько) просто блестящи; Он часто (?частенько) приводит меня в ярость/восторг; Ирак часто (?частенько) бомбит Израиль* и под.

Зачастую, подчас содержат элемент обобщения, поэтому их оценка выступает в союзе с таким собственно временным признаком, как «продолжительность интервала, на котором повторяется действие». Ср.: *Мои первые лекции зачастую прерывались смехом при сомнительности: ?Моя первая лекция зачастую прерывалась смехом* (здесь естественнее использовать не обобщающее предшествующий опыт *зачастую*, а нейтрально констатирующее *часто*, ср.: *Моя первая лекция часто прерывалась смехом*). По аналогичным причинам некорректны высказывания типа: **Во время доклада он подчас заглядывал в текст; *Подчас он встал из-за стола и прохаживался по комнате*. Становится понятным, почему фраза *Подчас он поглядывает на меня с*

нескрываемым интересом однозначно понимается как узкая, а не как актуальная; в отличие от фразы с наречием *иногда* (*Иногда он поглядывает...*), которая может описывать и единичную ситуацию.

«Известность» в семантике модально отмеченных слов определяет их притяжение к тематическому полюсу высказывания. Ср. некорректность фраз типа **К сожалению, опаздывает он зачастую*; неуместность наречий *подчас* и *порой* в сфере действия рематических частиц (можно сказать *хоть иногда* и нельзя *хоть подчас*; можно лишь *иногда/изредка* и нельзя лишь *порой/подчас*). Мы ограничиваемся этим замечанием, отдавая себе отчет, что реально вопрос о коммуникативном своеобразии квазисинонимов наречий на *-о* (не только временных квантификаторов) гораздо сложнее и не подпадает под какое-то одно, единственное, решение.

Выражая авторские оценки, наречия *зачастую, подчас, частенько* специфицируют предмет описания в свете опыта конкретного говорящего, поэтому они не используются относительно «безликих» переменных типа: *те, кто часто (*зачастую, *частенько) бывает за границей...; всякий, кто часто/хоть иногда (*частенько/порой) его видел...*¹³.

Становится понятным, почему словари избегают употребления авторских *зачастую, порой* и под., используя в основном более «объективные» и «беспристрастные» *часто* и *иногда*. Приведем в подтверждение несколько примеров из Биологического энциклопедического словаря: *Льянос часто (?зачастую) приравнивают к пампасам; Гравилат ярко-красный и др. иногда разводят как декоративные*. Заметим, что если бы мы писали какие-нибудь путевые очерки и хотели бы охарактеризовать конкретные нравы, обычаи, традиции, было бы вполне уместно использование автор-

¹³ Эти примеры служат еще одним подтверждением референциальной чувствительности признаков, вовлеченных в сферу апостериорного оценочного отношения, ср. некорректность выражений типа **все этикие овечки; *любой суций сердцеед*, ср. невозможность использования *весьма* и других модально отмеченных интенсификаторов относительно неферментных объектов, напр.: *Но бесы не обладают полным и достоверным знанием о глубинах человеческих душ; тайное решение очень (*весьма, *удивительно...!) твердой и праведной воли имеет шанс скрыться от глаз бесов* (С.Аверинцев).

ских показателей, ср.: В Болгарии *порой* *гравилат* *разводят как декоративное растение; Эти ученые зачастую льянос приравнивают к пампасам...* Ср. аналогичные предпочтения в Мифологическом словаре: *Фольклор часто представлял бесов в обличи иноверцев..; В церковно-славянском и русском народном обиходе иногда было принято называть бесов, в отличие от добрых ангелов, «аггелами»...* (С.Аверинцев).

Можно сказать, что у нейтральных и модально отмеченных слов разный «лексикографический потенциал»: *часто, редко, иногда* могут описываться как самодостаточные лексические единицы; наречия же *зачастую, частенько, подчас* выходят за рамки такого описания, поскольку неявно несут в себе некий «образ» (модель) высказывания, в котором они могут быть употреблены. *Часто и редко* — это просто отметки на шкале частот, которые каждый может уточнить, модифицировать (*очень/не так уж часто*), а *частенько, зачастую* и др. — это готовые оценки, не допускающие дальнейших модификаций (**очень зачастую; *не частенько*). Приведем пример, где в силу названных причин не могут быть использованы *подчас* и *зачастую*: *Эти господа всезнайки встречаются иногда, даже довольно часто, в известном общественном слое* (Ф.Достоевский).

На употребление временных квантификаторов могут оказывать влияние и не связанные с модальной отмеченностью факторы. Мы дадим несколько иллюстраций к этому тезису, чтобы показать и иное направление системных связей в рамках ЛСГ — относительную независимость некоторых частно-семантических признаков от свойства модальной отмеченности.

Сравним такие показатели, как *то и дело* и *время от времени* (они, правда, действуют в разных диапазонах частот). Первая форма модально отмечена, а вторая — может быть использована в любом модальном ключе. Ср. невозможность появления *то и дело* в ирреальном контексте: *И я говорю, что нам необходимо время от времени* (плохо: *то и дело*) *собираться на семейных торжествах, чтобы через одинаковый цвет нашего напитка вновь почувствовать наше кровное родство* (Ф.Искандер). Несмотря на такое, можно сказать, кардинальное различие, данные квантифика-

торы сходны по другому параметру и противостоят по нему остальным наречием: *то и дело* и *время от времени* способны квантифицировать только такие «положения дел», которые отчетливо выявлены, дискретны. Например: *На круглом лице веселого головореза Теймыра то и дело появлялась блудливая улыбка* (Ф.Искандер) при сомнительности: ?*Мне то и дело/время от времени становилось досадно*. Ср. неестественность употребления «дискретных» показателей в такой ситуации: *Устинов говорил тихим голосом, так что его временами* (?*время от времени, ?то и дело*) *не было слышно...* (А.Сахаров). Становится понятной связь данных квантификаторов с глагольным способом представления ситуации: *Он то и дело выглядывает в окно; Время от времени он к нам заходит* при невозможности **Он то и дело задумчив; *Он время от времени печален*. Отчасти это сопряжено и с тем, что дискретные показатели не способны к обобщению: можно сказать *Временами ты невыносим* и нельзя **Время от времени ты невыносим*. В силу названных причин в следующих высказываниях «дискретные» квантификаторы не используются: *Это была тихая, покорная женщина, однако покорность ее временами* (**время от времени*) *переходила в наглость, так как не помня и не чувствуя обид, она не знала и стыда* (Ф.Горенштейн); *Временами* (?*время от времени*) *я побаиваюсь этого человека*¹⁴. Ср. естественное распределение временных квантификаторов в зависимости от наличия/отсутствия у них обобщающей семантики: [Описание торжественного вечера] *Лихой завхоз и лифтерша Марья Ивановна то и дело* (плохо: *зачастую*) *вносили на подносах чай, бутерброды и фрукты, предлагали их гостям и директору, а затем уже всем присутствующим* (Л.Чуковская) и (оттуда же) *Софье Петровне зачастую теперь доводилось первой, еще в рукописи, прочесть какое-нибудь новое произведение советской литературы или роман ...* В последнем случае неуместными были бы показатели *то и дело* и *время от времени*. Ср. еще: ...«неприлич-

¹⁴ Казалось бы указанные особенности легко объясняются через наличие (у *время от времени*) и отсутствие (у *временами*) признака «контроля». Но такому объяснению противоречат примеры типа: С яблонь *время от времени* слетали перезревшие плоды; *Временами* я его навеваю.

ное» бывает *зачастую* равнозначуще «необычному» (В. Набоков) — классический случай обобщения и невозможность использования «дискретных» квантификаторов.

Неспособность к обобщению делает невозможным употребление рассматриваемых слов в тех случаях, когда описывается дистрибутивный субъект. Ср.: *Иногда/порой/временами/подчас/зачастую/часто лингвисты неплохо разбираются в математике* при невозможности: **Время от времени/то и дело лингвисты неплохо разбираются в математике*.

Как видим, по многим признакам *время от времени* отличается от своего ближайшего словарного «соседа» *временами*. Ср. различное истолкование предиката и, соответственно, актантных связей в контексте данных квантификаторов: *Временами Маша его забавляет* (но это быстро проходит) и *Время от времени Маша его забавляет* (и это доставляет удовольствие обоим).

§4. Итоги

Из широкого круга возможных языковых воплощений мы рассмотрели лишь некоторые случаи выражения апостериорной оценки. Даже беглый обзор материала показывает, что свойство модальной отмеченности объединяет языковые явления разной природы. Так, слова с семантической непосредственного восприятия, «наблюдения», экспрессивной, эмоциональной оценки (по определению) подразумевают реальность описываемого ими объекта. Но как раз эта очевидность оценки, ее лексическое воплощение оставляет говорящему некоторую свободу языкотворческих операций — описания «незнакомых» в терминах «знакового» (возможность использования изобразительной, оценочной лексики относительно гипотетических ситуаций).

Кроме того, «знакомство» является презумптивным семантическим компонентом таких (уже не эмоциональных и не экспрессивных) частиц, как *еле, чуть не, все (Ася все не шла)*.

Но гораздо более интересны, на наш взгляд, те случаи, когда по семантическому параметру «знакомство» проходит

дифференциация слов в пределах одного синонимического ряда, т.е. когда «знакомство» не является компонентом лексического значения слова: *весьма, удивительно, крайне, на редкость* модально отмечены не потому, что они интенсификаторы, а *зачастую, подчас* и др. — не потому, что являются квантификаторами времени. Аналогично, наряду с нейтральным *немного* (странный) действует модально отмеченное слово *несколько* (странный), к нейтральным показателям неопределенности *какой-то, некоторый* прибавился развившийся до антонимичности своему первоначальному значению показатель *определенный*; а также потерявшее полностью первоначального смысла слово *известный*, ср.: *определенная известность* и *известная определенность*.

В.В.Виноградов в монографии «Русский язык», в частности, предсказывал: «Быть может, дальнейшее углубление изучения частиц приведет к необходимости еще теснее связывать большую их часть с синтаксической категорией модальности» [Виноградов 1947, 676]. В нашем случае речь не идет об открытии каких-то новых модальных областей русской лексики. Но действительно, выявляется совершенно неожиданное взаимодействие большого пласта лексики с категорией модальности. При этом сами слова обладают вполне самостоятельными лексическими значениями, но скрытое в их семантике указание на личную причастность говорящего к предмету речи задает характер употребления — соотнесение с реальным модальным планом высказывания.

По-видимому, зафиксированное в употреблении противопоставление модально отмеченной и нейтральной лексики отражает одну из фундаментальных особенностей языкового членения мира: выделенность в области знаний человека той части, которая включена в его личный опыт. Иначе говоря, языковое подсознание специфицирует в употреблении освоенное говорящим «жизненное пространство».

Эта идея в конкретных языках может находить различные воплощения, ср. свидетельские и несвидетельские наклонения в болгарском, ср. также интересное наблюдение одной исследовательницы языка индейцев винту (Калифорния) — оно приводится в [Коул, Скрибнер 1977]: глаголы в языке винту «различаются по „степени достовернос-

ти". Когда речь идет о событии, известном с чужих слов, то употребляется один глагол, когда же сам говорящий (а не человек, о котором идет речь) был свидетелем данного события, то употребляется другой глагол. Таким образом, свидетель преступления, который „услышал“ выстрел, и полицейский, ссылающийся на утверждение свидетеля о том, что тот „услышал“ выстрел, пользуются разными словами для выражения понятия „услышать“ [Коул, Скрибнер 1977, 68].

Эпистемические основания выносимых говорящим суждений могут иметь и более детальное грамматическое воплощение. Так, Е.Р.Ионесян, со ссылкой на американские полевые исследования, приводит весьма интересные данные из языка туюка: «Говорящий на туюка должен в обязательном порядке указывать, каков характер той информации, на основе которой строится высказывание. В этом языке различаются пять типов информации: 1) полученная визуальным путем; 2) полученная чувственным, но не зрительным путем; 3) полученная путем восприятия не самого события Р, а какого-либо из его признаков или следствий; 4) полученная из вторых рук; 5) полученная путем предположения. Говорящий делает логическое умозаключение о положении дел или событий исключительно на основе общих знаний» [Ионесян 1993, 93].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели некоторые случаи языковой концептуализации пространства, времени, а также отражение в семантике слова знаний говорящего о предмете речи. Одни из выявленных нами моделей носят универсальный характер (принадлежат не только русскому языку), например, относительная оценка расстояния (*далеко, близко, рядом*) или тип информации, на основе которой формируется высказывание (*наверное vs. кажется; бесспорно vs. явно*). Другие же являются специфичными для русского языка. Такова абсолютная пространственная модель («окрестность говорящего»). Наличие в русском языке абсолютных показателей (*вблизи, невдалеке, вдали...*) свидетельствует о релевантности, языковой отмеченности конкретного физического пространства, «перцептивного», освоенного говорящим, знакомого ему. Как кажется, фактом русского языкового сознания является выделенность таких аспектов времени, как цикличность, космологичность, активность.

Семантические описания рассмотренных нами моделей опирались на некоторые, уже известные и даже ставшие обиходными, понятия: «вещное пространство»; циклическое/линейное время. Вообще говоря, понятия эти относятся к области культурных и философских представлений о мире и априори с языковой картиной мира не связаны. Установление же факта их лингвистической релевантности служит дополнительным аргументом в пользу отнесения их к числу базисных, выражающих наиболее фундаментальные представления человека о мире.

Продланное исследование подводит нас к вопросу: как и почему в языке появляются модели — слова, соотносимые с одним и тем же понятием, объединенные смысловой общностью, начинают выражать разные точки зрения на это понятие, описывать различные его ипостаси. Ведь даже предварительный анализ свидетельствует о недавнем происхождении многих из выявленных нами моделей: слова *вблизи, вдали, неподалеку, поблизости* стали полноправными членами лексико-семантической группы пространственных наречий в прошлом веке; установление системных отношений в рамках временных ЛСГ также продукт достаточно позднего времени (ср. адъективацию — с соответ-

ствующими семантическими изменениями — слова *прошлый*, появление у *ныне* и *нынче* таких «конкурентов», как *сейчас*, *сегодня*, русификацию *момента* и т.п.). Появление слов-«двойников» (*буквально*¹ и *буквально*², *определенный*¹ и *определенный*²...) можно проследить на примере изменения словоупотребления одного носителя языкового сознания (взяв, к примеру, в качестве «информанта» кн. П.А.Вяземского с его «Старой записной книжкой»).

Можно предположить, что направление, в котором идет развитие и последующая систематизация языковых значений, задается именно картиной мира — достаточно детализованной классификационной схемой действительности, представленной в сознании носителей языка. Элементы этой картины, не находившие ранее отражения в языке, воплощаются в нем посредством функционального размежевания близких по смыслу слов в рамках одной лексико-семантической группы. При этом «дрейф» языковых значений происходит в сторону экспликации архетипических черт нашего сознания.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Время как показатель знаний говорящего о предмете речи

В Главе 3 мы рассматривали случаи, когда те или иные компоненты речевой ситуации — условия и характер восприятия, личностные знания говорящего о предмете речи — находили воплощение в семантике слова и определяли специфику его языкового поведения. Теперь нам хотелось бы обратить внимание на не совсем обычные примеры языкового отражения условий и характера речевой ситуации.

Рассмотрение высказывания в аспекте его эпистемической семантики позволило обнаружить нетривиальные случаи совмещения различных функций — временных, пространственных, модальных — у некоторых дейктических показателей — «эгоцентрических спецификаторов», по Б.Расселу, т.е. таких слов, «значение которых изменяется с переменой говорящего и его положения во времени и в пространстве» [Рассел 1957, 119]. Обратимся к языковому материалу.

В некоторых типах референтных высказываний эпистемической отмеченностью может обладать такой канонический показатель времени, как *сейчас*. При этом *сейчас* играет несвойственную ему роль — указывает на странное положение говорящего (либо адресата сообщения) относительно объекта описания. Так, во фразе *Иван сейчас в библиотеке* именно *сейчас* является однозначным свидетельством, что либо по отношению к говорящему, либо по отношению к адресату объект описания (Иван) находится в другом, перцептивно недоступном «денотативном пространстве». Если собеседники видят Ивана, *сейчас* неуместно: во фразе **Смотри-ка, Иван сейчас в библиотеке* указания *сейчас* и *смотри-ка* противоречат одно другому. Заметим, что если говорящий видит косвенные свидетельства присутствия Ивана (его вещи, книги), а сам Иван находится вне поля его зрения, высказывание *Смотри-ка, Иван сейчас в библиотеке* вполне корректно. Более того, можно утверждать, что в данном случае именно слово *сейчас* выполняет функции эпистемического указателя, а именно — свидетельствует о том, что вы-

сказывание сделано на основе косвенной информации с привлечением логического вывода, а не на основе непосредственного восприятия.

Мы рассмотрели одну альтернативу — когда говорящий и слушающий находятся в общем пространстве восприятия. Рассмотрим и другую ситуацию — когда они пространственно разделены. Представим, что говорящий сообщает по телефону: *Иван сейчас в библиотеке*. Фраза будет корректна даже, если в момент ее произнесения говорящий видит Ивана.

Приведем примеры подобного неканонического использования *сейчас*: *Все люди, как люди, ходят сейчас по улицам, наслаждаются весенним солнцем и теплом, а вы здесь на полу сидите в душном зале (М.Булгаков); Шел [Володька] к бульварному кольцу, чтобы сесть на «аннушку» и добраться до госпиталя, где лежал сейчас его школьный товарищ и тезка Вовка Деев (В.Кондратьев).*

Итак, *сейчас* способно выполнять функцию пространственной характеристики, т.е. служить косвенным указанием на пространственный разрыв между предметом речи и одним из участников речевого акта: говорящим, либо адресатом. В связи с этим интересно посмотреть, как *сейчас* взаимодействует в высказывании с собственно пространственными показателями. Приведем несколько примеров из «Чевенгура» А.Платонова: *Идет он где-нибудь сейчас, и ветер выбивает у него слезы из глаз на лицо; Где-то бредет сейчас бесприютный пролетариат без уважения людей и без значения собственной жизни; [В Кремле] сидит Ленин при лампе, думает, не спит и пишет. Что он сейчас там пишет?* В данных примерах значение *сейчас* согласуется со значением локализаторов *где-нибудь, где-то, там*, указывающих на пространственную разъединенность говорящего и объекта описания. Можно было бы предположить, что *сейчас* не должно употребляться в соседстве с локализатором *здесь*, однако, это не так: фраза *Иван сейчас здесь* вполне корректна. Но тесное соседство *сейчас* и *здесь* создает особый «эпистемический эффект». Сравним: (1) *Смотри-ка, и Иван здесь* (говорящий и слушающий находятся в «денотативном пространстве» предметной ситуации) и (2) *Иван сейчас здесь* (объект описания не находится в общем поле

зрения говорящего и слушающего). Последнее высказывание допускает следующие интерпретации: (2а) Иван вышел и его не видно (*здесь* понимается широко); (2б) слушающий не знает Ивана, не способен самостоятельно его идентифицировать, ср.: *Иван сейчас здесь; угадай, кто из них Иван*. Либо сам говорящий не знает Ивана, ср.: *Мне сказали, что Иван сейчас здесь; покажите, кто из них Иван*; (2в) разговор по телефону: Иван рядом с говорящим, а слушающий в другом «локусе». В любом случае *сейчас* указывает на некий «эпистемический барьер», на не полноту информации либо в силу пространственного разрыва (отделенности), либо в силу незнания, отсутствия знакомства у говорящего (слушающего) с предметом описания. Так, фраза *Мы сейчас в библиотеке* интерпретируется либо как обращение к 3-му лицу, локализованному «не здесь», либо как обращение к собеседнику, который сам не в состоянии определить, где он находится, идентифицировать помещение как библиотеку.

Итак, *сейчас* не несет абсолютных пространственных характеристик. Пространственная разобщенность — это лишь частный случай отсутствия у говорящего или адресата сообщения непосредственной информации о предмете речи. Поэтому часто «эпистемическое» *сейчас* коррелирует в высказывании с различными модальными словами-показателями гипотезы. Например: *Полубуржуи сейчас, наверное, притаились в степи или шли дальше от Чевенгура медленным шагом (А.Платонов); Там, может быть, поют петухи сейчас (Б.Пастернак); И ей [новой горничной в новом доме] отдавались какие-то приказания насчет Ульяши, которая находилась там, в неизвестной и, вероятно, очень темной кухне, где, наверное, есть окно, из которого видно что-нибудь новое: колокольню какую-нибудь, или улицу, или птиц. И Ульяша, верно, спрашивает сейчас там эту барышню, надевая что похуже, чтобы потом заняться раскладкой вещей (Б.Пастернак).*

«Эпистемическое» *сейчас* передает идею синхронности двух различных планов описания, оно подчеркивает сосуществование разных миров: того, в котором находится говорящий, и того, в котором пребывает объект описания. Яркой иллюстрацией этого тезиса является сле-

дующий отрывок из А.Платонова: [об умершем ребенке] *Преставился, тихий: лучше живого лежит, сейчас в раю ветры серебряные слушает.* Без *сейчас* данное высказывание было бы некорректно: одному и тому же субъекту задавались бы одновременно два разных местоположения. *Сейчас* помогает снять это противоречие, выступая барьером между двумя мирами (дольним и горним). При этом именно *сейчас* создает эффект как бы одновременного непосредственного восприятия двух соположенных, взаимно-непроницаемых миров.

Теперь уточним, какое значение слова *сейчас* способно выражать указанные эпистемические смыслы (характеристики), поскольку для наречия *сейчас* выделяется несколько типов употребления. Так, И.А.Мельчук различает четыре значения *сейчас*: 1) в момент речи (*Сейчас он занят*); 2) в ближайший момент после момента речи (*Сейчас приду*); 3) в ближайший момент перед моментом речи (*Сейчас он тут был*); 4) в данный момент, имевший место в прошлом (*Сейчас он внушал жалость*) (см. [Мельчук 1985]).

Мы обсуждаем *сейчас*, описывающее момент речи. Только в этом случае, употребляясь с глаголами в настоящем актуальном значении, *сейчас* приобретает дополнительные функции эпистемической характеристики высказывания. И это, по-видимому, объясняется тем, что именно при таком употреблении прямое значение *сейчас* становится избыточным, дублируя значение настоящего актуального времени глагола.

В тех же случаях, когда *сейчас* сохраняет свою информативность (глагол употребляется в прошедшем или будущем времени, либо наречие употребляется контрастивно), это вновь приобретенное «эпистемическое» значение *сейчас* утрачивается. Ср.: *Ты видел, как Маша сейчас плакала?*; *Иван сейчас заплачет.* В данных примерах *сейчас* не несет никакой информации о пространственном положении говорящего или адресата относительно предмета речи, выполняющая свои прямые функции, а именно — приближая прошедшее или будущее к моменту речи. Ср. также примеры контрастивного *сейчас* (под контрастивностью имеется в виду противопоставление, в котором сильный член оппозиции — настоящее положение дел — сравнивается с про-

шедшим или будущим — иным! — положением дел): *Сейчас Маша, действительно, спит* (раньше, скажем, притворялась); *Сейчас ты смеешься, но что ты скажешь потом?* Эти примеры показывают, что наличие смыслового акцента на наречии *сейчас*, его «рематизация», препятствуют возникновению у него эпистемического значения.

Четвертый тип употребления *сейчас*, выделенный И.А.Мельчуком, соответствует нарративному режиму, по Е.В.Падучевой, где «в роли точки отсчета выступает особая фигура — наблюдатель» [Падучева 1990, 174]. Е.В.Падучева пишет о таком *сейчас*: «... в первом абзаце романа Набокова „Пнин“, который начинается в обычном нарративном режиме, в прош. времени, слово *сейчас* однозначно вызывает в сознании читающего личность повествователя, который едет в одном вагоне с героем и непосредственно наблюдает все происходящее: *Пожилый пассажир, сидевший у окна ..., был никто иной как профессор Тимофей Пнин. Совершенно лысый, загорелый и гладко выбритый, он начинался весьма солидно: большой коричневый купол, черепаховые очки ... ; но как-то неожиданно заканчивался парой журавлиных ног (сейчас они во фланелевых штанах, одна на другой) и хрупкими на вид, почти женскими ступнями*» [Падучева 1990, 174—175].

Нарративное *сейчас* в чем-то близко к рассматриваемым нами случаям, поскольку и оно сигнализирует о соположенности двух миров — в этом случае плана настоящего (в котором пребывает адресат-читатель) и прошедшего (плана повествования; описываемого мира). Такое *сейчас* как бы вызывает из прошлого картины и образы, оживляет для читателя это прошлое, создает эффект соприсутствия (как кажется, повествователь в данном случае «играет» в наблюдателя, истинным же наблюдателем, по его замыслу, должен быть сам читатель). Ср.: *Сейчас генерал, освободивший место, проходя к стойке, поклонился мне, как доброму знакомому* (Б.Пастернак). Именно *сейчас* заставляет нас отнести данное высказывание к изобразительному типу речи (по Г.А.Золотовой); без *сейчас* фраза скорее расценивалась бы как информативная. Приведем пример, в котором функция нарративного *сейчас* предельно обнажена — наречие по своей роли близко к театральной ремарке (адресованной зрителю), оно вводит очередную кар-

тину: *Эти номера носила ей списчица вагонов тетя Фрося, которая и вошла сейчас, тяжело обивая ноги* (А.Солженицын). *Сейчас* и структурно организует этот текстовый фрагмент: без наречия фраза была бы некорректной.

Вернемся к анализируемому нами эпистемическому типу употребления и рассмотрим типичные модели предложения, в которых *сейчас* может выступать в такой роли.

1) «X сейчас находится там-то». Примеры: *Сейчас он у Громеко, а меня оставил на улице, чтобы случился под рукой, когда ему туда понадобится* (Б.Пастернак). Здесь говорящий занимает внешнее положение по отношению к объекту описания. Ср.: *Сейчас он у нас*, где уже адресат находится вне пространства описания (данное высказывание воспринимается как фраза из письма или телефонного разговора).

2) «X сейчас делает то-то» при актуально-длительном предикате. Пример: *Я знал, что Г.А. сейчас сидит у себя в комнате и проверяет тест-программы* (А. и В.Стругацкие). Здесь *сейчас* также свидетельствует о пространственном разрыве между говорящим и объектом описания. Ср. *Маша сейчас обедает/читает* при невозможности **Смотри, Маша сейчас читает/обедает*. Заметим, что в ситуации знакомства маленького ребенка с окружающим миром соответствующее высказывание вполне уместно, поскольку адресат не знает, что такое *читать, обедать*.

Настоящее актуальное время предиката — не единственное условие возникновения у *сейчас* эпистемического значения. Другим важным условием является доступность предметной ситуации непосредственному восприятию. Эпистемические функции *сейчас* выполняет только в высказываниях о перцептивно воспринимаемых предметных ситуациях. Так, с очевидностью не эпистемично *сейчас* во фразе с настоящим актуальным временем предиката, если описываемое явление в принципе недоступно непосредственному восприятию. Например: *Истина прежде всего в том, что у тебя болит голова, и болит так сильно, что ты малодушно помышляешь о смерти. Ты не только не в силах говорить со мной, но тебе даже трудно глядеть на меня. И сейчас я невольно являюсь твоим палачом, что меня огорчает* (М.Булгаков).

В этой связи интересно рассмотреть пример из «Чевенгура» А.Платонова: *Яков Титыч сказал, что в Чевенгуре сейчас находится коммунизм*. Обращает на себя внимание неправильное использование предиката *находиться*: *быть* в значении «находиться» могут только предметы, доступные непосредственному восприятию, ср.: 1) *У нас сейчас Иван* = «находится» и 2) *У нас сейчас коммунизм* = «имеется». Очевидно, что *сейчас* описывает эпистемический барьер только в первом случае; во втором же оно не несет никаких дополнительных функций. Использование глагола *находиться* относительно такого объекта, как коммунизм, наделяет его «пространственностью», сообщая тем самым о сугубо конкретном, чтобы не сказать персонализированном, понимании коммунизма Яковом Титычем; *сейчас* же акцентирует идею невозможности увидеть этот объект: Коммунизм как бы незримо присутствует среди чевенгурцев.

Э.Бенвенист подчеркивал, что для работы системы «внутренних референций» по параметрам Я-ЗДЕСЬ-СЕЙЧАС «основным ... является соотношение указателя (лица, времени, места ... и т.д.) с данным, настоящим моментом речи» [Бенвенист 1974в, 314]. Мы рассмотрели один из случаев совпадения дейксиса с моментом речи — когда смысловая избыточность *сейчас* приводит к возникновению у него добавочных, эпистемических, функций. Рассмотрим другой случай — когда относительно настоящего, текущего («этого») момента речи используются показатели отдаленности во времени, т.е. «это» квалифицируется как «то». Пример: *Из окон второго и третьего этажа высовывались неподкупные головы жрецов Фемиды и ту же минуту прятались опять: вероятно, в то время входил в комнату начальник* (Н.Гоголь). Здесь эпистемический (вероятно) и временной (в то время) указатели взаимно обусловлены: относительно описываемой ситуации нельзя не употребить какого-либо модального слова типа *вероятно, наверно* (показателей гипотезы), ср. некорректность, смысловую неполноту фраз: *Из окон высовывались головы и в ту же минуту прятались опять*. **В то время в комнату входил начальник*. Столь сильным детерминирующим фактором является наличие в высказывании временной

отсылки *в то* (а не *в это*) время. Автору понадобилось указание на отдаленность во времени (при том, что реально описываемое событие совпадает с моментом речи) для того, чтобы подчеркнуть пространственную отдаленность — или, лучше сказать, отделенность — говорящего (наблюдателя) от предметной ситуации высказывания (комнаты, в которую входил начальник). Следствием этой отделенности и является неполнота восприятия. Собственно, именно о ней свидетельствует опосредованность временной отсылки. Еще пример: *Он вышел из дома и быстро пошел к машине. Вдруг он резко остановился. Вероятно, в тот момент он подумал, что за ним следят.* И здесь модальный и временной показатели взаимнообусловлены: временная отдаленность подчеркивает взгляд извне на предметную ситуацию. Замена в этом высказывании местоимения *тот* на *этот* снимет необходимость использования показателя гипотезы, ср.: *Вдруг он резко остановился. В этот момент он подумал, что за ним следят.* При этом описание будет восприниматься скорее как «внутреннее» — с точки зрения субъекта пропозиции. Ср. аналогичный эффект во фразах: *Каспаров грустно смотрел в зал. Наверное, в то время он еще не думал, что выигрывает партию и ... В это время он еще не думал, что выигрывает партию.*

Таким образом, отдаление во времени может быть средством размежевания двух миров, «ментальных пространств» — говорящего (автора, повествователя) и объекта описания. Ср. аналогичное использование показателя прошедшего времени *было* в приведенном раньше примере из Б.Пастернака («Письма из Тулы»), где описывается чужой поток сознания: *Так он думал ... Серел восток ... Пора было подумать о билете. Пели петухи, и оживала касса.*

ЛИТЕРАТУРА

Августин 1979 — *Аврелий Августин.* Исповедь Блаженного Августина, Епископа Иппонского // Богословские труды, сб. 19, М., 1979.

Аверинцев 1977 — *С.С.Аверинцев.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.

Апресян 1974 — *Ю.Д.Апресян.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.

Апресян 1978 — *Ю.Д.Апресян.* Языковая аномалия и логическое противоречие. // *Tekst. Jesyk. Poetyka.* Wroclaw, 1978.

Апресян 1986а — *Ю.Д.Апресян.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика, вып. 28 1986.

Апресян 1986б — *Ю.Д.Апресян.* Интегральное описание языка и толковый словарь // ВЯ. 1986, № 2.

Апресян 1991 — *Ю.Д.Апресян.* Об интегральном словаре русского языка // Семиотика и информатика, вып. 32, М., 1991.

Апресян 1992 — *Ю.Д.Апресян.* Лексикографические портреты (на примере глагола *быть*) // НТИ. Сер. 2. 1992, № 3.

Апресян 1993 — *Ю.Д.Апресян.* Синонимия ментальных предикатов: группа *считать* // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.

Арутюнова 1979 — *Н.Д.Арутюнова.* Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. М., 1979.

Арутюнова 1988 — *Н.Д.Арутюнова.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

Арутюнова 1989 — *Н.Д.Арутюнова.* «Полагать» и «видеть» (к проблеме смещения пропозициональных установок) // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.

Арутюнова 1990а — *Н.Д.Арутюнова.* Тождество и подобие (Заметки о взаимодействии концептов) // Логический анализ языка. Тождество и подобие. Сравнение и идентификация. М., 1990.

Арутюнова 1990б — *Н.Д.Арутюнова.* Феномен второй реплики, или о пользе спора // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.

Арутюнова 1991 — *Н.Д.Арутюнова.* Истина: фон и коннотации // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.

Арутюнова 1992 — *Н.Д.Арутюнова.* Речеповедческие акты и истинность // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992.

Баевский 1990 — *В.С.Баевский.* Сквозь магический кристалл. М., 1990.

БАС — Словарь современного русского литературного языка АН СССР: В 17-ти тт., М.—Л., 1950—1965.

Бахтин 1975 — *М.М.Бахтин.* Формы времени и хронотопа в романе // М.М.Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.

- Бахтин 1979** — М.М.Бахтин. Время и пространство в произведениях Гете // М.М.Бахтин. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Бахтин 1991** — М.М.Бахтин. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1991.
- Белошапкова 1967** — В.А.Белошапкова. Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967.
- Белошапкова 1981** — В.А.Белошапкова. Синтаксис // Современный русский язык; под ред. В.А.Белошапковой. М., 1981.
- Бенвенист 1974а** — Эмиль Бенвенист. Семантические проблемы реконструкции // Э.Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974.
- Бенвенист 1974б** — Эмиль Бенвенист. О субъективности в языке // Э.Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974.
- Бенвенист 1974в** — Эмиль Бенвенист. Формальный аппарат высказывания // Э.Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974.
- Бергсон 1910** — Анри Бергсон. Время и свобода воли. Собр. соч., 2-е изд., т. 2. Спб., 1910.
- Бердяев 1990** — Н.А.Бердяев. Смысл истории. М., 1990.
- Бердяев 1991** — Н.А.Бердяев. Самопознание. М., 1991.
- Береговская 1984** — Э.М.Береговская. Экспрессивный синтаксис. Смоленск. 1984.
- Бёрке 1985** — У.Бёрке. Пространство-время, геометрия, космология. М., 1985.
- Бондаренко 1979** — В.Н.Бондаренко. Виды модальных значений и их выражение в языке // НДВШ, филологические науки. 1979, № 2.
- Бубер 1993** — Мартин Бубер. Я и Ты. М., 1993.
- Булыгина 1982** — Т.В.Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Булыгина, Шмелев 1988** — Т.В.Булыгина, А.Д.Шмелев. Механизмы квантификации в русском языке и семантика количественной оценки // Референция и проблемы текстообразования. М., 1988.
- Булыгина, Шмелев 1989** — Т.В.Булыгина, А.Д.Шмелев. Пространственно-временная локализация как суперкатегория предложения // ВЯ. 1989, № 3.
- Булыгина, Шмелев 1993** — Т.В.Булыгина, А.Д.Шмелев. Гипотеза как мыслительный акт // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.
- Буслаев 1992** — Ф.И.Буслаев. Преподавание отечественного языка. М., 1992.
- Вежбицка 1968** — А. Вежбицкая. Наброски к русско-семантическому словарю // НТИ, сер. 2, 1968, № 12.
- Вежбицка 1972** — Anna Wierzbicka. Semantic Primitives. Frankfurt-am-Main, 1972.
- Вежбицка 1973** — Anna Wierzbicka. In Search of Semantic Model of Time and Space // Generative Grammar in Europe. Dordrecht, 1973.
- Вежбицка 1992** — Anna Wierzbicka. Semantics and Culture. N.Y. 1992.

- Виноградов 1947** — В.В.Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.
- Витгенштейн 1991** — Людвиг Витгенштейн. О достоверности // ВФ. 1991, № 2.
- Вольф 1985** — Е.М.Вольф. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- Вольф 1988** — Е.М.Вольф. Субъективная модальность и семантика пропозиции // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
- Воробьев 1989** — В.В.Воробьев. Становление идей неклассической логики в античности и средневековье. М., 1989.
- Вригт 1986** — Г.Х.фон Вригт. Логико-семантические исследования. Избранные труды. М., 1986.
- Всеволодова 1975** — М.В.Всеволодова. Способы выражений временных отношений в современном русском языке. М., 1975.
- Всеволодова, Владимирский 1982** — М.В.Всеволодова, Е.Ю.Владимирский. Способы выражений пространственных отношений в современном русском языке. М., 1982.
- Выготский 1969** — Л.С.Выготский. Психология искусства. М., 1969.
- Гак 1973** — В.Г.Гак. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. М., 1973.
- Гак 1988** — В.Г.Гак. Проблема создания универсального словаря (энциклопедический, культурно-исторический и этнолингвистический аспекты) // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988.
- Гаспаров 1993** — М.Л.Гаспаров. Русские стихи 1980-х — 1925-го годов в комментариях. М., 1993.
- Гачев 1989** — Г.Д.Гачев. Балканы как космос хайдурства / Балканская картина мира в этноязыковом и культурно-историческом аспекте // Сов. славяноведение, № 4, 1989.
- Гачев 1992** — Г.Д.Гачев. Наука и национальные культуры (гуманитарный комментарий к естествознанию). Ростов-на-Дону, 1992.
- Глэд 1991** — Джон Глэд. Беседы в изгнании. М., 1991.
- Грамматика 1970** — Грамматика современного русского литературного языка под ред. Н.Ю.Шведовой. М., 1970.
- Гуревич 1972** — А.Я.Гуревич. Категории средневековой культуры. М., 1972.
- Дайвер 1964** — W.Diver. The Modal System of the English Verb // Word. Vol. 20. N.Y. 1964, № 3.
- Даль 1989** — В.И.Даль. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. М., 1989.
- Дмитровская 1987** — М.А.Дмитровская. Употребление глаголов мнения и знания с различными типами пропозиций // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. М., 1987.
- Дмитровская 1988** — М.А.Дмитровская. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка. Знание и мнение. М., 1988.

- Доброхотов 1980** — *А.Л.Доброхотов*. Учение досократиков о бытии. М., 1980.
- Дюбуа 1986** — *Ж.Дюбуа* и др. Общая риторика. М., 1986.
- Дюкро, Тодоров 1983** — *O.Ducrot, Tz.Todorov*. Encyclopedic Dictionary of the Science of Language. 1983.
- Живов 1994** — *В.М.Живов*. Краткий словарь агиографических терминов. М., 1994.
- Журинский 1971** — *А.Н.Журинский*. О семантической структуре пространственных прилагательных // Семантическая структура слова. М., 1971.
- Зализняк 1985** — *Анна А.Зализняк*. Функциональная семантика предикатов внутреннего состояния (на материалах французского языка). АКД, М., 1985.
- Зализняк, Падучева 1982** — *Анна А.Зализняк, Е.В.Падучева*. Семантические явления в высказываниях от первого лица // Сб. статей к Finitis duo decim lustris 60-летию проф.Ю.М.Лотмана. Тарту, 1982.
- Золотова 1982** — *Г.А.Золотова*. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Иванов, Топоров 1965** — *Вяч.Вс.Иванов, В.Н.Топоров*. Славянские языковые моделирующие системы. М., 1965.
- Ионесян 1993** — *Е.Р.Ионесян*. Классификация ментальных предикатов по типу выносимых ими суждений // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.
- Кант 1965** — *И.Кант*. Критика чистого разума // Соч., т. 4. М., 1965.
- Карттунен 1971** — *L.Karttunen*. Possible and Must // Syntax and Semantics. V. 1. N.Y. 1971.
- Кобозева 1988** — *И.М.Кобозева*. Отрицание в предложениях с предикатами восприятия, мнения и знания // Логический анализ языка. Знание и мнение. М., 1988.
- Коул, Скрибнер 1977** — *М.Коул, С.Скрибнер*. Культура и мышление. М., 1977.
- Кошелев 1990** — *А.Д.Кошелев*. Классификация аспектуальных значений процессных глаголов по референтно значимым признакам // Логический анализ языка. Тожество и подобие. Сравнение и идентификация. М., 1990.
- Крейдлин 1993** — *Г.Е.Крейдлин*. Таксономия и аксиология в языке и тексте (Предложения таксономической характеристики) // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.
- Кржижкова 1974** — *Е.Кржижкова*. Количественная детерминация прилагательных в русском языке // Синтаксис и норма. М., 1974.
- Кронгауз 1989** — *М.А.Кронгауз*. Время как семантическая категория имени // Вопросы кибернетики. Семиотические исследования. М., 1989.
- Кронгауз 1990** — *М.А.Кронгауз*. Структура времени и значение слов // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.

- Крылов 1984** — *С.А.Крылов*. К типологии дейктических систем // Лингвистические исследования. Типология. Диалектология. Этимология. Компаративистика. Ч. 1, М., 1984.
- Крылов 1985** — *С.А.Крылов*. Семантические механизмы квантификации в естественном языке // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. М., 1985.
- Крысин 1988** — *Л.П.Крысин*. Гипербола в русской разговорной речи // Проблемы структурной лингвистики 1984. М., 1988.
- Культурные концепты 1991** — сб. Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
- Ламбарджян 1981** — *С.П.Ламбарджян*. Значение уверенности/неуверенности в разных по целенаправленности типах простого предложения в современном русском языке. АКД. М., 1981.
- Ларошфуко 1974** — *Франсуа де Ларошфуко*. Максимы // Франсуа де Ларошфуко. Максимы. Блез Паскаль. Мысли. Жан де Лабрюйер. Характеры. М., Художественная литература, 1974.
- Ле Гофф 1992** — *Жак Ле Гофф*. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
- Леонтьева 1964** — *Н.Н.Леонтьева*. Описание слов со значением времени // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 8, 1964.
- Лихачёв 1979** — *Д.С.Лихачев*. Поэтика древне-русской литературы. М., 1979.
- Лич 1971** — *G.Leech*. Towards a Semantic Description of English. London, 1971.
- Локк 1960** — *Дж. Локк*. Опыт о человеческом разуме // Дж. Локк. Избранные философские труды: В 2-х тт. М., 1960, т. 1.
- Лосев 1982** — *А.Ф.Лосев*. Поток сознания и язык // А.Ф.Лосев. Знак. Символ. Миф. М., 1982.
- Лосский В. 1991** — *В.Н.Лосский*. Догматическое богословие // В.Н.Лосский. Очерк мистического богословия восточной церкви. Догматическое богословие. М., 1991.
- Лосский Н. 1991** — *Н.О.Лосский*. История русской философии. М., 1991.
- Лотман 1965** — *Ю.М.Лотман*. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Труды по знаковым системам, 2. Вып. 181. Тарту, 1965.
- Лотман 1977а** — *Ю.М.Лотман*. «Звонячи в прадѣдную славу» // Труды по русской и славянской филологии. XXVIII. Литературоведение. Тарту, 1977.
- Лотман 1977б** — *Ю.М.Лотман*. Текст и структура аудитории. Труды по знаковым системам. IX. Тарту, 1977.
- Лотман 1978** — *Ю.М.Лотман*. Динамическая модель культуры // Труды по знаковым системам. X. Тарту, 1978.
- Лотман 1987** — *Ю.М.Лотман*. Несколько мыслей о типологии культуры // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987.

Лотман 1988 — Ю.М.Лотман. Художественное пространство в прозе Гоголя // Ю.М.Лотман. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988.

Маковский 1989 — М.М.Маковский. Удивительный мир слов и значений. М., 1989.

Маковский 1992 — М.М.Маковский. «Картина мира» и миры образов // ВЯ. 1992, № 6.

Маковский 1993 — М.М.Маковский. Puhvel J. Hettite etymological dictionary // ВЯ. 1993, № 4.

МАС — Словарь русского языка: В 4-х тт. М., 1984.

Мелетинский 1991 — Е.М.Мелетинский. Время мифологическое // Мифы народов мира, т. 1. М., 1991.

Мельчук 1985 — И.А.Мельчук. Семантические этюды 1: 'Сейчас' и 'теперь' в русском языке // Russian Linguistics, 1985, № 9.

Мифы 1991 — Мифы народов мира: В 2-х тт. Изд. 2-е. М., 1991.

Мокиенко 1990 — В.М.Мокиенко. Загадки русской фразеологии. М., 1990.

Морковкин 1977 — В.В.Морковкин. Опыт идеографического описания лексики. М., 1977.

Муравьев 1992 — В.Н.Муравьев. Философские заметки и афоризмы // ВФ, № 1, 1992.

Мурьянов 1978 — М.Ф.Мурьянов. ВРЕМЯ (понятие и слово) // ВЯ, № 2. 1978.

Мысли 1990 — Мысли мудрых людей на каждый день. Собраны Л.Н.Толстым. Репр. воспроизведение 1903г. М., 1990.

Неизвестный 1992 — Эрнст Неизвестный. Кентавр: об искусстве, литературе и философии. М., 1992.

Никитина 1993 — С.Е.Никитина. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.

Николаева 1983 — Т.М.Николаева. Качественные прилагательные и отражение «картины мира» // Славянское и балканское языкознание. М., 1983.

Ожегов 1970 — С.И.Ожегов. Словарь русского языка. М., 1970.

Падучева 1985 — Е.В.Падучева. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 1985.

Падучева 1988 — Е.В.Падучева. К семантической классификации временных детерминантов предложения // Язык: система и функционирование. М., 1988.

Падучева 1989 — Е.В.Падучева. Наречие как кванторное слово // Изв. АН СССР, т. 48 № 1, 1989.

Падучева 1990 — Е.В.Падучева. К семантике действительных элементов в повествовательном тексте // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. М., 1990.

Падучева 1991 — Е.В.Падучева. Говорящий: субъект речи и субъект сознания // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.

Паскаль 1974 — Блез Паскаль. Мысли // Франсуа де Ларошфуко. Максими. Блез Паскаль. Мысли. Жан де Лабрюйер. Характеристики. М., Художественная литература, 1974.

Пастернак 1990 — Б.Пастернак. Что такое человек? // Б.Пастернак. Об искусстве. М., 1990.

Пеньковский 1988 — А.Б.Пеньковский. Семантика наречия и ее отражение в словаре // Словарные категории. М., 1988.

Пеньковский 1991 — А.Б.Пеньковский. Радость и удовольствие в представлении русского языка // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.

Пешковский 1956 — А.М.Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. М., 1956.

Плунгян 1991 — В.А.Плунгян. К описанию африканской «наивной картины мира» (локализация ощущений и понимание в языке догон) // Логический анализ языка. Культурные концепты. 1991.

Покровский 1896 — М.М.Покровский. К вопросу о словах, обозначающих время // ХΑΡΙΣΤΗΡΙΑ. Сб. статей по филологии в честь Ф.Е.Корша. М., 1896.

Понятие судьбы, в печати — Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994 (в печати).

Постовалова 1988 — В.И.Постовалова. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.

Пришвин 1990 — М.И.Пришвин. Дневники. М., 1990.

Проскурин 1990 — С.Г.Проскурин. Древнеанглийская пространственная лексика концептуализированных областей. АКД. М., 1990.

Путеводитель 1993 — А.Н.Баранов, В.А.Плунгян, Е.В.Рахилина. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.

Распопов 1973 — И.П.Распопов. Очерки по теории синтаксиса. Воронеж, 1973.

Рассел 1914 — Б.Рассел. Проблемы философии. Спб., 1914.

Рассел 1957 — Б.Рассел. Человеческое познание. М., 1957.

Рейхенбах 1962 — Г.Рейхенбах. Направление времени. М., 1962.

Рейхенбах 1985 — Г.Рейхенбах. Философия пространства и времени. М., 1985.

Реформатский 1987 — А.А.Реформатский. О сопоставительном методе // А.А.Реформатский. Лингвистика и поэтика. М., 1987.

Розанов 1989 — В.В.Розанов. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М.Достоевского. Опыт критического комментария // В.В.Розанов. Мысли о литературе. М., 1989.

Русско-английский словарь — Русско-английский словарь под ред. О.С.Ахмановой. М., 1971.

Санников 1987 — В.З.Санников. Русские сочинительные конструкции (Семантика. Прагматика. Синтаксис.). АДД. М., 1987.

- Селиверстова 1982** — *О.Н.Селиверстова*. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных слов русского языка // Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Селиверстова 1990** — *О.Н.Селиверстова*. Контрастивная синтаксическая семантика. Опыт описания. М., 1990.
- Синявский 1965** — *А.Д.Синявский*. Предисловие к сб. Б.Пастернак «Стихотворения и поэмы». М.-Л., 1965.
- Скобликова 1971** — *Е.С.Скобликова*. Согласование и управление в русском языке. М., 1971.
- Словарь синонимов** — Словарь синонимов под ред. А.П.Евгеньевой. Л., 1976.
- Словарь эпитетов** — К.С.Горбаревиц, Е.П.Хабло. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л., 1979.
- Слюсарева 1976** — *Н.А.Слюсарева*. Язык и речь — пространство и время // Теория языка. Англистика. Кельтология. М., 1976.
- Соколов 1979** — *В.В.Соколов*. Средневековая философия. М., 1979.
- Соловьев 1914** — *В.С.Соловьев*. Пространство // Собр. соч., т. 10, Спб., 1914.
- Степанов 1972** — *Ю.С.Степанов*. Слова правда и цивилизация в русском языке: К вопросу о методе в семиотике языка и культуры // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1972, т. 31, № 2.
- Степанов 1978** — *Ю.С.Степанов*. Иерархии имен и ранги субъектов // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., т. 37, 1978, № 4.
- Степанов 1981** — *Ю.С.Степанов*. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981.
- Степанов 1989а** — *Ю.С.Степанов*. Счет, имена чисел, алфавитные знаки чисел в индоевропейских языках. // ВЯ, 1989, № 4, 5.
- Степанов 1989б** — *Ю.С.Степанов*. Индоевропейское предложение. М., 1989.
- Степанов 1990** — *Ю.С.Степанов*. Личности/безличности категория // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Сэпир 1985** — *Э.Сэпир*. Градуирование // НЗЛ. Вып. XVI. М., 1985.
- Телия 1988** — *В.Н.Телия*. Метафоризация и ее роль в создании русской языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.
- Толстая 1987** — *С.М.Толстая*. К соотношению христианского и народного календаря у славян: счёт и оценка дней недели // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987.
- Толстая 1991** — *С.М.Толстая*. Аксиология времени в славянской народной культуре // История и культура. Тезисы. М., 1991.
- Толстой 1968** — *Н.И.Толстой*. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // Славянское языкознание. М., 1968.
- Толстой 1982** — *Н.И.Толстой*. Некоторые проблемы и перспективы славянской и общей этнолингвистики // Изв. АН СССР. Сер. Лия. 1982, т. 41, № 5.

- Топоров 1971** — *В.Н.Топоров*. О структуре некоторых архаических текстов соотносимых с концепцией мирового дерева // Труды по знаковым системам, V. Тарту, 1971.
- Топоров 1983** — *В.Н.Топоров*. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.
- Топоров 1988** — *В.Н.Топоров*. Модель мира // Мифы народов мира. М., 1988, т. 2.
- Топоров 1988** — *В.Н.Топоров*. Пространство // там же.
- Топорова, в печати** — *Т.В.Топорова*. Семантическая структура древнегерманской модели мира, в печати.
- Трубников 1987** — *Н.Н.Трубников*. Время человеческого бытия. М., 1987.
- Уитроу 1964** — *Дж.Уитроу*. Естественная философия времени. М., 1964.
- Успенский 1988** — *Б.А.Успенский*. История и семиотика (восприятие времени как семиотическая проблема) // Труды по знаковым системам, XXII, Тарту, 1988. Статья 1-я.
- Успенский 1989** — *Б.А.Успенский*. История и семиотика... // Труды по знаковым системам, XXIII, Тарту, 1989. Статья 2-я.
- Успенский 1994** — *Б.А.Успенский*. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI—XIX вв.). М., 1994.
- Ушаков 1935** — Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н.Ушакова, т. 1—3. М., 1935—1938.
- Флоренский 1990** — *П.А.Флоренский*. Обратная перспектива // П.А.Флоренский. Соч. в 2-х тт. М., 1990.
- Флоренский 1993** — *П.А.Флоренский*. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М., 1993.
- Флоровский 1991** — *прот.Г.Флоровский*. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991.
- Фразеолог. словарь** — Фразеологический словарь русского языка под ред. А.И.Молоткова. М., 1978.
- Фрейдбергер 1978** — *О.М.Фрейдбергер*. Миф и литература древности. М., 1978.
- ФЭС** — Философский энциклопедический словарь. М., 1989.
- Хайдеггер 1986** — *М.Хайдеггер*. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.
- Хайдеггер 1991а** — *М.Хайдеггер*. Искусство и пространство // Самосознание Европейской культуры XX века. М., 1991.
- Хайдеггер 1991б** — *М.Хайдеггер*. Разговор на проселочной дороге. М., 1991.
- Хинтиikka 1980** — *Я.Хинтиikka*. Логико-эпистемические исследования. М., 1980.
- Хорнби 1982** — *A.S.Hornby with A.P.Cowie*. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. V 2. М., 1982.
- Цветаева 1989а** — *М.И.Цветаева*. Эпос и лирика современной России // М.И.Цветаева. Соч. в 2-х тт., том 2. Минск, 1989.

Цветаева 19896 — *М.И.Цветаева*. Поэты с историей и поэты без истории // там же.

Цветаева 1991 — *М.И.Цветаева*. Поэт и время // *М.И.Цветаева*. Об искусстве. М., 1991.

Цивьян 1990 — *Т.В.Цивьян*. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.

Человеческий фактор 1992 — Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992.

Червенкова 1975 — *И.В.Червенкова*. О показателях меры признака (на материале современного русского языка). София, 1975.

Шатуновский 1991 — *И.Б.Шатуновский*. Аномалия и отрицание // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М., 1991.

Шмелева 1986 — *Т.В.Шмелева*. Средства выражения модусного смысла 'преувеличение' // Системный анализ значимых единиц языка. Красноярск, 1986.

Шумилина 1961 — *А.Л.Шумилина*. Синонимика в кругу глагольно-именных предложных сочетаний с предлогами *у, при, около, подле, возле, вблизи* // Русский язык в школе. 1961, № 6.

Якобсон 1978 — *Р.О.Якобсон*. К языковедческой проблематике сознания и бессознательности // Бессознательное. Природа, функции, методы исследования, т. III. Тбилиси, 1978.

Якобсон 1985а — *Р.О.Якобсон*. К общему учению о падеже // *Р.Якобсон*. Избранные работы. М., 1985.

Якобсон 1985б — *Р.О.Якобсон*. Речевая коммуникация // там же.

Яковлева 1983 — *Е.С.Яковлева*. Значение и употребление модальных слов, относимых к разряду показателей достоверности/недостоверности. Дис. канд. филол. наук. М., 1983.

Яковлева 1984 — *Е.С.Яковлева*. О семантике модальных слов-показателей достоверности в современном русском языке // *Zbornik radova instituta za strane jezike i knjizevnosti*. Novi Sad. 1984 Sveska 6.

Яковлева 1988а — *Е.С.Яковлева*. О природе языковой гиперболы (на материале употребления БУКВАЛЬНО в модальном значении) // Русский язык за рубежом. 1988, № 6.

Яковлева 1988б — *Е.С.Яковлева*. Согласование модусных характеристик в высказывании // Прагматика и проблемы интенциональности, М., Наука, 1988.

Яковлева 1992 — *Е.С.Яковлева*. Отражение в семантике слова личностных знаний говорящего // Русский язык за рубежом. 1992, № 5.

Яковлева 1992 — *Е.С.Яковлева*. Языковое отражение циклической модели времени // ВЯ. 1992, № 4.

Яковлева 1993 — *Е.С.Яковлева*. О некоторых моделях пространства в русской языковой картине мира // ВЯ. 1993, № 4.

Яковлева 1994 — *Е.С.Яковлева*. Фрагмент русской языковой картины времени // ВЯ. 1994, № 5.

СЛОВНИК

безусловно 198, 201, 207,
219—221, 240, 241, 253, 256

беспорно 198—202, 207, 209,
213—215, 218—221, 225,
240, 241, 245, 253, 254,
256—258, 308

близкий 55, 56, 59, 73

близко 12, 21, 23, 25—29, 36,
37, 41, 42, 44—48, 52—58,
61—63, 65, 67, 73, 74,
77—80, 294, 308

близок 55, 56, 59, 78, 142

бояться 170, 246, 247

буквально 202—205, 209—212,
262—268, 270, 272, 273,
279—281, 283, 286, 309

былой 185

вблизи 12, 21, 23—27, 32—34,
37, 39, 40, 42, 61, 62, 67,
69—71, 79, 308

вдали 12, 21, 23—27, 29, 32,
34, 35, 39—41, 49, 61, 62,
67—69, 284, 308

вдалеке 12, 21, 23, 25, 27, 29,
32, 34, 36, 37, 39—41, 49,
53, 61, 62, 66, 284

в дальнейшем 190—192

верно 225, 231, 312

вероятно 198, 200, 215, 220,
221, 230—232, 235—239,
241, 244, 245, 248—250,
312, 316

весьма 282, 288—298, 300, 306

вечность 90—94

вечный 92—94

видимо 220, 230, 242

вовремя 166

возможно 199, 201, 202, 235,
236, 239, 242, 246, 249

воистину 205, 206, 273, 274,
276—282

впереди 39, 73, 74, 77—81

в пору 159—161

впредь 81, 83, 145, 175,
190—192

времена 12, 13, 148, 152, 153,
157, 159—161, 188, 193

временами 113, 304, 305

временной 93

временность 93

временный 92, 93

время 12, 13, 83, 143—145,
149—156, 159

время от времени 303—305

вроде 198, 200, 220, 221,
227—229, 234, 237, 239,
241, 247, 249

высоко 30

глубоко 288

далее 190, 191

далёк 56, 58

далекий 55, 59, 60, 282

далеко 21, 22, 28—30, 37, 39,

41, 43, 45—49, 53, 54, 57, 63, 65, 68, 69, 73, 74, 80, 286

далёко 42, 49, 54

действительно 202, 203, 205—208, 262, 263, 273, 276—278, 281, 282

должно быть 228

естественно 258—261

зачастую 301, 303, 305

известный 210, 211, 287

иногда 213, 287, 300—303

истинно 274, 276

истинный 212, 274, 283

кажется 200, 221, 223, 224, 227, 228, 234, 239, 240, 244, 245, 247, 248

как будто 199, 226—228, 234, 237, 239, 240, 247, 249

какой-то 212

как-то 211, 292

конечно 201, 215, 218, 253—258, 260, 261

крайне 188, 290, 291, 306

любопытен 294

миг 10, 12, 83, 103—107, 110, 119, 121—124, 126—130, 135—142, 194, 196

минута 8, 10, 83, 103—115, 117, 118, 121, 122, 124, 126, 128, 130, 131, 136—139, 141, 194

мгновение 8, 9, 83, 103—107, 110, 119, 121—126, 128, 129, 131—141, 194—196

мгновенно 119—121

мгновенный 119, 120

минувший 102, 185, 187, 192

минутами 113, 125, 126

может быть 198, 200, 207, 220, 221, 235—239, 246—249, 312

момент 8, 9, 83, 103—118, 120, 124—126, 131—134, 137, 194, 309

моментально 120, 121

моментальный 120

наверно(е) 198—202, 207, 213—216, 219—221, 223—225, 227, 232, 234, 235, 237, 242, 244, 247, 250, 251, 308, 312, 316

на время 152

надеяться 246, 247

на редкость 288—292, 298—300, 306

настоящий 202, 204—206, 210—212, 264, 269

невдалеке 8, 17, 19—23, 28, 31, 33, 35, 36, 38, 40, 57, 58, 62, 63, 308

недалеко 8, 17, 19—21, 23—25, 31, 33, 37, 38, 40, 53, 57, 59, 79, 82

некоторый 211, 306

немного 211, 306

необычайно 289—291, 298, 299

неподалеку 8, 17—21, 23—25, 28, 29, 31, 33, 34, 37—40, 45—47, 50, 57, 58, 60, 62, 308

несколько 211, 212, 287, 306

несомненно 198, 201, 218, 220, 221, 240, 241, 253, 254, 256, 257

низко 26, 27

нынешний 175, 177—183, 187, 191

ныне 8, 145, 175—179, 181—185, 192, 309

нынче 8, 102, 145, 175—185, 192, 309

определенно 207, 220, 221, 239—241, 244, 245

определенный 211, 264, 287, 306, 309

очевидно 198, 230, 241

очень 37, 41—43, 45, 56, 61, 166, 213, 282, 287—299, 302, 303

поблизости 8, 17, 19—25, 28, 29, 31, 33—35, 37, 38, 40, 46, 47, 50, 53, 57, 58, 60, 66, 308

по-видимому 198, 220, 235, 242, 286

подлинно 202, 203, 205, 206, 273—276, 278, 280—282

подлинный 202, 206, 211, 273, 274

подчас 213, 287, 300—302, 305, 306

позади 35, 69, 70, 77—81

поистине 202—206, 208, 212, 273—275, 279—282

пора 8, 9, 83, 102, 143—148, 154—160, 162—176, 191—193, 196

порой 287, 300, 302, 303, 305

прежде 77, 189, 190

прежний 98, 141, 175, 185, 187—189, 192

прошлый 79, 98, 141, 175, 176, 185—189, 192, 309

прямо(-таки) 202, 203, 205, 264, 279, 286

редкий 299

редко 300, 301, 303

рядом 8, 17, 19—21, 24, 25, 32, 33, 35, 36, 38, 41—43, 46—48, 50, 57—63, 65—68, 308

своевременно 166

сегодня 170, 177—179, 182, 183, 309

сегодняшний 178, 179, 191

сейчас 98, 141, 176—178, 182, 183, 309—316

секунда 99—103, 111, 113, 115, 117, 122, 124, 125, 127, 131—135

сзади 35, 75

совершенно 281, 282, 290, 291, 298

спереди 75

сущий 202—204, 206, 207, 209, 212, 268—273, 283, 286, 302

теперешний 179—182, 187, 188

теперь 141, 176—178, 180—183, 189, 190, 192

то и дело 287, 303, 305

удивительно 288—292, 298, 299, 302, 306

часто 213, 287, 300—303, 305

этакий 202, 203, 268—273, 286

явно 207, 220, 221, 240, 245, 308

КРАТКИЙ ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- авторство**
—индивидуальное 279, 281, 289, 295
—коллективное 274, 279, 280
- актуализация**, актуализационный 54, 266
- актуальность/неактуальность** 21, 24, 25, 162—164, 168—170, 284, 301, 312, 314
- антропоцентричность** (языка, языковых категорий), антропоцентрический 20, 29
- бытие/небытие** функциональное 14, 44—49, 53, 55, 62, 63, 65, 80, 86, 88—90, 94, 96, 97, 127, 132, 173, 191, 213
- вечность** 14, 82, 87—94, 99, 125—129, 131, 170, 191
- «качественная»/«количественная» 91, 93, 127, 129, 134, 135
- взаимобратимость** времени и пространства 56
- восприятие**
—визуальное 26, 27, 33, 53, 140, 157
—непосредственное 22—24, 26, 27, 32, 35, 37, 42, 49, 56, 64, 67, 123, 130, 198, 213, 221, 223, 226, 238, 251, 265—267, 278—280, 283, 285, 293, 304, 310, 312, 314—316
—опосредованное 306
—«пограничное» 27
- время**
—языковое 83, 106
времени
—бесконечность 89, 90, 126
—восприятие 77, 82, 86, 95, 96, 99, 102, 105—107, 130, 138, 191, 192
—движение 74, 78—81, 133
—конечность 98, 129
—направление 74—77
—необратимость 78
—обратимость 96
—описание Гл.2 р.1, 72, 74, 80, 82, 94, 152
—осознание, понимание 75, 77, 86, 94, 97, 99, 133, 143, 152, 191
—оценка (интерпретация) 82
—переживание 79, 98, 105, 131, 138
—полнота 173, 174
—языковая модель (см. **Языковая модель времени**)
гипотеза, **гипотетический** 24, 47, 106, 148, 202, 206, 213, 218, 226, 228, 230, 231, 234, 239, 243, 247, 288, 300, 304, 311, 315, 316
градуирование, **градуируемость/неградуируемость** 41, 49, 60—62, 65, 200, 208, 261, 264, 295
дейксис, **дейктический**, **дейктичность** 21, 22, 25, 51, 63, 66, 79, 81, 309, 315
диагностический (-ая)
—контекст 15, 178, 239
—ситуация 15
- активное 77, 80, 171, 173, 174, 192, 307
—аналитическое, рациональное Гл.2 р.2, 106, 112, 139
—аспектологическое 107
—бытовое, повседневное, обыденное, обиходное 12, 106, 125, 127, 135—138, 193
—грамматическое (глагольное) 83—86, 143, 175, 176
—дискурса 83, 84, 117, 121, 143, 144, 161, 175
—линейное (историческое) 144—149, 153, 154, 161, 176—178, 191, 192
—надбытовое (сверхзначимое) Гл.2 р.2, 121, 126, 127, 135, 138, 193
—онтологическое 129, 130, 132—134
—пассивное 174, 192
—переживаемое (психологическое; «время жизни»), эмоциональное, субъективное 85, 86, 96, 117, 121, 122, 131, 132, 143, 144, 171, 175, 192, 193, 195
—романное 133
—физическое («механическое») 100, 102, 136, 193
—философское 87—89
—циклическое (космологическое), сезонное, календарное 144—149, 153, 154, 157, 158, 161, 174, 180, 181, 183, 191, 192, 307
- дистанционный пояс**
—ближайший 32, 33, 38, 62
—дальний 32, 62
—промежуточный (средний) 32, 62
- знание, знания**
—говорящего 194, 196, 197, 207, 208, 212, 215—222, 251, 257, 260, 269, 306, 307, 309
—говорящего и слушающего (общие) 169, 254, 259, 271, 274
—энциклопедические 222, 254, 259
- идиоматизация**, **идиоматичность** 59, 60, 91, 105, 114, 155
- индивидуализация** 101, 149, 152—154, 172, 177, 178, 181, 191, 219, 229, 279, 290, 291
- инобытие** 48—55, 57, 62, 63, 88
- интенсивность**, **интенсификация**, **интенсификатор** 134, 135, 201, 203, 204, 206, 208, 212, 239, 262—264, 269, 270, 273, 286—289, 291—298, 305
- интенция** 25, 63, 163, 235, 279, 284, 294
- интерпретация**
—авторская 293—299
—понятия 14, 91
—расположения объекта 63
—реалий 10, 15
—референтной ситуации 15
—событий 138
—языковая 43, 46

- информация**
 —автором интерпретируемая 293, 294
 —достаточная/недостаточная 219, 220, 221, 224, 238—241, 243, 244, 246
 —достоверная 282
 —косвенная 219, 220, 310
 —неполная 206, 214, 216, 241, 311
 —непосредственно воспринятая 35, 220, 286, 311
 —оценочная 227
 —перцептуальная 227, 228
 —полная 199, 200, 212, 213, 224, 240, 241, 251, 253
 —характерная/нехарактерная 218, 219, 221—233, 238—241, 244, 246—251
- картина (модель) мира**
 —архаическая 19
 —балканская 9
 —наивная 10, 11, 82, 100, 102, 146
 —научная (естественно-научная) 9, 10
 —пространственная 22, 63
 —славянская языковая 9
 —фольклорная 100
 —языковая 9, 14, 139, 307, 308
- квазипространство**
 —бытийное 44, 47, 49, 68
 —умозрительное 53
- контакт** 71, 225
 —личный 241
- непосредственный 221, 266
 —чувственный 62
- контекст**
 —грамматический 290
 —гипотетический 24, 148
 —диагностический (см. **диагностический контекст**)
 —когнитивной метафоры 265
 —нейтральный 36
 —отрицания 136
 —отстранения 182, 239
 —оценок 296
 —подтверждения 202
 —поэтический 104
 —реальный/ирреальный 210, 286, 302
 —семантико-синтаксический 172, 188
 —экспрессивный 264, 266
- культурно-значимая лексика** 12
- личная причастность** (к описываемому), **личностные знания говорящего** 77, 122, 139, 140, 267, 291, 305, 309
- личная сфера говорящего** 46, 291
- локализация**
 —временная 109, 186
 —пространственная 14, 24, 38, 43, 47, 52, 53, 58, 62, 68
- метафора** 80, 229, 267, 279
- метафоризирующий оператор** 263, 294
- мифологема** 12, 32, 74
- модальная отмеченность** Гл.3

- р.5, 208—211, 269, 282—302, 304
- модально отмеченная лексика**
 13, 197—204, 208, 209, 211, 213, 214, 216, 219—226, 230—233, 235, 236, 238, 240—242, 244, 246, 250, 251—253, 256—258, 261—265, 269, 272, 273, 282, 289, 311, 315, 316
- модальность, модальная рамка, модальная перспектива высказывания** и т.п. 25, 36, 60, 67, 83, 130, 169, 171, 196, 206, 209, 210, 215, 231, 235, 236, 237, 243, 247, 266, 269, 272, 282, 284, 288—290, 295, 298, 299, 302, 305
- модификатор, модификация**
 45, 55, 57, 60, 174, 203, 204, 205, 207, 274, 277, 294, 302
- добавочный 45, 46, 49, 60, 201, 261, 262, 280
- обобщающий 277
- оценочный 270—272
- экспрессивный Гл.3 р.4, 205, 269, 278, 281, 283, 287
- наблюдатель, наблюдаемость, наблюдение** 12—14, 21, 23, 29, 31, 39, 42, 67, 104, 128, 171, 182, 225, 231, 233, 253, 265, 283, 284, 305, 313
- нарративность, нарративный**
 14, 74, 163, 166, 313
- носитель языка, языкового сознания** Гл.1 §4, 10, 12, 13, 22, 29, 49, 65, 74, 76, 94, 101, 102, 106, 107, 116, 125, 133, 139, 143, 172, 176, 183, 191, 192, 196, 209, 268, 271, 273, 274, 293, 297, 308
- объект**
 —абстрактный, нефизический, ментальный, умозрительный 47, 53, 62, 67—69, 136
 —географический 68
 —доступный (функционально) 29
 —инобытийный 47, 62, 63
 —квазибытийный 62
 —конкретный, индивидуализированный 24, 229, 315
 —материальный, физический 16, 43, 47, 50, 57, 61, 62, 68, 69, 304
 —не обладающий единичностью 229, 230, 290
 —нереферентный 43
 —предметный 54, 63
 —с конкретной локализацией 43, 46, 49
 —с неопределенной локализацией 43
 —с неизвестным местоположением 43
- объекта**
 —бытие/небытие 44—48
 —наличие/отсутствие 45, 47, 48, 65
- окрестность говорящего** Гл.1 §5, 26—30, 32—35, 41—43, 48, 50, 53, 54, 61, 62, 64, 66, 67, 191, 307
- ориентация**
 —абсолютная/относительная 25
 —вертикальная 30, 31
 —геоцентрическая 30

- горизонтальная 29, 31, 33, 61, 65, 67
- «лицевая» (фасадная) 74, 79
- эгоцентрическая 30, 67
- ориентир**
- пространственный 22, 36
- функциональный 31, 37
- оценка** 262, 270, 271, 273—275, 278, 284, 289, 294—296, 300
- авторская 196, 203, 290, 294, 297, 301
- апостериорная (авторская) 36, 212, 269, 283, 286, 291, 299, 300, 304
- априорная 137, 201
- бинарная 62
- готовая 45, 302
- дистанционная (абсолютная/относительная) 25, 26, 28, 29, 36, 37, 41—47, 50, 61, 62, 65, 79, 307
- индивидуальная 278, 291
- количественная 137, 219, 232, 264
- коллективная 288
- личностная
- нестандартная 294, 295
- рациональная
- стереотипизировавшаяся 47, 284, 285
- функциональная 65
- экспрессивная 206
- эмоциональная 304
- эталонная (образцовая) 202, 274, 278, 279
- эпистемическая (объектив-
- ная/субъективная) 217, 218, 232
- перцептивность, перцептивный** 24, 32, 52, 53, 213, 248, 271, 280, 307, 309, 314
- подсознание** (языковое), подсознательный 85, 236, 305
- показатель**
- абсолютных/относительных оценок (расстояния) Гл.1 §8, 29, 30, 32, 36, 37, 41—43, 48, 49, 53, 54, 57, 63—67
- временной, времени 14, 81, 82, 94, 102, 104—106, 109, 114, 1116, 117, 121, 122, 124—130, 133, 134, 136, 137, 139, 151, 153, 154, 157, 158, 160—183, 186—194
- грамматический 236
- дейктический 51
- дистанционный 12, 20, 22, 24, 26, 32, 34, 41, 44, 45, 49, 57, 67
- достоверности/недостоверности 197—201, 206, 208, 212—214, 217—219, 221, 224, 252
- «места говорящего» 39
- модальный 198, 199, 202, 220, 224, 226, 231—233, 236, 239
- модуса номинации 211
- непосредственного восприятия 26
- «окрестности говорящего» 27, 33, 41, 50, 53, 54, 67
- оценочный (оценок) 27, 33, 203, 205, 207
- пространственный 14, 23, 24,

- 37, 44, 45, 48, 49, 54, 57, 67, 72, 79, 310
- стереотипности 256
- уверенности/неуверенности 206, 227, 228
- функционального небытия 46
- эмоциональной напряженности, экспрессивности 120, 129, 201, 202, 204, 206—208
- эпистемический 202, 208, 215, 241, 243, 244, 246—250, 255
- представления** (понятия)
- абстрактные 48
- архетипические 12, 66, 192
- «донаучные» 97, 173, 191, 276
- космологические 99, 158
- культурные 307
- мифологические, мифопоэтические 12, 174
- «наивные» (обиходные) 12, 212, 274, 283.
- научные (естественно-научные) 12
- пространственные 18, 65
- философские 307
- пространство**
- абстрактное
- бинарных оппозиций (полюсов) 44
- бытийное 62, 65, 80
- «вещное» 38, 39, 196, 307
- воображения (грезы, мечты, сна) 50, 51, 60
- геометрическое (физико-гео-
- метрическое, физическое ньютоновское, реальное, трехмерное) 10, 14, 17, 18, 20, 27, 28, 43, 45, 47, 48—55, 57, 58, 60—62, 64, 68, 307
- гипотетическое 47
- говорящего 39, 62
- гомогенное/негомогенное 20
- горного мира 57
- «грамматикализованное» 19
- денотативное 309, 310
- замкнутое 27
- инобытия (инобытийное) 48, 50, 55, 57, 63
- «исхоженное» (освоенное, обжитое, функционально доступное); см. **пространства «исхоженность»**
- ментальное 48, 316
- множества 19
- наличия/отсутствия физических объектов 47
- «пустое» Гл.1 §7, 38
- семиотическое (лейбницевское) 96
- символическое 58
- «телеологическое» 57, 58
- умозрительное 14, 28, 44, 62, 65
- функциональной оценки 65
- функциональных систем 19
- художественное 17, 18
- языковое 20
- пространство—время** 58, 72, 158

- пространства**
- гомогенность/негомогенность 20, 44
 - замкнутость
 - зоны 26, 40, 50
 - «исхоженность», «освоение», «собрание», «обживание» 19, 20, 28—31, 39, 64, 65, 191, 196, 305
 - категории 55
 - концептуализация; см. **языковая концептуализация пространства**
 - неоднородность Гл.1 §3
 - неравноценность Гл.1 §5
 - образ 29, 65, 66
 - ориентация, ориентир 31, 37
 - понимание 16, 38
 - проблема 17
 - протяженность 55, 65
 - труднодоступность 31
 - членение 29
- пространственность** 42, 48, 55, 57, 59, 60, 95, 96, 315
- расстояние**
- абсолютное/относительное 25, 36, 41—43, 61, 62, 64, 65, 307
 - временное 54, 56, 77
- реконструкция** 9, 98, 124
- речь**
- несобственно-прямая 182, 216, 225
 - поэтическая 120, 155
 - разговорная 104, 139, 192, 263

- речи**
- адресат 227, 263
 - момент 24, 74, 83, 143, 162, 166, 167, 170, 176, 180, 186, 189, 257, 312, 315, 316
 - предмет 23, 140, 196, 199, 200, 206—208, 212—214, 217, 219, 229, 231, 233, 240, 242, 248, 282, 285, 286, 291, 292, 305, 307, 309—312
 - ситуация 197, 198
 - тип 25, 157, 313
- семантизация**
- интервала времени 105
 - понятия пространства 68
 - расстояния 64
- ситуация**
- гипотетическая 106, 300, 304
 - диагностическая 15
 - единичная 108, 143, 301
 - непосредственного восприятия 37, 238, 265, 279
 - оценочная 37, 203
 - предметная 26, 212, 229, 310, 314, 316
 - референтная 15
 - речевая 162, 164, 197, 198, 209, 232, 238, 247, 255, 256, 265—267, 269, 309
 - самоописания 23
 - стереотипная 253
 - условная, умозрительная 108
- слова-«носители модели»** 13, 14, 61, 178
- согласование, согласованность**
- модусное 232, 243, 244, 278

- пространственных показателей 67
 - семантическое 237
 - типов времени 135
 - эпистемических характеристик 196, 200, 241, 250
- сознание**
- архаическое 75, 94, 95, 97, 191
 - архетипическое 308
 - говорящего 110, 254
 - древнерусское 76
 - «индусское» 97
 - историческое 97, 99
 - космологическое 59
 - мифологическое 100
 - общественное 192
 - обыденное 11, 98
 - христианское 98
 - циклическое 101
 - языковое английское 194
 - языковое горное 31
 - языковое индивидуальное 279
 - языковое коллективное 279
 - языковое равнинное 31
 - языковое русское 20, 63, 64, 94, 107, 116, 127, 139, 1992, 194, 196, 271, 275, 307, 308
- стереотип; стереотипизация, стереотипность (типичность)** 45, 47, 156, 165, 253—257, 260, 285, 298
- стратегия**
- понимания: дейктическая/недейктическая 25, 66
 - поведения 246
 - языковая 106, 196
- субъект**
- восприятия 23, 76, 79
 - дистрибутивный 304
 - конкретный 151, 170, 206
 - описываемого действия или состояния 283
 - оценки 42, 294
 - предложения 72, 77—79, 110, 112, 113, 121, 122, 124, 129, 161, 167, 190, 202, 220, 262, 283, 312
 - пропозиции 293, 316
 - распознающий 225
 - речи 105, 139, 167, 225
 - сознания 95, 163, 182
 - эмоций 112
- типизация** 101
- употребление**
- актуальное/неактуальное 163, 164
 - каноническое/неканоническое 112, 211
 - квотативное 227
 - нарративное («летописное», недейктическое) 74, 182
 - нереферентное 34, 44, 230
 - переносное 59, 79, 263
 - повседневное (повседневный речевой обиход) 93
 - речевое 167, 169
 - родовое 178
 - «ругательное» 268

- современное 182, 261, 267
- «цитатное» 276
- эгоцентрическое 22, 42, 61, 66, 68
- эпистолярное 59
- этикетное 227, 293
- фрагмент языковой картины мира** (пространства/времени) 13, 20, 21, 22, 63, 66, 82, 102, 139
- функциональный тип речи** (функциональный коммуникативный регистр)
 - изобразительный/информативный 25, 157, 284, 313
- хронотоп** (пространственно-временной синкретизм) 95
- человеческое измерение** 64
- цивилизация**
 - архаическая 97
 - дописьменная 101
 - письменная 101
- цикл**
 - исторический (социальный) 184
 - жизненный 148, 154
 - космологический 144—149, 154, 160
 - общезначимый 172
 - природный, временной, календарный и т.п. 97, 100, 101, 145, 147, 152, 175
 - типологизированный 157
- эпитет** 86, 96, 112, 143, 150
 - устойчивый (постоянный) 60
- эпистемическое (-ая, -ий)**
 - «барьер» 311, 315
 - высказывания основание 200, 206, 208, 215
 - высказывания характеристика 196, 200, 208, 212, 214, 217, 218, 312
 - высказывания перспектива 199, 250
 - лексика 201
 - маркировка априорная 211
 - модальность 23
 - отмеченность/неотмеченность 210, 309
 - оценка 217, 218, 232
 - поиск 227
 - показатель; см. **показатель эпистемический**
 - семантика, аспект значения 196, 197, 200, 243, 289, 291, 309, 312—314
 - согласование; см. **согласование эпистемическое**
 - статус 214
 - тип употребления 314
 - «эффект» 310
- языковая концептуализация** 11
 - времени 12, 192, 193, 195, 307
 - ментальной сферы 12
 - пространства 307
- языковая личность** 139
- языковая модель** 14, 15, 63, 307
 - восприятия (когнитивных процессов) 13

- времени 13, 82, 97, 106, 107, 138—140, 191, 194
- пространства 13, 63, 64, 66
- языковая отмеченность** (понятий) 12
- языковое отражение** 11
 - времени 128, 144, 192
 - «времени жизни» 73, 192
 - знаний говорящего 212
 - пространства 21, 38, 43, 64
- речевой ситуации 309
- языковое поведение** 11, 33, 87, 91, 208, 288, 295, 309
- языковой коллектив** 9, 152, 267, 274, 277
- языкового коллектива**
 - опыт 275—277, 281
 - память 271, 280
- языковые универсалии** 9

- Августин Аврелий 82, 87—89, 96, 121, 131—133, 248, 317
 Аврелий Марк 135, 175
 Аверинцев С.С. 42, 97, 146, 301, 302, 317
 Анненский И.Ф. 43, 60
 Апресян Ю.Д. 9—11, 20, 21, 23, 25, 28, 29, 33, 46, 63, 66, 196, 197, 204, 205, 283, 291, 297, 317
 Арутюнова Н.Д. 9, 12, 208, 248, 259, 265, 266, 276, 278, 282, 296, 317
 Ахматова А.А. 24, 26, 44, 55, 142, 145, 156, 159, 171, 188
 Бабель И.Э. 49
 Баевский В.С. 95, 317
 Баратынский Е.А. 119, 120
 Бахтин М.М. 70, 95, 96, 114, 133, 145, 152, 177, 317, 318
 Белошапкина В.А. 198, 234
 Белый А. 113, 115, 118
 Бенвенист Эмиль 15, 20, 315
 Бергсон Анри 105, 318
 Бердяев Н.А. 30, 88—90, 92, 94, 97—99, 108, 115, 116, 128, 130, 132—134, 136, 139, 167, 179, 318
 Береговская Э.М. 150, 318
 Бёрке У. 98, 318
 Битов А. 120, 128
 Блейк В. 126, 194
 Блок А. 24, 36, 48, 53, 55, 72, 77, 78, 104, 118—120, 122, 126, 139, 156, 157, 167, 189, 191, 252
 Бондаренко В.Н. 197, 318
 Бродский И. 38, 173
 Бругман К. 149
 Бубер Мартин 98, 132
 Булгаков М.А. 119, 121, 127, 137, 163, 164, 166, 225, 226, 255, 259, 264, 283, 310, 314
 Булгаков, о. С. 159, 318
 Булыгина Т.В. 9, 24, 47, 73, 80, 227, 228, 299
 Бунин И.А. 167, 253, 273
 Буслаев Ф.И. 56, 318
 Быков Василь 38, 77, 220, 222, 245, 247, 252
 Вежбицка (Anna Wierzbicka) 12, 19, 28, 38, 84, 255
 Виноградов В.В. 197, 211, 237, 262, 305
 Витгенштейн Людвиг 196, 239, 248—282, 288
 Владимирский Е.Ю. 19, 21
 Вознесенский А. 75, 76, 80, 83, 237, 249
 Войнович В. 135, 186, 295
 Волков О.В. 70, 71, 72, 77, 155, 167, 184
 Волошин М. 34, 78
 Вольтер 193
 Вольф Е.М. 9, 319
 Вригт, фон Г.Х. 96, 319
 Всеволодова М.В. 19, 21, 72, 89, 109, 319
 Выготский Л.С. 74, 319
 Высоцкий В.С. 144
 Вяземский П.Я. 148, 308
 Гак В.Г. 9, 319
 Гаспаров Б.М. 293
 Гаспаров М.Л. 127, 319
 Гачев Г.Д. 9, 10, 32, 319
 Гершензон М.О. 113, 169, 181
 Гиппиус З.В. 122
 Гловинская М.Я. 107
 Глэд Джон 193, 319
 Гоголь Н.В. 163, 188, 198, 230, 236, 239, 291, 315
 Голицын С. 68, 114, 163, 181, 182, 188
 Грекова И. 223, 229, 234, 236, 253, 279
 Гроссман Л. 110, 115
 Гумилев Н.С. 156, 196
 Гуревич А.Я. 86, 88, 89, 95, 98—100, 133, 134, 192, 294,
 Дайвер У. (W.Diver) 197, 319
 Даль В.И. 90, 93, 94, 96, 102, 142, 268, 296
 Дмитровская М.А. 217, 319
 Доброхотов А.Л. 173, 191, 320
 Достоевский Ф.М. 18, 66, 110, 113, 124, 137, 246, 247, 254, 259, 261, 300, 302
 Дюбуа Ж. 134, 263, 320
 Дюкро (O.Ducrot) 83, 85, 320
 Живов В.М. 93, 320
 Журинский А.Н. 11, 320
 Заболоцкий Н.А. 119, 135
 Зализняк Анна А. 218, 283, 320
 Золотова Г.А. 25, 157, 258, 320
 Зошенко М.М. 231, 229, 234, 257, 266
 Иванов Вяч.Вс. 9, 320
 Ионесян Е.Р. 241, 306, 320
 Искандер Ф. 30, 39, 42, 115, 123, 124, 128, 137, 141, 163, 166, 170, 182, 189, 258, 291, 302, 303
 Кант И. 55, 56, 85, 320
 Карттунен (L.Karttunen) 215, 216, 320
 Кобозева И.М. 282, 320
 Копинский Исайя 181
 Коул М. 305, 306, 320
 Кошелев А.Д. 15, 320
 Крейдлин Г.Е. 9, 205, 320
 Кржижкова Е. 287, 292, 320
 Кронгауз М.А. 83, 84, 175, 176, 178, 179, 182, 320
 Крылов С.А. 22, 31, 321
 Крысин Л.П. 262, 263, 321
 Куприн А.И. 233, 250, 255
 Ламбарджян С.П. 234, 321
 Ларошфуко, Франсуа де 245
 Ле Гофф Жак 146, 321
 Леонтьева Н.Н. 162, 321
 Лермонтов М.Ю. 43, 53, 104, 179, 185
 Лихачёв Д.С. 76, 321
 Лич (G.Leech) 19, 321
 Локк Дж. 250, 251, 321
 Лосев А.Ф. 109, 291, 298, 321
 Лосский В.Н. 88, 92, 93, 321
 Лосский Н.О. 88, 321
 Лотман Ю.М. 17, 18, 76, 97, 101, 109, 230, 321, 322
 Маковский М.М. 12, 85, 322

- Мандельштам Н.Я. 26, 110, 111, 113, 115, 118, 119, 129, 130, 134—136, 139, 145, 159, 167
- Мандельштам О.Э. 51, 54, 95, 104, 107, 118, 134, 150, 159, 168, 172, 174, 183
- Маршак С.Я. 126, 195
- Маяковский В.В. 76
- Мелетинский Е.М. 97, 100
- Мельчук И.А. 179, 312, 313
- Мень, о. А. 70, 91, 135, 177
- Миклошич Ф. 149
- Мокиенко В.М. 103, 143, 294
- Моммзен Т. 74
- Морковкин В.В. 161, 162, 322
- Муравьев В.Н. 85, 97, 178, 322
- Мурьянов М.Ф. 72, 89, 97, 322
- Набоков В.В. 48, 52, 53, 294, 295, 304, 313
- Неизвестный Э. 18, 186, 322
- Никитина С.Е. 9, 322
- Николаева Т.М. 11, 322
- Ожегов С.И. 90, 91, 102, 103, 107, 176, 190, 201, 252, 262, 287
- Окуджава Б.Ш. 59, 149, 226, 231, 235, 249
- Павел, Ап. 74, 173
- Падучева Е.В. 14, 84, 163, 182, 211, 218, 229, 283, 284, 299, 313, 322
- Паскаль Блез 88, 92, 323
- Пастернак Б. 27, 35, 36, 41, 51, 54, 58, 67, 73, 97, 111, 122, 123, 128, 135, 141, 144, 145, 148, 163, 164, 179—181, 185, 186, 260, 311, 313, 314, 316, 323
- Паустовский К.Г. 69, 229, 250
- Пеньковский А.Б. 9, 323
- Пешковский А.М. 234, 271
- Платонов А.П. 27, 33, 41, 310, 311, 312, 315
- Плунгян В.А. 11, 323
- Покровский М.М. 149, 323
- Постовалова В.И. 9, 323
- Пришвин М.И. 191, 323
- Проскурин С.Г. 12, 323
- Пушкин А.С. 32, 41, 42, 48, 68, 82, 103, 118, 120, 123, 126, 137, 141, 142, 144, 145, 147, 148, 150, 153—157, 164, 170, 172, 184, 185, 187, 193, 224, 229, 230, 237, 252, 255, 257, 268, 275
- Распопов И.П. 197, 323
- Рассел Б. 199, 202, 217, 221, 250, 309, 323
- Рейхенбах Г. 98, 323
- Реформатский А.А. 195, 323
- Розанов В.В. 107, 110, 113, 123, 144, 323
- Самойлов Д.С. 111, 120, 121, 154
- Санников В.З. 234, 245, 248
- Селиверстова О.Н. 19, 189, 236, 324
- Синявский А.Д. 123, 324
- Скобликова Е.С. 72, 84, 324
- Скрибнер С. 305, 306, 324
- Слюсарева Н.А. 10, 324
- Соколов В.В. 88, 324

- Ушаков Д.Н. 182, 201, 325
- Фет А.А. 23, 103
- Флоренский, о. П. 17, 19, 131, 149, 325
- Флоровский, прот. Г. 108, 181, 288, 325
- Фрейденаберг О.М. 95, 325
- Хайдеггер М. 16—18, 38, 44, 88, 90, 325
- Хинтиikka Я. 216, 325
- Хорнби (A.S.Hornby) 115, 117
- Цветаева М.И. 76, 80, 126, 127, 130, 154, 167, 175, 180, 202, 279
- Цивьян Т.В. 9, 20, 29, 311, 54, 56, 77, 100, 152, 161, 325
- Чаадаев П.Я. 82, 129, 169
- Червенкова И.В. 296, 326
- Чехов А.П. 179, 189, 214, 225, 231, 235, 249, 273
- Чуковский К.И. 214, 273
- Шаляпин Ф.И. 230, 234, 236, 253, 256
- Шатуновский И.Б. 168, 326
- Шекспир В. 74
- Шмелев А.Д. 9, 47, 73, 81, 227, 228, 299, 326
- Шмелева Т.В. 263, 326
- Шушкин В.М. 233
- Шумилина А.Л. 71, 326
- Эйдельман Н.Я. 70
- Эфрон А.С. 202, 273, 279, 280
- Якобсон Р.О. 106, 149, 156, 184, 191, 326
- Яковлева Е.С. 204, 211, 326
- Солженицын А.И. 40, 110, 121, 146, 147, 149, 163, 164, 184, 292, 314
- Соловьев В.С. 21, 24, 50, 57, 111, 126, 127, 145, 156, 159, 179, 324
- Сологуб Федор 46, 58, 62, 184
- Степанов Ю.С. 12, 19, 20, 74, 75, 139, 236, 324
- Стругацкие А. и Б. 36, 78, 115, 226, 234, 235, 237, 245, 254, 257, 259, 264, 314
- Сэпир Э. 324
- Телия В.Н. 9, 324
- Тодоров (Tz.Todorov) 83, 85
- Толстая С.М. 9, 100, 324
- Толстой А.К. 144
- Толстой Л.Н. 18, 80, 107
- Толстой Н.И. 9, 324
- Топоров В.Н. 9, 16, 19, 20, 29, 38, 39, 95, 97, 325
- Топорова Т.В. 12, 325
- Трифонов Ю.В. 221, 224, 226, 229, 231, 233, 238
- Трубников Н.Н. 100, 325
- Тургенев И.С. 177, 189, 231, 246, 273
- Тынянов Ю.Н. 198, 215, 216, 217, 224, 225, 230, 233, 245, 252, 259, 279
- Тютчев Ф.И. 55, 67, 77, 78, 111, 134, 137, 141, 144, 148, 150, 175
- Уитроу Дж. 88, 325
- Успенский Б.А. 49, 77, 96, 97, 99, 107, 148, 153, 158, 173, 174, 176, 184, 190, 276, 280

Язык. Семиотика. Культура.

Екатерина Сергеевна Яковлева
ФРАГМЕНТЫ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА
(модели пространства, времени и восприятия)

Издатель *А. КОШЕЛЕВ*

Художник *В. КОРШУНОВ*

Подготовка
текста *М. КОЗЛОВ*
Е. ЯКОВЛЕВА

Оформление
оригинал-макета *М. КОЗЛОВ,*
А. КОШЕЛЕВ

Издательство "Гнозис"
119847, Москва, Зубовский бульвар, 17.
Тел. (095) 246-56-32
Реализация: магазин "Эйдос"
тел.: 201-2608

Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная № 1,
печать офсетная, гарнитура Школьная.
Усл.печ.л. 21,5. Заказ № 166.
Тираж 3 000 экз. Первый завод.
Цена договорная.